

"Тайяна. Вырваться на свободу (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Галина Гончарова

Тайяна. Вырваться на свободу

— Никогда не знаешь, где попадешь в волчью яму.

Девушка, пробормотавшая эти слова, отошла от зеркала, недовольно осмотрела свою комнату, еще раз передернула плечами.

Ее не устраивало — всё.

Дом, родные, жених, друзья — и на то были серьезные причины. А потому она собиралась разорвать паутину одним движением.

То есть — сбежать.

Тайяна э'Лесс Риккэр терпеть не могла подобный способ решения проблем, но ее не покидало чувство, что оставшись в Лесу — она проиграет. Или смирится, что в ее ситуации одно и то же. Покорится, забудет обо всем, станет послушной маленькой женушкой, которая нужна Тару. Не сразу, нет. Но рано или поздно ее сломают, как молодое деревце.

А этой судьбы нархи — ро для себя не хотела.

Она понимала, что рано или поздно все выходят замуж, рожают детей, воспитывают их, но... не так же!? Это ведь на всю жизнь! А связывать свою жизнь с Шетараном д'Весс Караем ей решительно не хотелось.

Не тот нархи — ро, не то, не так... выйти за него замуж казалось Яне таким же правильным, как сломать себе крылья!

Скрипнула дверь комнаты. Тайяна зло посмотрела на нее.

— Да?

— Тай, ты не хочешь пойти искупаться?

Марисса э'Нарш Ташшер смотрела лукаво — и девушка чуть оттаяла. Да и можно ли было сердиться на эту умильную лисичку? Своими рыжими локонами, желтыми глазами и остреньким носиком, девушка как нельзя более походила на эту лесную плутовку.

— Сейчас, возьму с собой тунику...

— Пойдем! Такой денек чудесный!

И верно, на дворе стоял месяц Сизого голубя, вот — вот должен был начаться месяц Золотой березы, солнышко пекло так, как и летом не всегда бывает, а к тому же купаться можно было и в горячих источниках. Чудесное место!

Круглые озера с прозрачной голубой водой, белый песочек, горячие ключи — много тайн хранит Шадальский лес. Но главная его тайна — нархи — ро.

Раса Крылатых Хранителей Леса.

Тайяна прихватила тунику и полотенце и направилась вслед за подругой. Мать, вышивавшая в

гостиной, проводила их одобрителем взглядом.

Хорошая девочка Мари, отвлекает подругу — вот пусть Тай развлечется. Не так уж и много осталось до свадьбы...

На озере девушки быстро разделались, набросили на себя короткие купальные туники — и нырнули в воду. Какое-то время они плавали, смеялись и дурачились, пытаясь притопить друг друга, потом выбрались из воды и лениво вытянулись на песке.

— Хорошо...

Тай лежала на спине и смотрела в небо. Это она всегда любила. Лежишь в лесу, смотришь — и кажется, что высокие верхушки деревьев плывут над тобой, и облака плывут, и ты сама плывешь вместе с ними, и солнышко ласково гладит лицо, и хорошо так, как не бывает в жизни. Словно ты взлетела в небо.

Но это невозможно.

Крылатые Хранители Леса не умели летать.

— Тай, ты чего молчишь? — не дождавшись ответа, Мари запустила в подругу шишкой. Тайяна вздохнула.

— Задумалась.

— О чем, о свадьбе?

Тай зло зашипела, садясь на песке. Беззаботного настроения как не бывало!

— Мари!

— Ну что — Мари? Между прочим, какой муж тебе достается? Красавец, умница, жрецом после отца станет, крылья у него, говорят, почти развиты...

Ответом ей было злобное шипение.

Мари тоже уселась на песок и принялась вычесывать его из рыжей косы.

— Не понимаю я тебя, Тай. Другая бы на твоём месте...

Тайяна отвернулась, подобрала расческу и тоже принялась распутывать длинные мокрые пряди. Не уследишь — в морские узлы завьются, негодные.

Другая, на её месте... да на здоровье!

Хоть завтра она уступила бы это место любой из девушек нархи — ро! Приплатила бы ещё для верности, да не выйдет! Хотя та же Мари давно поглядывает на Шета...

Это Тайяна — дура! Да ещё какая! Ведь знала же про охотничьи инстинкты, читала, размышляла, а вот с собой и не сопоставила.

Мысли девушки унеслись на год назад. Тогда тоже была весна, и так же она купалась в озере — но одна.

А раз одна — к чему туника? Можно и голышом искупаться, ничего страшного. Нархи — ро чувствуют своих сородичей — и никогда не пойдут к купальне, если она занята.

Не в этот раз.

— Какая красота!

И верно, более неудачного момента Шетаран выбрать для своего появления не мог. Тайяна, уже наплескавшись, выходила из воды, прозрачные капельки сияли бриллиантами на молодом теле, руками она отжимала волосы... что стоило бы сделать девушке?

Завизжать. Прикрыться — или хотя бы попытаться. Поторговаться за свою одежду, которую Шет подгрел к себе поближе ногой.

Тай же...

По некоторым причинам она чувствовала себя в абсолютной безопасности. А потому спокойно выжала волосы до конца и вышла из воды.

Удовольствие?

Желание поиграть глазками, соблазнить и закружить голову?

О, нет! Этого Тай не чувствовала под жадным мужским взглядом. А вот омерзение — да. Брезгливость, злость, досаду...

— Уходи.

Естественно, Шетаран и не подумал ее послушаться. Ну кто же будет слушать девушку в такой ситуации?

— Тай, а я и не думал, что ты такая красотка?

Вот красоткой Тайяна никогда не была, особенно по меркам нархи — ро. Худощавая, но слишком высокая, почти вровень с мужчинами, с длинными волосами цвета дубовой коры, зеленоватыми глазами и смуглой кожей.

Ничего общего с истинной нархи — ро. Белокожей, тоненькой, воздушной, с длинными прядями светлых волос.

— Еще раз повторяю — вон отсюда.

Тайяна почти рычала, верхняя губа поползла вверх, оскалив зубы, глаза нехорошо светились, пальцы собрались в кулаки... Шет, как и следовало ожидать, не принял ее всерьез. И протянул руку.

— Аашшшшаааа...

Почти выдох.

И в следующий миг парня сбила с ног стремительная черная молния, повалила от души по песку — и оказалась здоровущей волчицей с зелеными глазами. Личным домашним животным девушки.

— Держи его, — скомандовала девушка.

Шет пытался что-то сказать, но холодный волчий нос у горла как-то не способствовал разговорчивости.

Тайяна спокойно оделась, вытерла волосы и кивнула волчице.

— Плюнь. Отравишься.

Кто сказал, что у волков нет чувства юмора? К Ааше это точно не относилось. И те несколько копающих движений задними лапами вполне могли сойти за плевков.

Тайяна выбросила этот эпизод из головы через два дня. А вот Шет...

— Девочки, вы позволите присоединиться?

Тайяна едва не застонала в голос. Шетаран!

Да чтоб ты в озере утоп!

— Прошу вас, — Мари расплылась в улыбке, при виде компании из четырех парней нархи — ро, которые стояли на границе песка и леса. Хитрюга понимала, что если Шет, как жених, никому не даст ухаживать за своей невестой, то на ее долю останется три парня. И один из них, Лерой д'Энат Шерасс давно уже нравился рыженькой.

Тайяна резко встала.

— Я вас покидаю. Всего хорошего.

— Тай!

— Неужели? — Шет почти мурлыкал. — что ж, дорогая невеста, я провожу тебя и вернусь.

— Провожать меня не обязательно.

— Но ты же не станешь мне это запрещать? Не так ли?

Тайяна выпрямилась. Зеленые глаза сверкнули.

— сделай одолжение. Если я не могу избавиться от свадьбы, так хоть не мозоль мне глаза до нее.

— Шет, мне кажется, или твоя невеста не в восторге? — поддел его один из приятелей.

— Она просто еще не знает. Какое сокровище ей достается, — попытался отшутиться Шет.

— Знает — знает, половина Леса знает... кто не побрезговал, — медовым голосом пропела Тайяна, набрасывая одежду прямо поверх купальной туники.

Парни заржали, Шет побагровел, Мари закатила глаза, а Тай развернулась и направилась по лесной тропинке. Трава мягко покалывала босые ноги.

Шет схватил ее за руку, когда оставшиеся на озере скрылись за деревьями.

— Тай, постой!

Тайяна фыркнула, тряхнула запястьем.

— Убери лапы!

— Тай, нам надо поговорить.

— В очередной раз? — девушка посмотрела с тоской. Ну вот чего он привязался!? А?! И ведь хорош собой, высок, красив, умен (или хотя бы не полный дурак), может выбрать себе любую девушку — и каждая будет счастлива сплести с ним волосы. Но — нет!

Подавай ему Тайяну!

А за что ей такое счастье?

Пока она тосковала, Шетаран действовал. Дернул Тайяну за руку, прислоняя спиной к одному из деревьев, навис над девушкой.

— Тайяна, это должно прекратиться!

— Я полностью с тобой согласна! Ты разорвешь помолвку?

Мужчина зашипел. Сильные пальцы вцепились в волосы девушки.

— Забудь об этом, Тай. Ты. Станешь. Моей. Женой.

Тайяна изрядно разозлилась. Пнуть его в колено, что ли? Или подождать пару минут? Но голос ее звучал спокойно и даже чуть грустно.

— Шет, пойми, я тебя не люблю. И не полюблю. Наш союз будет обречен на неудачу.

— Полюбишь, — уверенно усмехнулся мужчина, — куда ты денешься.

Болван.

Вслух Тайяна этого не сказала, но злое слово просто сияло из ее глаз. И Шет не выдержал.

Наклонился — и смял в поцелуе нежные розовые губы девушки. Прижался зубами к зубам, скользнул языком в ее рот, стиснул в кулаке волосы так, как давно мечтал...

Ты будешь знать свое место, девчонка!

Вторая рука скользнула ниже, сжала нежную грудь...

Тайяна настолько удивилась, что даже ничего не смогла сделать.

Сначала.

А потом было поздно. Шет оторвался от ее губ, облизнулся...

— Ты сладенькая, Тай. Очень вкусная. Нам будет хорошо вместе.

Рука девушки взметнулась в замахе, но была перехвачена на середине удара. Шет демонстративно поцеловал тонкие пальчики и усмехнулся.

— Сколько не шипи, кошечка, а от меня не убежишь.

Единственное, что смогла сделать девушка — развернуться и направиться по тропинке домой. На ходу сорвала несколько листьев, сунула в рот, пытаясь горечью заглушить мерзкий привкус чужой слюны. Гадость, гадость, гадость!

Тайяна читала книги — и много, но никогда не понимала, почему поцелуям придают такое значение. И сейчас не понимала.

Ей было попросту мерзко.

Шет шел рядом, что-то говорил, а Тайяна все больше убеждалась — свадьбы не будет.

Лучше уж умереть. Хотя нет. Лучше — убить жениха.

* * *

— Тай, ты рано, — мама смотрела заинтересованно. Конечно, она видела, кто проводил ее дочь до дома. Не остались без внимания и припухшие губы девушки, и злое выражение глаз.

— Я бы еще искупалась — Шет помешал.

— Присядь, дочка. Поговорим.

Женщина показала вышиванием на кресло рядом с собой, и Тайяне осталось только подчиниться.

— Почему ты против этой свадьбы? Шет неглуп, красив... я полагала, что за год у вас все и сладится? К тому же он сын одного из жрецов, это немаловажно. Это статус.

— Мам... он мне противен.

Возможно, Тайяна и промолчала бы, не случись того поцелуя. Но произошло ведь! И теперь девушку всю трясло от страха и злости, и это все требовало выплеснуться! Да хоть бы и матери рассказать, хотя особой душевной близости между ними отродясь не было!

Слишком любила книги Тайяна, слишком любила себя ее мать. Но...

— Меня трясет от него! Он мерзкий, гадкий, словно склизень, а сегодня, когда он меня поцеловал, меня чуть вообще не стошнило! Я как представляю, что он ко мне прикасается — в омут головой кинуться тянет! Неужели никак нельзя это отменить!?

— Отец никогда не согласится. И Карай тоже, ты сама понимаешь.

Тайяна беспомощно взмахнула руками.

— Мам, но это просто безумие! Шет положил на меня глаз, а его отцу нужны наши родовые таланты — и вот, я должна платить своей жизнью за чужие амбиции?

— У вас с Шетом будут хорошие дети. Жрецы посчитали, возможно, они даже будут крылатыми.

— Если вообще будут. Меня пока от одной мысли тошнит, — пробормотала Тайяна. — Давайте отсрочим эту свадьбу еще на год? Или три?

— Шет настаивает. И вообще, Тайяна, я не понимаю, чем ты недовольна? У тебя будет молодой и красивый муж...

— Которого большая часть девушек на ощупь знает.

— Не перебивай! Зато опытен. Женится-то он не на них, на тебе. Ты сегодня с ним целовалась, разве не понравилось?

— Нет!

— Это ты просто не созрела. А так с опытным мужчиной сплести волосы* — одно удовольствие.

* нархи — ро, и мужчины, и женщины, носят длинные волосы, а на церемонии брака жрец сплетает из них косу, как бы давая понять, что отныне эти двое неразделимы. Как правило, коса остается до брачной ночи, а то и дольше, отсюда и выражение. Прим. авт.

— Да неужели?

— Я тоже боялась перед свадьбой. Но твой отец меня переубедил.

— А ты питала к нему отвращение еще до свадьбы, как я к Шету?

— Нет. Мы даже до свадьбы и не виделись. Ты же знаешь, я из восточного поселения, а он из южного.

— Тебе повезло. А мне — нет, — печально заключила Тайяна. — Мам, я с ума сойду! Это просто невозможно!

— Все возможно, — по губам женщины скользнула улыбка. — Знаешь, ты мне сейчас напомнила мою младшую сестру, Таалейн. Она тоже так говорила, а потом вышла замуж — и куда что делось? Такая серьезная нархи — ро стала, что жрецы не нахвалятся, а муж не нарадуется. Может, тебе к ней съездить? Поговорить?

Тайяна думала недолго. После сегодняшнего, даже восточное поселение казалось ей неплохим выходом.

— А и правда... Отец меня отпустит?

— Я поговорю с ним.

— Я бы завтра и съездила.

— Аашу возьмешь?

— Дней за десять обернусь, туда, да обратно...

— Тебе пойдет на пользу. Отдохнешь, в море искупаешься, рыбки поешь...

Поумнеешь.

Последнее слово мать вслух не произнесла, но Тайяна и так ее понимала. С маминой точки зрения дочь валяла дурака, не желая сделать выгодную партию. Вот и пусть подумает на приволье...

Еще как подумает. Все обдумает, что произошло!

Никому бы девушка не призналась, но ей просто страшновато было выходить на улицу.

Сегодня она впервые поняла, что такое насилие, и опыт ей вовсе не понравился. Она бы отлично обошлась без повторения — и бегство к тетке казалось ей не худшим вариантом. Подумаешь, последний раз она была там крошкой еще семи лет от роду? Съездит и в двадцать два!

Тайяна знала, откуда берутся дети, но на себя это как-то не примеряла.

Не было, не появлялось рядом с ней еще мужчины, на которого хотелось глядеть, хотелось протянуть руку и коснуться, улыбаться и разговаривать. А Шет...

Год назад, когда она натравила на него волчицу, парень начал просто преследовать ее. Но это — естественно. Он, первый парень в Лесу, а какая-то соплюшка — отказывает?! Да еще так унижительно?

Не бывать!

Тайяна мрачно подумала, что уезжать надо было сразу. Или поступить, как большинство девушек. Бегать за Шетом, смотреть восхищенными глазами, томно вздыхать и хлопать ресницами. А она, вот, сразу и не подумала. Глядишь, он бы к этому времени от нее шарахался и дальней опушкой обходил.

А дальше все было быстро и несложно. Собраться — два платья в узел и на спину волчице, чай, не к людям едет, в соседний поселок. Пицца?

Нархи — ро лес кормит. Ягоды Тайяна всегда нашла бы, а то и съедобные корни пожевать можно. Ааша тоже прекрасно охотилась сама. Так что прыгнуть на спину Ааше — и вперед.

Как ездят на волках?

Людям это делать не рекомендуется. Неудобно. Даже учитывая, что волки нархи — ро раза в полтора крупнее обычных и в холке могут доходить до полутора метров — это не лошадь. Седло не наденешь, узда тоже не рекомендуется, про стремяна и шпоры умолчим для ясности. Выход только один — лечь животом на волчью спину и обхватить зверя за шею. Это если волк бежит быстро. Если же планируется обычная прогулка — тут можно и расслабиться, выпрямиться, но все равно — волчья шерсть достаточно скользкая и всегда есть опасность не сохранить равновесие. Мало ли — вот едешь ты на волке, вся такая красивая, в элегантном платьице, а тут — заяц. И следует произвольный рывок хищника за добычей.

Что будет с красотой?

Красоту вытащат. Из кустов, или куда там повезет свалиться. Но торжественность найти уже не удастся. Так что для парадных выездов волки негожи. А вот если надо быстро перемещаться по лесу, или воевать...

Нархи — ро давно не воюют, но границы Леса патрулируют именно на волках. Это и друг, и защитник, и оружие. Клыки, когти, которыми волк тоже не брезгует, преданность другу — не хозяину, нет. Хозяев у волков не бывает, и потому их сложно приучить и приручить. Но если ты достоин...

У Шета, кстати, своего волка не было. А Тайяна давным — давно пришла в питомник, чтобы взять себе волка — и попала в лапы Ааши. Мелкая тогда еще двухмесячная угольно — черная волчица сама выбрала себе хозяйку. Сама подошла, ткнулась носом в колени и уселась рядом. Мол, не уйду. Бери теперь.

От такого предложения в Лесу не отказываются, так что Тайяна взяла малышку из питомника домой, выкармливала из соски, гладила, любила, учила — и сама не заметила, как Ааша стала ее частью. Может, даже и лучшей.

Родители не возражали и даже были довольны. Волки не всех выбирали, а у них вот какая дочь растет! Завидная невеста.

Для Шета...

Подумав об этом, Тайяна так зарычала, что даже Ааша дернула ухом. Мол, ты чего, хозяйка? Подумаешь, волк негодный попался? Так давай его загрызем? Или хотя бы больно покусаем?

Тайяна и покусала бы, да подозревала, что толку не будет.

А смириться не было сил.

* * *

Тетка приняла ее спокойно. Тайяна смотрела на нархи — ро и думала, что это — страшно. Такое концентрированное равнодушие в красивой обертке. Невысокая, стройная, изящная, с идеально уложенными локонами, в тщательно подобранном платье, а в глазах — пустота. Словно она океаном отгородилась от всего происходящего.

Тайяна смотрела — и не понимала, почему этого никто не видит?

Ни ее муж, ни дети, ни окружающие, или просто перемены совершались не в один день — и оказались привычны и незаметны? Когда в день падает по листку с дерева — никто не удивится, но всем так странно обнаружить деревья голыми пред зимой!

Таалейн э'Висс Шерран отвела племяннице небольшую комнату под крышей дома, Тайяна поблагодарила — и в первую же ночь сбежала в стойло к Ааше. С волчицей было как-то спокойнее.

Второй день прошел, как и первый. Тайяна наблюдала.

За Таалейн, за ее жизнью — и не понимала. Почему мама говорила, что ее сестра была бунтаркой? Разве могла она гореть?

Разве было у нее то же, что и у самой Тайяны? Когда в груди шевелятся обжигающие язычки пламени, горят, зовут, тревожат, не дают ни спать, ни есть, ни жить спокойно, ни соглашаться с выбором старших, требуют чего-то... чего?!

Тайяна не понимала — и оттого чувствовала себя вдвойне неприкаянной. А единственной, кому можно было пожаловаться, оставалась Ааша. Волчица сочувственно молчала, время от времени вылизывая щеку подруги.

Что тут скажешь?

Волки мудрее, у них право на самку получает самый сильный. А не тот, у кого папа — жрец.

Вот у Ааши ее и обнаружила тетка.

— Извольте объясниться, нари* Риккэр.

*- официальное обращение к нархи — ро среди своих. Мужчина — нар, девушка — нари, замужняя женщина — нара, прим. авт.

Тайяна пожала плечами.

— Мне стало тоскливо, и я сбежала к Ааше.

— Третий раз?

— Да.

— и ты ни с кем здесь не встречаешься?

Глаза тетки были подозрительными настолько, что Тайяна даже чуть оскорбилась.

— Интересно, с кем бы? Я тут уж лет двадцать не была! И свадьба у меня скоро...

Непроизвольно, в голосе ее прозвучало такое отвращение, что Таалейн чуть сдвинула брови.

— Ты не рада этому?

— Чему тут радоваться? Подходящая невеста для породистого жениха — и только-то. Приглянись ему другая — я бы в благодарность весь Лес пешком обошла!

Таалейн хмыкнула. Ночь словно бы сорвала с нее маску, сделав женщину моложе, уязвимее и — непокорнее? Живее?

Тайяна не могла сказать точно, в чем заключается различие, но если днем перед ней была идеальная нархи — ро, то сейчас... маска, ставшая лицом, чуть треснула под лучами лунного света — и наружу медленно выбиралась отвратительная бабочка тоски и страдания.

— Я тоже не хотела выходить замуж. Когда-то я любила другого.

— Он не любил?

— Он говорил, что любит. Мы уговорились бежать вместе и просить Благословения Леса, но он струсил. Придя на то место, где мы должны были встретиться, я обнаружила своего жениха. Меня выпороли и заперли дома до свадьбы. А потом пришел он. И сказал, что наши чувства были ошибкой. Что мы сами все себе придумали, что старшие лучше знают — и только если слушаться их, к нашему народу вернутся крылья. Я оказалась не нужна. Сбежать не получилось, муж позаботился о том, чтобы я сразу понесла — и я смирилась. Что мне еще оставалось делать?

Тайяна слушала — и живо представляла себе это. Сначала гнев, отчаяние, злость — потом безвыходность, равнодушие и покорность.

Таалейн действительно не была такой всегда.

Ее сломали.

А самое печальное — это может произойти и с Тайяной. Какая нархи — ро разница? Одну девчонку ломать, другую, третью... главное, чтобы все было, как заповедано от предков. И в перспективе потомки когда-нибудь обрели крылья.

Тайяне это не нравилось.

Таалейн наблюдала за ней с легкой насмешкой.

— Противно? А деться-то и некуда.

— А убежать?

— Куда ты сбежишь из леса?

И вот тут Тайяна задумалась всерьез. А и правда — куда? Шадальский лес... на юго — востоке у него Къянт, на западе — ядовитое болото, на севере Разлом и море. И куда бежать?

Болото она не перейдет, там такие твари водятся, что меньше, чем вчетвером и соваться не стоит. Сожрут — и косточек не останется.

В Разлом?

Хм — м...

Разлом — это не самое лучшее место для человека. Для нархи — ро тем более. Откуда он взялся?

Жили — были в мире Амальдеи листэрр. Странные и очень могущественные существа.

Нархи — ро знают, что когда-то листэрр стали слишком сильны, так, что ткань миров начала рваться под их ногами — и им пришлось уйти. Разлом — это дверь, которую они открыли для себя.

И по сей день люди рискуют спускаться в Разлом, ради богатой добычи, но где они выйдут? Когда? А самое главное — какими?

Что еще остается?

В Къянт не попасть. Там вообще процветает работорговля, а потому границу с Къянтом патрулируют не за страх, а за совесть. Яна верила в свои таланты, но одинокая нархи — ро в Къянте станет добычей. Шет, конечно, гадость и редкостная, но быть рабыней? Шило на мыло поменять?

И что остается?

Море?

Топиться тоже не хочется. Как и любая нархи — ро, Тайяна не доверяла морю. Как ему вообще можно верить? Море коварно и жестоко, из него приходят бури и смерчи, исконные враги Леса, там нет ни пищи, ни воды для нархи — ро...

Что же делать, что делать...

— Бежать-то и некуда, — резюмировала Тайяна.

Таалейн пожала плечами.

— Тогда возвращайся и смирись. Я же смогла, может, и ты станешь со временем такой же, как я.

А вот этого Тайяне не хотелось.

Она выпрямилась, посмотрела на тетку.

— Я подумаю. Еще день у меня есть, а потом... либо Разлом, либо море.

— Безумная.

Тайяна пожала плечами.

Да хоть какая, а жить-то хочется... и не замужем за идиотом Шетом.

Не бывает безвыходных ситуаций, бывают двери, которые она не видит!

Она подумает.

* * *

Следующий день Тайяна посветила валянию на песке и общению с Аашей.

— Бежать — или не бежать? Это не вопрос. Бежать, определенно. Даже если и поймают — хотя бы попытаться. Но бежать надо так, чтобы меня не поймали.

Волчица согласно дернула ушами. Она тоже так считала. Если это не самец — то бежать надо хорошо. Далеко, быстро...

— То есть — надо бежать в двух различных направлениях. А лучше — в трех. Чтобы верили, что я ушла в Разлом — это первое. Или чтобы решили, что я сошла с ума и собралась пробираться к границе с Кьянтом? Хотя нет, второе не подойдет. Чтобы попасть в Кьянт, мне надо будет пройти через весь Лес, в такую глупость никто не поверит. Значит, остается Разлом.

Болота?

Болота тоже не подойдут, туда мы ходим. Там наши патрули. А вот Разлом... особенно если тетушка мне поможет.

Оставим с тобой следы, ведущие к Разлому, а сами...

А сама я...

Тайяне безумно не нравилась ее идея, но это было единственным выходом.

— Я запасусь пищей и водой на несколько дней — и попробуй пройти по морю. Я помню карту. Вот, смотри, Ааша. Разлом. А потом — Интар. Если пройти морем вдоль Разлома, вдоль берега, может быть, у меня и есть шансы. Но сколько это по времени? Дней десять? Больше? Сколько с собой брать пищи и воды? И главное — на чем плыть?

Лодки у нас, в Лесу непопулярны. Сколотить плот? Из чего? И сколько времени это займет?

Или так, на бревнышке?

Очень смешно.

Какие еще есть варианты?

Я точно знаю, что есть контрабандисты, есть пираты, есть ловцы водорослей и жемчужниц. Но публика эта своеобразная и галантности к одинокой девушке она не проявит. Да, Ааша, и даже если ты будешь со мной — все равно не проявит. Стрелам все равно, в кого втыкаться.

Сбежать — полбеды, главное ни во что при этом не вляпаться.

А еще надо будет на что-то жить... на что? Людских денег у меня нет, это только у старейшин. Какие-то драгоценности?

Откуда я их возьму? С металлами у нас бедновато, с драгоценностями тоже. Вряд ли люди оценят ягоды вайхи, или цветы ревалена, несмотря на всю их красоту. Кстати, а ведь это идея.

Если что — я смогу работать среди людей. Знахаркой, травницей — это мне доступно. Слава Лесу, я не бездельничала, а читала все, что под руку подвернется и училась. Отвары, настои, мази...

Не пропадем.

Но как выбраться?

Вот за этими размышлениями ее и застала Таалейн. Пригляделась к племяннице, вздохнула и присела рядом.

— Ты еще не передумала?

— Нет.

— А надумала что-нибудь?

— Ну.... я так поняла, что единственный выход — море. И к людям.

— И подальше от Леса. Мерлор, Торадор — на твой выбор.

Тайяна кивнула.

— Придется, наверное, связывать плот...

— Не придется.

Таалейн смотрела грустно, но в то же время.

— Нет?

— У тебя будет лодка. И ты поместишься, и твоя зверюга. Она ведь привязанная?

— Да, она без меня уже не сможет.

— Тебе будет легче среди людей, если рядом будет такая волчица. Мало кто решится обидеть.

— Надеюсь. Так откуда лодка?

— У нас есть рыбаки. Как ты думаешь, где держат лодки?

— Я... на пристани?

— Я думаю, что тебе стоит прогуляться. И подумать еще раз. Ты просто не понимаешь, на что хочешь пойти.

— Но я понимаю, куда я хочу пойти. На свободу.

— а что такое свобода, девочка?

— Свобода выбирать свою судьбу.

— а достаточно ли у тебя ума и опыта, чтобы выбрать верно?

Тайяна задумалась.

Что верно, то верно. Недостаточно. Ни первого, ни второго... чем продиктовано ее решение бежать?

Хотя это можно и не спрашивать.

Жадные губы накрывают ее рот, по — хозяйски вторгается чужой скользкий язык, сильные руки шарят по телу, больно сжимают грудь — и подкатывает ощущение беспомощности. Ты — никто и ничто, и сейчас с тобой сделают, что пожелают. А ты — тебя просто нет.

Нет!

Тайяна встряхнулась.

— Я знаю, что поступаю глупо. Наверное. Но и справиться с собой не могу. Если я хотя бы не попробую — я просто умру. Не внешне, нет. Я буду ходить, говорить, рожать детей — и каждую минуту что-то давить в себе. Пока маска не станет лицом. Тетя, я не готова к этому.

— Я тоже не была готова.

Вот сейчас Таалейн казалась живой. Такое отвращение было на ее личике...

— Ты жалеешь, что не попробовала?

— Я жалею, что доверилась ничтожеству. И мне хотелось бы, чтобы у тебя все получилось.

— Я сделаю.

— Знаешь, у пристани всего один охранник на ночь.

— Почему так мало?

— А что удивительного? Мы же нархи — ро. Душа Леса...

Нархи — ро не доверяют морю. Оно коварно, оно опасно, оно враг...

— Бескрылая душа.

Таалейн вздохнула.

Но сказано было верно. Бескрылая душа. Погасшая... и сколько не подбирай пары, а крыльев все нет и нет...

— Прогуляйся... Потом расскажешь.

Так Тайяна и поступила.

И смотрела, долго смотрела на лодки, на нархи — ро, которые рыбачили, на сети, на улов, на то, как ставят лодки у пристани и привязывают на ночь...

Готова ли она?

Нет!

Нельзя быть готовой к такому. Но и остаться нельзя.

— Ааша, мы попробуем?

Волчица согласно прикрыла зеленые глаза. Она не знала, что хочет попробовать ее подруга, но готова была следовать за Тайяной хоть в Разлом, не то, что в море.

Вечером Тайяна сидела — и прикидывала, что ей надо взять с собой. Получалось так, что воду и пищу хотя бы на десять дней. Рыболовные снасти. Весла.

Вот ведь...

Под парусом она ходить не умеет, остается только грести вдоль берега. А сможет ли она?

Тогда надо еще что-то для рук, чтобы не стереть их в кровь. Парус тоже надо взять. Но на сколько ее хватит? Сможет ли она пристать к берегу, хотя бы ненадолго?

Предприятие казалось все более и более безнадежным, но отступить Тайяна не собиралась.

Смерть?

Значит, так тому и быть.

Пальцы зарылись в густой черный мех.

— Простишь ли ты меня, Ааша? Ведь это не только моя шкура, но и твоя...

Ааша смотрела спокойно. Оно была согласна, а в волчьем взгляде переливалась искрами мудрость столетий. Волки — свободная стая и Тайяна ей не хозяйка. Подруга. Она сама выбрала — и сама принимает решение. Но и Ааша выбирала сама. Смерть — так вдвоем.

Надо что-то, чтобы закрыться от солнца. Парус?

Да, возможно.

Ориентироваться можно по солнцу, это несложно.

А вот остальное...

Тайяна понимала, что многое не продумано, что план сырой и трещит по швам, но выбора нет. Скоро ей уезжать — и она должна уехать отсюда, но не приехать — туда. Сможет ли?

Попытается.

* * *

Таалейн смотрела на племянницу. Внимательно, серьезно, злорадно...

Тайяна ничего не замечала, поглощенная мыслями о побеге. А Таалейн думала, что время мести всегда приходит.

Давным — давно ее предала родная сестра. И потом вышла замуж за нархи — ро, которого любила Таалейн.

Сейчас настало ее время платить по счетам.

Таалейн только не знала, что лучше — чтобы Тайяна попалась у лодок, как она в свое время — или чтобы девчонка «успешно» предприняла свою попытку побега?

Что будет больнее для матери?

Смерть ребенка — или позор?

У нее еще есть пара дней, чтобы выбрать.

Мечь ждет долго. Но как же приятен ее аромат, после стольких лет тоски и безнадежности!

* * *

Яна прогуливалась по берегу и обдумывала план.

Лодка должна исчезнуть ночью, во время отлива. То есть на месте она должна быть за час до того. Погрузить пищу и воду, погрузить Аашу — и вперед.

Сможет ли?

Должна.

Девушка уселась на песок, достала из кармана кусок хлеба с мясом и по — честно поделила с волчицей. Ааше две трети мяса и треть хлеба, Тайяне — остальное. Облизнулась и подумала, что неплохо бы напиться. И направилась к роднику.

Где уже набирала воду в два кувшина пожилая нархи — ро.

Набрала, огляделась и ругнулась.

— Вот где этот лентяй!? Вари! Вари!

Бесполезно. Неведомый Вари словно в небо взлетел.

Тайяна напилась из родника, выругала себя за инициативу и посмотрела на женщину.

— Вам помочь?

— А и помоги, коль не в тягость.

— Не в тягость.

Кувшин был тяжелым, но Тайяна умела правильно носить их — на плече, так, чтобы не давило. Женщина посмотрела, как она чуть перегибается в поясице, чтобы сохранить равновесие и кивнула.

— Благодарствую.

— Да не за что.

— я тебя в нашем поселке не видела раньше. Ты кто?

— Тайяна. Я к тете приехала в гости, ненадолго.

— А тетя у нас кто?

— Таалейн.

Нархи — ро гадливо скривилась.

— Понятненько. Ну, пошли...

— Вам она не нравится? — не удержалась Тайяна.

— Ее муж — когда-то моей дочери нравился, — женщина пожала плечами. Осторожно, ибо одно плечо было занято кувшином. — Виаль за ним бегала, а он и не смотрел ни на кого, кроме твоей тетки. И что он в этой гадюке нашел — не понимаю. Но ведь ходил, добивался ее у жрецов, просил, унижался — и получил! Чуть перед свадьбой не сбежала, да с кем! С женихом своей же сестры!

Тайяне на голову плеснула вода из кувшина. Потекла холодными струйками по спине, вслед за ней бодро пробежали мурашки.

— С женихом *своей сестры!*?

Нархи — ро усмехнулась.

— А тебе не сказали? Хотя да, какая ж мать расскажет?

— Но почему тогда мама мне разрешила сюда поехать?

— Вот уж не знаю. Точно знаю, что их было две сестры, Линаара и Таалейн. И старшую еще когда сговорили... но как-то младшая с этим парнем встретилась и влюбилась. Бегала за ним собачонкой, а ему что?

— Удаль парню не в укор.

— Именно. Поиграл, да и только. А женился на другой, с которой и сговорен был. Таалейн же вышла замуж и устроила супругу небо в звездах. Лучше б на Виаль женился, дурачок, глядишь, счастливее был бы.

Произнесено это было так, что Яна на какое-то время замолчала. И чуть неуклюже попробовала перевести разговор на другую тему.

— Море... красиво тут.

— Смотреть на него красиво. А когда задувают зимние ветра, рядом с морем будет плохо. Конечно, тут теплее, тут течение, но морская соль еще никому полезна не была.

— Течение?

Нархи — ро фыркнула.

— А, это все знают, кто в поселке живет. Есть такое.

— И куда оно течет?

— Оно приносит нам тепло, проходит вдоль берегов Леса и дальше, к Къянту.

Тайяна задумалась. О течениях она знала.

— Видимо, сильное...

— Да уж не слабое. В нем часто тонут неосторожные нархи — ро. Так что будешь купаться — далеко от берега не заплывай, сама понимаешь. Унесет — не выберешься. Тетка не сказала?

— Она не думала, что я буду купаться.

Тайяна говорила что-то вежливое, идя вслед за женщиной, а мозг лихорадочно работал и сопоставлял, в нем возникали и отбрасывались десятки вариантов.

Мать лгала?

Или тетка?

Или обе недоговаривали, как это принято у взрослых? По — глупому, просто потому, что это 'не твоего ума дело'? Можно подумать, что возраст им ума прибавил...

Яна донесла кувшин, поставила его на пол и даже еще полчасика посплетничала с милой женщиной. Очень милой.

Та рассказала со смешком, как лет восемь назад пытались сбежать еще два молодых нархи — ро и этих балбесов потом выловили в море, только чуть южнее, потому что они не смогли выбраться из течения. Посплетничала о том, какая удачная рыбная ловля в этом году — всему Лесу на зиму хватило бы, о своем сыне, который обязательно станет жрецом...

Яна слушала и поддакивала, мечтая только об одном — оказаться в тишине и все хорошенько обдумать.

И как только вырвалась от милой дамы, направилась в дюны. Подальше от селения, туда, где никого не могла встретить. Ааша послушно следовала за хозяйкой.

— Охраняй, — приказала Тайяна. — Не подпускай чужих.

Волчица понятливо взъерошила шерсть на затылке.

Сделаем.

А Тайяна принялась рассуждать уже вслух. Так было легче.

— Ааша, получается, что и мать, и тетка мне лгали? Не договаривали? Верю. Мать, скорее всего, не чувствовала за собой вины, она же мужа и не видела никогда. И сестру не выдавала. Да и считала, что все неплохо устроилось. А вот то, что мамин муж... что мой отец поступил подло с влюбленной дурой — это факт. Но это бывает. А вот еще карта? Могла ли тетя не знать о течении? Не верю! Знала. И понимала, что я, не умея управлять лодкой, из него просто не выберусь? Хотела, чтобы меня поймали?

Может быть и так. У лодки, в лодке — или вообще не поймали бы — из течения мы бы не выбрались и погибли в океане. Возможны варианты.

Но вывод-то один? Доверять ей нельзя. А бежать надо. Но как?

Океан — не выход. Хотя сложить все в лодку, отвязать и спихнуть в море... или даже не складывать? Так спихнуть, это быстро, а потом пусть ищут? А самим куда?

В Разлом?

Это смерть. Дольше пары дней там ни одно живое существо не выдержит. Хотя... есть еще и болото. Сможем ли мы пройти по нему? Ааша?

Волчица фыркнула, как бы говоря — спокойно. С моим-то чутьем? Не утонем, не отравимся и не задержимся.

— Но как добраться до болота? Чтобы не привлечь к себе внимания?

Тайяна задумалась, а потом улыбнулась. Весело, искренне...

— Ааша, кажется, у меня есть идея. Оставим им ложные следы? Если мне солгали, так и я солгу! И не задумаюсь! В конце концов, что они могут понять?

Волчица показала в усмешке белые клыки.

Яна посмотрела на нее шальными глазами.

— Знаешь, если из всех путей остается самый невозможный... так я им и воспользуюсь!

Домой к тетушке Тайяна вернулась уже спокойная, как сам Лес. Улыбалась, поцеловала тетушку в щеку и прощбетала, что завтра — послезавтра, наверное, домой пора, там жених ждался. И не сильно удивилась, когда вечером на пороге комнаты возникла Таалейн.

— Ты решилась?

— Вполне. Я знаю, где лодки, где взять воду... завтра днем я уеду. Побуду какое-то время в лесу. А вечером...

— Лодки и Интар?

— разумеется!

— Вот, возьми.

На одеяло улегся мягкий кожаный кошель.

— Что это?

— Тебе, на дорогу.

Яна потянула завязки — можно? Получила в ответ мягкую улыбку и высыпала на одеяло несколько нитей жемчуга. Красивых. Розовая нить, белая, золотистая — жемчужины отборные, крупные.

— Тетя, это слишком дорого. Я не могу это взять.

— А на что ты планируешь жить у людей?

— Заработаю.

— Вот так, сразу?

— не знаю. Но я попробую.

— Бери и не спорь. Может быть, тебе повезет больше.

Тайяна ломалась еще минут пятнадцать, но в уме просчитывала все еще раз. Вряд ли тетушка будет рисковать драгоценностями, которые Тай может выкинуть в воду. То есть — ее будут ловить на берегу. Что ж, украсть лодку не выйдет, остается второй ложный след.

Спасибо за предупреждение, тетушка.

Но не думает ли Тайяна о ней слишком плохо?

Может и так. Но лучше не разочаровываться в нархи — ро. Думать о них хуже, чем есть — и радоваться, когда они оказываются лучше! Жестоко? Да и Лес с ней, с жестокостью. Мягкие и пушистые пусть целуют Шета.

Бээээ...

* * *

Так что на следующий день Тайяна прощалась с теткой, с дядюшкой и с двоюродными родственниками, которых так и не узнала, как следует. Ну и Лес с ними. Пусть будут счастливы, а ей бы выжить.

Тайяна еще раз обменялась многозначительными взглядами с Таалейн и вспрыгнула на спину Ааши. Волчица мерно затрусилась в лес. Сначала — к одному из Деревьев.

Яна не любила жрецов, но признавала, что есть, есть то, чего она понять сама не может. Пусть она глупая девчонка, пусть соплюшка, но где сказано, что высшие силы откликаются лишь на призыв старых и мудрых?

Вот и поляна. Одна из семи в Шадальском Лесу. Небольшая, круглая, с мягкой зеленой травой, поросшая цветами по сезону. Даже зимой здесь цветут подснежники и крокусы. И посреди поляны — дерево. Высокое, мощное, с белой, словно морская пена, корой.

Священное место нархи — ро.

Только обычно сюда приходит со жрецом. Но Тайяна и так собиралась нарушить многое, что ей еще один запрет?

Сегодня не будет ни обрядов, ни ритуалов, только Тайяна — и Лес. Сама его сущность.

Девушка решительно разрезала ладонь и приложила ее к белому стволу.

— Прости меня, Лес. Я хочу попробовать уйти в большой мир. Я не хочу выходить замуж за Шета, жить с ним, как определили жрецы, рожать ему детей. Я плохая дочь, я знаю. Но понимаю — покорюсь сейчас и что-то сломается внутри меня. И это будет смертельно больно. Пойми, пожалуйста.

Но слова сейчас лишь отражение души.

Тайяна открывает свое сознание Лесу, показывает честно все чувства. Свои мечты, надежды, секунды счастья — и боль. Отвращение к насильнику и мечта о чем-то недостижимом. Боль от предательства родных, казалось бы, нархи — ро — и решимость что-то изменить.

Она искренна до невозможности — и Лес откликается ей.

Душу Тайяны заполняют покой и решимость.

Словно кто-то большой гладит ее по голове мягкой ладонью.

Иди, девочка, не бойся. Я с тобой. Все будет хорошо.

И когда Тайяна отстраняется от Дерева, уже начинает смеркаться. На белой коре нет и следа крови. Зажила и рана на ладони. Ааша лениво зевает, лежа среди ромашек.

— Спасибо тебе, — шепчет девушка.

И маленький кусочек коры падает ей в ладонь. Тайяна подносит его к губам — и прячет глубоко — глубоко, в потайной кармашек, у сердца.

Этому подарку нет цены. Кора священного дерева способна на многое, она знает.

А еще понимает и смысл подарка. Ее отпускают, но остаются с ней и в е душе. Куда бы она ни пришла — все равно, крона Вечного Леса пребудет над ее непутевой головой.

Она может вернуться — и Лес примет ее.

Это драгоценный подарок, дороже любого жемчуга.

Но времени больше нет. Тайяна медленно отходит к Ааше, зарывается пальцами в мягкую шерсть.

— Ааша, может, ты останешься здесь? Возможно, я иду на смерть... подумай? Ты можешь жить долго, завести щенков. Я дам тебе свободу. Здесь и сейчас — я могу тебя отпустить...

Холодный волчий нос нетерпеливо тыкает ее под попу.

Хватит болтовни, мелкая! Пора бежать!

Кто сказал, что волка можно связать клятвой? Он сам может быть верным. На глаза Тайяны наворачиваются слезы, но больше она себе ничего не позволяет. Молча вскакивает на спину подруги — и Ааша срывается в стремительный бег.

Туда, куда по своей воле не приблизится ни один нархи — ро.

К Разлому.

* * *

Надо сказать, что сначала Тайяну Разлом просто разочаровал.

В сгустившихся сумерках он больше всего похож на обычный овраг, каких в Лесу немало. Исключение?

На его краях ничего не растет. И дна не видно.

И есть четкая граница между Лесом и Разломом. Словно топором землю разрубили и приказали после этого места ни травинке не расти, ни зверю не забежать, ни даже мухе не залететь.

Тайяна спрыгивает с волчьей спины. Ааше Разлом точно не нравится, что волчица и выражает глухим тихим рычанием, но назад не идет. Стоит и кажется, даже чуть подталкивает девушку носом.

И Тайяна решается.

Делает первый шаг. Второй.

Подошвы сапожек погружаются в нечто, похожее на... пепел?

Да, пепел, пыль...

Тайяне страшно, но, преодолев себя, она делает шаг вперед.

И еще один. И снова вперед.

С Шетом дальше мучиться будешь, — подсказывает разум. Ааша следует за хозяйкой, Тайяна крепко сжимает в кулаке кинжал.

Страшно.

До безумия страшно.

А если бы Тайяна увидела себя со стороны, она бы испугалась еще сильнее. Она-то просто шла вперед. А вот те, кто посмотрел бы на нее со стороны Леса, увидели бы, как ее силуэт размывается, словно с каждым шагом на девушку накидывают новую невидимую вуаль. И еще одну. И еще...

Примерно через десять шагов Тайяна полностью растворяется в мареве Разлома. О том, что здесь кто-то был, напоминают только следы на пепле. Волчьи и человеческие. Но их быстро присыпает пеплом, словно вечерний ветерок в сговоре с беглянкой.

* * *

Если бы Тайяна увидела что происходит сейчас в оставленном ей поселении, она бы похвалила себя за догадливость.

Примерно часов через шесть после ее отъезда, когда сгустились сумерки, Таалейн прошла себе в комнату.

Открыла шкатулку с драгоценностями, положила в нее письмо — и завизжала так, что первым на вопль прилетел муж.

— Лейни?! Что случилось, ты так кричишь!?

Таалейн указала пальцем на шкатулку. Визг, правда, прекратила, но...

— Где? Где мои жемчуга!?

Жемчугов в комнате не обнаружили. И в доме — тоже. Но все объяснило письмо, найденное на кровати у племянницы.

Дорогая тетушка.

Меня, как и вас когда-то, хотят насильно выдать замуж. Но нархи — ро, которого родители желают видеть в качестве моего мужа, вызывает у меня лишь омерзение.

Лучше в море головой, чем сплести с таким волосы.

Передайте моим родителям, что если буду жива — постараюсь дать им весточку.

Если нет — все в воле Леса.

Прощайте.

Тайяна э'Лесс Риккэр

Про жемчуга тут не было сказано ни слова, но Таалейн догадалась.

— Конечно же! Эта поганка их и украла!

— Оставайся дома, дорогая, я к жрецам.

Муж воспользовался случаем — и удрал. Таалейн, оставшись одна, злорадно усмехнулась.

Когда эту соплюшку поймают — жить ей с клеймом воровки, да еще беглянки — неудачницы. На весь век хватит!

А поймать — поймают... куда тут денешься? И жемчуга к ней вернутся. Кто там будет слушать девчонку, кричащую, что драгоценности ей отдали по доброй воле? Бред какой!

Но спустя сутки Таалейн поняла, что жемчуга ей не видать, как своих ушей. Как Тайяна это сделала — неизвестно, но ее не нашли. Лодки все были на месте.

Принялись обшаривать полосу вдоль Разлома — ни следа, ничего. Впрочем, что-то найти и не надеялись. Долго ли держатся следы на пепле? Да до первого ветерка.

Объявили тревогу по Лесу, но Тайяна нигде и никому не попалась.

Словно в воздухе растворилась и по солнечному лучу убежала.

Смерть?

Да, скорее всего, девчонка была мертва. Этот вариант Таалейн тоже устраивал.

А жемчуга жалко...

* * *

Тайяна медленно спускалась вниз.

Страшно?

Да еще как. Сердце колотится, как бешеное, по лбу ползут крупные капли пота, даже слегка подташнивает. Хотя ничего особенно страшного вокруг и не происходит.

Пепел под ногами, сумерки сверху. И все.

Время от времени что-то мелькает, словно скрытое тенями, но не приближается. Ааша рычит, но не так, чтобы сильно, значит, прямой опасности пока нет.

Надо идти вперед. Сначала.

А потом повернуть — и пойти вдоль края Разлома. Долго она здесь задерживаться не будет, пройдет вдоль края — и вернется в Лес.

А как еще можно скрыться от нархи — ро? В Лесу от них тайн нет. Тайяна понимала, что ее найдут в течение дня — двух — и придется выходить замуж.

И вольно же Шету так в нее врезаться! Другого слова и не подберешь! Так бы она еще лет пять пожила спокойно, потом выбрала себе парня по душе... наверное.

Как-то не получалось у Тайяны влюбиться.

Все ее подруги то искали себе парней, то искали способ от них отделаться, крутили романы, влюблялись и страдали из-за разбитых сердец, а Тайяне всегда и все было безразлично. Бабушка говорила — не созрела.

Девушки, они ведь как ягода, каждая — в свой сезон вызревает.

Бабушка... вот уж кого жаль. Но старая нархи — ро еще два года назад отбыла в края Вечнозеленой Роци. Да сомкнется Лес над ее головой, да обретет она крылья в новом рождении.

Может, от нее у Тайяны и появились такие мысли — что можно бежать, пытаться что-то изменить... остальные-то живут и счастливы?

Тайяна шла вперед и вперед, размышляя о том, как несправедливо устроена жизнь.

Кому-то того и надо! Вот, как Мари. А достается — ей. В то время, как у Тайяны совсем другие мечты и желания. Жить бы спокойно, читать книги, обучать волков — и ничего больше не надо.

Может, ее дети и смогут когда-нибудь стать крылатыми, так ведь их не от птицы небесной рожать надо будет. Это постель с Шетом... бэээ...

Лучше уж в Разлом.

Левой — правой, левой — правой. Шаг — другой, третий — десятый.

Куда-нибудь она да придет.

Сумерки сгущались все сильнее. Скоро ночь, а это не слишком хорошо. Тайяна отлично знала, что ночь в лесу — время хищников. А Разлом — кто сказал, что здесь иначе?

Найти бы, где переночевать.

Но пока ничего не подворачивалось. Выйти и переждать вне Разлома?

Тайяна искренне сомневалась, что у нее хватит храбрости вернуться. И что ее не найдут — тоже. Сейчас уже должна подняться суматоха, должны начаться поиски, скоро сообщат родителям. Будут ли те волноваться? Горевать?

Наверное, будут.

Но если она вернется, ее либо выдадут замуж, либо она станет опозорившей Род. И то, и другое Тайяне не нравилось, а значит — вперед.

Пейзаж вокруг медленно менялся.

Появилась трава под ногами, появились редкие кусты, похожие на кабанью щетину. Тайяна подошла к одному из них, коснулась рукой, растерла листок между пальцами.

Он пах странно и пряно. Слово смесь ванили и корицы. И чего-то еще такого странного, островатого и горьковатого. Но приятно.

Тайяна задумалась и решила задержаться на пару минут.

Такое растение было ей неизвестно.

Ей! Нархи ро! Частичке души Леса.

Так что девушка достала небольшой холщовый мешочек и принялась обирать листья. А потом еще и корешок подкопала.

Может, пересадит когда-нибудь?

Рано или поздно она найдет свой дом — и там обязательно будет сад. Хотя бы маленький. Она разведет там лекарственные травы, будет готовить отвары и настои...

И она посадит там эти кустики, почему бы и нет?

Нархи — ро умеют договориться с растениями. Сейчас она споет корешку колыбельную — и тот заснет. А проснется, когда она решит доверить его земле.

Тонкие пальцы погладили кисет.

Спи, и пусть тебе приснятся сладкие сны, спи, чтоб рано или поздно дожждаться весны, спи...

Ааша рыкнула, торопя хозяйку — и Тайяна двинулась вперед.

Равнина сменилась холмистой поверхностью и Тайяна теперь мало что видела. Холмы слева, холмы справа. Когда Ааша рыкнула и вцепилась зубами в ее рукав, девушка дернулась, но тут же доверилась волчице.

— Куда, Ааша?

Волчица уверенно потащила девушку куда-то влево. Тайяна следовала за подругой — и даже не сильно удивилась, когда впереди замаячило нечто вроде строения.

Только пригляделась.

Квадратное, из грубых камней, цвет не разберешь в такой темноте, но вроде как зеленовато — белый? Невысокое, с одним входом... открытым.

И к нему-то и тянула девушку Ааша.

— Ты уверена?

Тайяне совершенно не хотелось лезть невесть куда и неясно зачем. Но...

— думаешь, мы здесь безопасно переночуем?

Волчица тихо рыкнула. Опасностью из строения не пахло — и это было хорошо.

С другой стороны — почему бы и не зайти? Светилочка у нее есть, без света она не останется. А под крышей в Разломе, наверное, безопаснее?

Ааша шагнула первой, не выпуская рукава из зубов. Тайяна последовала за ней, на ходу доставая из сумки светилочку — маленький стеклянный фиал со светлячками внутри.

Зеленоватое тусклое свечение скорее подчеркивало, чем разгоняло мрак, но Тайяне хватало. Она видит, что под ногами, а уж что вокруг....

Стены.

Рисунки — и достаточно интересные. Ссвет выхватывал то вскинутые в прихотливом жесте руки, то большие, нечеловеческие глаза, то клыки, то хвосты...

Листэрр.

Нархи — ро знают о них. Жрецы больше, Тайяна знала меньше. Книги — это хорошо, но мало, так мало.

Древняя раса, которая когда-то жила в мире Амальдеи, а потом стала слишком опасной. Тайяна не знала — чем. То ли возросла их сила, то ли они сделали что-то непростительное, но листэрр пришлось покинуть свою родину.

Так возник Разлом.

По сей день глупые люди ищут сокровища листэрр, не догадываясь, что главное — знания. Змеехвостых не волновало золото, не интересовали алмазы. А вот книги, рукописи...

Тайяна и сама не отказалась бы полистать свитки листэрр. Язык она знала.

А вдруг тут есть что-нибудь такое?

Коридор извивался, как змеиный хвост, то вправо, то влево. Тайяна шла за волчицей, даже не глядя под ноги — Ааша не даст ей влезть в ловушку. Это человек слеп. Нархи — ро сильнее, но с волчьим чутьем ничего не сравнится.

И вот, наконец...

Это была одна большая комната. Тайяна оглядывалась по сторонам. Ааша терлась у ее бедра.

Невысокая зала была семиугольной формы, углы тонули во мраке, роспись по стенам разглядеть было сложно, свет едва рассеивал сумрак.

Но статуя в центре зала была видна четко, несмотря на полумрак.

Тайяна подошла к ней — и замерла в изумлении.

Изумительно точно из прозрачного камня были изваяны две статуи.

Мужчины — их черного полупрозрачного камня — и женщины, из белого. Обе — со змеиными хвостами, обе — явные листэрр. И сделаны так...

Каждую чешуйку видно, каждую морщинку...

Видно, что это изваяно с живых существ. Даже сейчас в этих статуях больше жизни, чем в некоторых нархи — ро. Кажется, еще секунда — и они расцепят руки, расплетут хвосты и соскользнут с невысокого пьедестала. Тот и сделан так... покатый, невысокий — удобно для передвижения змеехвостых.

По обе стороны от пьедестала стоит нечто вроде курильниц. А прямо перед статуями — невысокая и не слишком глубокая чаша.

Тайяна понимала, что пожалеет об этом. Но...

Кремень и огниво словно бы сами прыгнули в руки. Ааша зарычала, но останавливать подругу не стала. Взметнулось облачко голубоватого дыма. Сначала одно, потом другое... статуи... ей — ей, они словно задвигались. Лица стали живыми, яркими, женщина, кажется, даже улыбнулась. Мужчина смотрел строго и сурово, словно спрашивая, что здесь делает женщина чужой расы.

Тайяна поежилась.

Храм?

Да, скорее всего.

Что любят чужие боги?

Уважение. Жертвы. И чаша перед змеелюдьми наверное, для подношений?

Тайяна подумала.

Что можно подарить чужим Богам?

А что у нее вообще есть? Ценного?

Кинжал? Самой пригодится.

Ааша? Друзей не дарят.

Жемчуг Таалейн? Он чужой.

Сорванные с куста листочки? Толку-то...

Кажется, не отвертеться...

Тайяна, удивляясь сама себе, вытащила нож. Вздохнула — и решительно надрезала рууку.

В чашу из странного черно — белого камня закапала кровь.

— Прошу милости. Я просто путница, которая не хочет зла. Позвольте переночевать под вашей крышей, а завтра я пойду дальше.

Алааши, шараассара. Ааши шрайссе...

Слова срываются с губ, скользят в темноту юркими змейками, обвиваются вокруг чаш — и Тайяне кажется, что ее слышат. Но... не злятся?

Словно бы кто-то с любопытством смотрит на явившуюся незваной девицу.

Так что Тайяна кланяется еще раз — и отходит в сторону. Находит себе место в одном из углов, Ааша укладывается прямо на пол, Тайяна сворачивается рядом с ней, накрывается плащом — и засыпает.

Спокойно, как не спала с того давнего дня на озере.

Она уже не видит, как вспыхнув голубоватыми искорками, из чаши исчезает ее кровь.

Она смотрит сон....

* * *

Во сне Тайяна снова видит себя в этом же храме. Только сейчас он ярко освещен, а статуи — они вполне живые. Смотрят весело и с иронией, улыбаются.... как-то не божественно это выглядит.

Но на всякий случай девушка кланяется. Неглубоко, но уважительно.

— Ты кто будешь, крылатая?

Первой заговаривает мужчина. И Тайяна отвечает уважительно, на том же языке листэрр. Так и так, решила уйти из Леса, потому что того, что определили для нее старшие не хотелось, а чего хотелось — непонятно. Может, это и глупо звучит, но... не лгать же?

Женщина — листэрр пристально вглядывается в девушку.

— Неужели он был так противен?

Тайяну вполне искренне передергивает. И женщину это устраивает, как ответ. Видно, что девушка не лжет.

— Чего ты не хочешь — понятно. А чего хочешь?

— Не знаю. Жить своей жизнью? Вряд ли. Я и так была ей довольна. Не знаю... может, найти свою дорогу? Обидно, когда за тебя все решают другие, а ты идешь, как ослик на веревочке...

— Найти свою дорогу? Не худшая просьба, да, ш'аари?

Мужчина и женщина переглядываются. Листэрт улыбаются, показывая немаленькие клыки.

— Да уж. Обычно просят всякую пошлость. Золота, или власти, или любви — и совершенно не понимают, что если чего-то хочешь — надо еще и быть достойным, ну и справиться с полученным. А девочке стоит помочь, да, ш'шаалесс?

— Стоит. Сейчас ее ищут по всему Лесу. Так что попытка найти дорогу кончится дня через два. Как раз она хотела выйти из Разлома и попробовать перейти через болото...

Тайяна даже не удивилась. Это же сон, понятное дело, что листэрт из сна все про нее знают, даже то, чего не знает она сама.

— Может, повернем ей дорогу? Чуть — чуть?

— У нас сейчас не так много сил. Вообще мало, с тех пор, как ушли наши дети...

— Но эта девочка будет нас помнить. И потом, ее дети тоже...

— Если доживет.

— Что мы теряем, ш'шаалесс?

— Ничего. Ты права. Дай мне руку, крылатая.

— Я не...

Тайяна хочет сказать, что у нее нет крыльев, но руку тянет вперед слов. Ибо сказано так, что не послушаться — невозможно.

Мужчина сдвигает брови.

— Вот тебе мои слова, крылатая. Если пройдешь свой путь до конца — сможешь вернуть себе то, что потеряла ваша раса. Завтра ты выйдешь из нашего храма — и пойдешь, куда поведет тебя твоя подруга. Ничего не бойся и не отступай. Все будет хорошо.

— Но бескорыстно мы сейчас помочь не можем, — голос женщины звенит струной и отдается низким рокотом горного потока. — Раз в год ты должна будешь пролить кровь в огонь и вспомнить нас. Обещай! Ты, а потом и твои дети...

Тайяна пожимает плечами.

Если рано или поздно у нее будут дети — почему бы нет?

— Обещаю. Раз в год, в этот день...

— А чтобы ты не забыла....

Руку, там, где она ее надрезала, словно огнем печет. Тайяна наблюдает, как запястье охватывает вязь замысловатой татуировки. Словно змея переплелась с цветами и ветвями.

Красиво...

— Я не забуду.

Мужчина и женщина отступают, возвращаются на свой пьедестал, расплываются в сумерках Храма.

И до самого утра Тайяна спит без сновидений.

Она и не подозревает, что по ее вине сейчас не спят две трети населения Леса.

* * *

ЧП?!

Таких слов в Лесу не знали, а то бы точно согласились!

Да еще какое!

Шок! Скандал! Разрыв реальности!

Жизнь нархи — ро — это Лес. И обычно они счастливы на своем месте. Живут, рожают детей, мечтают о крыльях — и не бегут из родного дома. Тем более — так. Через Разлом!

Это же верная смерть!

Но почему!?

Жрецы взволновались! Говорят, лиха беда начало! Ну так не станет ли это первой бедой? А если все так поведутся бегать от предназначения? Никакого Леса не напасешься! Одна сбежит, вторая...

Ночью с постели были подняты родители Тайяны, как были, в ночных сорочках, встречая гостей.

Весс д'Тараш Каран, один из верховных жрецов, лично явился к ним в дом.

— Лесс, Линаара... не могу сказать вам доброй ночи. Я к вам по очень серьезному поводу.

— Тайяна?

Линаара прижала руку к груди.

— Она сбежала. И по всем признакам — похоже, что в Разлом.

— Лес Великий!

Женщина осела на пол в глубоком обмороке. Следующие десять минут ее просто приводили в чувство. Махали под носом жженными перьями, брызгали водой, наконец Линаара открыла глаза и села.

— Моя дочка! Моя бедная девочка!

— Что подвигло ее на этот шаг?

И вот тут сработал материнский инстинкт. Своего ребенка надо защитить любой ценой, это ведь твое, кровное, родное.

— Ваш сын, Весс.

— Шет? При чем тут он?

— При помолвке, — ядовито сообщила Линаара. Сначала она была ошеломлена, но потом — потом она чуть опомнилась. Тайяна неглупа и во вред себе ничего не сделает. Поэтому надо повернуть дело так, что если ее найдут, она окажется... ну, если и не невиновной, то хотя бы чьей-то жертвой.

Чьей?

А чего далеко искать?

— Да, скоро их свадьба. Но вроде бы молодые были не против?

— Ваш сынок. Тайяну поставили перед фактом.

— Вас, нара, тоже выдали замуж за нархи — ро, которого вы ранее не видели. И ваш союз счастлив. Разве нет?

— Так в том и дело, что я Лесса не видела. А вот Тайяна имела несчастье познакомиться с худшими сторонами вашего сынка.

— Вот как?

Конечно, Тайяна не рассказала ничего матери. Как и многим девочкам в такой ситуации, ей было стыдно. Умом она понимала, что не виновата в насилии, а вот сердцем... стыдом... *а вдруг это я так поступаю, что он может... Вдруг я дала повод?*

Те самые ужасные слова, благодаря которым от возмездия ушел не один насильник.

Но вытащить подробности из ее подруг было несложно. И сложить несколько фактов вместе — тоже. Линаара была неглупа, она видела, что из Шета может получиться неплохой муж. Вот перебесится, перегуляет и будет сидеть на коврике рядом с женой, Тайяна его бы выдрессировала, способности у нее были, а волк там, или муж...

Но раз уж девочка решилась на такой отчаянный поступок...

— Ваш сынок позволил себе лишнее до свадьбы. Настолько лишнее, что это повергло девочку в шок — и она решила бежать хоть куда, лишь бы с ним не встречаться. Сначала — к моей сестре, а там уж... что произошло там — я не знаю. Но уверена, что Тайяна сбежала не просто так.

— Вы видели мою дочь и разговаривали с ней. Она разумна и рассудительна, — вступил Лесс. — Просто так Тайяна не стала бы срываться с места, рискуя своей жизнью. Но если это ваш сынок...

— С Шетараном я сам разберусь.

— Лучше вы, чем я. Не хотелось бы в изгнание.

Намек Весс понял. В изгнание могли отправиться нархи — ро, убившие сородича.

— Я поговорю с ним — и если он виновен, он понесет наказание.

— Это вернет мне дочь? — Линаара сверкала зелеными глазами не хуже пантеры.

— Мы устанавливаем патрулирование на границе с Разломом. Если Тайяна сможет выйти оттуда, конечно же, она вернется в родной дом.

— Если...

— Я мало общался с девочкой. Но надеюсь, что умом она пошла в свою мать — и скоро мы увидим ее.

— Погуляет и вернется?

Линаара верила с трудом.

— Утром я еду к сестре. Пусть Таалейн расскажет мне, что случилось с моей девочкой!

— Я думаю, начать собираться надо сейчас, чтобы мы выехали утром. И попрошу Диль присмотреть за нашими сорванцами.

Линаара кивнула — и жрецу ничего не оставалось, как удалиться.

— Что могло случиться с Тайяной? Она обычно такая рассудительная?

— Поговорим с твоей сестрой — и узнаем.

— Если это Таалейн... я ей крылья вырву!

— Лина, мы хорошо воспитали нашу девочку. Что бы ее ни толкнуло на этот поступок — у меня есть подозрения, что в Разломе только ее следы.

Линаара посмотрела на мужа. Тот улыбнулся.

— Если бы я хотел сбежать — я бы так и поступил, и пока меня будут искать в Разломе, я успею добраться до Болота, а то и перейти его.

— Это тоже смерть.

— Необязательно. С ней наверняка Ааша.

— Да, конечно, — Линаара чуть успокоилась.

Обидеть ее девочку легко. Но обидеть маленькую нархи — ро, рядом с которой стоит волчица, втрое тяжелее хозяйки и намного зубастее? О, это уже другой вопрос.

— Будем надеяться на лучшее.

* * *

Вернувшись домой, Весс без лишних раздумий поднял с постели сына.

— А ну вставай, сопляк!

Шет недовольно уставился на отца — и пришлось немного помочь ему. Стащить на пол за ухо и добавить пинка по задней части.

— Живо встал, оделся и спустился вниз. Не будешь там через три минуты — вернусь с хлыстом.

К чести Шета, угрозу тут принял всерьез — и спустился уже через две минуты. Штаны только наизнанку надел, но это такие мелочи.

— что случилось, отец?

— Это я должен у тебя спросить! Что ты такого натворил, болван!?

— Д — да... вроде ничего?

— Почему от тебя невеста в Разлом сбежала?!

Шет в мгновение ока сделался блее стены.

— Тайяна?! В Разлом!? КАК!?

— А так вот! Почитай!

В пересланной с птицей записочке был и текст письма. Шет пробежал его глазами, посмотрел на отца.

— Но я... я не знаю!? Как!?

И настолько изумленным было его лицо, что Весс поверил — сын... может, он и при чем. Но не осознает этого. С его точки зрения — все хорошо и нормально. Вреда он девчонке не причинял во всяком случае специально.

— Что такого было между тобой и девчонкой, что она вернулась домой вся в истерике и упростила мать отправить ее хоть куда, но лишь бы от тебя подальше?

— Д — да... ничего такого. Ну, потискал ее немного. Поцеловал пару раз. И все.

— Болван! Полено дубовое!

Весс искренне разозлился. Не сильно, но...

— Ты специально искал такую, как Тайяна, чтобы все испортить своей кобелиной похотью?! Сам знаешь, она еще девочка, а ты, своей дурью...

— Да кто ж знал...

— Да ты! Ты должен был знать! Раз уж собрался жениться, так хоть бы приручал девчонку постепенно! А не лапал по углам! В штанах засвербело? Д'Лейн, д'Вайт и д'Карш тебе мало?

Их бы и лапал!

— Но я же тихо...

— И то хорошо. Но девчонка-то сбежала! И что приговорит Совет Жрецов — я не знаю. Сам понимаешь, я один из двенадцати.

— Но почему она пишет, что лучше в море головой, а ты говоришь про Разлом!?

— Девчонка неглупа. Я не удивлюсь, если ее нет ни в море, ни в Разломе.

— А...

— А если она обнаружится в Кьянте или Интаре — буду искренне восхищен. Если будет жива и свободна — тем более. Дурак ты, сынок. Такую девушку упустил!

— Еще не упустил! — прошипел Шет.

В груди молодого нархи — ро разгоралось нехорошее пламя.

Тайяна думает, что от него можно так легко избавиться!? Пусть и не надеется! Он везде ее найдет! Хоть в Разломе... хотя — нет. В Разлом он не полезет, не самоубийца же...

— Мы можем попросить людей, которые с нами торгуют? Она будет очень приметна, нархи — ро, с волчицей...

— Можем.

— и если она где-нибудь объявится, я поеду за ней и верну домой.

— Вот даже как? А если ее десять лет не будет?

— Неважно! Мы долго живем...

— Раньше — дольше. Но я поговорю об этом на Совете Жрецов.

— Поговори, отец. Я не знаю, где совершил ошибку, но нари Риккэр даст мне объяснения. Или горько пожалеет о своем поведении!

— Хвалился кулик, что болотом велик...

— Отец!

— Ты ее любишь?

Шет встретил взгляд отца, не дрогнув.

— Не знаю. Но она мне нужна. Очень нужна.

— Хорошо. Если появится второй шанс... я сделаю все, чтобы он у тебя был.

* * *

Тайяна просыпалась медленно, еще не открывая глаз, потянулась от души, как же давно она

так хорошо не спала. Даже дома.

Дома... ох!

Рядом заворочалась Ааша, ткнулась холодным мокрым носом. Пришлось открывать глаза и возвращаться в реальность.

Храм.

Да, тот самый храм.

Правда, при свете дня (откуда он только тут берется? Окон, вроде и не видно, а светло) он выглядел вовсе не страшным.

Две статуи, чаша — жертвенник, курильницы — уют и спокойствие. Статуи молча смотрят — и кажется, что у них живые глаза. И верно, непонятно, как художник это сделал, но зрачки у обеих статуй из какого-то другого материала, и кажется дышащими, чуть ли не двигающимися...

Тайяна встала, пригладила пальцами волосы и поклонилась по всем правилам. Низко, коснувшись пола пальцами правой руки, как полагается, когда за тобой долг крови.

— Благодарю вас за гостеприимство. Я буду помнить свой сон и свой долг.

И не удержалась. Бросила взгляд на руку.

— Лес Великий!

Сон можно было списать на переутомление. А татуировку на запястье? Изящную змею, обвившую руку?

Но что остается?

Еще раз поклониться — и пойти прочь из храма. Не век же здесь сидеть? Да и по делам нужно...

На выходе из храма она запнулась, но зов природы был сильнее и она поспешила пристроиться под уютным кустиком. И только потом огляделась.

Лес? Кусты, деревья, трава?

Откуда?

Не было ведь его вчера ночью, она бы увидела?

Но теперь — был. Самый обыкновенный, оскверненный людьми, без присутствия Хранителей... людьми!?

Да откуда люди в Разломе?!

Ааша коротко твякнула и дернула хозяйку за рукав, заставляя развернуться.

Храм...

Его уже не было.

А неподалеку светлел небольшой город, построенный, как и большинство городов в Интаре, из белого камня.

— Ой, мама...

* * *

Мама Тайяны тоже была занята. Она сейчас драла за волосы свою сестру.

— Ах ты крысья выползка! Гадюка подзаборная! Жаба паршивая!

Мужчины не вмешивались, чтобы не получить и еще чего посерьезнее. А то если две женщины в раж входят, кому хочешь достанется. Муж там, не муж... сковородка разбирать не будет!

А что вы хотели?

Когда Риккэры появились в доме заботливой тетушки, Таалейн как раз требовала от мужа жемчуга взамен украденных.

Естественно, Линаара возопила, что отродясь ее дочь ничего не крада.

Таалейн ответила в том смысле, что жемчуга-то пропали, Линаара поинтересовалась, где их держала сестрица, узнала, что в шкатулке в столике — и пошло слово за слово. Мол, Тайяна никогда по столам не лазила. А может, в этот раз полезла?

Ага, когда бежать собиралась и каждая минута на счету была. Ты ж при ней жемчуга и не надевала, верно?

Тут Таалейн спорить уже не смогла. Семья бы не поддержала.

И — попалась.

Линаара принялась трясти сестрицу, как грушу, пока не вытащила из нее все сведения о пребывании дочери. И что Тайяна была грустна, и что часто ходила гулять на море, и что — тадаммм!!!! — они с Таалейн часто беседовали.

О чем?

Да Таалейн уговаривала ее смириться с судьбой...

Да как же!

Так Линаара и поверила!

Одно цеплялось за другое, третье — и тут выяснилось и о *втором* письме Тайяны. О том, которое предназначалось ее родителям, и которое спрятала Таалейн.

Линаара прочитала — и без малейших колебаний вцепилась сестренке в волосы.

Лесс поднял листок, прочитал, перебросил его мужу Таалейн — и тот мигом передумал отстаивать жену. Заслужила, чего уж там!

Родные мои!

Мне очень тяжело вам писать сейчас.

Я понимаю, что вы будете волноваться, что вам сейчас больно и тревожно за меня, а я даже успокоить вас не смогу.

Я многое обдумала за эти дни.

Замуж за Шета я не хочу, но останься я в Лесу — и меня никто не спросит. И вас тоже. А этот союз для меня, как сломать себе крылья.

Я не готова.

Посмотрев на тетушку, я понимаю, что не хочу стать такой же, как она. Убившей свои чувства, лицемерной и мстительной. Если я последую ее совету, меня быстро поймут. А потому я пойду своим путем.

Я знаю, куда и как бежать, поверьте, в старых книгах можно найти многое. А папа приохотил меня к чтению...

Со мной Ааша, она защитит меня.

Тетушка подарила мне жемчуг... думаю, она решит обвинить меня в воровстве, но я клянусь, что ничего не крала. Я оставлю ей два письма, одно для нее, второе — для вас и буду молиться Лесу.

Да сомкнется над нашими головами его крона.

Обещаю, я вернусь или постараюсь дать о себе знать.

Я люблю вас.

И братишек тоже поцелуйте.

Тайяна.

Почему Таалейн его не уничтожила?

Сразу не подумала, а потом не успела. Пока истерика, пока утешения, пока... одной ей остаться так и не удалось, а там и сестра приехала.

Линаара утомилась трепать сестрицу за косу, пнула ее от души и отскочила.

— Ладно, хватит с тебя. Пока... ну и стерва же ты, Лейни! Ты зачем девчонку настроила?!

Таалейн сверкнула глазами.

— А лучше как я?! Ты бы так пожила! Каждый день, год за годом, с тем, кого не любишь... хотя куда тебе! Ты же вечно правильная Лина, гордость родителей!

— Завистница. И всегда такой была, — припечатала Линаара. И посмотрела на мужа.

— Поехали домой?

— Да, дорогая, — согласился Лесс, убирая в карман письмо дочери — пригодится.

— А ты, — Линаара обернулась уже к Таалейн, — сходишь и найдешь свои жемчуга! Хоть в отхожем месте, поняла!? Или я тебе остаток волосенок приеду, выдеру!

— Гадюка!

— Шшшшшш!

Линаара чуть высунула язык и сузила глаза так, что зрачки стали похожи на змеиные. Молчи, а то и правда покусая.

И Таалейн умолкла.

Жить ей хотелось больше, чем мстить. Тем более, что она — выиграла! Девчонки-то нет! И будет ли!?

А что воровкой не будет, ну да ладно, это уже так, вишенка на сливках...

Месть свершилась, только почему так тошно?

Она быстро поняла, почему. Стоило закрыться двери, муж повернулся к ней.

— Ты перешла границы, Таалейн. Я надеялся, что за столько лет ты перерастешь свою зависть и жажду мести... зря.

— Только такой дурак как ты мог в это поверить...

У Таалейн все болело, она была зла и устала. А еще внутри была пустота. Странная такая... вроде все сделано правильно? А почему все не так?

— Я действительно дурак. Но я исправлю свои ошибки. Иди в свою комнату и не выходи оттуда.

Таалейн презрительно сплюнула на пол. Отчасти — из презрения, отчасти — Линаара разбила ей губу и вкус крови был неприятен.

Муж молча схватил ее за руку и потащил вверх. Щелкнул замок на двери спальни.

Завтра он подаст жрецам прошение о расторжении брака.

Пригреть гадюку на груди, холить ее, лелеять, любить — и обнаружить, что тебя не укусили просто потому что побрезговали?

Нет уж.

Развод и разъезд!

* * *

Тайяна смотрела на город — и глазам своим не верила. Это она вышла из Разлома?

На другой его стороне?

Суди по тому, что Ааша чувствительно прикусила ей руку — она не спит. Но КАК!?

Ответ был только один.

Храм неизвестных богов листэрр.

Что ж, она благодарна за помощь. Что там от нее требовали?

Раз в год пролить кровь в огонь и вспомнить их? Она сделает, она обещала. Даже чаще. Тайяна знала из книг, что боги живут, пока их помнят. А кто помнит здесь богов листэрр?

О змеехвостых давно остались лишь невнятные предания...

Девушка встряхнулась, одернула куртку и направилась к городу, стараясь выглядеть независимо. Рассуждения — это хорошо. Но!

Надо узнать, что это за город — и убраться отсюда, если что. Если он слишком близко к Разлому.

Лично ее устроит скромное жилье где-нибудь подальше от Леса. Наверняка ее уже начали искать, но пока у Тайяны преимущество. И во времени, и в осведомленности — она использует его на полную!

Ааша рыкнула, намекая, что может, верхом поедешь? Так быстрее? Но Тайяна решила прогуляться. Надо было все хорошенько обдумать. Как себя вести, что говорить, куда идти...

А что тут думать?

Сначала нужны человеческие деньги.

Надо продать жемчуг.

Тайяна представила, как она вытаскивает кисет из кармана и выуживает из него дорогую жемчужную нить...

Ой!

Дурочкой нархи — ро отродясь не была, да и рассказывали им о людских обычаях, и немало. И о том, как люди воруют, и как грабят, и подставляют друг друга...

Пришлось остановиться и вытряхнуть содержимое кисета на траву. Таалейн не поскупилась. Тайяна достала из кисета три жемчужины, снятых с нити, а остальное... хотя странный вопрос — куда! На Аашу!

У каждого волка есть ошейник, за который держится нархи — ро при езде. Ну... не совсем ошейник, скорее, система ремней. И — да, в ней предусмотрен карман, как раз под мордой волка.

Очень хотелось бы посмотреть на тех героев — самоубийц, которые попробуют что-то вытащить из этого кармашка. Обычно волки таким сначала откусывают пару пальцев, а потом, если не доходит — то и руку. Или голову, в зависимости от выучки.

Жемчуг отправился в нагрудный карман.

Тайяна еще раз оглядела себя, хлопала, стряхивая грязь и пыль... ну, ничего так.

За человека ей все равно не сойти — не тот рост. Маленькая, не больше полутора метров, длинные волосы заплетены в косу, из одежды — повязка на голове, закрывающая их, чтобы за ветви не цеплялись, куртка, рубашка, штаны и сапожки.

Прямо сказать — небогатая одежда.

Ну и ладно.

Нархи — ро потрепала волчицу по густой шерсти, велела охранять кисет — и пошла к городу. Она уже видела и серую змейку дороги, и ворота, которые были открыты, острым зрением лесовички различала отблески солнца на шлемах стражников....

Правда, по дороге ей идти не понравилось. Пыльно, грязно, камни под ноги попадают — ф — фу! Пришлось свернуть на обочину. Там, по травке, идти было куда как удобнее. Загрохотала сзади телега.

— Твою Раш в... и... поперек! — произнес мальчишеский голос. — Деда, смотри — волк!

Звук подзатыльника получился звонким.

— Помолчи, олух!

Тайяна обернулась.

Телега из небогатых, это сразу видно. Двое мужчин — старик и мальчишка лет пятнадцати, старик на облучке, мальчишка идет рядом с телегой, лошаденка — по виду чуть ли не ровесница старика... телега гружена хворостом и дровами.

— Здравствуйте, сатро.

Приветствия людей Тайяна тоже знала — книги научат. И поклоны — этот вышел легким, но уважительным.

— И тебе здоровычка, коль не шутишь, — отозвался старик после минуты молчания. Глаза у него были серо — зеленые, хитрые и умные. — Далеко ли путь держите, кана?

— А вот в город и иду. Не подскажете ли, как он называется?

— Что ж не подсказать, кана. Линдар, вот как его имечко.

— Благодарствую, сатро.

— А вы, никак, из нархи — ро будете?

— Буду, сатро, — разулыбалась Тайяна.

— А имечко ваше как, кана?

— Тайяна э' Лесс Риккэр.

— Ишь ты, вы не из высокородных ли будете? Уж больно имя-то сложное?

— Да нет, — Тайяна пожала плечами. — меня зовут Тайяна. Я дочь Лесса из рода Риккэр. По вашему — летописцев, книгоцеев, ученых...

— вот оно как... А я сатро Вейш, можно просто деда Вейш. И внучок мой, Каним. Он еще до сатро не дорос.

— Очень приятно, сатро.

Тайяна решила быть вежливой — так, на всякий случай. Она уже видела, что эти двое не настроены причинять ей зло. Скорее, наоборот, им любопытно, им еще долго плестись до города и они не прочь поболтать. Тем более, что лошаденка у них старенькая, она уже и на волка не реагирует. В ее возрасте волчи зубы — это скорее избавление.

— А к нам какими ж судьбами, кана?

— А интересно стало, что за люди такие, как живут, о чем поют....

Получилось и достаточно вежливо — и доходчиво. Старик усмехнулся.

— Неужто у вас, в Лесу, хуже? Говорят, там реки медом да молоком текут, а на деревьях булки сами вырастают?

Тайяна от души рассмеялась.

— Вот сколь ни жила, а не видела. Ни таких рек, ни булок... Зерно у людей покупаем, правда, муку сами делать любим, с лесными травами, скотинку водим, как и вы, рыбачим...

— А охотитесь? — встрял внук.

— Нет. Кого так разводим, тех же зайцев, оленей. Кого приходится иногда убивать. Но не охотиться. Я знаю, вы люди, иногда для забавы, да?

— Есть такое, кана.

Тайяна поравнялась с телегой и теперь шла по травке с другой стороны дороги.

— А мы не понимаем, как можно убивать для развлечения. Для еды, ради одежды — да. Но не чтобы причинить боль другому. Вот моя подруга, Ааша, — волчица, услышав свое имя, зевнула, показав острые клыки, — ей тоже больно. У нее так же идет кровь, она так же умеет любить и страдать, как и я. Разве можно.... ради забавы?!

— наверное нельзя, милая кана, — вздохнул старик. — Только кого это сейчас волнует?

— Но... как же!?

Договорить помешал свист плети.

— Эй, ты! А ну уберись с дороги!

Тайяна обернулась.

Их нагнала небольшая компания. Четверо человек, все на конях, богато разодетые, одежда аж блестит от шитья, кони гарцуют... разве такие пройдут мимо скромной телеги? Двое крестьян, да и Тайяна не производили впечатления богачей, а Ааша? Заметить волка, если он сам того не хочет — сложно. Природа у них такая...

— Я кому сказал, дед! — заорал самый наглый, верхом на рыжем коне и с плеткой в руках. — А

ну сворачивая на обочину, дай нам проехать! Расставился тут и едва ползет!

Тайяна поняла бы, если бы телега и правда мешала. Но дорога-то была широкая, утоптанная, пусть не на две телеги, но на полторы — точно. Могли бы и объехать.

— А что вам — места мало? — осведомилась она.

Плеть коротко свистнула.

Тайяна даже не ожидала, что ее попробуют ударить, потому и защититься не успела.

Ну так то — девушка.

А вот волчица такими сложными категориями не мыслила. Замах Ааша распознала еще до того, как плеть взвилась в воздух над головой нахала — и из травы почти взлетело гибкое черное тело, перехватив на лету кожаный ремень.

Чудо?

Да ничего чудесного, волки вообще в высоту прыгают чуть ли не на два метра, Ааша и Тайяну спокойно перепрыгивала на тренировках.

Немая сцена продлилась ровно секунду. Одну.

Потому умные лошади поняли, что это — ВОЛК! И, не обращая внимания на хозяев, взяли такой старт с места, что пыль взвилась столбом. Правда, бежали они не к городу, а кто назад, кто в лес, ну так это же мелочи? Зато целы... и даже хозяева целы, хотя один от шока из седла и выпал.

Тот самый, который замахивался.

Тайяна обошла его кругом, оглядела.

Сопляк типичный, такие везде одинаковы, хоть среди нархи — ро, хоть среди людей. Шет на него похож, кстати, чем-то неуловимым. Может, этим вечным 'хочу' в глубине глаз?

Рядом возникла Ааша, сплюнула на траву остатки плети, еще и поглядела с упреком. И — зевнула. Показав все сорок два зуба, а особенно четыре клыка, каждый чуть ли не в мизинец длиной.

Тайяна поглядела на юнца, который только начал приходить в себя, на старика, на мальчишку, который восторженно пялился то на волчицу, то на девушку...

— Это нормально — плетью махать?

Ответ читался на лице старика.

Не нормально. Но кто там будет разбираться из-за какого-то крестьянина?

— Это ж благородный лойрио...

Ааша подумала — и смачно лизнула благородного прямо в лицо. Чтобы насладился 'свежим' ароматом волчьей пасти. Парень взвизгнул, заскулил и из-под него начала расползаться лужа.

— Вот благородства я как раз не вижу, — Тайяна сморщила нос. — Пойдемте отсюда? Воняет...

Телега медленно потащилась дальше. Крестьяне-то знали, что от места происшествия лучше убраться, пока не поздно. А Тайяна и не подумала обернуться.

Она не видела злобного взгляда, направленного ей в спину.

* * *

— Лучше бы вам, кана, лишнее время в городе-то не оставаться, — честно предупредил сатро Вейш. Это ж лойрио Варлей был, а он мстительный и шептун. — наткнулся на непонимающий взгляд Тайяны и пояснил подробнее. — Взгальный он да дурной, делает, что его левая пятка захочет.

— А захочет она отомстить мне?

— Вы и сам понимаете, никто с ним так не поступал, раньше-то...

— Сатро Вейш, а для вас не опасно ли?

— Да мы-то что? Деревня серая... все на одно лицо для него, он меня от внука не отличит, а того — от сына старосты.

— Не хотелось бы, чтобы из-за меня у вас неприятности были.

— Не будет. За то не волнуйтесь.

— и все же.... Возьмите на добрую память, сатро?

В ладони девушки сверкнула одна из жемчужин. Крупная, с ноготь, золотистая...

Сатро Вейш шарахнулся так, что чуть с лошади не слетел.

— Да что вы, кана!

— Я понимаю, что это малость...

— Да вы что, кана! На такое я лошадь купить могу!

— Вот и купите, сатро Вейш, не обижайте меня.

Долго уговаривать не пришлось. Сатро хоть и поломался для приличия, но жемчужину принял и спрятал куда-то в штаны, поближе к самому ценному. А заодно намекнул, что относительно честный скупщик (поскольку честных скупщиков не бывает вообще) — некто сатро Ривар. Держит лавку рядом с портом. Там на вывеске как раз три рыбы нарисованы, спросить — каждый покажет.

Тайяна поблагодарила за совет.

Что ж, если жемчуг так дорого стоит — она может продать пару жемчужин, купить себе место на корабле — и завтра, край послезавтра, отплыть в другой город. Подальше от Разлома и от Леса.

Она была уверена, что ее будут искать.

Такой пинок по самолюбию Шета?

В жизни парень того не стерпит, ну так и не надо! Не терпи, женись на другой, а она — она построит свою жизнь сама. Она справится.

* * *

Если бы Тайяна увидела, что происходило на дороге, она бы вдвое заторопилась.

Телега уже успела скрыться за поворотом и даже отсчитать там не один оборот скрипучих колес, когда на дороге опять собрались все четверо молодчиков. Один из них вел под уздцы сбежавшего коня.

При виде друзей — приятелей — прихлебателей, лойрио вскочил и принялся отряхиваться.

— что, бросили меня — и довольны!? Уроды! А если б меня тут сожрали!?

— Варт, прости, но меня лошадь понесла. Пока смирил, — покаянно склонил голову один. Второй закивал, подтверждая, что да лошадь — это великая движущая сила, не остановишь... третий помахал зажатым в руке поводом.

— я твоего коня поймал.

— Дай сюда!

Лойрио запрыгнул в седло и еще витиеватее выругался. Отбитое сидение пульсировало нешуточной болью.

— Что это за тварь?! Циркачка?!

— ты знаешь, Варт, — начал один из прихлебателей после недолгого размышления, — Мне кажется, она не человек.

— Вот как? А кто?

— Нархи — ро. У нее глаза такие, пальцы, опять же, ну и зверье их слушает, как себя.

— Они ж тут раз в год бывают — и то человек по десять!

— Ну а эта вот...

— Беглая? Или преступница?

В голове Варта завертелись мыслишки.

Если девчонка одна, а она должна быть одна, что она иначе делала на дороге в компании крестьян, то она или беглая или преступница... это как раз неважно.

Важно другое — что ее никто не хватится.

А стало быть — мстить и можно и нужно! А то своя же свора, то есть свита, уважать перестанет.

Как мстить будем?

Осторожность настаивала на выстреле из арбалета — быстро и удобно. А главное — безопасно для мстителя.

А вот обида, алчность и мстительность давили на самолюбие. Неужели ей просто так спустить? Сдохнет — и даже не поймет, за что помирает! Обидно ж!

Не — ет, она помучиться должна! А иначе — неинтересно!

Поскольку их было трое против одной — осторожность быстро была повержена, и лойрио принялся прикидывать. А потом и поделился планом.

Схватить девчонку, скрутить, в волчицу выстрелить отравленным болтом, а соплюшку — попользовать всем вместе. А потом — в бордель к мамаше Данго. Там как раз экзотики не хватает!

Опасно?

Да какая опасность! Кто ее там найдет!

Данго — тварь осторожная, абы кому ценную девку подкладывать не будет... а они и удовольствие получают, и деньги. Это ж хорошо!

Надо только узнать, куда эта нархи — ро пошла. А арбалеты найти несложно.

Дождаться темноты — и....

* * *

В город их пропустили за чисто символическую пошлину — крестьян за пару медяков, а с Тайяны и того не взяли. Видно ж, что нархи — ро. Да и волчица рядом не располагала к длительным разговорам. Не стрелять же в нее? И выстрелишь — еще попади?

В районе рынка девушка дружески распрощалась с крестьянами и направилась к лавке сатро Ривара. Дорогу она представляла очень приблизительно, но язык доведет?

Уже и в Разлом завел и в Интар вывел...

Хотя лавка Тайяне не понравилась. Маленькая, грязная, гадкая — иначе и не скажешь. В Лесу такое сожгли бы еще до окончания строительства. Но выбора-то нет?

— Подожди меня здесь, Ааша...

Волчице и самой не хотелось в эту клоаку, но вдруг там обидят ее подругу?

— А если будет шум — ты сразу прибежишь. Просто люди такие странные, — рука Тайяны ласково почесала хищницу за ушами. — Друг друга они не боятся, тебя почему-то... странные...

Девушка решительно перешагнула порог — и закашлялась. В нос ударило потрясающей вонью. Смесь протухшей рыбы, грязных носков, тараканов и просто вековая пыль сплетались в изумительный по своей красоте букет.

— Кхе! Пчхи! ПЧХИ!!!

Только слегка прочихавшись и протерев глаза, Тайяна смогла думать дальше. Огляделась — и

заметила невысокого человечка за стойкой в углу.

— Сатро Ривар?

— Ну, я. С чем пожаловали, кана?

Любезности в его голосе не было ни на медяк. Тайяна вздохнула — и зашагала к нему.

— мне сказали, что вы покупаете.

— Смотря что, кана.

— А я, вот, продаю.

Тайяна подобралась поближе. В полумраке лавчонки видно ее было плохо, но когда она подобралась поближе, торговец охнул.

— Вы, никак, из нархи — ро будете?

— Буду.

— И какими ж судьбами в наш город?

— Шла — и пришла, — вежливо ответила Тайяна. — Так мы разговариваем о товаре, сатро?

— У вас, лесных, хорошие вещички имеются.

— Вполне.

Наверное, на грязной стойке лежали вещи и подороже пары жемчужин. И она привыкла, и ее хозяин... руку Тайяны он смерил равнодушным взглядом.

— Ну... ничего так. Не подделка?

— Вы настолько не разбираетесь в жемчуге? — удивилась Тайяна. — А мне говорили, что вы человек опытный...

Сатро, весьма похожий на крысу, прищурился.

— Дайте-ка сюда...

— Из моих рук, — спокойно оборвала Тайяна.

— вы мне не доверяете?

— Я вас первый раз в жизни вижу. О каком доверии речь?

— А прийти сюда не побоялись?

— так с охраной же, — Тайяна пожала плечами. — Я не одна, меня на улице ждут.

— Вот оно как... ладно. Шесть золотых за ваши побрякушки.

— Сколько?! — искренне удивилась Тайяна. Названная цена даже для одной жемчужины мала

была, это-то она от крестьян узнала.

— Шесть золотых.

— Смешно. Сатро, вы решили балаган открыть?

— и что же вам смешно?

— Да такой жемчуг — еще и парный, стоит никак не меньше тридцати монет золотом. А вы думаете, что раз я из леса вышла, то и цен не знаю?

— тридцать монет золотом? Да вы, кана, с ума сошли! Если всю мою лавку продать — она столько стоит не будет!

— В этом и я не сомневаюсь. Но мы ж не лавку продаем, а жемчуг покупаем. Две ровные жемчужины, одна к одной, знатной даме на серьги...

— Знатные дамы сюда не зайдут.

— Кто-то да зайдет.

— Было б их больше... у вас еще-то нету? Хоть штук пять бы...

Тайяна медленно покачала головой .

Нет. У нее — нет, хоть карманы выверни. И не солгала, кстати. Все у Ааши. Если храбрец найдется — пусть ищет.

— Жалко... было б больше — я куда как выгоднее бы их купил. И продал лучше...

— И эти перепродадите с выгодой. Это у меня времени нет возиться, а у вас оно всяко будет.

— Я и себе что-то оставить должен.

— Ну так и я цену занизила. Но не до пятой части стоимости.

— Хорошо. Десять монет.

— Тридцать две, — пожала плечами Тайяна.

— Ладно, только из уважения к вам — двенадцать.

— Хорошо. Тридцать четыре.

Сатро даже не сразу понял. А потом ахнул.

— Только ж тридцать было.

— А вы предложите разумную цену?

Сатро посопел, но потом смирился.

— Ладно. Двадцать пять монет за обе — и ни монетой больше. Хотите — уходите.

Тайяна пожала плечами. Цена, конечно, была занижена минимум на десять монет золотом,

но... пес с ним! На место на корабле хватит, а там посмотрим.

Сатро принялся выкладывать на прилавок монеты — и был тут же остановлен.

— Са — атро... ну как не стыдно? Давать девушке фальшивое золото!

— Эммм... какое?

— Вот эта и эта монеты, — безошибочно ткнула пальцем Тайяна.

Сатро засопел, но выложил новые.

— И как вы их...

— Секрет, — улыбнулась девушка.

На самом деле, все было намного проще. Нархи — ро — жители Леса. И слух, и зрение у них тоньше человеческого. Если по виду монетки и не отличались, то по звону и звуку, с которым они ложились на столешницу — так уж точно.

Тайяна проверила деньги, сгребла их в карман и вежливо попрощалась. Сатро гордо отвернулся.

Хлопнула дверь.

— Ааша, лапочка моя, ты тут как? Не загрустила? Давай найдем, где перекусить — и вперед. Что-то мне тут неуютно, надо бы поскорее уезжать...

* * *

— Крыс!

— Да, сатро!

Мальчишка, и верно, был похож на крысу. Острый нос, красные глазки с нависшими веками, только хвоста и не хватало для полного счастья.

— Узнай, куда пошла эта девица.

— да, сатро.

— Кто с ней, сколько — все, как обычно. И Одноухого позови.

Отрицание Тайяны не обмануло сатро Ривара. Жемчуг был, и стоил он... даже пять жемчужин можно было продать мало не за сотню золотом. А если их еще больше?

Сатро уверенно собирался отобрать жемчуг у нархи — ро.

А сама девчонка...

А что?

У пристани глубоко, привязать что потяжелее к ногам — только булькнет.

* * *

Тайяна об этом не думала. И о том, что по городу о ней спрашивают четверо лойрио — тоже. Она направлялась к порту. Поест в таверне и поискать корабль. Также — в таверне.

Род Риккэр — это не просто нархи — ро. Это летописцы. Библиотекари, хранители памяти. А люди — людей много, они изменчивы. Куда стекается вся информация от тех нархи — ро, которые общаются с людьми? К жрецам.

И — в библиотеку.

К Лессу из рода Риккэр, еще к пяти десяткам нархи — ро. И к умненькой девочке, которая сидит себе тихонько, как мышка, в уголке, листает книги, разворачивает свитки, читает — чем бы дите не тешилось, лишь бы не плакало. А читать в роду Риккэр детей учили раньше, чем ходить.

Хотя первые два свитка, Тайяна, кажется, съела. Она точно не помнила, ей тогда и года не было, а зубки резались.

Таверна нашлась достаточно быстро — и пахло оттуда неплохо.

— Ааша?

Волчица кивнула, подтверждая, что — да. Можно зайти и не отравиться. И девушка перешагнула порог.

В таверне 'рыба и свинья' пахло довольно вкусно — печеной на углях рыбой. Желудок нархи — ро тут же напомнил о себе длинной переливчатой трелью — и смущенная девушка зашпешила за столик в углу.

Ааша нырнула под стол и привалилась горячим боком к ногам хозяйки.

Пицца! Хорошо! И побольше!

Подавальщица тоже долго себя ждать не заставила. И то сказать, людей особо не было, так, человек пять моряков по разным лавкам, кто пьет, кто спит.

— Чего изволите, сатро?

— Кана, — поправила Тайяна, не обижаясь. А что такого? Худая, тощая, в мальчишеской одежде, косу сразу не увидишь — как есть мальчишка.

— Кана, — поправилась деваха. Тайяна только завистливо вздохнула, глядя на ее 'богатство'. Да уж, кровь со смолой. Иначе и не скажешь. Рослая, статная, такая взглянет, что монетой одарит, а уж если ударит...

— а что есть? Кушать хочется, и мне, и собачке.

— Ну, для каны могу предложить рыбку на углях, картошечка, опять же, вареная, с зеленью, пирожки есть с яблоками. А для собачки... каша, кости...

— Нет. Мясо есть? Абы что она не будет...

— Это дорого станет, кана.

Тайяна осторожно выложила на стол монетку. Накрыла ладошкой, чтобы лишний раз золотом

не блеснуть.

— дороже?

— нет, кана.

Деваха потянулась к монете, но та уже исчезла под рукой нархи — ро.

— Мы ждем? И воды, попить. И мне, и собачке.

— может, вина или сидра?

— чистой воды.

Рыба оказалась чуть пересолена, но картошка — выше всяких похвал. А пирожки были такие, что даже Ааша пару съела, не удержалась, хоть волкам сладкое и не стоило

Так что монета перекочевала девице в руки с полным правом. А когда та принесла сдачу кучкой меди и серебра, Тайяна отделила еще пару серебряшек.

— не присядешь ненадолго, красавица?

— а что ж и не присесть, — деньги исчезла в необъятных глубинах декольте. — Чем еще кане услужить?

— Комнатку бы где снять на пару дней?

— то дело нехитрое. Хоть бы и у моей тетки, на пару дней она кану пустит и дорого не возьмет.

— я с собачкой...

— Видела уж... чуть дороже встанет, но деньги ж для каны не главное?

— нет. Так как?

— я сейчас отпрошусь у хозяина и провожу кану?

— Буду ждать.

Девица вернулась достаточно быстро и поманила Тайяну за собой. Разглядела только на улице и ахнула.

— да вы, кана, никак, нархи — ро?

— есть немного. Так то ж и не беда? — подстроилась под ее говорок Тайяна.

— да в чем же беда? Кто лойрио рождается, кто нархи — ро, знать, боги так решили. А к нам какими судьбами?

— Да дня на два, проездом.

— Так вы дня на два комнатку снять хотите?

— Дней на пять. А там видно будет. Деньги взад я не потребую...

Тайяна и не заметила, что за ней следит похожий на крысу мальчишка. Не было у нее такого навыка. И Ааша внимания не обратила.

Зато Крыс проводил их до небольшого одноэтажного домика с палисадником, запомнил улицу — и побежал обратно к хозяину.

Сатро Ривар выслушал и кивнул.

Хорошо.

Надо сегодня же и навестить соплячку. В конце концов, зачем ей жемчуг? Человеку с опытом и умом, такому, как он, жемчуг пригодится намного больше. А эта дура и цены-то его не знает, одно слово — лесная девка.

Тьфу!

* * *

Тайяна осмотрела комнату.

Чистенькая и удобная, ничего не скажешь. Кровать с горкой подушек, рядом шкаф, стол и стул, на полу лоскутный коврик, большое окно закрывается ставнями. Но это потом.

А сейчас...

Сейчас ей надо прогуляться в порт. Ей нужен корабль. Вдруг повезет?

Она отдала хозяйке пару монет за три дня и, вежливо отказавшись от обеда, ушла. Ааша скользнула тенью за своей хозяйкой.

Порт...

Что это такое?

Причалы, корабли, запах рыбы и гниющих водорослей, вопли купцов и грузчиков, склады и нищие, воры и матросы...

Тайяна не боялась, что ее кто-то обидит. Только не рядом с Аашей. А потому спокойно прогуливалась по причалу, стараясь не попасть под руку какому-нибудь грузчику, и приглядывалась к кораблям.

Разницы она особой не видела. Одни чуть более пузатые, вторые вытянутые, у одних больше парусов, у других меньше, где-то весла торчат, как лапки жуков — во все стороны... как это называется — она даже не представляла. И какой из них ей подойдет, и где спросить...

Как люди тут ориентируются? Ей — ей, в Лесу было легче. Может, плюнуть на корабли и попробовать путешествовать верхом на волке?

Нет, это будет слишком заметно. Корабль ушел — и нет его, и когда он еще сюда придет, особенно если подняться на борт скрытно. А нархи — ро на волчице верхом — такого люди не пропустят. Мигом слухи дойдут до Леса — и здравствуйте, карающие. Докажи потом, что она законов Леса не преступала.

Задумавшись, Тайяна и не заметила...

— Па — аберегись!

Ааша рванула хозяйку за одежду, оттаскивая с пути дубовой бочки, которая неудачно скатилась с корабля. Если бы девушка не отпрянула — точно без ноги бы осталась. Бочке-то что, дуб просто так не уничтожишь. Подпрыгнула пару раз, да и замерла. А вот нархи — ро...

— Цел?! Так что тут вертишься!? — напустился на Тайяну здоровенный грузчик.

Ааша рыкнула. Эт-то еще что за новости? Повышать голос на хозяйку может только она. А остальные могут дрожать, бежать и уважать. И никак иначе.

— ты чего это на девчонку напустился? — второй грузчик оказался рядом. Первый сплюнул на причал.

— Где бабы, там Канд. Ну и...

Выругался и ушел. А Тайяна осталась один на один со вторым парнем. Тот смерил волчицу взглядом, уважительно хмыкнул и внимательнее присмотрелся к Тайяне.

— О как! Нархи — ро?

Да уж, не узнать было сложно.

— Нархи — ро, — согласилась Тайяна. — простите, что помешала, сатро, я на корабли засмотрелась.

— Прикупить кораблик желаете?

— Просто поплавать, — показала зубки девушка.

— И куда ж кане хочется?

— Вдоль берегов Интара, сатро.

— Вот даже как...

Мужчина прищурился, весело улыбнулся.

— А коли я вам, кана, кораблик покажу, так не выйдет ли мне с того благодарности?

Тайяна пригляделась.

Парень был молодым и веселым, с растрепанными русыми волосами и ясными серыми глазами. Грузчик, балагур, весельчак — сразу видно. Этакий первый парень на деревне. И ей помогать взялся не просто так — явно дамский угодник, вот и решил свои силы на нархи — ро попробовать.

— В разумных пределах, — девушка весело улыбнулась. Такие и в Лесу были.

— Например, в пределах чашечки ланти?

— Никогда его не пробовала.

— Так в жизни всегда есть место новому, — подмигнул парень.

И не Тайяне было с этим спорить.

— покажите мне корабль, сатро. А коли подойдет — так мы и о ланти поговорим?

— По рукам, кана. Позвольте вас проводить?

Канд согнул руку в локте, приглашая Тайяну опереться. Девушка вежливо приняла приглашение и зашагала с мужчиной куда-то по причалу.

Куда-то?

К довольно невзрачному кораблю, на борту которого красовалось название 'Морская корова'. Ну, честно говоря, и название, и сам кораблик, не впечатляли. Какой-то он был потрепанный рядом с горделивыми красавцами, оперенными громадами парусов.

Тайяна искренне сморщила нос, но парень покачал головой.

— А вот это вы зря, кана. 'Коровка' хоть и неказиста, да вам не с лица воду пить. Зато ходит вдоль побережья, на купеческих рейсах, тихо — спокойно, спиратами не связывается, чуть что в порты ныряет... вам к чему приключения?

Это верно.

Тайяна обошлась бы без них, но приключения без нее обходиться не собирались.

— А много ей еще стоять?

— Да уж почитай сегодня — завтра отчалит. Загрузка почти полная...

Девушка прищурилась. А ведь и верно...

— А отчего вы ко мне так добры, сатро?

— Да, кана. Успели уже люди вас разочаровать?

Девушка покачала головой. Не повелась.

— Сатро...

— То есть в желание просто помочь красивой девушке вы не верите, кана?

— Красивой, — подчеркнула Тайяна то слово, которое выпадало из ряда. Она-то тут при чем?

— Необычной. Нархи — ро...

— Ах, вот оно что...

Ну да. не красивой. Но необычной. Если парень старается что-то доказать себе — ну да, на меня даже нархи — ро клюнула! Вот я какой, завидуйте!

Смешно?

Да кто б спорил! Но людьми двигают самые странные вещи, это Тайяна знала из летописей.

Так странно было, например, когда король умер, а его жена объявила войну соседям, потому что любовница короля была из той страны. Ну и проиграла, конечно...

Что ей стоило подумать?

Но ревность, злость и месть не давали ей покоя. Люди бывают такими странными...

— Вас можно будет найти там же, сатро? Я поговорю с капитаном — и приду к вам.

Парень пригляделся. Нет, не врет, это видно. Странные они, нархи — ро... что она подумала? О чем? Но...

— Да, мне надо бы вернуться на работу, а то не заплатят за день. Но вы точно придете?

— Обещаю.

* * *

На корабль попасть было несложно. На берег были перекинута две сбитые вместе доски с перекладинами. Тайяна знала, что это называется 'сходни'. Попробовала их ногой.

Крепко.

— Эй, малец, куда прешься?

Да что ж такое, ее так и будут за мальчишку принимать!? Хотя... а что она ожидала? Походные штаны и куртка, повязка на голове, коса внутрь заправлена, да к тому же еще невысокий рост, ну и грудь... не слишком выросла. Если приглядеться — видно, что девушка, ну так это потом.

Тайяне даже обидно стало. Но обида — обидой, а дело важнее.

— День добрый, сатро. А с капитаном я поговорить могу?

— А тебе зачем?

— А то между мной и капитаном.

— А не боишься, что он тебя прикажет за борт выкинуть?

— Не боюсь.

— Ишь ты... ну, проходи. У себя он, в каюте.

Но первой по сходням черной молнией взлетела Ааша. И дружелюбно улыбнулась матросу во все зубы.

— Ой...

Матрос оказался покрепче лойрио, не упал и не описался, но рука его сама потянулась к здоровенному ножу, заткнутому за пояс. А вот это уже лишнее. Ааша же ученая, и достать не даст, и руку перекусит — ни к чему. Потом ей точно на этом кораблике не поплавать.

— Да вы не бойтесь, — Тайяне сходни тоже преградой не оказались. — Это моя волчица, она ручная.

— Волчица? Ох, Раш! Нархи — ро?

— Верно, сатро. Потому и не боялась, что меня за борт выкинут.

Тайяна улыбнулась, разводя руками. Мол, кто ж виноват, что у меня такая неудобная внешность? Но я не в обиде, так что если вы тоже не в обиде...?

Мужчина подумал. Убрал руку от ножа. И кивнул.

— Провожать не буду, тут только уйди — сразу местное ворье налетит.

— Ворье?

— Да вы-то, понятно, их не увидите, они ж не вконец дурные, к вашей зверушке соваться... и как я ее не заметил?

— Она ученая. Скрываться, драться...

— Вот даже как? А учили...

— Не я. Умельцы есть.

Тайяна чуть кривила душой, но и выкладывать всю правду не хотелось.

— Так можно мне...?

— К капитану вон туда. Каюта с красной дверью.

Тайяна решительно зашагала по палубе. А ведь парень, похоже, не соврал. Кораблик хоть и не новый, но чистенький, все медяшки аж горят на солнышке, палуба вымыта до скрипа, опять же, матрос тоже аккуратный, не грязный, вином от него не пахнет, как от многих людей, так, табаком. И видно, что не злой.

Это — видно.

На пиратов вроде как не похоже. Работяги, с обычным рабочим корабликом, такие и нужны. Тайяна остановилась перед дверью, окрашенной в какой-то красно — бурый цвет и постучала.

Раз. Потом еще — погромче.

И еще раз, пока не дождалась рева из-за двери.

— Какого... и... Раш!?

— Можно войти?

Повисло молчание. Тайяна решила, что это знак согласия — и толкнула дверь.

— Доброго дня, сатро.

— тебе чего тут надо, малец?!

Опять — обратно — снова! Тайяна выпрямилась.

— Сатро, вас рекомендовали мне, как уважаемого и достойного доверия капитана корабля. Поэтому я решила потревожить ваш покой. Но если мои действия нарушили ваши планы — я оставлю эту каюту с грустными воспоминаниями.

Сработало.

Капитан взгляделся, потряс головой.

— простите, кана. Не признал.

— походная одежда нархи — ро достаточно проста, но не слишком роскошна, — милостиво согласилась Тайяна. — Вы позволите?

— П — проходите, кана.

Тайяна вошла внутрь. Ну, что сказать? Капитанская каюта роскошью тоже не блистала. Только чистотой — и это было хорошо. А так — простая подвесная койка, стол со стулом, сундук — и шкаф с картами. И все.

— Сатро капитан, мне сказали, что вы скоро отчаливаете?

— Есть такое.

— Пассажиров не берете ли?

— А...

— Я бы хотела уехать из этого города. И готова заплатить за проезд.

— Мы не пассажирское судно.

— Я знаю. Грузовое. Но меня устроят самые простые условия. Койка — и место для Ааши. И пища для нас обеих. Обещаю не доставить вам хлопот.

— Ааши?

— Моя подруга.

Волчица скользнула тенью в каюту. Зевнула.

— Эт-то?!

— Сатро капитан...

Тайяна уже по глазам видела, что откажут. Но это только увеличивало ее желание поехать именно на этом судне. Явно ведь люди порядочные, если так себя ведут, не пираты. Те бы двумя руками ухватились за ее предложение...

Следующие сорок минут прошли в упрощении и торгах. Тайяна изворачивалась, как гадюка, призвав себе на помощь весь накопленный опыт и все, почерпнутое из книг. Она умоляла, упрощала, заклинала капитана всем самым святым, клялась не доставлять хлопот, намекала, что оставляя ее здесь, он чуть ли не на гибель обрекает бедную нархи — ро, сулила деньги...

Капитан сломался на шестой жемчужине. Вздохнул — и принял аванс.

— Сегодня приходите к отливу. Вечером остаток груза довезут — да мы сразу и выйдем.

— К отливу?

— А, да, вы же не местная. Сегодня он за полчаса до полуночи.

— Я буду раньше. Обещаю.

Тайяна так и собиралась поступить. Прогуляться напоследок по городу с парнем, который ей помог, кое — чего прикупить на вырученные у сатро Ривара деньги — и зайти в маленький домик, сказать хозяйке, что завтра комната будет уже свободна. А потом — на корабль.

Чем большее расстояние разделит ее с Лесом, тем спокойнее.

Она будет грустить и тосковать, безусловно! Но оказаться в цепких руках жрецов и липких лапах Шета не желает! Пусть других тискает!

Вот!

* * *

Баб любить не порок, коли ты не пророк.

Поговорка давно прижилась в Интаре, хотя никто и не знал, откуда она пошла. А над Кандом подшучивали частенько, даже постоянно.

Из-за его слабости к женщинам, да и отношения тоже.

Канд любил. Нежно и трепетно, только одну женщину, поклоняясь ей, как богине... хватало его страсти дней на десять. Потом повеса встряхивался и был опять готов к подвигам.

Оказывалось, что богиня не идеальна, или на горизонте показывалась другая, ну и...

— Даже нархи — ро не побрезговал, — подшучивали грузчики.

— Да она на мальчишку похожа, там, авось, и подержаться не за что...

— Страшненькая да невзрачная...

Канд молчал. А чего с дураками спорить? Он только искренне надеялся, что нархи — ро вернется.

— Опа!

Остановился один грузчик.

Второй.

Канд оторвал взгляд от тюка. Ох, Раш!

По причалу шла *она*. Та самая, прекрасная, очаровательная и изящная, словно фарфоровая статуэтка. Тронешь — и улетит.

Ветер играл солнечными лучами, запутывая их в распущенных волосах нархи — ро, она почти скользила по камням, словно те чувствовали себя недостойными и старались сделать так,

чтобы маленькие ножки даже не коснулись их лишней раз.

А фигурка...

Маленькая, но такая...

И верно, Тайяна была высока для нархи — ро, чуть ли не полтора метра, но для людей — девчонка. И сейчас она воспользовалась своими преимуществами.

Нет платья? Его заменят распущенные волосы. Длинные, чуть вьющиеся, окутывающие ее чуть ли не до колен. Распустить косу и расчесать пальцами — дело пары минут.

Сапожки хоть и не так изящны, как туфельки из лепестков лилий, зато и движений не стесняют. И скользящий шаг — это из танцев, этому-то всех девушек нархи — ро учат.

У тебя нет красоты?

Но у тебя есть твое тело! Осанка, движения, походка, манеры — если правильно этим пользоваться, ты будешь королевой всегда. Просто потому что умеешь показать себя.

И Тайяна этим воспользовалась. Судя по ошалелым лицам грузчиков — вполне удачно.

— Канд, я благодарна вам за помощь. Вы сможете составить мне сегодня компанию? Я обещаю, что компенсирую потраченное вами время...

Опять же, голос. Кто-то скажет — и что? Но недаром придуманы истории про змей, которые завораживали своим голосом. Его можно сделать чуть более высоким или низким, добавить теплых ноток — или убрать их, согреть или заморозить. Подобрать нужный аромат, даже вкус... Тебе так много дано! Сумей овладеть этим — и взойдешь на вершину!

Люди в этом отношении то ли ленивы, то ли просто не знают, не понимают своих возможностей, а вот нархи — ро — умеют. И пользуются всюю своими талантами.

Ааша явно не одобряла, но и не ворчала. Должна же у подруги быть какая-то разрядка? Сколько можно ее принимать за самца? Она бы давно кого-нибудь покусала!

Так что Тайяна развлекалась.

Канд сглотнул раз, другой — и шевельнул вмиг пересохшими губами.

— Почту за честь, лайри...

Статус стремительно повысился. Тайяна чуть изогнула бровь, но промолчала. Вместо этого она скользнула к старшему грузчику и вложила ему в руку монетку.

— Спасибо, что отпускаете со мной Канда.

И подхватила парня под руку, не давая опомниться.

Только когда они удалились шагов на сорок, Канд пришел в себя.

— Лайри...

— Кана, — рассмеялась Тайяна, опять меняясь. Быстро подняла руки, собрала волосы в

нескольких местах лентой — все меньше спутаются, улыбнулась. — мне очень хотелось отблагодарить вас, Канд, за вашу доброту. И надеюсь, вы простите меня за такой способ?

Канд, уже пришедший в себя окончательно (Тайяна отбросила притворство и улыбалась весело и без робости), ухмыльнулся в ответ. Простит ли? Ха, да мужики на пену изойдут! За такое представление!

— Да, кана... слов нет!

— Нархи — ро учат. Многому. Вы хотели пригласить меня на чашечку ланти? Куда?

— В леанти 'Звонящая тишина'. Вы составите мне компанию, милая кана?

— о, да. Но угощаю я.

— Я не беден, кана...

— я знаю, — поспешила успокоить чувства парня Тайяна. — Но вы простите нархи — ро этот каприз? Мы, девушки, такие взбалмошные! Давайте вы заплатите за угощение в следующий раз, когда у вас при себе будут деньги?

— Ох!

Канд вдруг обнаружил, что так спешил, что не переоделся. И наряд его составляет кожаная безрукавка на голое тело и такие же кожаные штаны. И это — в леанти! Где и лойрио бывают!

Ох...

Ну и что?

Лойрио много, а нархи — ро на весь город одна! И она сейчас с ним! Вот!

Ланти девушке понравился. До безумия.

Настолько, что она даже не заметила встреченного утром лойрио, который вместе с друзьями проезжал по улице города. А вот он ее заметил.

Но хватать средь бела дня не стал.

Поступил умнее.

— Варт, проследи, где она останется на ночь. Нанесем ей поздний визит?

Парни переглянулись.

Лойрио не собирался спускать обиду, они не хотели упускать развлечение... надо прийти в гости! Обязательно!

О том, что у каны на эту ночь свои планы, никто и не задумался.

Ни лойрио Варлей, ни сатро Ривар. А что?

Главное — это их планы. А остальное... мелочи — и только.

* * *

Придя домой, Тайяна подумала — и просто легла спать. Устала она от общения с людьми так, что лучше б камни ворочала. Вроде и хорошие они, и не злые, но не такие.

У нархи — ро очень важна идея. Лес.

А у людей? Только они сами? Их личный кошелек, дело, семья? И как они живут в такой разобщенности, когда каждый может ударить в спину? Страшно же...

Хотя и у нархи — ро бывает... ох, бывает. Тетку вспомнить...

Вспоминать не хотелось. А потому Тайяна улеглась на кровать, попросила Аашу разбудить ее с закатом — и уснула. Да так крепко, что волчице пришлось даже чуть прикусить девушку за пятку, чтобы добудиться.

Девушка огляделась.

Смеркается?

Годится. Теперь бы съесть что-нибудь — и вперед. На корабль.

Хорошо, что у нее есть Ааша. Одной по человеческому городу ходить было бы страшно. Вот в Лесу — безопасно. Соблюдай несложные правила — и никто, никогда тебя не тронет. А среди людей страшно. Они дикие. И правил не соблюдают.

А потому девушка плотно поужинала, поболтала несколько минут с дружелюбной хозяйкой и ушла к себе в комнату. Выбор стоял — попрощаться и уйти — или оставить письмо. И Тайяна склонялась ко второму. А вдруг корабль уйдет без нее, а она уже распрощалась? Каждый раз новое место жилья искать?

Нет, так не пойдет.

А вот выпрыгнуть в окно ни для нее, ни для Ааши труда не составит. Выпрыгнуть, прикрыть окошко поплотнее — и слиться с опустившейся на город темнотой.

Ее здесь нет. Только кончик косы и мелькнул за углом — и тут же исчез. Померещилось, не иначе.

Лойрио, кстати, за домом не следили. А вот Крыс — сидел в засаде. Но не у окна. У двери.

Окно Тайяны выходило не на фасад, а потому и ее бегства он не заметил. Да и не ждал от женщины. Не пришло ему в голову, что нархи — ро в Лесу выросла, для нее что прыгнуть, что перелезть — это сплошное удовольствие.

Улочки сами ложились под ноги нархи — ро, так что скоро она была в порту. Повезло — по дороге никто не встретился.

На корабле как раз догружали последние тюки. Тайяна легкой ласточкой взбежала на борт и улыбнулась капитану.

— Не передумали, сатро?

— Занимайте каюту, кана. И если я увижу, что ваша зверюга гадит на палубе...

— что вы! Она очень — очень воспитанная! Честное слово, сатро, — заверила Тайяна и потащила Аашу в указанном направлении.

Каюта, которую ей показали еще днем, была размером с клетку для канарейки. В ней аккуратно помещались гамак и сундук. И еще целых три шага до двери оставалось.

Тайяна сгрузила свой заплечный мешок в сундук, расстелила на полу свой плащ для волчицы и потрепала ее за ухом.

— Это временно, подруга.

Судя по взгляду Ааши — волчица бы закончила это время прямо сейчас. Но как тут бросишь хозяйку? На плащ Ааша опускалась с выражением морды, как у святой мученицы. *Смотрите, что мне приходится переносить во имя этих людей!*

Пришлось часа полтора гладить ее, чесать за ухом и уговаривать. Вот доберутся они до... до куда подальше от Леса — и в жизни опять на корабль не полезут. Честно — честно!

Волчица слушала достаточно скептически. Яна ждала. И искренне порадовалась тому моменту, когда загремела якорная цепь, зашумели, разворачиваясь, паруса — и корабль медленно двинулся в открытое море.

А тем временем, в оставленном Тайяной доме...

* * *

Первыми пришли наемники сатро Ривара. У них был более убедительный мотив. Ну что такое месть за оскорбленное достоинство рядом со звонкой монетой?

— Где ее окно?

— С другой стороны.

— ты что — не следил за ним?

— А ты видел, чтобы бабы через окно лазили?

За наглость Крыс получил затрещину, но аргумент был принят. И верно — неудобно как-то, в длинном платье...

Окно приоткрылось, чуть скрипнув. И три тени скользнули внутрь. Мальчишка остался ждать на улице, мало ли что.

На то, чтобы убедиться, что в комнате никого нет, ушло две минуты.

— может, она в другой комнате?

— Может быть...

— Смотреть будем?

— Ривар нам не простит, если вернемся без добычи.

— а если нашумим...

Шуметь никому не хотелось. Наемники отлично понимали, что такого им не простят — и придется удирать из города. Одно дело нархи — ро, которую тут никто не знает. Может, она вообще сама ушла.

Другое дело люди, которые здесь живут. Если поднимется шум — им головы поотрывают. Квартал тут... крепкий, за себя и за соседей постоять умеют.

Так что был вызван Крыс.

Но мальчишка, мотая головой, утверждал, что комната — та! И девчонка — та! И была она здесь, и не выходила. Может, на кухне сидит, жрет. Или сплетничает? Или в нужнике? Кто их знает?

Наемники задумались. Но тут...

Разве благородные лойрио могут не расквитаться с мерзкой нахалкой, которая так бесчестно поступила с ними на дороге? Где это видано — на благородных хищную зверюгу натравливать? Фу!

Тем не менее...

Лойрио Варлей лично в окно полез, не побрезговал, а за ним — и его приятели.

Наемники переглянулись — и метнулись прятаться.

Крыс, как самый мелкий, вообще в кровать юркнул и одеяло по уши натянул. Один из наемников влез под кровать, двое метнулись в шкаф — едва места хватило.

Успели.

В окно с шумом разбуженного бизона, влезали три тени.

— Это точно — та комната?

— Да.

— отлично. Ну что — попалась, сучка?!

Лойрио Варлей сгрел крыса с кровати, пытаясь заткнуть ему рот.

Ага, как же!

Это вам не воспитанная девушка нархи — ро, это мальчишка из трущоб. И орать 'помогите, насилуют!!!' он не стал. А вместо этого полоснул по наглой лапе припрятанным ножом и закономерно упал на пол.

Откатиться в сторону ему не удалось — в одеяле запутался. Но и приятель лойрио, который попытался его схватить, промахнулся. Цапнул одеяло — и замер, глядя на мальчишку. За что и поплатился пинком по ноге.

И — да! Обрушился на пол с таким грохотом, что мог бы перебудить весь дом. А потом еще и быстро вскочил с воплем, поскольку оказался нос к носу с наемником, который прятался под кроватью.

Естественно, дверцы шкафа тоже распахнулись и из них выскочили еще двое наемников.

Мужчины замерли друг против друга, не понимая, что тут происходит. И неизвестно чем бы это закончилось, но конец сомнениям положила хозяйка дома, решительно распахнувшая дверь.

При виде дамы в три обхвата, в одной ночной рубашке и со свечкой в руке, отмерли все. Тем более, что дама набрала в грудь воздуха и по кварталу разнеслось зычное:

— Пааааамагииииитеееее!!! Грабят, убивают, насилуют!!! Караул, пожар, гориинииим!

Наемники заткнули бы негодяйку, но здоровущий кобель вратской породы, человеку по пояс, как-то к таким желанием не располагал — удрать бы непорванным, эти зверюги один на один волка укладывают, медведя не боятся. А потому семь человек, не сговариваясь, рванули в окно.

Кобель, спущенный любящей хозяйкой — за ними.

Ну а на улице их уже ждали соседи. Задержать не успели, а вот по паре — тройке ударов, чем попало и куда попало, принял каждый.

Высокородному лойрио, кстати, досталось коромыслом по макушке. Неблагородно, но очень доходчиво. Если б не друзья — и удрать бы не смог. Но — помогли, подхватили — и бросились наутек все вместе. Беснующийся сзади кобель добавлял проворства и легкости в ногах.

А тем временем, кайта Винтан, у которой Тайяна и сняла комнатку, рассказывала в красках, как она услышала среди ночи шум, пришла в комнату постоялицы, а там!

Оргия!

Аж из семи человек!

И кажется, один из них было лойрио Варлей. Она его точно — точно знает, потому что кто ж его не знает-то? Всем глаза намозолить успел.

Да!

И еще двое. Кажется, его закадычные приятели, еще трое неизвестные, ну и сама нархи — ро. С Тайяной, женщина попросту перепутала запутавшегося в одеяле Крыса, который был мелок, тощ и вообще — а кто там мог быть, кроме Тайяны?

Кошмар какой!

Вшестером на одну девушку!

Да, и где-то там ее собака была... ну, может, кто и с собакой... нравы-то какие! Какие нравы-то у современной молодежи, а?! Вот мы в их возрасте...

Соседи слушали, то ли веря, то ли нет. Но Варлея кто-то узнал, что-то мелкое тоже из окна выпрыгнуло, в белом и воздушном, да и собака там была...

Извращенцы!

Письмо Тайяны уважаемая кайта нашла только через день, когда убирала комнату. Но

обнародовать его даже и не подумала.

Через два часа новость разошлась по кварталу.

К утру — по городу.

Единственным, кто не поверил в нее, был Канд. Но грузчик благоразумно держал свое мнение при себе, уж больно хороша история получилась. Достойная городских легенд! Люди наперебой гадали, кто больше приглянулся лойрио — девушка или собака? Или там еще и кто-то из друзей слегка женоподобен? Версий ходило превеликое множество.

А еще через три дня лойрио Варлей был жестоко выпорот отцом и посажен под замком в поместье. Сыночку, конечно, многое спускалось на почве юношеской дури и потакающей матушки, но чтобы так опозорить почтенную семью?!

Пороть!

В детстве недодали ума!? Так сейчас возместим! Это никогда не поздно!

Лойрио Варлей валялся на животе, терпел компрессы и примочки, которые ему делали служанки, едва сдерживая смех, и думал, что нархи — ро — это ЗЛО. И самое лучшее, что мог бы сделать Четырехликий — это выжечь дотла их Лес.

Увы... Четырехликий мнением лойрио не интересовался. У него были иные заботы.

* * *

Морское путешествие Яне понравилось. Как ни странно.

К качке она быстро притерпелась, по мачтам лазила не хуже юнги, высоты не боялась и даже пыталась пару раз помочь на камбузе. А что?

Не просто ж так ехать?

Учитывая острое обоняние нархи — ро, даже капитан признал, что пища стала намного вкуснее и самодеятельность разрешил.

Плавание проходило, как и говорил Канд, тихо и спокойно. Пару раз они попадали в шторм, но старались прижаться к берегу. Ааша нервничала, но присутствие хозяйки ее успокаивало. Заходили в порты, где Тайяна благоразумно не сходила на берег. Во избежание.

И кто знает, что у людей в голове, и повода им давать неохота, и...

Нархи — ро все-таки штука редкая. Вот в Далинаре она на берег сойдет, причем — ночью и тайно, чтобы никто не видел. А пока — не оставляем за собой следов.

Не оставляем...

Ааша тосковала, но подчинялась. Выбора не было. Маскировка...

Хотя все время скучать им не пришлось. На корабль-таки напали пираты.

Дело было так.

Тайяна качалась в 'люльке' на верхушке мачты — она и заметила кораблик, который отошел от берега — и шел наперерез.

— Корабль!

— Флаг? — крикнул снизу штурман.

— Нету!

— спускайся!

Тайяна послушно скользнула вниз по вантам.

— что случилось?

— Мирк!

Юнга взлетел на мачту испуганной белкой.

— кажись, они! Поморники!

Тайяна посмотрела удивленно.

— Поморники? Но это же птица.

— Хищная птичка-то, — пробормотал один из матросов. И объяснил.

Как оказалось, поморники — это пираты. Прибрежные. Налетают двумя — тремя суденышками, окружают, загоняют и берут на abordаж. С большими кораблями не связываются, а вот такие, как корова — это их добыча. Просто в этот раз Тайяна их вовремя заметила.

— Парус поставить, уходим к северу!

Матросы зашевелились. Драться никому не хотелось, так что старались на совесть. А Тайяна задумалась.

А случись драка — что она сможет сделать?

Ножом она владеет, но и только-то. А много ли сделаешь ножом против вооруженных мужчин?

Да ничего.

Ааша?

Но и самой бы надо учиться защищаться. Не все ж люди хорошие, как Канд или их капитан, сволочи тоже встречаются.

Тайяна задумалась и атаковала матросов на предмет — чем можно научиться владеть?

Лук и стрелы отмели сразу. Тут надо иметь сильные руки. Арбалет? Тайяна попробовала — и ей понравилось. Но хороший арбалет стоил дорого, тратить деньги, не зная, что ждет завтра, казалось неразумным. Меч?

Моряки искренне посмеялись, глядя, как Тайяна пытается ворочать стальную полосу в

половину ее роста. Саблю и не предлагали — оружием надо учиться владеть.

Как ни странно, самым лучшим вариантом оказались опять ножи, но — метательные. Из тех, что носятся на запястьях, на щиколотках, на перевязи. А что?

Легкие, удобные, глазомер у девушки хороший, тут главное — руку набить. Но моряки обещали в ближайшем порту взять девушку в лавку и прикупить ей хорошие ножи.

К делу подошли основательно.

Тайяну, не долго думая, переодели в юнгу, взяв у мальчишки штаны и матросскую куртку, на голову повязали платок поперек лба, размазали чуток грязи, нацепили тряпичные перчатки на приметные руки нархи — ро...

— Деньга-то есть? — поинтересовался боцман.

— На ножи хватить должно.

— Чтоб без глупостей, — мрачно погрозил капитан. — а то я вас...

Тайяна запомнила новый оборот, прикидывая, как бы узнать его значение. Если хочешь ужиться с людьми — надо учиться говорить на их языке. А свой Тайяна находила слишком анахроничным. Училась-то по книгам, по летописям, а тут — живое общение...

Лавка оказалась небольшой, но чистенькой. Оружие было выложено на прилавок, выставлено на специальные подставки, висело на стенах, Тайяна раскрыла рот, замерев на пороге, но легкий подзатыльник толкнул ее вперед.

— Шевелись, малец!

Боцман помахал рукой хозяину лавки.

— Здравствуй, крыса сухопутная.

— И тебе не кашлять, селедка соленая.

Мужчины обменялись рукопожатием и боцман кивнул на Тайяну.

— Мальцу нашему оружие подобрать надо.

— Этому? Иголку, что ль?

— ты не смотри, что ондохлый, руки у него цепкие.

— И что ты ему хочешь?

— Ножи подобрать.

— Но — ожи? А справится?

— Покажь, — кивнул боцман девушке.

— Э, в стену не кидать, всполошился мужчина. — сейчас я мишень достану...

И достал. Щит из грубо сколоченных досок, с обозначенными цветами. Прислонил к стене.

Тайяна прищурилась, приняла стойку, чуть отставила ногу, как учили — и бросила. Её нож для метания предназначен не был, но в щит попала. И даже не слишком далеко от центра.

Хозяин лавки прошел к щиту. Выдернул нож, чуть ли не обнюхал со всех сторон...

— Нархи — ро, что ли, делали?

— Что ли...

— оно и видно. Закалка — дрянь, железо так себе, отделка неплохая, рукоять качественная, а лезвие лучше б мастеру в... и по самую... засунуть. И провернуть.

— У тебя чего получше есть?

— да тут похуже найти сложно.

— Дрянь не подсовывай, понял? Не то попомню...

— Попомни, попомни. Только учти, что хорошие ножи не медяк стоят.

— Есть в парня деньги, скинулись.

На прилавок легла перевязь с ножнами. Пять штук.

— Вот, посмотри.

Тайяна послушно пригляделась. И сразу поняла, что не пойдет. Покачала головой.

— А другого нет?

— А эти тебе чем нехороши? Ты ж их даже из ножен не вытащил?

— Роскошны слишком. Не по соплям ножики, такие лойрио носить.

Хозяин усмехнулся.

— Соображаешь, килька. Это верно, тебе такие рано... да и железо тут не из хороших. Вот эти погляди...

Следующие ножи забраковал уже боцман. Железо оказалось нехорошо. Третьи оказались слишком травленные, четвертые коротковаты, пятые несбалансированы...

Наконец на прилавок лег комплект, который все признали удовлетворительным. Простые серые рукояти, обтянутые чем-то шершавым — и в окровавленной руке не скользнет, серый металл клинков, травленный узор хорошего булата, перевязь из простой кожи. Всего девять ножей. Два на зщапастья, два на щиколотки, пять на перевязи.

— А вот это — еще один.

На прилавок лег ножик, при виде которого Тайяна открыла глаза.

— Что это?

— последний шанс.

— Как?

— Этот нож в одежду прячется. Воротник, там, или пояс....

Тайяна взяла его кончиками пальцев.

Небольшой, совсем небольшой, длиной с полпальца, без рукояти, скорее кусочек лезвия...

— Острый какой...

— Перерезать веревку, вену, горло...

Тайяна вздохнула.

— А сколько это стоит?

— За двадцать золотом отдам.

— СКОЛЬКО!?

Цена была жуткая. Беспредельная и запредельная. Даже боцман поморщился.

— Ты акулу-то урежь?

После долгого торга мужчина согласился на пятнадцать золотом. Но дальше встал намертво, не хотите — не надо, желающий найдется. Но ножи и верно, того стоили. И сталь, и балансировка... а еще — они так ложились в руку, что расставаться с ними не хотелось.

Тайяна еще раз вздохнула и принялась выкладывать монеты на стойку.

— А неплохо вы скинулись, — ухмыльнулся лавочник.

— Я еще перстень отцовский продал, — буркнула Тайяна. — Хватило.

На том торг и кончился. А на корабле девушка принялась тренироваться, как одержимая.

А 'последний шанс' зашила в пояс. Пусть будет, хуже не будет. Иногда и Ааши может рядом не оказаться...

* * *

Ровно спустя шестнадцать дней 'Коровка' пристала в Далинаре.

Тайяна честь честью рассчиталась с капитаном, попрощалась с матросами — и под утро выскользнула из каюты. За ней тенью следовала Ааша.

Трап чуть скрипнул под ногами, прощаясь.

Далинар. Куда бы теперь? А чего тут думать? Надо найти место и переждать там до утра. Скоро рассвет, но по некоторым улицам затемно ходить не стоит.

Тайяна огляделась.

Нет, эти места ей не нравятся. Лачуги какие-то... и матросы говорили, что портовый квартал —

это крысятник. Его надо просто миновать. Потом идут ремесленные кварталы, а потом уже, ближе к центру — богатые кварталы. И вот там можно переждать где-нибудь на чердаке или в саду... найдет где. Ааша поможет. Сама бы Тайяна попросту на дерево или на крышу куда улеглась, но Ааша так не сможет.

Улицы ложились под ноги. Мощные то камнями, то досками, с грязью и чем-то склизким, Ааша брезгливо встряхивала лапами, но по сторонам поглядывала, неся службу. Пару раз Тайяна прижималась к забору, словно растворяясь в сумерках — мимо проходили компании людей. Человека по три — четыре.

Не то, Чтобы она боялась, но ведь бескровно отбиться не удастся, придется их убивать... не хотелось бы начинать новую жизнь с трупов.

Портовые кварталы сменились рабочими, те — богатыми, пошли высокие каменные заборы, Тайяна медленно шла, оглядываясь по сторонам.

Впереди мелькнули две тени. Тайяна привычно прижалась, затаилась...

Что-то было в том, как они двигаются, как оглядываются по сторонам — она тем самым заячьим чутьем понимала, что лучше им на дороге не попадаться.

— Точно здесь?

— Хвост даю на отсечение...

Мужчины подошли к забору, и один провел по нему рукой. Что он нажал, что сделал — тайяна не поняла. Но кусок стены вдруг провернулся, словно на шарнирах.

— А можно я ее сначала...

Последнее слово Тайяна тоже знала. Губы девушки сжались.

— Нам не за то плочено. Пришить, изуродовать — и дымком. Понял? Полезешь бабу щупать — закричит, все дело провалишь.

Мужчины скользнули в дверь — и стена вновь сомкнулась. Тайяна стояла неподвижно секунд десять. В душе девушки ожесточенно боролись совесть и трусость.

Не лезь, ну какое тебе дело?

Просто пройти мимо, когда эти твари будут убивать человека?

Может, этот человек и заслужил? И у него... нее есть охрана?

Тогда я и не полезу. А если нет? Я не могу никого так бросить, это слишком по — человечески...

Можешь сдохнуть вместе с ней.

Я не полезу в рукопашную. И у меня есть Ааша... Да и до утра надо где-то переждать...

Последний аргумент оказался решающим. Тайяна подошла к забору.

Камень, камень, а вот там, где прошли эти двое — калитка. Просто она сделала из дерева, а

покрашена под камень. Хорошо так сделана, не зная — не найдешь, где нажимать, где что... а она найдет?

Смешной вопрос.

— Ааша...

Волчий нос уверенно ткнулся туда, куда нажимали люди. Запах-то остался.

Калитка даже не скрипнула, когда Тайяна повернула ее и шагнула внутрь. Ааша метнулась темной тенью.

Парк.

Небольшой, но ухоженный. Несколько деревьев, в тени которых так приятно посидеть, цветники, розарий — даже сейчас Тайяна чувствовала сладкий запах розовых цветов. В Лесу они тоже росли — всего в одном месте и после долгих уговоров. Климат неподходящий...

А куда теперь?

Но растерялась Тайяна. А Аашу нос уверенно вел в лабиринте запахов. Хозяйке нужны чужаки?

Они ушли во — он туда, за ними до сих пор шлейфом тянется запах — и пройти по нему для волчицы несложно.

Но где же охрана? Где собаки?

Тайяна недоумевала, а ноги несли ее вслед за волчицей, к дому из белого камня. В Интаре старались из него и строить. Красиво...

Даже в темноте — красиво.

Двое злоумышленников повозились с черным ходом — и дверь приоткрылась. Тайяна напряглась. Последовать за ними?

А если ее сочтут врагом? В Лесу, между прочим, за вторжение в чужое жилище, можно было и неприятностей схлопотать.

Но у Ааши сомнений не было.

Волчица тенью метнулась в дверь, девушке осталось только последовать за ней. В доме было тихо и спокойно, но это была не пустая тишина, когда никого нет, а комнаты покрываются пылью. Это была тишина одушевленная, дышащая, когда внутри есть люди — и их сердца бьются в одном ритме с сердцем дома.

Хорошо, что зрение нархи — ро острее людского. Тайяна неплохо видела в темноте. Там, где для людей стоял мрак, для нее все было серо — черным. Силуэты, границы — размыто, но достаточно, чтобы не наткнуться на мебель или различить движение человека.

Мужчины поднимались на второй этаж. Блеснули ножи — и Тайяна решилась. Ну явно же они не рыбу резать идут.

— Бросьте оружие — и останетесь живы!

— Сейчас я вернусь. Ждите.

И верно, шаги слышались буквально через пару минут. В руке у женщины горела масляная лампа. Дорогая, из стекла и золота. Во второй руке был кинжал. Правда, дрожал он так, что Тайяна только фыркнула про себя. В противника бы женщина попала, только если его связать.

Она медленно спустилась, ахнула при виде оглушенных людей, над которыми бдила Тайяна и грозно порывивала Ааша, выронила кинжал...

— Сейчас я позову стражу.

И метнулась к выходу. Только босые подошвы зашлепали.

Охранник появился через пять минут. И тут же принялся увязывать негодяев.

Вовремя. Еще минут десять — и Тайяне пришлось бы добавлять им спокойствия тем же столиком, а это не всегда хорошо. Есть возможность перестараться и выбить из человека дух.

Сама женщина появилась чуть позднее, но зато со стражниками. Которыми и взялась командовать.

— Эти двое проникли в мой дом. Молодой человек остановил их...

Старший стражник — всего их было трое, двое молодых и один постарше, видимо, главный в тройке, нехорошо прищурился. В окна проникали первые утренние лучи, так что Тайяна уже различала и мимику людей.

— А молодой человек тут откуда взялся?

— Мимо проходил, — огрызнулась Тайяна. Потом подумала, сняла перчатки и вытянула руки вперед. Нархи — ро обычно опознают по глазам и рукам, но для глаз здесь не то освещение. — я с корабля, иду по улице, смотрю, впереди меня эти двое, сговариваются, как кого-то убивать будут.

Женщина ахнула и прижала руку к горлу.

— один, кажется этот, просил сначала побаловаться с женщиной, а потом убивать. Второй говорил, что им не за то плачено. Убить, изуродовать — и уйти. Я и... не знаю, как у людей, а у нас, в Лесу, так не принято. Если б не остановить их — мне бы потом век в Лес не вернуться.

— а в дом они как вошли?

— Могу показать. Там, в заборе, есть калитка. Нажмешь на кирпич — и дверь как поворачивается. Они вошли, я за ними...

— они и не заметили?

— Калитка закрылась, потом опять открывать пришлось.

— а откуда секрет знаешь?

Тайяна поглядела на волчицу.

— Ааша?

Зверюга поднялась на лапы. Неспешно так, спокойно... стражники благоразумно попятились, потянулись к оружию...

— Не бойтесь. Она вас просто обнюхает. Обещаю — никакого вреда она не причинит...

— Твоими бы устами, — буркнул старший стражник. Но на месте остался. Авторитет — он всегда опасность перевесит. Струсь сейчас — и собственные ребята не послушаются. Ааша послушно обнюхала всех троих, подошла к хозяйке, коротко рыкнула, ткнулась носом в ногу и в бедро... Тайяна зловредно прищурилась.

— Ааша говорит, что у одного из вас в сапоге что-то с вином... фляга? А у второго дурь — трава в тряпице припрятана. В кармане на поясе. Кстати, если ее часто жевать — мужчиной быть перестанешь.

Старший стражник прищурился.

— Вил? Тарп?

Парни замотали головами, но всем было видно, что они врут. Мужчина коротко ругнулся.

— попляшете вы у меня, паразиты. Берите этих двоих да тащите в караулку. Увязаны хорошо?

— не развяжутся.

И верно, стражники как-то хитро связывали бандитам ноги и руки, а потом накидывали петлю на шею. Так, чтобы вздумай дернуться, те сами себя сознания лишили.

— Значит, волчица ваша, сатро, вынюхала, как калитку открыть. А покусала этих — тоже она?

— не я же...

И верно, следы от волчьих зубов ни с чем не спутаешь.

— А потом проснулась хозяйка дома. И позвала стражу.

— Ну да....

— Вы, лайри, — теперь стражник обращался к хозяйке дома, — днем не могли бы к старшему зайти? Жалобу написать, чтобы этих голубчиков допросили по всей строгости?

— Непременно зайду.

— а сатро...

— А сатро пока останется в моем доме. За мной долг гостеприимства — это самое меньшее. А так... я молодому человеку жизнью обязана.

Тайяна подивилась, что среди людей это понимают. Но спорить не стала.

Лайри выпроводила стражников, попросила охранника обойти сад — мало ли — и внимательно уставилась на Тайяну.

— Поговорим?

— Можем.

— тогда расскажите мне, кана, как вы здесь оказались и почему выдаете себя за мужчину?

* * *

Этого поворота событий Тайяна не ожидала.

Женщина смотрела серьезно и внимательно, светло — серые глаза были ясными и теплыми. И девушка решилась.

— Мое имя Тайяна э'Лесс Риккэр, лайри.

— Аэлена.

— Красивое имя.

— Ваше тоже...

— Оно всего лишь означает, что я — Тайяна, дочь Лесса из рода Риккэр.

— И вы — нархи — ро.

Тайяна кивнула.

— Да.

— Я не часто видела нархи — ро. Говорят, что вы не выходите из Леса.

— Я бы тоже не вышла. Но у меня были причины.

— Какая бы звезда вас не вела, лайри Тайяна, я рада, что она привела вас под мой кров. Я вам жизнью обязана.

— Я сделала то, что должна была. Мы с Ашей.

— Ааша?

Волчица привстала на передние лапы, прогнулась, потянулась и зевнула, обнажив полный набор белейших зубов.

— Это ваша....

— Волчица.

— Красивая. А можно ее нарисовать?

— На... рисовать?!

Женщина утвердительно кивнула.

— Да. Я немного рисую. Впрочем, это долгий разговор. Вы позволите угостить вас чашечкой травяного отвара с медом? Я боюсь, что не усну после.... этого.

Тайяна подумала. Она тоже не уснет после такого, это точно. Да и пробовать не стоит, точно какая-нибудь гадость приснится. А потому предложение скрасить остаток ночи за чашкой взвара показалось ей весьма привлекательным.

— Я буду вам очень признательна, лайри.

— Называйте меня просто Аэлена, Тайяна.

— Благодарю, Аэлена. Тогда я — Тайяна.

— Пойдем?

На кухне было уютно и спокойно. Большой очаг, стол посреди кухни — и еще один, у окошка. Вот к нему и направили Тайяну, пока Аэлена умело раздувала огонь и ставила чайник с водой.

— Как у вас ловко получается...

— я не всегда была лайри.

Аэлена доставала из шкафа плюшки, какие-то сладости, мед, чайничек, отмеряла травы, заливала их водой...

Тайяна смотрела молча. Да, эта женщина не белоручка. Это видно сразу по тому, как она двигается, как действует, как привычно перехватывает тяжелый чайник и заливает траву кипятком.

Тайяна, не удержавшись, взяла ложечку и зачерпнула меда. Слизнула, зажмурилась. На корабле кормили неплохо, но как же девушка скучала без этого... без трав, без свежих овощей и фруктов, без меда... вку — усно...

— Угощайтесь, Яна.

— простите?

— Ох, это вы меня простите. Я не нарочно, просто сокращение такой удобное...

Тайяна подумала.

— а что, мне нравится. Яна?

— да...

Тай оставалась позади, в Лесу. А новая жизнь — новое имя.

— да, мне нравится. Можете называть меня Яна.

— Аэла.

Женщины сидели на кухне, молча пили травяной взвар, заедая его медом и сладостями, и ничего не говорили. Не хотелось нарушать это спокойствие. Пусть обманчивое, пусть зыбкое и неверное, но все же — тишина, шум огня в очаге, ровное дыхание волчицы, которая нагло навалилась им на ноги всей тушкой и теперь работала грелкой.

И все же лайри Аэла нарушила молчание.

— А что вы планируете делать дальше, Яна?

— Не знаю. Деньги у меня есть, на первое время хватит. Сниму комнату, попробую пожить среди людей, может, поищу работу.

— а что вы умеете делать?

Тайяна задумалась.

— я хорошо работаю с животными. Знаю растения, разбираюсь в отварах, в травах... умею готовить, шить, но вряд ли мода нархи — ро схожа с человеческой.

— Мы почти ничего не знаем о нархи — ро.

— Мы стараемся, чтобы о нас не знали.

— Но почему?

— А стоит ли доверять людям?

— Не стоит. Это верно.

— Люди странные и каждый — сам по себе. А мы — единый народ. С единой мечтой и целью.

— У нархи — ро есть цель? А какая?

— обрести крылья.

Аэла хлопнула глазами. Она явно не понимала, о чем идет речь. Тайяна подумала пару минут, а потом встала из-за стола и принялась расшнуровывать плащ. Затем на пол опустилась рубашка — и девушка осталась в одной нагрудной повязке. Повернулась спиной.

— Вот.

— Четырехликий!

Тайяна пожала плечами. Она не видела в своей спине ничего такого странного. На да — зародыши крыльев. Выглядит это — как два длинных уплотнения, от плеча до пояса. Не горб, нет. Как будто лопатки выперли еще сильнее и растянулись на всю длину спины.

— Это — зародыши. У меня они просто не прорезались. Еще рано.

— Рано?

— Зрелость нархи — ро наступает в двадцать пять — тридцать лет.

— а вам....

— Двадцать два.

— Никогда бы не сказала... ну, лет пятнадцать...

— Мы дольше живем, медленнее стареем, но это — в Лесу. Что будет среди людей, я не знаю.

— Полагаю, у вас была серьезная причина уйти из Леса.

— Бежать. Попросту бежать. Но я считаю, что брак с нелюбимым — это причина уважительная?

— Более чем.

— так вот. У мужчин крылья прорезаются раньше, у нас — позже. Но они не могут поднять нас в воздух. Чего-то не хватает. И никто не знает — что именно заставляло нас летать раньше? Магия? Кровь? Века хранят молчание.

— И никто...

— За все века — никто. Понимаете, Аэла, некоторые даже не обретают крыльев. Зародыши остаются вот такими, как сейчас, девушка или юноша считаются неполноценными и мы стараемся не спелать волос с такими семьями.

— Сплетать...

— Заключать союз.

— Жениться.

— Да.

— Но вы же....

— они прорежутся, я это точно знаю. Но — и только-то. Мы что-то утратили, что-то очень важное и перестали быть Крылатыми хранителями Леса. Теперь мы просто храним его. А это — грустно, очень грустно и больно — жить без Неба. Раньше, в те времена, от которых остались только летописи, бескрылые нархи — ро могли вообще броситься со скалы, чтобы Лес забрал их жизнь и дал им искупить вину. И обрести крылья в новой жизни.

— вину?

— Мы не знаем, в чем провинились. Но это иногда очень больно. Знать, что могло быть иначе, тосковать, мечтать о несбыточном и никогда этого не получить.

— А еще брак с нелюбимым.

— я бы умерла в нем. Наверное. Или смирилась — и убила себя в себе. Не знаю... не могу сказать лучше.

— Я понимаю. Я тоже думала однажды, что смерть — это лучший выход. Но вы смогли бежать, Яна. Вы обязательно будете счастливы, может, даже и с человеком?

— Мы можем жить с людьми. И даже иметь детей. Но они будут либо нархи — ро, либо чистые люди. Так всегда бывает.

— Тогда у вас есть шанс на счастье.

— я верю в это. Очень верю.

Аэла коснулась руки Тайяны, которая оделась и теперь зашнуровывала ворот.

— Могу ли я предложить вам гостеприимство на первое время?

Девушка задумалась. Да, пока она не нашла себе дом, это решило бы многие ее проблемы. Но...

— Мне бы не хотелось...

— Если вы не желаете чувствовать себя обязанной, есть простой выход. Я хочу нарисовать ваш портрет — и мы будем в расчете. Можете мне еще рассказать мне о нархи — ро...

— только то, что не повредит моему народу.

— А про крылья?

— Это не секрет. Это есть в летописях.

Лайри чуть улыбнулась.

— Яна, поверьте, среди людей мало кого интересуют летописи. Так что не спешите рассказывать о своем народе. Люди часто бывают злы и ненавидят тех, кто от них отличается. Нархи — ро, риани, темные... чем ограниченнее человек, тем более он нетерпим.

— У нархи — ро тоже так.

— а давно вы не летаете?

— Более тысячи лет.

— Тогда верьте — люди давно забыли, что вы это можете.

Тайяна фыркнула. Над городом занимался рассвет.

— мне не хотелось бы вас стеснить...

— поверьте, Яна, в этом доме можно разместить два десятка гостей — и потерять их. А в загородном поместье — и того больше. Я бы с удовольствием пригласила вас туда, но мне надо еще встретиться с заказчиком.

— Заказчиком? То есть извините за любопытство, лайри, но вы же...

— Благородная? Не совсем. Мой род — воины. А мне приходилось и портреты за деньги рисовать. Сейчас я могу себе позволить делать это для развлечения или по желанию, — на дне серых глаз плеснулось что-то трудноуловимое, как старая боль. — Сейчас — могу...

Тайяна промолчала. А что тут скажешь?

— Недавно пришло письмо от трайши Диолата. Он хочет, чтобы его портрет нарисовала именно я... — губы женщины опять дрогнули. — Не хотелось ему отказывать, поэтому, пока муж уехал.... О! На лице женщины мелькнула улыбка. — Яна, вы не согласитесь мне помочь?

— В чем?

— Я найму вас моей хранительницей чести.

— Это как?

Нархи — ро такого не знали. Хранить... честь? Она либо есть — либо ее нет. Как ее сохранишь? Да еще с чужой помощью?

— Когда в знатной семье рождается девочка, родители думают о ее замужестве. И лет в двенадцать нанимают ей хранительницу чести. Это женщина, часто в пожилом возрасте, которая неотлучно находится при подопечной — и при вступлении в брак свидетельствует, что девушка невинна и чиста.

Яна от души фыркнула.

— Какие вы странные — люди. Честь — это часть женского тела? Так?

— Очень странные, — в глазах лайри плясали искорки. — Но это работает и когда муж, например, уезжает из города. Тогда хранительница сопровождает повсюду его жену...

— А ваш муж...

— А он мне доверяет. Но я считаю, что так будет лучше.

— Этот трайши...

— В свое время он позволил себе... неподобающее поведение. Дальше поцелуев не зашло, но не по его вине. И да — мне не хотелось бы, чтобы он начал вспоминать старые добрые времена.

— Которые не слишком стары и не выглядят добрыми? — ответом Тайяне стала улыбка и Яна пожала плечами. — Я помогу, но я ведь не почтенного возраста?

— Но вы — нархи — ро. Это экзотично.

— Диковинка?

— не в обиду...

Яна ухмыльнулась.

— Верьте, лайри, окажись вы в Лесу — к вам относились бы так же. Я была готова — и не обижаюсь. Я — странность в мире людей? Так давайте обернем это себе на пользу!

Серые глаза встретились с зелеными. Две женщины отлично понимали друг друга и Яна на миг подумала, что люди — не страшные. Может, с некоторыми из них даже удастся подружиться?

В углу тихо рыкнула Ааша, обращая на себя внимание. Яна подбежала и опустилась рядом с ней на колени.

— Ааша, девочка, поможем лайри Аэле?

Волчица чуть вильнула хвостом. Она не возражала.

* * *

Утро прошло... своеобразно. Лайри Аэла забрала всю одежду, которая была у девушки и

уговорила Яну, как она выразилась, 'поменять стиль'.

— Яна, среди людей в таком как нархи — ро просто не ходят. Надо что-то броское, подчеркивающее ваши достоинства...

— А они у меня есть?

— Конечно. Я же вижу! А вы прячете грудь, скрываете талию, да и волосы убираете так, что не разглядеть. Это неправильно!

— Но я...

— А вы попробуйте! К тому же — хранительница чести должна быть одета подобающе....

— разве?

— честное слово.

Так что Тайяна теперь щеголяла в ярко — голубой рубашке из какой-то тонкой ткани, черных брюках, тонкую талию стягивал пояс с заклепками, а коса была заплетена каким-то странным способом, так, что казалась в два раза толще обычного. Только сапожки остались прежними — с ними Тайяна расстаться не решилась. Слишком уж удобны.

Красиво?

Да. Только очень непривычно.

Сама лайри Аэла оделась в простое платье темно — синего тона, надела нитку жемчуга и тщательно уложила волосы. Получилось очень строго и со вкусом.

— не вызывающе?

Тайяна пригляделась.

— да вроде нет.

Платье было очень простым по крою. Глухое, с высоким воротом и узкими длинными рукавами, с длинной юбкой, чуть расклешенной внизу... С таким платьем украшением женщины служит ее фигура — и у лайри Аэлы она была на редкость хорошей, для человека. Нархи — ро оценили бы. Невысокая, с тонкой талией и красиво круглящимися грудью и бедрами...

Ансамбль дополнили туфельки в тон платью — и лайри поправила рукав, выпуская наружу изящный брачный браслет.

Яна наблюдала за сборами со странным чувством. Люди были любопытными объектами изучения. И глядя вот так, отстранено, она бы сказала, что лайри нервничает, старается показать себя с лучшей стороны и в то же время дать понять, что она принадлежит другому.

Что было между ней и этим трайши? Люди — такие сложные существа...

Наконец женщины вышли из дома. Ааша скользила впереди черным облаком пушистой шерсти, привлекая к себе всеобщее внимание. Лайри Аэла настояла на том, чтобы повязать волчице на шею хотя бы ленточку. Понятно, что это никак не ограничит свободу хищника, но даст понять стражникам, что это — не дикий зверь. Тайяна подумала, спросила Аашу — и

согласилась. Голубая ленточка в черной шерсти, завязанная бантиком, производила потрясающее впечатление.

Люди бледнели, столбенели и провожали компанию ошалелыми взглядами. Лайри Аэла шла, как ни в чем не бывало.

— У Диолата есть свой дом в городе. Постоянно он живет в столице, а здесь бывает наездами.

— Надолго?

— Месяц — два. Когда от его дел поднимается слишком большой ветер, он пережидает бурю в глуши, а потом возвращается, как ни в чем не бывало.

— и тогда, когда вы с ним встретились впервые?

— Я была молодой и глупой...

— Вы и сейчас молоды, лайри.

— Надеюсь, я чуть поумнела с той поры. Яна... у меня большая просьба. Не оставляй меня ни на минуту. Пожалуйста. У меня любимый и любящий муж, двое детей, замечательная жизнь... я не хочу это разрушить!

— обещаю. И Ааша тоже обещает. Не думаю, что кто-то сможет остановить — ее.

Волчица дернула ухом в знак согласия. Не остановят, пусть и не рассчитывают. Порвет на тряпки!

Лайри Аэла чуть вздохнула. Боялась? Себя? Неведомого Диолата?

В любом случае, Яна решила ей помочь. Так что....

* * *

Увидев трайши Диолата, Яна поняла, что помогать — надо! Даже НАДО!

Означенный трайши был хорош. Потрясающе хорош, начиная от высокой мускулистой фигуры — и заканчивая золотистыми локонами вьющихся волос, который красиво спадали на плечи. А лицо!? Тонкий прямой нос, полные чувственные губы, массивный подбородок... подкачал только лоб, слишком низкий, но трайши умело прикрывал его прядями челки.

— Моя дорогая Аэлена!

— Благодарю за приглашение, Диолат, — лайри являла собой образец ледяной сдержанности.

— Ну, зачем же так официально? Можно просто — Алеист, как в старые добрые времена...

— Можно. Но не стоит, — лайри выглядела абсолютно спокойной, но Ааша взъерошила шерсть на затылке и предвкушающе смотрела на ногу трайши. Так что Аэла явно нервничала. — перейдем к делу?

— Неужели ты даже не позволишь угостить тебя чашечкой ланти? Совсем небольшой...

— Благодарю, мне не хочется. Итак, трайши, вы желали получить свой портрет?

— да, разумеется. И я не могу представить себе другого художника. Твоя слава, Аэла, долетела до столицы, ты знаменита, ради тебя в эту дыру приезжал даже Лишанор...

— Ближе к делу, трайши.

— К делу... о да. Неужели тебе нужна охрана в моем доме?

— Мне не нужна охрана. Но Яна — моя подруга, — Аэла пожала плечами.

— Яна? Странное имя... нархи — ро? Как интересно... Аэла, ты так оригинальна...

— Ну что вы, трайши, вы мне льстите. Куда мне до вас, — в голосе женщины проскользнул металл.

Диолат обратил свое внимание на Тайяну.

— А вы, милая Яна? Может быть, ланти? Или травяной отвар? Вина не предлагаю...

— Благодарю, но вынуждена отказаться.

— А это ваше... животное?

Ааша рыкнула. Трайши чуть побледнел. Яна улыбнулась.

— Извините. Она не любит, когда ее так называют.

— А как же ее имя?

— Полагаю, трайши, что мы здесь собрались не для обсуждения имени моей волчицы? — показала зубы Яна. Ааша поддержала ее глухим утробным рыком и трайши счел за лучшее переключиться на первую жертву.

— Итак, Аэла, мне нужны несколько портретов. Один — большой парадный. И несколько миниатюр, разумеется, в хорошем исполнении. Ты можешь это сделать?

Аэла пожала плечами.

— Могу. Но мне придется приходить несколько раз. Работа над портретом займет больше десяти дней, а миниатюры я уже напишу с него....

— Как пожелаешь. Итак, если мы будем видеться каждый день, начиная с сегодняшнего, в десять утра, часа на два — три, до обеда?

— Хорошо.

— буду рад видеть тебя...

Произнесено это было так многообещающе, что Яна поморщилась. То ли мужчина считает себя неотразимым, то ли желает произвести впечатление...

Лайри Аэла доиграла до конца, а на улице вцепилась Тайяне в руку.

— Ох, Яна...

— Пошли. Нам надо где-нибудь посидеть...

Тайяна почти силой утащила женщину в парк и усадила на скамеечку. Хорошо бы еще воды, да где ж ее взять? Пришлось ограничиться растиранием ледяных запястий лайри.

Прошло не меньше пятнадцати минут, прежде чем Аэла пришла в себя.

— Спасибо, Яна.

— Не за что. Он плохо влияет на тебя.

— Знаю. Ох, уже почти полдень?

— Да.

— Тогда нам надо домой — и побыстрее. Скоро дети приедут...

— Ваши дети?

— У меня их трое. Два мальчика и девочка. Младшенькая....

— А как их зовут?

— Лим, Риман и Аира.

— Красиво.

— Они у меня тоже замечательные. Я приехала чуть пораньше, а они... ох, Яна, как я рада, что их не было дома вчера ночью! А если бы эти негодяи перепугали их?

— Это была бы половина беды. Аэла, они ведь хотели тебя убить...

— Кому я могла помешать?

— Не знаю. Но они шли убивать. Пойми это...

— Стоит ли перевозить сюда детей? Ты об этом?

— да. Ты настолько доверчива...

— Считается, что я неплохо разбираюсь в людях...

— и поэтому ты впустила в свой дом незнакомого человека...

— Ты не человек, ты — нархи — ро.

— и потому я могу быть еще коварнее, разве нет?

— А ты хочешь причинить мне зло?

— Нет.

— Вот видишь...

Тайяна видела. Женщина была растеряна, не знала, кому доверять, а тут еще этот... павлин с

хвостом!

— А скоро вернется твой муж? — как-то спонтанно женщины перешли 'на ты'.

— Дней двадцать. Торговые дела...

— У лойрио?

— И что? Мой муж не из тех, кто сидит на одном месте и обрастает мхом. Он сотрудничает с купцами и занимается торговлей. Хотя некоторые считают, что это унижительно...

— Почему?

— Не знаю. Так принято. Хотя муж у меня странный по меркам лойрио. Он занимается торговлей, женился на мне, дочери воина, не сидит на месте, предпочитает торговать, а не трясти медяки с крестьян...

— Мне сложно понять людей...

— Ну... посмотри на Диолата. Настоящий трайши, который проживает свое наследство, постоянно развлекается, ищет новых острых ощущений... а мой муж просто работает. С чьей-то точки зрения он скучный...

— Вы, люди, такие странные....

— Да, безусловно. Пойдем домой?

— Да.

* * *

Дом встретил их шумом и смехом детей.

— Мама!!!

— Мамочка!!!

На Аэле в трех сторон повисли мелкие существа, вопящие так, что Ааша недовольно заворчала и спряталась за Тайяну. Волчица твердо знала, что от детей надо держаться подальше, если тебе дорога шерсть. К сожалению, это не всегда удавалось, но...

— Родные мои!!!

Аэла обнимала детей, пытаясь одновременно поцеловать три чумазных личика, а со второго этажа уже спускалась полная женщина в строгом сером платье.

— Лойрио Лим, лойрио Риман, лара Аира, как вы себя ведете, позвольте спросить? Немедленно поприветствуйте матушку, как положено!

Дети скорчили недовольные гримаски, но потом мальчики склонились в поклонах, а девочка полуприсела.

— Мы рады видеть вас, госпожа матушка, после столь длительной разлуки...

Лайри улыбнулась, вмиг став лет на десять моложе.

— Ох, родные мои...

Дети не дослушали, опять повиснув у мамы на шее. Минут через пять старший, кажется, Лим, обратил внимание на Тайяну.

— Мама, а это кто?

— Это лайри Тайяна э́ Лесс Риккэр. Она представительница одного из высоких родов нархи — ро и какое-то время поживет у нас. Знакомьтесь.

Дети по очереди повторили тот же ритуал с поклонами и приседаниями. В Лесу такого не было, поэтому Тайяна склонила голову.

— Я рада нашему знакомству, юные лойрио, лара...

— А вы правда нархи — ро?

— Балбес, погляди на ее руки!

— А это ваша волчица?

— Да, я правда нархи — ро и это моя подруга, — честно ответила Яна.

— А как ее зовут?

— Ааша.

— А можно ее погладить? — девочка выглядела удивительно отважно.

Ааша обреченно прижала уши.

* * *

Дети были заняты волчицей, а Яна и Аэла беседовали, удобно устроившись в саду.

— Я должна буду ходить к нему каждый день, несколько дней. Яна, я не выдержу...

— Это так больно?

— ты любила когда-нибудь?

— Нет.

— Тогда ты вряд ли поймешь...

— Но ты любишь и детей, и мужа — разве нет?

— Не знаю. Это не любовь, нет. Они — часть меня, я не смогу жить, если их не будет. И в то же время.... когда Диолат смотрит на меня — все внутри сжимается, меня бросает то в жар, то в холод, хочется броситься ему на шею и утащить его в спальню — и в то же время, чтобы он обнял меня и не отпускаял... это — любовь?

Вот на это Яна точно знала ответ.

— Нет.

— ? — Аэла выглядела искренне удивленной.

— Это одержимость. Но не любовь, нет. Подозреваю, что ты... не обижайся, ладно?

— Обещаю.

— Ты его не получила? Так?

— Я была тогда начинающей художницей. Рисовала на улице, за медяки... там он и заметил меня. Позвал с собой, поманил новым миром, сказал, что представит знати — и я согласилась. Что мне было терять?

— Честь? У вас же это связано?

Аэла нехорошо рассмеялась.

— Ох, Яна... Он хотел, да. Но я считала, что должна беречь себя до брака... представляешь?

— У нас это не так, но я могу тебя понять.

— Однажды... я пришла и застала его с другой. Я была в шоке. А он просто рассмеялся мне в лицо, сказав, что между ног у всех женщин одно и то же. И если я не... он предложил мне присоединиться.

Тайяна рыкнула не хуже Ааши.

— Жаль, что я об этом не знала! Скот!

Аэла пожала плечами.

— С его точки зрения, все правильно. Жизнь дана для того, чтобы получать удовольствие, а где, как — неважно. Совершенно неважно. Я убежала, но потом он еще попрекал меня зашоренностью, косностью мышления, неготовностью к развлечениям...

Мнение Тайяны о красавчике упало ниже низкого. Шет тоже был красив, но если бы он такое предложил...

Нет, инстинкт самосохранения у бывшего жениха был силен.

— ты ушла.

— и не пожалела. Мне было сложно, это было как наркотик. Хотелось к нему — до стиснутых зубов, до слез хотелось. Или чтобы он пришел и сказал, что ошибался. Я бы простила тогда... я бы и не такое простила, лишь бы вновь быть рядом, видеть его глаза, слышать голос! Я тогда говорила себе, что нельзя. Что надо прожить еще один день, а завтра я... или послезавтра. Наступал новый день и находились новые дела, а я все твердила себе, что потом и потом — и однажды встретила Диона. Сначала мне было больно, но прошло время и я смогла залечить эти раны.

— А сейчас этот тип решил их растравить?

— Возможно...

— Сволочь.

— Может быть...

— А что ему от тебя надо?

— А что ему может быть надо? Не знаю...

— не просто же так он пришел, спустя столько времени?

— Может быть, у него тоже самолюбие? Я ведь первая, кто ушел от него. И я счастлива. Для него теперь делом чести...

— Той самой?

— Возможно, — усмехнулась Аэла. — Так вот, он будет пытаться доказать всем, что он такой умный, замечательный, что я жалею, возможно, постарается получить то, что не получил десять лет назад... Четырехликий, как летит время!

Тайяна пожала плечами. Что-то не вязалось в этом мотиве. Десять лет мужчина жил, не тужил, а теперь вдруг решил доказать, что у него самая толстая морковка Интара? Неубедительно. Но говорить об этом Аэле она не стала. Лайри и так потряхивало от признаний. Поэтому Тайяна решила напоить ее успокаивающим чаем и попробовать уложить спать. А сама она отвоюет Аашу у детей и погуляет с ней по городу. Надо же подумать о жизни?

* * *

— Вставай, охламон!

Весс не церемонился с сыном. Шет подскочил от ласкового отцовского пинка и вытянулся по струночке.

— Отец...

— Собирайся.

— К — куда? Что?

— Пока — в восточное селение. Там посмотрим. Сам понимаешь, тут тебе жизни не будет.

Шет понимал. Не смеялись над ним только деревья. И то, иногда ему казалось...

— А что смотреть? Тут надо либо ехать за Тай — либо жениться.

— Ехать — это сложнее. Так что пока ты скроешься с глаз долой, а я буду подыскивать тебе невесту. Сам понимаешь...

Шет понимал. Кто ж из девушек захочет выйти замуж за посмешище? Чтобы свои же подружки на смех подняли? Одна сбежала, так вторая подобрала?

— Может, проще съездить?

— Куда?

Шет замялся. Кроме 'догнать' и 'схватить' в голову ничего не приходило. Весс хмыкнул.

— Похоже, в Лесу твоей невесты нет. Но как она ушла — мы пока еще разбираемся. Не морем. Значит — через болото. Туда мы и направим отряд, чтобы они расспросили и узнали. Потом, если она там, ты сможешь съездить за ней. Понятно?

Шет кивнул.

— Хотя лучше бы найти другую. Посплетничают — да и забудут.

А вот другую Шет не хотел. Ему нужна была Тайяна, именно Тайяна и только она! Эта маленькая, дерзкая, упрямая, наглая...

Весс посмотрел на лицо мальчишки, легко прочитал на нем эти мысли и покачал головой.

— ладно. Я подумаю. А пока — собирайся.

Шет послушно принялся складывать вещи. Как скажете, собираться — так собираться. Все равно Тай он просто так не отпустит. Надо только узнать, куда она бежала. А уж потом...

Никуда она от свадьбы не денется!

* * *

Тайяна сейчас о свадьбе не думала. Она гуляла по городу, наслаждаясь новизной. Дома из камня, а не из дерева, люди, мостовые, экипажи, даже бродячие собаки и нищие — все было непривычно, все незнакомо. К ней приставать не рисковали — милая улыбка Ааши отбивала всякое желание разговаривать с хозяйкой волчицы.

А подумать было о чем.

Тайяна новичок в этом мире. У нее нет — ничего. Денег (есть жемчуг, но его надо еще продать), знакомств, дома, работы... пустая доска. Чистый лист.

Что у нее есть?

Аэлена. Не больше — и не меньше. Женщина, которая пока готова терпеть ее в своем доме. Художница со странным прошлым.

Но выбора пока нет.

Что-то царапало Тайяну — и девушка размышляла, наверное, минут десять, пока не поняла.

Те двое. Они шли убивать. И говорили об этом. Но кому могла помешать художница? Хотя варианты есть. Это могут быть дела мужа. Это может быть любовница, которая хочет занять ее место. Это может быть... да просто не хватает сведений для точного вывода!

Поговорить об этом с Аэлой?

Бесполезно. Ее сейчас и гром небесный в чувство не приведет. Диолат...

Тайяна нахмурилась. Тоже... неправильно. Что-то было не то в этом мужчине. Как

червоточина... или это ей кажется? Среди нархи — ро такого не бывает, чтобы подличать, принуждать и вообще... хотя кого она обманывает? Все бывает!

Даже приворотные зелья бывают, к счастью, те, кто ими пользуются, стараются вовремя прекратить прием, а то жрецы их сильно не одобряют... упс?

А люди?

Описанное Аэлой весьма напоминало... симптомчики. Но — как?!

Ланти? Нет, вряд ли. Ааша бы почувствовала. Нюх у волчицы куда как лучше человеческого, а на яды ее специально натаскивали. И на зелья тоже. Она бы с другого конца комнаты их различила. Ланти было чистым, определено.

А раньше?

Можно лишить человека приворотного, но... последствия-то останутся?

Обязательно!

К зелью возникает привыкание — это так. но и к чувству ведь тоже! А еще — людям хочется любить. Даже если любовь причиняет боль, она все равно счастье... наверное. В книгах так точно написано. Сама Тайяна искренне сомневалась в этом утверждении, но стоит ли спорить с умными людьми о предмете, в котором не разбираешься?

Могла Аэла полюбить под влиянием приворотного, а потом это чувство закрепилось как рефлекс? Да вполне. Яна припоминала, что она читала о приворотных зельях — и была этим так занята, что даже не заметила...

— Смотри, куда идешь, сопляк!

Нос девушки уткнулся во что-то твердое. Тайяна подняла глаза. Осмотрела стоящего перед ней мужчину. Ну... так. На полторы головы выше, весь жилистый, сухощавый — как еще нос не расшибла?

— простите.

— И это все?

На плече сомкнулись сильные пальцы.

— Ааша, извинись. — Тайяна и не подумала повышать голос.

Волчица рыкнула. Мужчина странно дернулся. Ну да... зубы хищницы сомкнулись у него сзади. И грозили выкусить бо — ольшой кусок филе. Волки существа осторожные, Ааша могла пронести сырое яйцо в пасти не раздавить его, а могла... ох, могла. И мужчина это понимал.

— Убери эту тварь.

— Убери руку.

Пальцы нехотя разжались.

— Мы в расчете?

— Пошел ты...

А вот цедить слова сквозь зубы ему явно не стоило. Тайяна отступила на шаг, обошла его и пошла дальше.

— Эй, ты!

Ответом был треск материи. И громкие ругательства мужчины, который вдруг обнаружил, что его покинул значительный клочок штанов. Тылы не пострадали, в чем и могли убедиться все, присутствующие на улице. И даже заверить в этом пострадавшего — тихими, но вполне отчетливыми смешками.

У мужчины был выбор — догнать Яну и разбираться, светя мышцами, или прикрыть пострадавшие штаны и срочно искать им замену — и он выбрал второе. Кажется, что-то шипя сквозь зубы. Но что — Тайяну не волновало.

Да, ей стоило смотреть на дорогу, но разве только ей? Что, у мужчины ноги бы отвалились ее обойти? Или он привык, что его все стороной обходят?

А, пес с ним!

— Умничка, Ааша. Брось бяку.

Волчица недовольно мотнула головой, не желая расставаться с трофеем.

— Брось, правда.

Рык был недовольным. Но с чего бы?

Тайяна нагнулась к волчице — и тут же поняла, что это был не коварный волчий план, а дурацкая ткань. Мужчина был одет во что-то плотное и ворсистое. И чертова тряпка просто застряла у несчастной Ааши между зубами. Вот и вышло... а все равно удачно вышло! Поделом!

Раскаиваться девушка не собиралась. Мысли ее вернулись к приворотным зельям. Проверить, что ли, Аэлу?

* * *

Лайри согласилась моментально.

— Думаешь...?

— а что я должна думать? Аэла, при всем моем уважении к твоему художественному вкусу — Диолат...

— Он слишком грубо вылеплен.

— Именно! Ощущение, что его отцом послужил не аристократ, а конюх.

— кто знает? У них своеобразная семья.

— и в чем это выражалось?

— его мать после смерти отца блудила направо и налево.

— и никто не мог ей отказать?

— Не знаю. Но — зачем?

— Зачем отказывать? Логично...

Действительно, зачем сопротивляться наверняка красивой женщине, которая хочет просто поразвлечься?

— а как ты будешь проверять?

— Ашей. Она натаскана на яды, зелья — я сама ее обучала. Пусть она обнюхает все, что принадлежит тебе? Комнату, одежду, мастерскую...

Аэла пожала плечами.

— Пусть. Мне скрывать нечего.

— начнем с комнаты?

В комнате ничего не обнаружилось. Была чиста и мастерская. Правда, Ааша постоянно терла морду лапой, но Тайяна испытывала сильное желание последовать ее примеру. Красками, простите, не воняло. Ими **ВОНЯЛО** и **СМЕРДЕЛО** так, что глаза резало.

Творческая атмосфера.

А вот в гардеробной им повезло. Ааша сделала стойку, зарычала и принялась прокапываться к вешалке. Яна переглянулась с Аэлой и последовала за волчицей.

И — не прогадала. Ааша вцепилась зубами в миленькое голубое платье и злобно рычала.

— И что это значит? — в голосе Аэлы было чистое любопытство.

— Давай я возьму его, посмотрим в комнате. Ааша?

Волчица мотнула головой, срывая платье с вешалки. Прошлась по гардеробной — и так же зацепила клыками еще одну вещь. На этот раз платье было нежно — зеленым с вышивкой и широкими кружевными рукавами. Подол тоже был богато отделан кружевом.

Аэла смотрела спокойно.

Ровно до тех пор, пока Тайяна не принялась тщательно, на свету, осматривать голубое платье. Прощупывать швы, проминать пальцами каждый его клочок.

— Что ты хочешь найти?

— то, что уже нашла Ааша.

— Но что?

Тайяна сосредоточено ощупывала лиф. Нет, ничего нет.

Пояс?

Подол?

А вот с последним ей повезло. Подол у платья был широким, по последней моде, в несколько слоев — и вот тут! Пальцы нащупали нечто...

— Ну-ка...

Нож словно сам собой скользнул в руку. Уродовать ткань Тайяна не стала, безусловно, а вот распороть аккуратный шов изнутри — спокойно. Аэла нахмурилась, но молчала. Ахнула она, когда Тайяна медленно потащила из тайника нечто вроде... да, кусок веревки, пропитанной чем-то бурым, осыпающимся — кровью?

— Четырехликий!

— Вряд ли это он. Это же не деталь платья?

— Нет. Я люблю его, часто надеваю...

— Да? А как тут образовалось это? Когда ты его надевала в последний раз?

— Еще до отъезда мужа... ему нравится.

— Хм — м... а его часто стирают?

— ты о чем?

— о веревке с кровью. Она бы не оставила разводов на ткани?

Аэла задумалась. Помяла в руках платье, тщательно избегая даже смотреть на веревку, подумала.

— Думаю, нет. Это же шелк... да и старая кровь не разбавляется.

— Но смывается?

— Вполне возможно.

— Свежая ли это веревка? И для чего она?

— Не знаю! А второе платье?!

Стоит ли упоминать, что веревочка нашлась и там?

— Что это может быть?! Как!?

Аэлену чуть потряхивало. Тайяна подумала, призывая на помощь все свои знания.

— Я бы сказала, что это ритуал наведения порчи.

— На меня!?

— Надо полагать. Не на детей же...

— Яна! Проверь детские комнаты, умоляю!!!

Тайяна подскочила — и ринулась в комнаты детей, благо, те были в саду с учительницей.

Но — нет. Комнаты были чисты, чиста была и детская одежда. Аэла перевела дух.

— Хвала Четырехликому!

— Муж?

Но и у мужа все было чисто. Тайяна потерла лоб.

— Если я правильно помню, эту веревку надо взять у повешенного, пропитать твоей кровью...

— Моей!?

— Произнести заклинание на кладбище в полнолуние...

— Откуда ты это знаешь?

— Мы изучаем людей. А я читала. Много.

— Вот как... Моей кровью!?

— Ты не ранилась последнее время?

— Нет. Как!?

Тайяна задумалась. А потом вдруг усмехнулась.

— Аэла, ты же не ждешь ребенка?

— Нет.

— Тогда...

— Оххх!

Аэла явно поняла. Ну да, женщина теряет кровь каждый месяц, это нормально. Но тогда...

— Это кто-то рядом со мной!?!?

— Полагаю, что у других просто не было бы возможности достать кровь, — дипломатично согласилась Тайяна.

Лайри прижала руку к губам.

— Четырехликий!

— Вряд ли это он. Лучше подумай, кому нужна твоя смерть?

— Бандиты, порча... это не опасно?

— Люди бывают так глупы. — Тайяна закатила глаза, но Аэла решила считать, что это относится к неизвестному портному. — К некромантии — серьезной и осознанной

некромантии, способны только темные. И никто иной.

— Но...

— Человек тоже может это сделать. Но нужна либо книга, что редкость, либо этот человек расплатится собой за то, что полез куда не надо. Рядом с тобой никто не старел, не заболел резко?

— Нет.

— Смерть берет свое. Жизнь, здоровье, удачу, счастье. Есть еще один вариант — когда человек побывал на пороге смерти и теперь может... заглядывать в гости. Но это все равно не порча. Это общение с духами умерших, возможно, призыв, помощь.

— Не порча?

— Если ты об этих веревках — то нет. Можно потихоньку выкинуть их или сжечь в камине — и забыть.

— Лучше, наверное, сжечь.

— Сейчас разведем огонь. Только пока молчи об этом...

Аэла не спросила — почему. Она и так понимала. Если человек знает, что его план раскрыт — он придумает что-то еще. А если будет думать, что веревочки действуют... Пусть думает. Но — кто!?

— Не знаю. Наверное, женщина.

— да, выглядит очень по — бабски. Такая гнусенькая месть...

— Вот, ты сама понимаешь.

— Но если бы не ты, я бы сейчас с ума сходила. Яна, это точно не...

— Чтоб мне никогда Леса не видеть, — Тайяна прижала руку к сердцу. — Аэла, верь мне. Мы изучаем людей, в нашей библиотеке есть все эти сведения. Я не могу показать тебе книгу, но в моей голове она сохранилась. Люди не способны к подобной магии.

— Я столько историй слышала про то, как навели на кого-то порчу...

— Иногда людей и портить не нужно. Сами идиоты хорошие. К тому же, вы очень странно устроены. Вместо того, чтобы поменять себя, город, работу, жизнь — вы предпочитаете жаловаться на судьбу.

— Люди во многом аморфны. Но и нархи — ро...

— а мы — монолитны. Как столетний дуб — не сдвинешь, не обработаешь... только от этого не легче. Потому я и бежала. Аэла, составь список, а?

— Какой?

— Женщин рядом с собой. Которые могли получить в руки твое платье часа на два. Даже —

платья.

— Любая из живущих в нашем доме.

— И сколько их?

— Кухарка с помощницей. Четыре горничные. Няня. Учительница детей.

— Сколько у вас всего слуг?

— Восемь я уже перечислила. Еще есть десяток лакеев, дворецкий — это за городом, конюхи — двое, с помощниками — там еще пара мальчишек, садовники — трое.

— Много. А стираешь ты платья где?

— Отдаем прачкам.

— Вашим?

— Чьим же. В деревне...

— Значит, еще и в деревне любая девушка.

— Ты думаешь, что мой муж...

Аэла не договорила. Очень уж не хотелось думать, что ей изменяют. Больно же...

— Не знаю. Но вряд ли конюх будет зашивать в платье веревку. Ночью, в определенное время, читая заклинания. Да и шов тут не мужской, женский.

— Лучшие портные — мужчины.

— Не всегда. Но ты же меня поняла?

— Да. А ведь еще лошадь...

— Лошадь?

— я люблю иногда проехаться верхом. Недавно меня лошадь понесла, едва об дерево не размазала...

— Как ты уцелела?

— рискнула прыгнуть, когда эта скотина помчалась через реку. Вымокла вся, ногу подвернула...

— Ты хорошо едешь верхом?

— Средне. Умею, но делаю это редко. Предпочитаю карету.

— Это тоже могло быть...

— Подумали, что лошадь просто кто-то укусил.

— кто-то? Или что-то?

— Это как?

Тайяна подумала.

— Как дети плюются горохом. А мы можем отравленными иголками. Или просто иголками.

— Тогда почему не в меня?

— Откуда ты знаешь, что не в тебя целили? Да и вообще, вот эти два случая — они не смертельные. Нет?

— Не понимаю...

— лошадь могла тебя покалечить. Убить тоже могла, но чаще при таком раскладе остаются без рук — ног, парализованными и прочее. Порча тоже не смертельна.

— Намекаешь, что меня хотели не убить, а помучить?

— примерно так. Очень по — женски.

— Знать бы — кто?

— Посмотрим. Может, и попадется.

О чем умолчала Тайяна — это о том, что два бабских способа не слишком сочетались с одним — мужским. Обычно женщины не нанимают убийц. Кстати...

— Может, сходить в стражу, узнать, что там с твоими несостоявшимися убийцами?

— ты составишь мне компанию?

— Разумеется.

* * *

Аэла решила пойти пешком. Центральное здание, в котором размещались начальник стражи и два десятка писцов, секретарей, допросная, временная тюрьма и прочее — было не так далеко. Минут двадцать ходьбы. А потому — вперед!

Карета?

Можно, только к чему? Все улицы широкие, открытые, а постоянно в карете ездить — так и ходить разучишься. Они медленно шли, беседовали... все изменилось в одну минуту.

За спиной раздался шум, Тайяна вскинула голову — и тут же прыгнула, отталкивая Аэлу к дому, уходя с пути бешено несущейся кареты.

Кто-то кричал рядом, но девушка ничего не слышала. Она вся сейчас превратилась в единый комок мышц и нервов. Они с Аэлой упали на мостовую, камни больно ударили в спину при перекате, рядом рывкнула Ааша — и все стихло.

Карета больше не гроыхала. Яна подняла глаза.

Аэла лежала рядом с ней и лицо у нее было белым — белым.

— Ян — на...

Голос ее сбивался, видимо она поняла, что произошло и насколько близко пронеслась смерть.

— Все в порядке, Аэла. Все уже в порядке.

— К-кто... как?!!

— Сейчас узнаем.

Яна была уверена в своих словах, потому что одна из лошадей лежала на мостовой с разорванным боком, вторая невольно остановилась, хрипя и вздрагивая, косясь и иногда взвываясь на дыбы. И у нее были на то причины, потому что рядом стояла Ааша и злобно рычала на перевернувшуюся карету.

Если там и был кто живой, то показываться ему не хотелось.

— Аэла, ты в порядке?

— К — кажется да.

— Попробуй встать.

Яна поднялась на колени, встряхнулась. Да, нормально. Тело не потеряло навыков. Нархи — ро — они легкие, сильные и главное — они занимаются. Часто и много. Потому что это народ крылатых. А как ты взлетишь, если вместо мышц — кисель?

И как ты упадешь, если не умеешь этого делать?

Вот и учатся малыши. Прыгать, бегать, падать, перекатываться. Сейчас и пригодилось. Она протянула руку Аэле — и женщина вцепилась в нее. Медленно встала, потеряла спину.

— Все в порядке. Спасибо. Если бы не ты...

— Мы справились. Но это — не несчастный случай, Аэла.

— Я понимаю. Ох, Яна... — Женщина всхлипнула — и вдруг крепко обняла Тайяну, прижалась на миг. — Ты второй раз спасаешь мне жизнь.

— Надеюсь, это не войдет в привычку.

— Спасать?

— Нет. Покушаться. Ааша, взять!

Дверца дернулась. Волчица больше не рычала — какие пошлости. Нет. Она просто на миг напряглась — и кинулась вперед.

Волк может уволочь крупную овцу. Но это — обычный, а Ааша была крупнее и сильнее. Поэтому человека просто вырвало из кареты под ее весом — и чуть ли не размазало по мостовой.

— Что тут происходит?

Женщины перевели дух. Наконец-то!

Стража!

* * *

Спустя два часа они шли домой, весьма недовольные жизнью.

Те двое убийц настаивали, что они просто пришли грабить. Вот просто — пришли. А разговор?

Да врет все эта нархи — ро, или не так поняла! Мало ли что может быть! Она ж не человек, ослышалась, например...

Так они утверждали вчера. А сегодня...

Сегодня днем их нашли мертвыми. Яд в каше. Как он туда попал? Никто не знает.

Человек, которого чуть не загрызла Ааша, тоже все отрицал.

Ну, лошади понесли. Бывает. Он безумно благодарен тем, кто их остановил, хотя... ох, лошадь-то как жалко! А иначе нельзя было?

Нет?

Все роавно спасибо вам, кана, что не дали взять грех на душу. А то ведь раздавил бы лайри, век бы потом мучился да терзался...

И поделать ничего было нельзя.

Тайяна знала, что он лжет, знала и Аэла, но — недоказуемо. А закон — он всегда закон, даже если кому-то это не нравится. Можно отправить мерзавца на пытку, но ведь это не метод! Под плетью любой себя оговорит... да и мало ли?

Правда, показалось...

Женщины знали, что не показалось, но... были бессильны.

— Лара, вы прекрасная художница, — разводил руками начальник стражи. А между строк так и читалось: 'но не лезь туда, где ты ничего не смыслишь'.

А Тайяна и вообще — нархи — ро. И звать ее здесь, среди людей — никак. Так что девушка смотрела нехорошо прищуренными глазами на седовласого начальника стражи, который отговаривался от работы и собиралась сквитаться.

По полной сквитаться с негодеем.

С обоими.

* * *

Аэла заговорила лишь когда они дошли до дома.

— Яна... это ведь было покушение?

Тайяна кивнула. Она могла отличить одуревших лошадей — от управляемых умелой рукой.

Нет, карет-то в Лесу не было. А вот животные — были. И они везде одинаковы. Что она — взбесившихся лошадей не знает, что ли? Да каждый раз, когда Ааша мимо проходит...

В Лесу они приучают лошадей к волкам. Страх, конечно, не убирается, но хоть что-то.

— Они бы меня... кто!? За что!?

— Не знаю.

— а можешь — узнать?

Тайяна аж остановилась на полушаге. Ногу подняла, а опустить ее не смогла. Забыла.

— к-как!?

— Не знаю. Но ты же многое знаешь... почему бы и нет?

— да потому, что я не знаю почти ничего о людях! Я не умею!

Нога наконец опустилась на землю, девушка встряхнулась, помотала головой, словно избавляясь от дурного сна. Аэлену это не остановило.

— Что ты не знаешь? Про веревку мы забыли — ты помнишь! Про Темных... Яна, вы изучаете людей! Вот и попробуй применить свои знания! Пробуй!

— Но я знаю *о людях*. Я не знаю — *людей*! — Яна вцепилась в косу. — Пойми, Аэла, я не знаю, сколько оставляют на чай здесь или там, как заказывают поесть в трактире, а как в леанти, как одеваются, как ведут себя в том или ином случае — я во многом младенец в вашем мире! Я не справлюсь просто потому, что могу не заметить открытую дверь! Дело даже не в том, что я не умею! Я же просто не увижу! Не пойму! Не разберусь! И ты мне тут не помощница! Тебя в это тащить нельзя, потому что ты — лайри! Ты сама не справишься! Ты сегодня упала — и то беда, а ведь у тебя дети! Тебе за тремя замками теперь сидеть, пока муж не вернется...

— а если этот гад до меня раньше доберется?

Вероятность была велика.

— К Диолату я тебя провожать буду. И ждать тоже. И беречь. Но...

— Но кто-то подсунул мне веревку. А если будет яд? А если детям? Яна, помоги мне!

— Как!? — слово вырвалось почти стоном. Но Аэла задумалась.

— А что бы ты сама сделала?

— нашла ночью этого... лошадника. И расспросила.

— вот и найди.

— Н — но...

— Подумай, что сделать. А я могу найти тебе напарника. Который знает — людей.

— Хм — м?

— Я знаю одного человека. Он — бывший стражник...

— А нынче?

— Пьет он. Сильно.

— Почему?

— Сама увидишь. А если честно — дело он свое потерял, а на другое не годен. Вот и... Начальника стражи ты сама видела. Кто другой Вайста бы при страже оставил, а он...

— Вайст?

— Рошер Вайст. Дядя Вайст. Мы когда-то на одной улице росли...

— Покажешь мне его? Поговорим, потом решим...

— Покажу. Я ему помогаю, насколько могу... жалко его, а вот куда приставить — не знала.

— Когда?

Лайри посмотрела на солнце, прищурилась.

— Да хоть бы и сейчас. Надо только домой за каретой и слугами, а то пьяный он в хлам, на себе не утащим.

— Ааша?

— она — утащит. Но пьяного? Грязного? Вонючего?

— Утащит. Но обидится.

— Тогда — за слугами. И в таверну 'Розовый хряк'. Он там обычно напивается.

— Кто их называет, ваши таверны? Что ни название — одно другого чуднее!

— Никогда не задумывалась...

* * *

Почему запил Рошер Вайст, Яна поняла сразу же, как его увидела. У мужчины просто не было правой руки. Вообще. Культя заканчивалась аккурат у плеча.

— Что с ним случилось?

— То. Преследовал убийцу, да неудачно. Трое их оказалось, чудом спасти успели. Если б подмога не подоспела, кровью бы истек. А как понял, что впереди ничего нет — так и запил. Стражник-то он от Четырехликого был, все ходы — выходы знал, всех воришек чуть не по именам, все городское дно наизусть...

— Ага...

Тайяна пригляделась к мужчине.

Ну да. Опустившийся, грязный, небритый и нечесаный, что есть — то есть. Но в то же время...

Не старый, когда-то сильный, это видно по оставшейся руке. Просто — пьяный в хлам.

Азла кивнула слугам, которые подхватили мужчину и потащили на выход из таверны. Положила на стол небольшой кошелечек и вышла вон.

Да, таверна. Да, грязная. Да, лайри. И что?!

Она не трайши родилась, было время — и полы в таких мыла, и не брезговала, и за работу благодарила. Есть такая птица — нужда. И клюется она — больно.

Дома мужчину отмывали в шесть рук и одну хозяйку, которая стояла над слугами и командовала. И смотрела, и ругалась. Потом сгрузили в комнату и Аэла облегченно вздохнула.

— Завтра проснется, как новенький. Ругаться будет, правда, ну да ладно! Пусть ругается, лишь бы помог.

— ладно.

— а ты куда?

— а я найти того лошадника. Пока он у нас — единственная ниточка. А начальник стражи собирался его сегодня выпустить.

— Сможешь?

— Ааша сможет. Она же и допросить поможет.

— Все же, ты одна...

Тайяна пожала плечами.

— не одна. С Аашей.

И только шаги по коридору прошлепали. Аэлена посмотрела ей вслед — и непроизвольно сотворила знак Четырехликого.

— Лишь бы получилось...

* * *

Тайяна сделала самое простое, что могла. Обошла Дом Стражи по кругу — и убедилась (волчий нюх это не шутка), что нужный ей человек пока не выходил.

И заняла выжидательную позицию в таверне напротив. Ааша лежала у двери и тоже наблюдала, но за посетителями. Не дернется ли кто к хозяйке? Не проявит ли неуважение?

А то какая-то несправедливость жизни уже второй день. Врагов много, а загрызть никого не дают! Так и навыки утратить можно, пасть только для разгрызания костей использоваться и будет.

Но люди вели себя слишком хорошо. Видимо, улыбка у волчицы была добрая — добрая...

Наблюдать пришлось почти четыре часа, но дело того стоило. Тайяна увидела, как на крыльцо Дома вышел 'лошадник', как она прозвала убийцу, как начальник стражи махнул ему рукой- и

убийца сошел с крыльца.

А вот удрать ему не удалось.

— Ааша! След!

Девушка оставила на столе несколько монет и без спешки последовала за своим 'клиентом'. А куда спешить?

Волк — он быстрее человека бегают, если понадобится, Ааша этого типа еще раз приволочет, как барана. Но не посреди же города его хватать и кусать? Его еще допросить надо...

А это — в тихом бы месте. Вот и приходилось следовать за мужчиной двумя теньями. Неслышными, почти невидимыми... волкам не впервой скрадывать добычу. А нархи — ро... этих никогда не увидишь в лесу, если они не пожелают. Но что такое город, если не каменный лес?

Хищников там точно хватает.

Ааша тенью скользила за мужчиной, Тайяна привычно следовала за волчицей, даже не думая о том, что делает.

А потом впереди послышался рык.

И странные звуки... рвота?!

Девушка бросилась вперед.

'Лошадника' мучительно рвало, он уже сполз на колени и стоял у стены, изо рта его сочилась желтовато — зеленая пена, глаза закатывались...

— Рахшар!

Это не было ругательством. Рахшар, ядовитое яблоко, дурман — лоза, называли все по — разному, а вот результат был один и тот же. Смерть в течение часа — двух после приема, в зависимости от дозировки и сопротивляемости.

Яна подхватила мужчину, не думая, что испачкается, обняла его за плечи.

— что ты ел!? Что пил!? Ну!!!

Бесполезно. Глаза мужчины гасли, закатывались, его уже не рвало, просто пена текла изо рта, пачкая руки девушки.

— Слив...

Тайяне этого было решительно недостаточно. Но — увы.

Рядом рыкнула Ааша, выразительно намекая, что здесь не место для растерянности. Яна задумалась — и принялась решительно обшаривать карманы мужчины.

Кошелек — к себе. Нож, носовой платок, какие-то побрякушки, сейчас не разберешь, чем-то уколола руку — плевать!

Все летит в карман плаща. Теперь обтереть руки об одежду мертвеца — и прочь из переулка,

пока никто не заметил. Где она?

А, неважно!

— Ааша, домой!

Можно бы и прокатиться верхом на волке, но это уж перебор. Ааша тоже не железная.

* * *

В это время Аэла тоже была занята. И тоже злилась. Рошер пришел в себя, но первой его реакцией стала вовсе не благодарность, о нет! Поняв где он и что происходит, 'спасаемый от печальной участи' обложил благотворительницу в три этажа с чердачком, не особо интересуясь ее титулом. Впрочем, Аэлу таким было не запугать и не смутить. Ругательства она выслушала с видом полнейшего безразличия и подала Рошеру стакан с водой.

— Промочишь горло? Может, дальше лучше будет? Раньше ты не позволял себе повторяться в одной и той же фразе. Даже гордился своим мастерством...

Ответом женщине был мрачный взгляд. Но воду Рошер-таки выпил.

— Ну и какого... и ...?

— Уже лучше. Пьянство плохо влияет на твои таланты.

— тебя вот не спросил!

— А хоть бы и спросил — хуже не станет.

— Без тебя уже стало. Так что тебе надо?

— Мне нужна твоя помощь.

Вот тут Рошер и расхохотался в голос.

— Аэла, ты рехнулась!? Помощь!? От меня!? Да ты посмотри на меня! Я же ничего не могу! Даже стакан налить... иногда!

— Вино хлебать меньше надо, вот и рука дрожать не будет, — Аэла не собиралась жалеть старого знакомого. Слишком хорошо она его знала.

Жили когда-то на одной улице, только Аэле было на двенадцать лет меньше. Но Рошер все равно был кумиром девочки — и однажды Аэлена набралась смелости. Подошла и сообщила, что обязательно выйдет за него замуж — как вырастет.

Надо отдать парню должное — он не поднял малышку на смех, не поиздевался, а просто объяснил, что когда она будет взрослая, он уже будет старый. И называть его, наверное, будут уже дядюшка Рошер. Как-то так это и рассосалось, но называла его Аэла только дядюшкой.

Потом многое произошло, обе семьи переехали, следы потерялись, но лет шесть назад Аэла увидела друга в городской страже.

Десятником Рошер был хорошим, людей берег, вот и получилось однажды, что арбалетный

болт угодил ему в кость. Да так неудачно, что рука загноилась. Пришлось отнять ее, чтобы спасти пациенту жизнь.

Кое — какую пенсию Рошер себе выслужил, на крохотную комнатку и вино хватало, а больше ему и не надо было. А вот Аэле он понадобился.

Очень.

И отступать женщина не собиралась.

Какое-то время они оба молчали, но первым сдался Рошер.

— Ну и что тебе от меня надо? Не просто ж так ты меня сюда приволокла?

— Помоги мне, Рошер. Пожалуйста.

На лице мужчины появилась горькая усмешка.

— Чем? Аэлена, ты не видишь? Я — калека.

— И что?

— Ты надо мной издеваешься?

— Рошер, мне очень нужна помощь. И именно твоя.

— А муж?

— Он в отъезде. И... я не уверена, что меня не убьют до его приезда.

А вот это произвело впечатление на Рошера. Мужчина сел на кровати и впился взглядом в лайри.

— Что случилось, Аэлена?

— Ну... меня уже раза четыре пытались убить.

— Так... Подробности?

Аэла вздохнула.

— Меня пытались убить, испугав мою лошадь, чтобы она понесла, хотели напустить порчу, нанимали убийц — два раза. Один раз они пришли в мой дом, второй раз меня пытались сбить каретой. И я не уверена, что это не повторится завтра или послезавтра.

— и что ты хочешь от меня?

— Рошер, найди того, кто это делает!

— Аэлена... Стража ведь ловит. Не ищет...

Роше не знал, как объяснить лучше. Но... когда дело касается темной магии — это проще. Там можно узнать в Храме. А вот когда убийцы... а как их ловят?! Обычно хватали кого получится, иногда выбивали признание под пыткой, но искать?

Как!?

Рошер просто не умел этого делать. Но Аэла сдаваться не собиралась.

— Я знаю. Но ты — умный. Ты знаешь все городское дно, ты можешь многих расспросить. А мне... Рошер, у меня нет выбора. Или ты хочешь увидеть мои похороны?

Вот этого мужчине не хотелось. Всплывали воспоминания о девочке, которая серьезно смотрит ему в глаза и протягивает одуванчик. *'Ты красивый. Когда вырасту, я хочу выйти за тебя замуж...'*

— Аэлена, посмотри правде в глаза. Я сейчас ни на что не способен. Даже прижать кого-нибудь к стене и допросить, даже проследить...

— о, с этим проблем не будет. Ты согласен помочь мне?

— А ты отвяжешься?

— Нет. Но ты можешь согласиться добровольно.

— Поганка! И всегда такой была.

Аэлла ответила улыбкой. И не стала говорить, что если бы Рошер *сам не хотел уговориться*, ничего бы у нее не вышло. Вообще ничего.

Она-то помнила насколько может быть упрям этот невысокий мужчина — хуже всякого барана. Просто сейчас была возможность и попробовать себя в деле, и... да, вернуться! Но неофициально. Не считать же это все — всерьез?

Хотя убийца точно был...

В дверь поскреблись и вошла Тайяна. Усталая, растрепанная, испачканная в чем-то непонятном.

— что с тобой?

— Со мной все в порядке. А вот о нашем общем знакомом такого не скажешь, — усмехнулась девушка.

— ты его...

Аэла побледнела. Только сейчас ей пришло в голову, что нархи — ро вообще-то не люди. И у них своя логика, свои законы... может, она волчице приказала и та порвала горло ее обидчику?

Ой, мама...

— Да нет. Не я. Его еще до меня отравили.

Аэлена перевела дух.

— Как!?

— Как — не знаю, а вот чем — точно могу сказать. Дурная лоза, так это называют люди. Выжимка из плодов. Не знаю, куда ее подлили, но когда я поймала нашего 'наездника', он уже

уходил тропой небесного леса.

— А сказать он ничего не успел?

Яна с чистой совестью помотала головой. Но и верно ведь — ничего. Что там — один слог. То ли слив, то ли слива, то ли что-то сливали, то ли вообще Сливерн какой-нибудь. Это в лучшем случае, а ведь мог и бредить...

— так, девушки, вы сейчас о ком говорите?

Рошер даже ладонью по тумбочке пристукнул, привлекая внимание к себе. Яна и Аэла переглянулись, вздохнули — и нархи — ро уступила право рассказа лайри. Не на нее ж покушались!

Сама Яна добавляла по ходу рассказа. О том, как помогла схватить двоих убийц.

Как спасла Аэлу из-под конских копыт. Как следила за мужчиной и как тот умер у нее на руках.

Рошер внимательно слушал, а потом вынес вердикт.

— Аэлена, вы правы.

— В чем? — Лайри сидела бледная. Одно дело осознать, что на тебя покушались, совсем другое — проговорить все это вслух и понять, как ты была близка к могиле. Чудом вылезла, можно сказать.

— Это слишком женская месть. Тут бабская рука чувствуется. Яды, опять же...

— Как его могли угостить ядом? — Аэлена размышляла вслух.

— Как угодно. В еду — питье подлить...

— У стражников?

— Думаешь, случаев мало? Тюремщики, за малую мзду, что хочешь передадут, — усмехнулся Рошер. — Уж сколько раз мы с ними брехали, а все одно, не впрок наука.

— Так расспросить...

— Тоже аккуратнo надо. Сама понимаешь, псы... то есть стражники — народ неболтливый... хотя не все. Но это я возьму на себя.

— А что еще надо?

— А подумать. Аэлена, ты прости... у твоего мужа есть любовница?

Лайри замотала головой. Рошер фыркнул — и получилось весьма язвительно.

— Ну хоть бы одна жена сказала иначе!

— Поиздевайся, — огрызнулась Аэла. — Алинар никогда не давал мне повода заподозрить его в измене.

— не давал повода — и не изменял, вещи разные. Вполне возможно, что у него есть любовница, которая, например, ждет ребенка. И?

— Было бы логично убрать Аэлену и выйти замуж за ее вдовца, — подвела итог Яна. — Но как это можно узнать?

— разными путями. И начать с того, что ты, Аэлена, сейчас пойдешь и обыщешь комнату мужа. И одежду — тоже. Все карманы. Поняла?

— Мы с Аашей поможем, — кивнула Яна. — Она почует чужой запах.

— Ааша?

Яна поставила Рошеру большой плюс за невозмутимость. Мало кто сможет сохранить самообладание, когда в дверь просовывается здоровущая волчья морда. Да еще и дружелюбно скалитесь при этом.

— Ага. Ааша, значит...

Голос все же дрогнул. И почему люди боятся волков? Ей — ей, если сравнивать кто кого больше убил — волков можно только пожалеть.

— Ааша. Она отличный нюхач, — согласилась Яна.

— Н — ну ладно.

Увы...

Они честно просмотрели все карманы, проглядели бумаги, Яна даже залезла под кровать в супружеской спальне, но кроме большого количества пыли и мышиной норы — ничего обнаружено не было.

— Или твой муж не изменяет, или держит все при себе, или где-то в другом месте. — вынесла вердикт умотавшаяся Яна.

Аэлена вздохнула.

— Не хочется верить в плохое.

— Да уж кому бы хотелось, — Яна потеревала косу. — Аэлена, а ты понимаешь, что можешь раскопать что-то *очень* плохое? Просто так на людей не покушаются...

Лайри вздохнула. Потом решила, подняла голову и посмотрела Яне прямо в глаза.

— Яна, но ведь это *очень плохое* — уже существует. Знаю я о нем, или нет, оно выползает из укрытия. И никуда не денется. Просто если я буду знать — я смогу защититься. А если нет... вообще нет. Понимаешь?

Яна понимала. Лучше уж известный враг, чем враждебная неизвестность.

— Тебе может быть очень тяжело.

Лайри криво улыбнулась.

— Если Лир меня не обманывал — остальное я переживу. В моем прошлом ничего порочающего меня нет, ну, если не считать Диолата.

— его поведение тебя не позорит. Он сам по себе мразь, — высказалась Яна.

— Спасибо... А с остальным я справлюсь — были бы мы все живы — здоровы.

— а вот с этим придется поработать...

Рошер ждал женщин, поедая при этом бульон с гренками.

— что скажете?

— Все пусто и чисто.

— Плохо. Эх, не хотел я, а придется.

— Что — придется?

— Идти к маме Шальзе.

— Чьей маме? — не поняла Яна. Лайри Аэлена покраснела, выдавая знакомство с предметом, а Рошер покачал головой.

— Мама Шальза — самая известная бандерша города. У нее бордель для благородных, и уж поверь мне, ни одно подобное дело без нее не обойдется. Завел ли кто девочку, сходил к шлюхам или привез себе из деревни пассиву и поселил на окраине города — она точно будет знать. А вот захочет ли поделиться сведениями...

— Со мной и Аашей? Конечно, захочет! — в семьдесят с лишним зубов ухмыльнулись Тайяна и Ааша.

Рошер посмотрел на эту компанию и решил не спорить. А чего с волком спорить, он же зверь лесной, дикий, к философским диспутам не склонный...

* * *

В бордель пришлось идти следующим вечером. Но и неудивительно.

Учитывая полуденные приключения Тайяны, обыск и наброску планов действия, спать все трое легли ближе к утру. И проснулись только к обеду. Лайри Аэла вздохнула и отправила Диолату записку, что сегодня она заниматься его портретом не может. Болеет — с...

После чего женщины отправились к Рошеру и принялись с ним шептаться.

Итогом шепота стал вызов портного и подгонка по изрядно исхудавшей фигуре Рошера одного из нарядом супруга лары Аэлены. А то!

Если Рошер и вспоминал за время пьянства, что одежду иногда надо стирать и чистить, то быстро выбрасывал из головы страшные мысли и продолжал пьянку. Бутылке-то все равно, хоть ты в трусах пей, хоть и вовсе без трусов, а собутыльников Рошер не жаловал и вполне взаимно.

Не пользовалась городская стража любовью у пьяниц.

А ближе к вечеру из особняка лойрио Авельена вышли трое. Впереди легкой походкой шла большая черная собака... или волчица? Да нет, не бывает волчиц, у которых на шее повязан большой розовый бант! Это ж издевательство над зверем!

Вслед за ней шли под ручку мужчина и женщина. Он — среднего роста, худой, со впалыми щеками, словно долгое время морил себя голодом, она невысокая, почти как ребенок, в мужской одежде и с длинной косой.

— не знаю, согласится ли Шальза нам помочь. Она женщина очень своенравная....

— Я тоже, — Яна и не сомневалась в успехе.

— Хм — м...

— И потом, деньги у нас есть, если что — заплатим и дело с концом.

— Я ей не раз на хвост наступал, когда стражником был...

— У нее что-то противозаконное?

— Это как поглядеть. Я-то уверен, что она и контрабандой балуется, и дурью немного, но не пойман...

— Понятно.

— да и девочки ее... этот-то домик элитный. А есть и еще парочка, рангом пониже. И вот там — намного хуже. Говорят, что не все туда попали по своей воле.

— Вот даже как...

Яна нехорошо прищурилась, и Рошер поспешил ее успокоить.

— Слухи ни разу не подтвердились. Но сама понимаешь...

Яна понимала.

— Посмотрим. Поговорим...

* * *

В бордель их впустили беспрепятственно и Яна тут же принялась сравнивать прочитанное и увиденным.

Ну, что сказать?

Роскошь — да. Крикливая, яркая, броская, немного вульгарная, но в меру. Например, вместо алых штор висят благородные, цвета темного пурпура, и их даже золотые кисти не портят. Паркет из дорогих пород дерева, большие светильники — но и тут не золото, а старая бронза. Хотя и начищена до блеска.

Дорого, красиво... лепнины могло быть поменьше, картин с фривольными сюжетами — тоже, а так — неплохо. Вроде бы и бордель, но не для дешевок. Это точно.

Да и девушки, которые появились навстречу паре, тоже дешевками не выглядели. В длинных платьях, но с распущенными волосами. Да и платья были сшиты так, что при ходьбе открывали то разрез до самого бедра, показывая ногу в тонком чулке, то на спине под волосами обнаруживался вырез... неплохо, совсем неплохо. Краски многовато, но у девушек работа такая.

— позвольте услужить вам, лайри, лойрио...

— Девочки, не ломайте комедию, — Рошер ухмыльнулся. — А то я вас не знаю, что тебя, Милейн, что Авилу. Быстренько, проводите нас к Шальзе — и мы расстанемся друзьями.

Девушки недовольно засопели. Потом одна из них прищурилась.

— а ты, Рошер, не иначе, как богатую жену нашел?

— а вот это, Милейн, не твое дело. Так проводите?

— А если нет?

— А если моя собачка попортит коврики? Немного? — мурлыкнула Яна.

Ааша сверкнула зубами. До этого момента волчица скромно держалась сзади, но сейчас спокойно подошла к стене. И даже задрала лапу, как бы собираясь сделать свое черное дело аккуратно на дорогуший ковер — потом только выкинуть. Запах будет — жуткий.

Девушки невольно вытянули руки вперед и Яна холодно усмехнулась.

— Мы договоримся?

— Ави, доложи кане, что пришел этот... бывший стражник, — попросила Милейн.

Вторая девушка кивнула и исчезла за одной из портьер.

Милейн прищурилась, но сказать ничего не успела. Ааша прошла рядом с ней, толстый хвост стукнул 'девушку' по ногам, не сильно, но ощутимо.

— А ты помолчи пока, девочка, ты такая милая, когда молчишь, — медовым голоском пропела Тайяна, чувствуя, что Рошер весь напряжен. Ему только насмешек от продажной девки не хватало! — А то ведь Ааша может тебе и еще пару разрезов сделать, и не только на одежде. В вашем ремесле увечные девочки спросом пользуются?

Верилось с трудом, но рядом со здоровущей волчицей логика как-то отказывает. Она же рядом, болшая, страшная, а что у нее на уме? И есть ли там ум?

Ох, проверять не тянет. Зубы-то определенно есть...

Так и ждали втроем, пока из-за той же портьеры не вышла мама Шальза. Яна уважительно опустила ресницы. Да уж... на эту она Аашу натравить не рискнет, еще покусают бедное животное... или отравится зверюга, что не лучше.

Мама Шальза была невысока, полнотела, строгое платье больше подошло бы гувернантке при юных трайши, но материал на него пошел — кьянтийский шелк. Такое и трайши не всегда по карману. Дорогое кольцо на руке, но и только. Ни краски, ни позолоты — строгость и изящество. С такой госпожой и трайши поговорить незазорно, за перестрел аристократией

тянет.

Рошер вежливо поклонился. Яна подумала — и последовала его примеру, благо, в штанах реверанс не сделаешь.

— Сатро Вайст, какая... неожиданность.

Голос тоже оказался вполне подходящим. Низкий, бархатистый, глубокий — людям с таким голосом в долг дают и поручителей не спрашивают. Он вызывает доверие...

— А что с вами за юная кана? Очень интересное лицо...

— Я из нархи — ро, уважаемая кана Шальза, — Яна вежливо склонила голову. — Видимо, поэтому мое лицо кажется вам необычным. Но ведь и вы... Ш'аальзея? Верно?

Кана чуть прищурилась. Девочки вылетели за дверь вспугнутыми птицами.

— Пройдемте ко мне в кабинет, сатро, кана.

Кабинет тоже оказался на уровне. Яна подозревала, что есть еще один — для других посетителей. Но этот был предназначен только для работы. Большой стол, несколько стульев, два шкафа, идеальная чистота и порядок.

— Вина? Фруктовой воды? Ланти?

— Благодарю, не стоит, — выбрал за двоих Рошер.

— Зря, очень зря. У нас замечательное вино, из Мерлора, с Афирнайских виноградников. Такого вы, наверняка, не пробовали, — Шальза усмехнулась так, что Рошер скрипнул зубами. Намек был понят — и правильно.

С — стерва!

— Благодарю, не стоит.

— Так что же вас привело ко мне, уважаемые? Желаете получить у меня работу?

Рошер и Яна переглянулись. Вопрос был задан таким тоном, что оба поняли — не поможет.

Вот ни в чем им эта зараза не поможет! Будет ходить вокруг да около, издеваться, насмехаться, но — не поможет. А прижать ее... а чем!?

Она у себя, при всех правах, ничего не совершала. Это они в роли просителей.

Хоть и правда — Аашу натравить. Хотя...

И тут к Яне пришла *мысль*.

Она улыбнулась в меру нагло, коснулась плеча Рошера и капризным тоном произнесла.

— Прости, что я тебя не послушалась. Действительно, тут просто некому оценить то, что может предложить специалист моего класса. Их потолок — это разрез на юбке... до самой шеи. И вульгарное влияние задом. Пфф... в городе есть еще заведения? Лучше, конечно, повыше классом.

Рошер пожал плечами. Он и сам был удивлен, но внешне это не проявилось, а подыграть напарнику — милое дело. Так уж в страже было заведено — не понимаешь, что делает напарник — сначала помоги, а потом спросишь!

— Да, пожалуй, парочка найдется. Это просто было ближе всех, вот я вас и привел, лайри...

— Лайри? — Шальза не удивлялась, скорее, уточняла.

— Тайяна э'Лесс Риккэр, к вашим услугам. Да, по меркам нархи — ро, мою семью можно отнести к лайри, хотя у нас в ходу немного иные титулы.

— И вы собирались работать у меня, лайри? Я не удивлена, в нашем ремесле кого не встретишь. Но на вас вряд ли найдется много любителей. Типаж... своеобразный. Под мальчика.

Кана Шальза тоже развлекалась — на свой лад. Наглость девушки ее скорее, позабавила. Чем разозлила. Злиться стоит, когда ты слаб. А когда осознаешь свою силу и значимость... да прикажи она — завтра же наглая девчонка работала бы в одном из ее заведений. Вместе с собакой, есть любители. Но... почему бы и не поиграть?

Давно ее никто не забавлял. Отвращение было, раздражение, презрение... сейчас ей было любопытно. Что может предложить эта соплячка? Пусть она и из нархи — ро?

— Я не торгую своим телом. Но могу предложить нечто большее. У вас наверняка есть клиенты, которые пресытились обычными развлечениями?

Шальза прищурилась.

Были, как не быть. Пресыщение — обычная вещь для тех, кто имеет много. И имел многих, чего уж там. Когда понимаешь, что у всех женщин между ног одно и то же, невольно начинаешь чудить, а ведь благосостояние Шальзы напрямую зависело именно от пресыщенных и искушенных.

— Нархи — ро придумали, как с этим бороться?

— Не бороться, нет. Разжигать интерес. В Кьянти есть нечто подобное, но это, скорее, бледная тень нашего искусства.

— Что именно?

Тайяна могла бы рассказать о многом, о массаже, о сочетании запахов, о точках на человеческом теле... из книг узнаешь столько, сколько иные за всю жизнь не освоят. Но для начала она выбрала совсем простое.

— Театр теней. Танец тени на стене.

Интерес в глазах Шальзы начал утихать.

— Тени?

Яна усмехнулась.

— Поспорим? Я — мастер и могу продемонстрировать свое умение. Если найдется подходящая

комната и зрители.

— Какая нужна комната?

— раза в два больше этой. Погасить светильники, протянуть поперек простыню, чтобы у меня было свободное пространство на два взмаха рук, поставить светильники за моей спиной. Меня никто не увидит, увидят только тень. Но... захотят.

— Да неужели?

— Нужен еще бубен. Найдется?

— Чего только не найдется в моих кладовых. Допустим... у меня сейчас есть пара гостей.

— Предложите им развлечение. Вы ничем не рискуете.

— А вы, кана?

Яна усмехнулась.

— Если я не сдержу свое слово — готова отработать у вас три ночи с любимыми клиентами по вашему выбору.

Вот теперь в глазах бандерши появилось уважение. Она представляла, насколько должна быть уверена в себе эта девушка.

— что ж... Можем попробовать. А Рошер...

— а он постоит рядом с музыкантом. Чтобы тот — или та не сбились в самый интересный момент.

— Подождите меня. Я распоряжусь.

Мама Шальза вышла из кабинета — и Рошер тут же притянул к себе Яну.

— Ты рехнулась?

— она бы нам век не помогла, — Яна дернула косу, распуская волосы. Теперь любой, кто смотрел бы на них, не увидел движения губ, а тихий шепот могла слышать только Ааша. И то — она рядом стояла.

— Можно бы деньги...

— ты же сам понимаешь... или наврала бы, или еще что...

Понимал, конечно. И безвыходность ситуации тоже. Лучше Шальзы никто о любовных делах знати осведомлен не был. Но и выудить из нее информацию — раньше он хоть пугать мог. А сейчас?

Да ничего...

— Ты понимаешь, чем рискуешь?

— Ничем.

Дольше им поговорить не удалось. Вернулась бандерша — и Яна отправилась осматривать комнату. Довольно кивнула — подходит, переставила пару светильников, чтобы тени выглядели более отчетливыми, проверила крепление простыни, чтобы не оторвалась в самый неподходящий момент.

— Отлично. Музыка?

Шальза усмехнулась.

— Сама юность вспомню. А Рошер мне компанию составит, приглядит, чтобы все было честно.

— Так вы все-таки...

— да. Хотя это было очень давно.

Ну да. Къянти отличить можно, но когда у женщины волосы уже седые, поди, разбери, темные они там были или нет. Или она вообще смесок. А меж тем, Яна была уверена, что Шальза, или, правильнее, Ш'аальзея, из Къянти. И не из самой бедной семьи. Уж что ее привело сюда — вопрос другой. Но... с бубном она должна уметь работать.

— Ритм...

Два долгих удара, пять мелких, еще два долгих удара, Десять мелких — и все заново. Конечно, Ш'аальзея легко поняла ритм, усмехнулась.

— Когда можно впускать клиентов?

— Минут через пять. Рошер, отвернись!

В руки служанки полетели сапожки, штаны, рубашка — и Яна осталась в одном белье. Перехватила поудобнее плащ — ладно, на безрыбье...

И — за занавеску. Быстро размять тело, вспомнить науку — и сосредоточиться.

А через пару минут вошли и клиенты. Трое, на вид из молодых лойрио, или детей очень богатых купцов, самодовольно уселись в кресла, вытянули ноги, расслабились, явно не веря, что будет что-то интересное...

А вот это зря.

Яна звонко щелкнула пальцами.

Лампы погасли. Комната погрузилась в темноту. Освещенной осталась только та часть, где была нархи — ро — и то едва — едва. Но для теней этого хватило.

Доннни! Доннни! Дон — дон — дон — дон — дон...

Бубен запел, заговорил в умелых руках. И Яна сделала первый шаг.

Это несложно, это совсем несложно если умеешь. Так танцует дерево на ветру, так изгибается лоза под натиском бури. Прихотливо, грациозно, неожиданно.

И — эротично.

Кто сказал, что соблазн — это куча обнаженной плоти вокруг?

Нет.

Соблазн — это тайна, загадка, это танец тени на ветру, это изящный изгиб руки, это правильный ритм музыки...

Доннни! Доннни! Дон — дон — дон — дон — дон — дон — дон — дон — дон — дон...

Плащ вился вокруг точеной фигурки, словно живой, то обвивая, то прикрывая, дразня, показывая почти все... но — почти.

Ничего особо нового для нархи — ро, это умеют многие. Тело — потрясающий в своей точности и изяществе инструмент, можно поставить рядом двух женщин, но если одна из них, пусть дурнушка и замарашка, умеет двигаться, а вторая, разодетая в бриллианты, сутула и косолапа, поверьте, выиграет первая.

Доннни! Доннни! Дон — дон — дон — дон — дон...

Ты тень на поверхности воды, ты наяда из морского народа, ты кончик змеиного хвоста вечной женской тайны. Дразнить, не показывая лица, маня к себе, возбуждая то потаенное, темное, что есть в каждом человеке, теперь разворот, еще один, прогнуться, провести руками, подчеркивая формы тела... и Яна понимала по молчанию в темноте, по учащенному дыханию, по запаху пота — она выиграла вчистую! Уже сейчас она может довести их до пика... но это ни к чему. Надо сохранить что-то и для местных девушек.

Поэтому накал танца чуть снизился, теперь это был не острый призыв, а скорее, приглушенный. Тайный вызов, скрытый, тонкая фигурка извивалась змеей, принимая самые причудливые очертания. Не верилось, что человек так может. Хотя ничего сложного Яна не делала. На то и тени, чтобы играть.

Плащом, руками, изгибами тела, формы которого чуть увеличивают удачно поставленные лампы...

И наконец танец стихает. А в дверь проскальзывают девушки.

Вот это вовремя.

А то распаленные кавалеры могут и дорваться до тела танцовщицы.

Яна медленно отступила в угол под рокот бубна — и погасила лампы. Сначала одну, потом вторую.

Выскользнуть в темноте из комнаты было несложно, тем более, что мужчинам было ни до кого.

Рошер с хозяйкой ждали ее снаружи. И штаны у мужчины в известном месте приметно топорщились.

— Ну... слов нет!

— Действительно, редкое мастерство, — согласилась Ш'аальзея. — Этому долго учиться?

— Именно этому? Месяц. Возможно, меньше, — Яна пожала плечами. Тело все еще было словно натянутая струна, после танца. Каждая жилочка, каждая мышца ныли, но хмельное

удовольствие — получилось! — было сильнее. Ведь и вправду — получилось! Хотя давно не практиковалась, и вообще училась только обязательному минимуму, чтобы поддерживать интерес мужа, а поди ж ты! Неудивительно, что мужчины по борделям ходят, если женщины и такого не умеют!

— что ж. Могу нанять вас, учить девочек. И — исполнять танец.

— обговорим? — прищурилась Яна.

Деньги требовались, а как их зарабатывать... танцы — это честный труд. И точка!

В кабинете Ш'аальзея вновь уселась в кресло и посмотрела на пару куда как благожелательнее.

— Я сначала не поверила. Но сейчас готова заключить договор. Вы, лайри э'Лесс Риккэр учите моих девочек. Двоих или троих, чтобы была смена. И пока не научите — сможете выступать сами?

— Два раза в десять дней. О днях уговоримся заранее — подойдет?

— Вполне. Плату тоже положу хорошую, не обижу. Скажем, ползолотого за выступление.

— да вы с одного такого любителя не меньше трех сдираете, — фыркнул Рошер.

Яна положила руку ему на плечо.

— Я согласна и торговаться не буду. Но мне нужна кое — какая информация, кана.

— Это я сразу поняла. И так?

Сейчас, когда Ш'аальзея была заинтересована в сотрудничестве, говорить с ней было намного приятнее. И куда только исчезло ехидство из голоса?

— Лара Аэлена Авельен. И лойрио Алинар Авельен.

— А что с ними не так?

— Я хочу знать, есть ли у лойрио любовница? — вступил Рошер.

Ш'аальзея покачала головой.

— я бы знала. Но — нет. Даже когда жена была в тягости, он к девочкам не заходил. Если только в деревне себе кого нашел, но тоже вряд ли. Не из тех кобелей волк.

— А была? Раньше, до женитьбы?

— Была. Имя... кажется, Радея Варлон. Вышла замуж за какого-то кузнеца, с приданым это несложно.

— Поищем.

Ш'аальзея насмешливо улыбнулась.

— Нету у него никакой любовницы. Но вот вам для размышлений. Недавно, около полугода

назад, ко мне приходила женщина. Одета богато, а вот руки что у служанки. И одежда для нее непривычная. Молодая, глаза голубые, лицо под вуалью. Предлагала большие деньги, чтобы я ее свела с лойрио.

Рошер и Яна переглянулись.

— Свела?

— У меня самое шикарное заведение. Если бы он ходил, то ко мне, вы это тоже понимаете. Пришлось отказаться.

— Она очень расстроилась?

— Могла бы — так до смерти. Моей. Но это у нее не любовь, скорее, ей что-то нужно от лойрио.

— А насчет его жены такого не было?

— Нет. Тут все тихо. Итак, лайри э'Лесс Риккэр? Завтра с утра придете учить девочек?

Яна подумала.

— После обеда. В два пополудни. Как раз и отоспятся после трудовой ночи...

Ш'аальзея кивнула.

— Хорошо. Буду вас ждать.

Выйдя на улицу Яна и Рошер переглянулись.

Кто-то охотится на мужа Аэлены, а ее собираются убрать? И что все это значит?

Надо искать Радею Варлон.

* * *

Про любовницу мужа Аэлена ничего не знала. Тем более — бывшую. Откуда бы? Поэтому напарники, сейчас они чувствовали себя именно так, поделили обязанности.

Рошер отправлялся искать Радею Варлон. Дело это не минутное, но если у тебя остались связи в страже — найти можно.

Порасспросить, опять же, если лойрио ей при расставании денежку подарил или домик, это заметят. Дома-то просто так из рук в руки не переходят, надо в городской управе сообщить о новом владельце.

Это Рошеру было под силу.

А Тайяне пришлось сопровождать Аэлену к — Лес его сожри! — Диолату!

В этот раз было еще хуже, чем в предыдущий.

Нет, внешне-то все было мило, очаровательно и спокойно. Их пригласили в гостиную честь по чести, но потом!

Для большого портрета надо было выбрать интерьер. И Диолат настаивал на спальне. Заодно, с

истинно аристократической вежливостью, умудрился продемонстрировать Аэлене свою кровать, принял несколько откровенных поз... ну я весь твой!

Любите меня!

И Яна отчетливо понимала, что на женщину это... действует?!

Р — раш! Да, действует! Это видно по пятнам румянца на щеках, по расширенным зрачкам, по учащенному дыханию... будь она, как Ааша, еще бы и запах возбуждения уловила, наверняка.

Но почему!?

С утра Аэлена была спокойна и даже шутила, а теперь — извольте влюбиться? Да не бывает такого! Ей не шестнадцать лет, чтобы так накрывало, и семья у нее есть, муж хороший, неудовлетворенности жизнью не возникает. После тихой команды, Ааша почти вплотную прижалась к ларе — и все попытки Диолата приблизиться, встречала дружелюбным оскалом.

Диолату это явно не нравилось, он злился, раздражался, но... волчицу — не уговоришь. Ну, липнет она к ларе, и что? Та ей понравилась. Вы бы понравились — она бы к вам липла, запросто!

Крыть было нечем.

Тайяна же...

Аэлена ничего не пила, не ела в чужом доме, не нюхала, но... так в чем же дело?

Диолат?

Может, на нем что-то есть? Обнюхать бы его, но как умудриться? От Яны и от Ааши он упорно держался подальше. Даже брезгливость проявлял. Не на словах, понимал, что за неосторожное слово ему и Аэла голову оторвет, страсть там, не страсть, а за повод, чтобы убраться из этого дома лара мигом ухватится. Так, платочек к носу подносил, морщился демонстративно... не подберешься незамеченной, тем более — без скандала.

А что можно еще придумать? Кроме обнюхивания? Которое, кстати, и не панацея от всех бед. Яна ведь не Ааша, может чего-то и не учуять. И... если в доме есть какой-то подлец, он мог Диолату и волосы передать, и кровь, и... да много чего мог. А грамотный специалист может и хорошее приворотное сварить, на конкретного человека.

Вариант пробраться в хозяйскую спальню или кабинет и пошарить по ящичкам. Яна отмела сразу. Не смешно!

Где вы видели человека, который связывается с любовной магией, чтобы выложить на виду все улики?! Да такие вещи прячут пуще золота, потому что за привороты — каторга. И бессрочная.

Жестоко?

А почему, собственно, жестоко? Тут сразу несколько преступлений. Насилие над человеком — раз! Изнасилование — два. Финансовые — три. Не просто ж так привораживают, обычно ради чего-то...

И закон тут очень суров, не разделяя ни подонков, вроде Диолата, ни влюбленных сопливых дурочек.

Кстати, с точки зрения нархи — ро, это было очень верно. Если ты любишь — подумаешь в первую очередь не о себе, о любимом. А если ты и через него перешагнуть готова, то какая ж это любовь?

Это уже подлость. И? Сначала подлость, потом преступление — да запросто!

А Диолат всяко поумнее безмозглой юницы будет. Это не романчик из тех, что с дешевых оттисков продают, это — жизнь. А в жизни подлец — он неглупый, он опасный.

Так что Яна ни на шаг не отходила от Аэлены, сверля трайши таким взглядом, что тот поеживался. А что?

Она ж ему рожи не корчит, просто смотрит в одну точку, аккуратно посреди бровей. Холодным, немигающим взглядом, поймать который не удастся. И Ааша смотрит.

Но, наконец, интерьер был выбран, в гостиной. Теперь надо было устроить самого трайши — и Аэлена беспомощно поглядела на Яну. Она-то привыкла работать иначе. Сама усаживала своих заказчиков, драпировала тканью кресло, если надо. Предлагала переодеться...

Этому — предложи!

Тут и без переодеваний было весело и интересно. Двое слуг никак не могли установить кресло под правильным углом, потом зацепили столик... Яна смотрела с подозрением. Что — такие идиоты работают у трайши?

Ну — ну...

Аэла молчала, злилась и нервничала. Диолат смотрел ласково.

— Может, подойдешь, покажешь, как правильно? Аэлена?

Таким голосом только в постель приглашать. Дней на несколько. Лайри бросила на подругу беспомощный взгляд, и Яна тут же вскинулась с места.

— Трайши, вы позволите?!

И радостной ласточкой устремилась на помощь! Пусть шарахается по комнате, как дурак. По пути и слугам досталось, одному локтем, второму каблуком — случайно наступила, зато сразу и извинилась.

Диолат оценил ее решимость и шарахаться не стал. Жалко. Но отойти — отошел. Яна приняживалась старательно, но безуспешно. Впрочем, травами от него пахло, но точный букет она бы не назвала. Кой гад понаставил в гостиной вазы с лилиями? Воняют так, что Ааша нос лапой закрывает!

* * *

Тем временем Рошеру тоже было весело. Чтобы получить информацию, надо встретиться с бывшими товарищами, а это — тяжко. Не увечье убивает, нет! Чужое сочувствие...

Начать, что ли, с управы?

Рошер купил на выделенные Аэленой деньги (это не подачка, болван, это на дело!) коробку

сладостей — и отправился выпрашивать и выведывать.

В управе было тихо и спокойно. Как и обычно. Рошер беспрепятственно прошел в нужную ему комнатку и поклонился.

— Добрый день, очаровательная кайта.

Как известно, везде есть своя сплетница. Таких мест, чтобы без них — не бывает. А уж в управе, в присутственном месте. им Четырехликий велел водиться и плодиться.

Такой была и Эмина Шарре, милая сорокалетняя кайта. Все было хорошо у женщины, семья, дом, дети, внуки, но! Язык у нее был истинно без костей, а уши — не иначе, как трехметровые. На месте ее держали в основном потому, что болтушкой она была беззлой и выгоды от своих сплетен не получала. Ну и родня свою роль играла, опять же. Копчености — они и трайши по вкусу, вот муж, богатый торговец и пристроил женушку. Лишь бы она за рабочий день наговорила и его дома не мучила.

— Рошер, ты ли это?

Мужчина чуть неуклюже поклонился.

— Эмина, вы, как обычно, само очарование.

— Ох, скажешь тоже! — кокетливая улыбка полностью опровергала укоряющую интонацию. — Рошер, я ведь второй раз бабушкой недавно стала! Представляешь?

— Пока — нет. Но вы ведь мне расскажете, правда?

Рошер водрузил на стол коробочку со сладостями, Эмина ахнула, всплеснула руками и умчалась за чаем. А мужчина внутренне приготовился к трем часам бесполезной болтовни. Все равно Эмина пока все не расскажет — не успокоится.

Ну и рассказывала.

Про семью, детей, внуков, дела в управе... а заодно о том, что дела у ее мужа идут замечательно, что таким могут не все похвастаться, но вот лойрио Авельен точно может.

Про супруга Аэлены Рошер узнавал не из вредности и не от нечего делать. Чаще всего в его практике от мужей мечтали избавиться жены, а от жен — мужья. Жизнь...

Так что Рошер намекнул и на любовницу — и кайта тут же затрещала, что 'лойрио очень милый...!'

Ну да, не каждый при расставании любовнице домик подарит, тут наоборот, отобрать последнее могут. Но супруг Аэлены оказался выше всяких похвал.

А Эмина, после небольшой подначки, даже адрес домика нашла. По Грушевой улице.

И кое-что интересное выяснилось про трайши Диолата.

Положение у трайши было не то, чтобы портреты заказывать. Говорили, что в столице с ним связан какой-то крупный скандал и здесь он попросту прячется.

Что за скандал — неясно, но Эмина не отчаивалась. Никуда не денется этот трайши, рано или

поздно она все узнает.

Впрочем, был и второй вариант — что трайши полностью разорен и ему пришлось продать все столичное имущество. Эмина пока ни к какому из них не склонялась, подождем — увидим.

Рошер только плечами пожал. Может, и скандал. А с портретом — просто поразвлечься, и такое бывает. Ну, захотелось мужику юность вспомнить, дело житейское...

Являться ли к Радее Варлон?

Честно говоря, после Эмины, Рошер чувствовал себя морально изнасилованным. Лучше уж он эту любовницу поищет завтра. И — с Тайяной. Девушке как-то легче найти язык с себе подобными...

* * *

Аэлену опять пришлось почти отпаивать. Женщину трясло и колотило.

— Яна, я так больше не могу! Что происходит!? Меня к нему тянет, как... как не знаю кого!

— Сильно накрыло?

— Когда б не ты и Ааша, я бы его прямо там изнасиловала!

— и часто с тобой такое?

Аэлена честно задумалась.

— С ним меня, конечно, накрывало...

— Но девушкой ты ведь осталась!

— Если б было, как сегодня — не осталась бы. Точно.

— Приворот?

— Думаешь? Но зачем!?

— Выясним. Можешь тут посидеть немного?

Аэлена могла. А Яне пришла в голову интересная идея.

Особняк — это место, где водятся слуги. А те — болтливы. Прогуляться рядом, небрежно поглядывая на особнячок, и рано или поздно кто-то да появится. А потом дело техники.

За небольшую такую серебряную монетку Тайяне рассказали — все.

И что баб трайши как водил, так и водит, и что сластолюбив без меры, и что скуп — тоже без меры. Зарплату уж третий месяц не платит, портной с него свое получить отчаялся, сапожник вообще отказался сапоги в долг тачать, то кожей отговаривается, то рожей, жлоб прижимистый...

Девки?

Не, те бесплатно дают, красив же, сволочь, не отнять...

У Тайяны было другое мнение на этот счет, но к чему спорить?

А потом они с Аэленой прошлись по нескольким лавкам.

Тайяна довольно улыбалась. Ей будет чем поделиться вечером с Рошером.

* * *

Совет, как и обычно, был собран в спальне Аэлены. Первым начал Рошер.

— Радею я нашел, осталось допросить. Завтра, если Яна со мной ходит...

— Куда ж я денусь? Только Аэла, тебе придется посидеть дома, ты понимаешь?

Еще бы лайри не понимала. Дома до нее добраться хоть чуточку, да сложнее.

— А Диолат?

— С утра к нему, после обеда к Радее. Кстати, а дела-то у трайши далеко не блестящие, вы знаете?

— Подробности? — заинтересовался Рошер.

— Судя по тому, что слугам за три месяца не плочено, а торговцы от него вообще ни монетки не видели... узнать бы, что в столице?

— Пока узнаем — много времени пройдет, — вздохнула Аэлена. — Но Диолат вроде как не беден?

— Это он сам сказал?

— У него земля есть... где-то.

— Рошер?

Две пары женских глаз уставились на него в упор. Рошер вздохнул и покорился судьбе.

— Ладно. Схожу завтра опять в управу. Знал бы — сегодня б Эмину расспросил. Бедные мои уши!

— Могу с тобой сходить, — предложила Тайяна.

— да что ты, — Рошер только рукой махнул. — Ты ж нархи — ро, если ты со мной придешь — мне точно спасения не будет! И тебе тоже! Весь город о тебе знать будет, причем — все, включая цвет нижнего белья и количество зубов.

— а я ей нижнее белье показывать буду?

— она сама придумает, чего ей не покажешь, — буркнул Рошер.

Тайяна поежилась. В Лесу таких тоже хватало, а сбежать от них было намного сложнее.

— Ладно. Не пойду. Но к Радее вместе?

— обязательно. Кстати, Аэлена, у твоего супруга все отлично.

— Это меня радует.

— и меня тоже. Любовниц у него, судя по всему, нет, долгов тоже, убивать тебя причин тоже нет...

Аэлена чуть улыбнулась, глядя на Рошера. А ведь и из самой страшной грязи может вырасти красивый цветок. Казалось бы — на нее покушаются, могут убить, но даже это! Даже такой кошмар можно обернуть себе на пользу! Или другому...

То Рошер спивался, не находя себе места. А сейчас оживленно спорит с Яной, размахивает рукой — и даже забыл про свое увечье. У человека *дело* появилось!

Только будем надеяться, что убийцу найдут раньше, чем она отправится на тот свет...

Страшно...

* * *

Радея Варлон жила себе спокойно и ни о чем не думала. И меньше всего — о том времени, когда была чьей-то там любовницей. Маленький домик, несколько детей, которые с воплями носятся по небольшому садику, сама женщина, которая готовит на кухне что-то вкусное...

Красота.

Даже когда компания из Рошера, Яны и Ааши поскреблась в двери, никто не испугался. Наоборот, к воротам подлетели дети.

— Ой, а это собачка?! — выпалила девочка, так перемазанная в земле, что ее можно было принять за чернокожую.

— Это волк, глупая, — один из мальчиков смотрел покровительственно.

— Сам ты волк! А это помесь! Волки такими не бывают! — второй мальчик тут же вступил в спор.

— Это Ааша. А где ваша мама? Радея? — Яна не собиралась объяснять детям, чем волки нархи — ро отличаются от обычных.

— там, — показала девочка. Мальчики промолчали. То ли соседские, то ли...

Радея оказалась вполне миловидной женщиной лет тридцати. Темно — каштановые волосы, большие голубые глаза, пышная после родов фигурка — даже сейчас она привлекала восхищенные мужские взгляды, судя по Рошеру, а уж лет десять назад...

— День добрый, кайта.

— И вам. Сатро, кана...

— Скажите, ведь вы — Радея Варлон? — вежливо начала Яна.

— раньше была. Но сейчас я Радея Милон, — женщина вежливо улыбнулась. Казалось, ее не удивил ни визит, ни вопросы... Почему!?

— Мы бы хотели поговорить с вами о лойрио Авельене, — Яна смотрела пристально, потому и заметила легкую тень на лице женщины... но и Рошер тоже что-то подметил. Нахмурился.

— А я должна разговаривать с вами о лойрио?

Вопрос был поставлен достаточно жестко. Тайяна вскинула бровь.

— а у вас есть возможность это не сделать?

Ааша чуть заворчала, почувствовав недовольство хозяйки. Радея побледнела.

— Я сейчас стражу крикну!

— А я скажу, что вы пытаетесь отравить лару Аэлену, — спокойно прищурилась Яна. — Что ваша дочь от лойрио и вы решили поменять статус. Поверят или нет, но жизни вам потом в городе не будет.

Радея это тоже понимала, потому что явно побледнела.

— Не посмеете!

— Проверим? Зовите стражу!

Яна не блефовала. Она и правда готова была так сделать. Аэлена ей уже была не чужой, нархи — ро спала и ела под ее кровом, а эта девица... может, она и не из корысти подалась когда-то в содержанки. Но Радею-то убить никто не пытался! А Аэлена... ее часики тикали и тикали. И сколько еще осталось до следующего покушения?

Она и сейчас одна, а Яна тратит время на бывшую шлюху!

Кажется, Радея что-то почувствовала, потому что оглянулась вокруг и кивнула.

— Хорошо. Что вы хотите знать?

— вы были любовниками?

— Почти десять лет назад. Потом он женился, а мне сунул этот домишко и распрощался, — фыркнула Радея.

— Мог бы и того не давать, — пожал плечами Рошер, тоже решивший не церемониться. — У вас были от него дети?

— Нет.

Ааша заворчала. Яна оскалила зубы.

— Еще одно вранье — и я по вашим соседям пойду, рассказывать всем о вашем боевом прошлом. Ясно, карра? А то и вашего мужа дождусь, перед ним вас ославлю.

Радея сверкнула глазами.

— Ну... я вытравила плод! И что?! Это мое дело!

Голубые глаза сверкали злым блеском, губы растянулись в тонкие ниточки, сейчас Радея уже

не казалась такой симпатичной. Скорее мелкой хищницей вроде крысы или ласки.

Но Ааша не рычала. Радея не врала.

— Лойрио об этом знал?

— Я сказала ему, что у нас будет сын или дочь. А он сказал, что денег даст, положит у купца на мое имя, но больше — ничего.

— и положил?

— Не ваше дело!

— Положил, — Рошер смотрел с презрением. — Думаешь, на какие деньги это все содержится? За кровь мертвого ребенка ей заплатили...

— Пошел ты...

— И пойду. А то здесь тухлятиной воняет, — огрызнулся мужчина. Но с места не двинулся.

— вы замужем? — продолжила допрос Яна.

— Да.

— Муж кем работает?

— В лавке у мясника, подручный.

— Что ж свое дело не открыли?

— Вас это не касается!

— Судя по всему, муж — тот еще бездельник. Или просто шевелиться не желает, — Рошер был беспощаден. — Дети — ваши?

— дочь.

— Сколько ей лет?

— Шесть.

— Вы еще виделись с лойрио?

— Нет.

— в одном городе живя?

— Ну, на улице видела, а так — не доводилось.

Ааша тихо рыкнула. Тайяна пригляделась повнимательнее. Не просто так скалилась волчица, ой, не просто. Когда человек лжет — у него даже запах меняется. Люди-то не чувствуют, и нархи — ро тоже, а вот волка не обманешь, волк умный.

— Врешь.

— Четырехликим клянусь — не виделись!

— и не слышала ты о нем, и не писала, — насел Рошер, понимая, что Яна не просто так за это уцепилась.

— Слухи всякие ходят.

— а люди? — Яна наконец выцепила то, что ей мешало. Если кто-то расспрашивал про лойрио в борделе, неужто он к бывшей любовнице не явится?

— и люди ходили, — Радея обожгла нархи — ро ненавидящим взглядом, но угроза скандала была велика. Да и волчица рядом не способствовала избытку наглости.

— Кто ходил, чего хотели?

— Мужчина приходил. По виду богатый. Деньги мне сулил, чтобы я письмо написала лойрио и от жены его увела. Мол, старая любовь, а то и ребенком его пошантажировать можно...

— Что за мужчина?

— Не знаю. Высокий, красивый, плечистый такой... я бы и сама от него не отказалась....

— Как одет?

— Да недорого.

— а руки? Цвет глаз, волос?

Тут уже взялся командовать Рошер. Радея злилась, но послушно отвечала на вопросы. И даже не лгала. А Яна все пыталась понять, кого ей напоминает это описание... ну кого!?

Нет, не ясно...

— был ли кто-то еще?

— Не было.

— Как связаться с ними не сказали?

— Сказали, — выдавила Радея. — Если что — оставить записку у хозяина кабака 'Плавунец' и ждать ответа. Дня через три.

— Я думаю, ты поняла, что делать тебе там нечего? — прищурилась Яна. Потом подумала — и достала из кошелья пару жемчужин, положила на стол. Судя по тому, как взблеснули глаза Радеи — цену розовому жемчугу она знала. — Это наша благодарность за потраченное время, кайта.

Радея кивнула. Кажется, сейчас она уже не считала допрос таким унижительным. А что? Психология проститутки — я хоть как прогнусь, но вы мне заплатите за мои страдания! Это уловил и Рошер — и решил чуть попортить женщине настроение.

— А если ты хотела туда побежать и про нас намекнуть, так это зря. В таких делах дешевле свидетеля убрать, чем на нас охотиться. Я не девчонка шести лет, у нее волчица, на которую не один болт понадобится, да и лайри Яна не беззащитна. А вот ты, твоя дочь... придут ночью

— и домик твой с трех концов полыхнет. Думаешь, пожалеют?

Судя по побледневшему лицу Радеи — дошло. Не пожалеют.

— Я бы на твоём месте вообще из города уехал ненадолго.

— Денег у меня... — взгляд на жемчужины заставил Радею оборвать фразу. На поездку в столицу хватило бы. Как раз дней на десять... и судя по лицу женщины — она так и собиралась поступить.

— Вот. А хочешь еще заработать?

— Как?

— Вот так. Если будет кто еще интересоваться Авельенами, ты мигом побежишь вот в этот дом и спросишь Рошера Вайста. Поняла? И расскажешь там все.

Яна медленно достала из кошелька жемчужину. Покрутила между пальцами, полюбовалась на свет, вздохнула, делая вид, что убирает ее в кошель — и жадность возобладала в душе Радеи над обидой.

— Я скажу. Обещаю.

Третья жемчужина заняла свое место на столе.

— Я надеюсь, ты нас не обманешь. Тот человек тебе что платил?

— Дал пару серебряных... жлоб!

Яна дернулась. Застыла.

— Жлоб... жлоб! Р — раш!

— Яна?

— Потом, все потом. Ааша, — Яна перешла на родной язык, отдавая команды. — Проверить. Слежка.

Волчица чуть рыкнула и исчезла на улице.

— Ч-то? — Радея чуть запиналась, пытаясь понять, что происходит. Но Яна ее в неведении не оставила.

— Если за вами кто-то следит, Ааша это узнает. Почует.

— За нами? Зачем?

— Радея, а до вас еще не дошло, что вы чудом живы? — прищурился Рошер. — Кто бы ни был ваш гость — помочь вы ему ничем не можете. Но вы его видели и можете описать. А судя по тому, что это человек непростой — кольца, манеры, осанка, он в этой истории не случаен. Хотите проснуться с перерезанным горлом?

— Но... но пока ведь...

— а раньше никто и не пытался разобраться в этой истории, — пожал плечами Рошер. — Месяца три назад этот человек был у вас, потом начались покушения на лару Аэлену. И это неспроста. Но сейчас он почувствует опасность.

— Это вы виноваты!

— в том, что вы — жадная и глупая? Вот уж вряд ли.

— Кайта Радея, лучше бы вам и правда куда уехать ненадолго, — мягко вступила Яна. — вы мне еще скажите, рост примерно вот такой? И ширина плеч — вот? У того гостя? — Она показывала руками, для чего ей пришлось встать на цыпочки, но Радея подумала — и кивнула.

— Ну... примерно.

— Это хорошо. Это очень хорошо... а если я вам портрет покажу? Не признаете?

— Может, и признаю. — три жемчужины очень хорошо стимулировали память. И верно, а чем Радея обязана этому неизвестному? Другое дело — Рошер и Яна. Пусть и давят, но ведь и платят? А от вопросов кусок не отломится...

— Ты кого-то...

— Я рисовать не умею. А ты его и не видел, — Яна прикусила губу. — Ааша умничка, но одну ее не отпустишь. Рошер, ты тут побудешь до моего возвращения?

— Откуда?

— От Аэлены.

— долго?

— Минут двадцать туда, три, оттуда... час, не больше. Кайта Радея, он посидит тихо, его никто лишний раз не увидит, чтобы внимания не привлекать, а вам все безопаснее до возвращения мужа. И я скоро вернусь.

Радея вздохнула.

Жемчуг.

Рошшер.

Рошер.

Опять жемчуг.

Второе перевесило.

— Пусть только сидит, где его не видно.

— как скажете, кайта.

— а ты?

— А я мигом к Аэлене и вернусь.

Яны хватило на то, чтобы выйти из домика, как приличный человек. И даже дойти до конца улицы. А вот там...

Прыгнуть на спину волчице, вцепиться в густую шерсть обеими руками...

— К Аэлене, милая! Давай, Ааша...

И только кончик черного хвоста мелькнул за углом.

* * *

— Аэлена! Ты где!?

Яна влетела в дом вихрем. Ураганом.

— Яна? Я тут, что случилось!?

— мне срочно нужен портрет Диолата. Хоть карандашом на бумаге набросай! Скорее!

Яну всю трясло от возбуждения. А вдруг!?

— Сейчас... э... Яна...

— Нархи — ро? А зачем вам портрет Диолата? Надоело на волков любоваться?

Голос был ленивым и ехидным. Яна перевела взгляд с Аэлены на его обладателя — и едва не зашипела от удивления.

— Вы!?

— Ты!?

Мужчина начал приподниматься из кресла.

— Ах ты...

— Ааша! Вам штанов пока хватает... к портному не обращались?

В кресле, в гостиной Аэлены сидел тот самый мужчина, который так неудачно для своих штанов толкнул нархи — ро на улице.

— Гарт, вы знакомы? — искренне удивилась Аэлена.

— Нет. Кана не соизволила представиться, — процедил мужчина.

— по — моему меня вообще приняли за мужчину, — пожала плечами Яна. — Но если вы настаиваете — лайри Тайяна э́ Лесс Риккэр. К услугам лары Аэлены.

— Судя по вашему воплю?

— А вы не судите — и вас не осудят, — показала зубы Тайяна.

— Да, действительно. Я все понимаю, вы только что из леса...

Произносилось это таким тоном, словно Тайяна с елки слезла, оставив на ней хвост.

— Гарт! — вмешалась Аэлена. Но Яна и сама могла постоять за себя.

— Да, я в лесу к другим манерам привыкла. Там меня никто не толкал...

— Это еще кто кого толкнул?

— Извинилась? Было! Ну и что еще надо?

— компенсацию? — ехидно предположил мужчина.

— Могу заказать вам новые штаны. Из нормальной ткани, а то в той у волчицы зубы увязли, — Яна выглядела невинно. — Только размеры скажите, а то вдруг самомнение не поместится.

— А вы не хотите снять мерки?

— Могу попросить Аашу. Мерки, шкурки — это к ней...

Аэлена молча уселась к столу — и карандаш забегал по бумаге. И то, и другое у нее было всегда под рукой, как и у любого художника. А мало ли что захочется зарисовать? Причем — срочно, пока не забыла?

Надо ловить момент...

— А без волчицы вы на что способны, лайри?

— На все, — спокойно проинформировала Яна. — Что не карается законом.

— Законом людей — или Леса?

— Обоими...

— Яна, вот возьми.

Аэлена отчетливо поняла, что если не развести спорщиков, они так и будут ругаться. И чем это еще закончится? И принесло же Гарта именно сегодня!

Вообще, деверя она любила, ценила и всегда была рада видеть. Но... где, во имя Четырехликого, он умудрился сцепиться с Яной!? Да еще так?

Обычно от Гарта можно было добиться только ледяного презрения, а тут — извольте получить!

— спасибо, Аэлена. Ты чудо.

Яна сунула листок в карман — и рванула обратно на улицу, краем уха еще услышав:

— И что это малолетнее хамье делает в твоём доме, Аэла?

Хамье?

Ну, ты в следующий раз штанами не отделаешься, гад!

А что этот случай представится — Яна и не сомневалась. Как и в том, что гад получит от Аэлены достойный ответ.

* * *

Радея долго вглядывалась в рисунок, но потом покачала головой.

— Не знаю. Вроде и похож, а вроде и нет. У того волосы темнее были, щеки как потолще, бородка... не могу сказать.

Яна и Рошер молчали, пока не вышли за порог 'гостеприимного' дома. Прорвало их только в городском саду.

— Думаешь, это Диолат?

— а кто еще? Похож же...

— А если это старший брат?

— нет у него братьев... наверное. Узнать надо. И потом, Яна, ты в людских хитростях настолько не разбираешься. А ведь все это... волосы покрасить и смыть — час, бородку приклеить — минута...

— Щеки отъесть?

— Со щеками и того проще. Есть специальные пластинки, ими комедианты пользуются. Засовывают в рот — и щеки дуются, и голос меняется.

— Вот оно как... не знала. Но как тогда быть?

— А вот тут я уже не знаю. Радея — не свидетель.

— И цена ей — медяк. Если мы к градоправителю с этим придем — нас на смех поднимут.

— К тому же — зачем Диолату смерть Аэланы?

Яна потерла лоб.

— Не знаю. И кто эта загадочная женщина? Рошер, а может быть так, что на одну семью нацелилось двое злодеев с разными интересами?

— У нас все может быть.

— и так одновременно? Странно это... а вместе они действовать не могут?

— Яна, я допускаю все. Но... зачем!? Что могла сделать Аэлена? И этой женщине, и Диолату? Понимаешь, она же совершенно безобидна! Вся в своих картинах, семье, доме... даже любовника нет, я-то знаю.

Яна не стала спрашивать — откуда. Знает? Значит, так оно и есть.

— Значит, есть что-то, чего мы не знаем. Рошер, а откуда вы знакомы?

— Мы на одной улице жили в детстве. Ну и лет шесть назад...

— Шесть лет? А переехала она во сколько?

Рошер задумался.

— знаешь, ей лет пятнадцать тогда было...

— И сколько ты ее не видел?

— да тоже лет шесть — семь.

— и что с ней было за эти годы? Знаешь?

— Э... нет.

— а если навести справки? Ты же завтра идешь в управу...

— Ты в чем-то подозреваешь Аэлену?

Яна замотала головой.

— Да нет же! Рошер, ты не понял! Просто у любого человека есть то, что он будет скрывать от всех. А может, в этом и есть разгадка? Или бывает так, что кто-то кому-то переходит дорогу — и даже не замечает. У меня мама так... не важно! Но страдают из-за этого невинные люди! Понимаешь?

— Думаешь, Аэлена что-то упускает в своей жизни, а мы не видим концов?

— Вот!

— ладно, я попробую узнать. Бедные мои уши...

— А я попробую зайти с другой стороны. Ты знаешь, что там за кабак? Который нам называла Радея?

- 'Плавунец'. Гадкое местечко. Гнилое.

— А сходить туда придется.

— то есть?!

— Радею я видела. Смогу изобразить. Волосы затемню, глаза накрасю, чтобы похоже было...

— ты нархи — ро, это не спрячешь.

— под плащом? Поговорим с Аэленой, она художница, поможет. И передам записку для неизвестного. Назначу ему встречу.

— Хм — м... рискуешь.

— И Радеей тоже. Думаешь, я не понимаю, что ее могут убить?

— Понимаешь. И не жалко тебе ее?

— Аэлену мне больше жалко. Слушай, а кто такой Гарт?

— Гарт... а что вдруг?

— да он сегодня был у Аэлены.

— Такой... примерно как я, темноволосый...

— Ну да.

— Так это брат ее мужа. Младший. Они вроде как дружат и хорошо, он, небось, зашел племянников повидать.

Яна застонала. Вот брата нам и не хватало для полного счастья! Да чтоб ему... чтоб его Ааша три раза покусала!

Вот ведь... вляпалась!

* * *

Аэлена сейчас думала примерно то же самое. Гарт ругался.

Вдохновенно и изобретательно, как это могут только истинные аристократы — вроде и слова грубого тебе не сказали, а все равно сидишь дурак — дураком.

— Я понимаю, что нархи — ро — это экзотика! Но зачем тащить в дом всякое... отребье?

— Не буду ж я бегать к ней на другой конец города каждый раз, когда накатит вдохновение?

— а брат знает?

— приедет — расскажу. А что у вас случилось с Яной?

— Ничего.

— а при чем тут штаны?

— Не при чем.

— и где вы познакомились?

— Нигде!

Гарт фыркнул и постарался побыстрее откланяться. Он отлично понимал, что Тайяна все расскажет подруге, но... уж очень непривлекательно выглядела история, в любом изложении!

Он тоже виноват, что не сдержался, не понял, что перед ним женщина. Но — был немного навеселе, устал и не вглядывался. Вот и вышло, как вышло.

И даже осуждать девчонку всерьез нельзя.

Она боялась, нервничала, естественно, пыталась защититься как могла.

Гарт мог ее понять. Но симпатий ему это точно не прибавило.

Аэлена же порадовалась, что он так быстро ушел — и даже не спросил для чего Тайяне какой-то портрет. А мог ведь, еще как мог — и что ему отвечать?

А для чего Тайяне портрет Диолата?

Ответ Аэлена узнала этим же вечером — и ахнула, прижав руки к щекам.

— вы думаете, это — он!? Но зачем!?

— Знать бы, — Рошеру идея с кабаком не нравилась, но выбора не было.

— Мы же... я же... это месть?

— Для мести это слишком глупо. Извини, конечно, Аэлена, но не та ты величина, — Рошер смотрел, как Тайяна бестрепетной рукой рисует себе широкие брови. — Что ты ему — не дала? Велика обида! Схватить тебя на улице, опоить чем помощнее и отыметь во всех позах. Ты бы еще им промолчала, чтобы мужа не впутывать, не так?

— Ну... примерно так.

— Гарту, надеюсь, ничего не сказала?

— Я уверена, что это не он. Но...

— Вот именно. Лучше не расширять количество посвященных. Так мы точно быстрее найдем негодяя.

— Зануда ваш Гарт, — Яна надула губы. — И вредина.

Над историей о знакомстве посмеялись. Аэлена подумала и успокоила Тайяну.

— Гарт хоть и промолчал, но гадостей тебе делать не будет. Он для этого слишком благородный.

— не доверяю я всяким благородным, — пробурчал Рошер.

— а долгов у него нет? Или еще чего? — прищурилась Яна.

— Думаешь? — Рошер подхватил мысль на лету. — С Аэленой происходит несчастный случай, муж от горя кончает жизнь самоубийством, а любящий дядюшка получает опеку над детьми и доступ к семейным капиталам.

— Рош!

— Ну что — Рош? Уж сколько лет, а я все он.

— Гарт не такой!

— А я его все равно проверю. Так, на всякий случай.

Яна утвердительно кивнула. Ну, не нравился ей этот тип, не нравился! Не как Диолат, конечно, но... развели благородных! Благоуродных!

* * *

'Плавунец' свою репутацию гадюшника оправдывал полностью. Более того, рискнувшая заползти туда гадюка, бросилась бы наутек, лишь бы не утонуть в грязи. Яна так вот точно тонула. Под ногами что-то похрустывало и поскрипывало, то ли тараканы, то ли обглоданные кости, в одном углу пили крепленое вино, в другом кого-то били, в третьем играли в кости, воняло тухлятиной и прокисшим пивом.

Гадость.

На Яну особого внимания не обратили. Много тут таких бегают. То ли мальчишка то ли девчонка — пока не ясно, но просто так сюда не приходят. А значит и не хватай кого не надо, коли не хочешь проблем.

Девушка скользнула к стойке.

— У меня тут записочка для кого надо. Не передадите ли?

— Много вас тут таких ходит, — хозяин симпатии не вызывал. Вид у него был... вот если борова взять, поставить на задние лапы и одежду нацепить — очень похоже будет. Да, и еще по грязи повозить для пущего сходства. Только глаза выбивались из образа. Очень умные, цепкие, светло — серые, поблескивающие из-под низких надбровных дуг... нет, это не боров. Это, скорее, кабан.

— Таких — мало. Я — Радея Варлон.

Что-то мелькнуло в серых глазах и тут же исчезло.

— а мне хоть Педея Брион. Я таких не знаю.

— Да и не надо меня знать, вы записочку передайте — и ладно будет, — Яна придавила листик серебряной монетой. Кабатчик поглядел на нее чуть благосклоннее, чем на девушку.

— ладно... коли спросит кто — передам я твою писульку. Если не потеряю.

— а вы постарайтесь не потерять. Да побыстрее бы, время не терпит...

Вторая монета легла на стойку.

— ладно. Передам.

— Вот и благодарствую.

— Выпьете чего, кана?

— Кайта. Нельзя мне, муж дома ждет.

— Мужа никак обманывать нельзя, — согласился кабатчик. И захрюкал, негодяй, с намеком.

— Видно, сатро, что не женаты вы. Вам бы хозяйку сюда хорошую, — так же важно ответила Яна. Я ушла.

Снаружи ждала Ааша.

Не просто так вручена была записка с просьбой о встрече, ой, не просто.

Яна лично надушила ее самыми вонючими благовониями, что нашлись у Аэлены. Человек не почует, волк разберется. Проследить за посланцем и узнать, куда он понесет записку. А что понесет практически сразу — Яна и не сомневалась. Может, к утру, но на несколько дней не оставит.

Не то место. Да и уплачено...

Увы...

Вот тут удача Яну покинула полностью.

То ли кабатчик решил сам доставить записку, то ли гонец отправится только утром — в любом случае, ночью дожидаться никого не удалось. А днем и ждать смысла не было. Нархи — ро и волчица — парочка заметная, а кабатчик дураком не был.

Аэлена только головой покачала в ответ на энтузиазм Рошера и Яны. Но с их появлением хотя бы гадости прекратились! Кто бы ни был врагом в ее доме — он затаился и не давал о себе знать.

С утра Яна, как и обычно, сопровождала Аэлену к знатному трайши, но теперь она наблюдала за ним вдвое внимательней.

И могла поклясться, что тут — не любовь! Вот ни разу не любовь!

Даже не оскорбленное самолюбие!

Нет, тут что-то иное. Такое мелькало иногда в голубых глазах Диолата, что хотелось то ли резать ему со всей силы по смазливой роже, то ли вымыться с ног до головы. Противно.

До сведенных судорогой зубов — противно. Такой сальный взгляд мог быть у вчерашнего кабатчика, а не у человека благородного. Хотя разве благородство — это кровь или титул? Благородство — это нечто иное. Предки дают тебе шанс, но стать достойным их ты можешь только сам. Или — не стать.

Вот Диолат, как казалось Яне, и не стал.

Нет, это — не любовь. Но что!?

Выгода!?

Какая!?

Яну не покидало ощущение, что они чего-то не видят. Как головоломку собирать без половины частей. Что-то друг к другу пригнали, туловище показалось, но волк это, лиса или вовсе даже благородный олень — непонятно.

Что-то узнает Рошер?

* * *

Рошер в это время пил травяной отвар в компании Эмины. Зубами скрипел, но пил. И беседу поддерживал, и улыбался, и выслушивал кучу разной чепухи, которую женщина вываливала... и все для нескольких вопросов.

И — выяснил!

Диолат?

Ой, да, ты знаешь, я как-то не задумывалась. Трайши же...

Узнать, не продавал ли он чего за последнее время?

Можно, только это дня три, кабы не больше. Хотя мне самой уже интересно. Чего это он в нашу глушь пожаловал?

На этом месте Рошер чуть расслабился. Ну, если Эмине интересно — она что хочешь узнает. Клещами из печени вытащит! Не скроешь!

Бесценный, на самом деле, человек.

И второй вопрос был про Аэлену.

Про ее отъезд. Но тут Эмина подвела.

— Да там ничего интересного не было. У нее бабка умерла, наследство им оставила, вот они и перебрались на несколько лет в другой город. А потом вернулись.

— На несколько лет? Ради наследства?

— Ну, может им там понравилось. Мать у нее и вовсе там замуж второй раз вышла, Аэлена могла ее просто не оставлять...

Рошер пожал плечами. Может, и вышла. Может, и так, в жизни оно всяко бывает.

Но что-то его царапнуло.

Вот этим он и поделился вечером с Тайяной.

Яна как раз вернулась из борделя, где обучала девушек сложному искусству танца теней. Это ведь не так просто. Нужно и рассчитать, куда поставить лампу, и как двигаться, чтобы не казаться набором темных пятен на экране, и даже подбирать подходящую музыку. Сложное искусство, но вполне осваиваемое. И две девушки из пяти даже были не вполне безнадежны. При должной дрессировке...

Да и хозяйка оказалась не такой стервой. Видя, что Яна вполне нормально учит девушек, не прячет секреты мастерства и не дерет нос, кана Ш'аальзея даже предложила ей контракт.

И как учителю — и на пять выступлений.

Яна подумала — и согласилась. Лица же ее никто не увидит! А если и увидит — ничего страшного, это — не торговля своим телом. Это — торговля мастерством! А значит — не позорно!

Сомневаетесь?

А вы сначала так танцевать научитесь? А потом и поговорим...

* * *

Рошер не мог понять, что его царапнуло. А вот Яна догадалась сразу.

— а что это за город?

— Эреон.

— а Аэлена упоминала, что ее мать живет...

— в столице!

Компаньоны помолчали, осмысливая информацию.

— то есть они туда приехали, пять лет прожили или даже больше. А потом разъехались кто куда?

Яна пыталась как-то все свести воедино.

— Вообще, ничего противозаконного в этом нет...

— Да я не о противозаконном, а о странном. То есть дело не в родовом гнезде... Рош, а разве нужно много времени, чтобы принять наследство?

— да нет. Поверенный покойного приезжает, передает тебе документы, едешь на место, приходишь в местную управу, и тебе выдают документы.

— Ладно. Но тут у Аэлены был...

— дом. Ее мать была замужем за сатро Карном, потом он сгорел от лихорадки, а вдове достался дом и небольшая сумма денег, вложенная в дело у купцов. Как раз хватало, чтобы скромно жить.

— Она и ее мать оставляют дом и дела на несколько лет? И живут в другом городе, в доме, где умер их близкий человек? Мне кажется, люди так не поступают... им неуютно, тоскливо, нет?

— Почему бы не спросить у Аэлены?

Яна пожала плечами.

— Почему бы тебе или мне не съездить завтра или послезавтра в этот город... он далеко?

— Дня три верхом. Если торопиться — меньше.

Яна задумалась.

— Тогда лучше мне. На Ааше. Я быстро домчусь, сутки туда, сутки там, сутки обратно.

— не успеешь!

— Ааша — это не ваши медлительные лошади. Нам дороги не нужны, мы напрямик метнуться можем.

— А с Аэленой как?

— А с ней ты останешься. На шаг не отойдешь!

Рошер и не собирался. Отойдешь?

Ха, да ни за что!

Спросить напрямик ни Рошеру, ни Яне и в голову не пришло. Слишком хорошо они помнили, как леденела Аэлена каждый раз, когда разговор даже мельком касался этой темы.

— Объяснить бы как?

— Скажем, что мне надо навести справки о Диолате. Ты как раз все от Эмины и узнаешь, а я вернусь — перескажешь.

— да так, наверное, и надо сделать.

Заговорщики переглянулись — и согласно кивнули. Ну как сделать выводы, если не знаешь чего-то важного?

Назавтра Аэлена жаловалась у трайши Диолата на плохое самочувствие, терла виски, путала краски...

А следующим утром, незадолго до рассвета Яна выскользнула из дома. Дальше все было просто. Вывести Аашу из города, усесться ей на спину — и вперед!

Волчий бег — это почти полет, а дело Яны — просто не мешать волчице двигаться. Она и не мешала. Целью девушки был маленький городок Эреон в котором и жила до замужества мать Аэлены.

Вперед, Ааша, вперед! Мы не можем надолго оставить нашу подопечную! Нам надо обернуться как можно быстрее!

* * *

Эреон оказался классическим захолустьем.

Две улицы, три трактира, дети и собаки. Разумеется, нархи — ро, верхом на волчице, произвела впечатление. На нее не смотрели только цветы в палисадниках — им нечем было. Но Яна, не обращая внимания, прошла к одному из трактиров, на вывеске которого кроме тарелки была намалевана еще и кровать — и спокойно сняла номер на два дня.

Пусть на два, там посмотрим. А сейчас — спать.

Сутки в седле — это кого хочешь из колеи выбьет. Даже Яну с ее крепким здоровьем и привычкой.

Спала она почти до вечера, а потом решила прогуляться по городу.

Поискать родовое гнездо матери Аэлены. Девичью фамилию она знала, Гетанро. Мать — Витана Гетанро, дочь — Аэлена Карн.

Вот и...

Яна медленно гуляла по городу, наслаждаясь запахами цветов. Гудели пчелы, катился ленивый провинциальный тихий вечер.

— Теть, а у тебя это волк? Настоящий?

Заговорившая с ней девчушка не доставала Яне и до пояса. Но страха у крохи не было. Яна улыбнулась ей.

— Волчица. Ее зовут Ааша. Хочешь погладить?

Вообще, Ааша детей терпеть не могла, но сейчас — потерпит. Маленькие ручки уверенно зарылись в густую шерсть, потерябили...

— красивая какая!

Волчица стоически терпела мучения.

— Дара!!! Оставь!!!

От ограды бежала женщина. Вся всклокоченная, взволнованная, натолкнулась на улыбку Яны — и чуть даже обмякла.

— Ох. Простите, кана...

— да все в порядке. Ааша детей любит, она может даже покатать малышку, если вы разрешите?

Женщина пригляделась.

— да вы, кана, никак, нархи — ро будете?

— И была, и буду, — Яна блеснула зубами. Женщина ей подходила по возрасту. Чуть старше Аэлены, как раз могла знать что-то, интересующее девушку.

— а к нам какими ж судьбами?

Видя, что Яна спокойна и не проявляет агрессии, женщина осмелела. В такой глуши все становится событием, а уж нархи — ро — тем более!

— а у меня тут знакомые живут. Семья Гетанро...

Женщина сдвинула брови.

— Гетанро... Гетанро... нет. Я таких не знаю. Вроде что и крутится, а вроде и нет...

— Дура ты, Марька, — вмешалась в беседу женщина, идущая явно от колодца. — Это ж *Гетанро!* Те самые! Помнишь, двенадцать, что ли, лет тому назад...

Марька сверкнула глазами.

— да где ж мне помнить, тетя Луся! Я ж не древность какая!

— а я тебе древность? — засопела тетка? — Ох, дождешься ты у меня коромыслом поперек хребта! Была нахалкой — так ей и осталась!

Яна кашлянула.

— Э... Кана...

— Луся, — правильно поняла ее взгляд тетка.

— вы хотите сказать, что с моими знакомыми что-то не так?

— Ой, да я много чего могу про них рассказать! А вы, кана, к Гетанро приехали?

— да.

— И к кому же?

— К Витане Гетанро.

— так она в столицу уехала, замуж вышла. Тут никого и не осталось, почитай.

— Никого?

Яна прищурилась. Тетка в ответ посмотрела на нее. Кажется, Яна могла получить нужную информацию, но в ответ придется чем-то поделиться.

Что ж, история была давно готова. И нархи — ро согласно опустила ресницы, мол, я бы поговорила, но не здесь же?

Тетка поняла ее правильно.

— да что ж я... может, вы ко мне зайдете, кана? У меня вишневый взвар есть, вишня из своего сада, величиной аж с ноготь! А сладкая!

— с удовольствием, кана!

Яна подмигнула девочке и проследовала за каной Лусией.

— может, вам помочь?

— Да вы ж тростинка совсем, кана, куда вам коромысло?

— а не мне. Ааше.

Волк под коромыслом собрал еще больше взглядов, чем волк прогуливающийся. Яна могла спорить, что сплетен городку теперь на месяц жизни хватит.

В чистеньком домике кана щедро плеснула Яне в чашку ягодного взвара и придвинула поближе блюдо с сырниками.

— угощайтесь, кана. А то в чем и душа держится...

Яна откусила кусочек и зажмурилась от удовольствия.

С изюмом, да поджаристые, душистенькие... прелесть какая!

— Благодарю, кана Лусия.

— Ну, а теперь рассказывайте, кана, почто вам Гетанро понадобились.

История у Яны была. Про то, как дед Аэлены когда-то оказал помощь ее отцу. И вот она приехала поблагодарить...

Кана Лусия выслушала, не перебивая. Но... не поверила!

— горазды, вы, нелюди, брехать-то...

Яна чуть покраснела — и это не ускользнуло от цепкого взгляда городской сплетницы. Кана

Лусия прищурилась.

— Ты уж прости, кана... ничего, что я так запросто?

— Все в порядке, кана Лусия. Вы старшая, вам и решать.

Это чуть смягчило женщину.

— а ты кушай сырнички-то, кана, кушай. У меня они особенные, на то семейный секретик есть. Почитай, весь город его вызнать пытается, да только куда им... И не думай, что коли я стара, да всю жизнь в этом городке прожила, так и ума у меня — с гулькин ноготь. В маленьких городках оно еще и виднее бывает, жизнь-то вся, словно на ладошке. Чего не разглядишь, то подскажут. А люди — они везде одинаковы. Что здесь, что в столице...

Яна кивнула. Сама виновата — недооценила. Но...

— Это не мой секрет, кана Лусия. И это может стоить жизни одному человеку.

— Та — ак..., — женщина прищурилась. — Аэлене, Вериоле или Лидасу?

И весело рассмеялась.

— Ясенько. Аэлене, да?

Отрицать было глупо. Яна коротко кивнула.

— Лайри Аэлену пытались убить. И мы не можем понять — почему. А она молчит...

— И вы решили поискать в прошлом? Хм — м... неглупо. Уж если у кого и было желание убить Аэлену, так это у Гетанро. После той истории...

Яна вскинула голову.

— той истории? Какой истории?

— Аэлена, значит, про нее молчит? Оно и понятно, я бы на ее месте тоже молчала.

— Она сделала что-то плохое?

— да нет... просто, кана...

— Яна.

Кана Лусия подперла рукой подбородок.

— Бывают, Яна, такие дела, про которые и говорить-то... словно в дегте измажешься. И вроде не виноватая ты, а воняет, что ворота у гулящей девки.

Яна пожала плечами. Бывает, наверное. Вот, как с ее теткой. Вроде и не виновата сама Яна, но ощущения гадостные. То ли она украла, то ли у нее украли... противно.

— Вижу, ты понимаешь, о чем речь. Это хорошо. Знаешь, хуже праведников никого и нету в нашей жизни. Все чистенькие, беленькие — и думают, что у них есть право судить. А нету его — права. В нашей жизни все скорее обязанности. И не всегда они людям по душе. А часто —

еще и не по карману.

— Я вас пока не понимаю, кана Лусия.

— А ты кушай, кушай сырнички. А я расскажу потихоньку. История долгая будет... Я здесь постоянно живу, почитай, с рождения. А вот Гетанро — были из приезжих. Тарма да Митор. Хорошая такая семья, он высокий, красивый, она маленькая, ему чуть пониже плеча, но аж светятся, когда друг на друга смотрят. И детишки у них были. Двое. Старшая дочь — Витана, и младший сын — Финар его звали. Дочь — копия отца, сын весь в мать пошел, но ребята хорошие, уважительные. Я в ту пору аккурат замуж вышла, а вот наши девки все за Митором бегали. А он шутник был, весельчак, балагур, но — надо отдать ему должное, на других не смотрел. Жена есть — баб не надо. Дочь любил до безумия, сына воспитывал. Тарма та, наоборот, сына больше привечала, но дети себя обделенными не чувствовали. И друг друга любили. Хорошая семья?

— Разве плохая?

— тут-то плохого нет. Но долго ли, коротко ли, а Митор умер. Случайно получилось, дом у человека загорелся, Митор помогал тушить, а когда поняли, что в доме ребенок остался — бросился мальчишку из огня вытаскивать. Сам обгорел, мучился недолго, а ребенка спас. Мальчишка, кстати, начальником стражи у нас стал, не зря человек за него жизнь отдал, ой, не зря.

Яна прикусила губу. Ладно, хорошо хоть тетка не от исхода листэрр начала, и то хлеб.

— а ты слушай, Яна. Думаешь, мне поговорить не с кем, озверела тетка от тоски, вот и несет все вповалку? Э, нет. Тут дело такое... серьезное. Тогда та история и началась. Законы наследования ты знаешь?

— Кажется, если один из супругов умирает, ему полностью наследует другой. А за ним уж и дети... нет? Или вы имели в виду частные случаи?

Законодательство Интара Яна читала в свое время, но скучно было — аж до зубовного скрежета. Вот и пролетело кое-что мимо памяти.

— Да нет. Именно это. У Митора кое — какие денежки были, домик был неплохой, с садиком, чуть ли не в центре города — он старателем был. Вот и наработал себе на безбедную старость. И еще бы поработал, да чудом спасся, когда их в забое завалило. Уехал подальше от гор, сказал, что второй раз не помилует. Так что все отошло Тарме, только она была хоть в гроб клади. Мужа она любила, тосковала страшно, если б Витка Эленку не родила... то есть Витана — Аэлену, уж и не знаю, что бы с ней случилось. Витана ведь за Карна замуж вышла, не подводит меня память?

— Нет, не подводит.

— они тогда еще здесь жили. Карн тоже местный, это потом он уехал удачи искать. А так... поженились они с Виткой — и через год после свадьбы та ребенка принесла. Ну и куда им было ехать с малявкой, да еще такой болезненной? Остались тут примерно лет на пять. Тарма малышку с рук не спускала, от смерти спасла, выходила... ну и привязались они друг к другу. Аэлена за бабушкой хвостиком ходила, мать с отцом так не любила, как ее...

— Аэлена про бабушку молчит.

— Иногда молчат и потому, что больно.

Яна подумала, что это тоже могло быть. Ох как могло. Кто другой кричал бы, а Аэлена молчать будет до последнего, уж когда вовсе прижмет, выскажется.

— Вижу, понимаешь. Но уехали. Тарма опять затосковала, но тут Финар женился. Выбрал... знаешь, вот чего плохого, а хорошего о Льяне Мерес сказать мало можно было. Дрянь девка. И родители ее дрянь людишки, из тех, кто выгоду везде ищет, а поработать никогда не пожелает. Льяна шалава та еще была, сестра ее Альма — и того хуже. Первая-то похитрее была, пряталась, а вот вторая всех парней в округе перебрала, замуж потом за такого обмылка вышла, что смотреть больно. А Льяна вот...

Яна помотала головой, укладывая в памяти имена. Были Митор и Тарма. У них дети — Финар и Витана. Финар женился на Льяне. А родился у них кто?

— Это вопрос хороший, правильный. Льяна, конечно, тут же затяжелела и родила. Сначала парня, а потом и девку. Лидаса и Вериолу. Но Аэлена тут все равно каждое лето жила, к бабушке приезжала. У Льяны, вишь ты, здоровье оказалось слабенькое, ее надо было каждое лето на воды вывозить, ну, Финар и старался. Хотя как по мне — ее об крепостную стену не расшибешь, гадину.

— У вас к ней что-то личное?

— да уж... было личное, да сплыло. Льяна к моему сыну подкатывалась, пусть ничего у нее не вышло, да невестка узнала. Семья чуть не порушилась, а из-за кого?

Яна кивнула.

— Финар не знал, надо полагать?

— так лопухи ж все узнают последними. Он даже не знал, что Вериолу не от него прижили.

— в смысле...

— рогами оброс по самое это самое. Хоть и две шалавы в семье было, хоть Льяна все на сестру и сваливала, да люди не слепые. Разобрались. Опять же, подумай. У Гетанро в роду все темные, что те вороны, сероглазые, что Тарма с Митором, что дети. Порода такая. Льяна тоже темненькая, а девка у нее уродилась беленькая и голубоглазая. А главное, что вся Льянина семейка в голос пела, что Вериолка копия Тармы. Хотя — верь, не верь, похожи они были, как черное и белое.

— да я верю, — пожала плечами Яна. — просто не понимаю пока, как это связано.

— А ты слушай. Вот, Фиинар на воды с женой, детей оставляют на Тарму, ну и на Аэлену. Она, кстати, тогда уже рисовала, у меня даже ее портрет сохранился. И наброски она всем дарила... потом поищу, если понадобится. Но ты, наверное, видела?

— Вижу. Рисует она... волшебю.

— Вот — вот, правильное слово. Вроде бы и ничего сложного, и угольком иногда черкала, а все одно — красота.

— Нархи — ро говорят, что она свои творения душой оживляет.

— Наверно, оно и правильно. Красиво... И знаешь, Яна, вот верь, не верь, Аэлену в городке любили. Тихая, скромная, лишней раз слова не скажет, ну, странноватая, но за рисунки ей все прощали. Понимали, что кому талант дан, от того стоит ждать странностей. Перерастет. А вот что Лидас, что Вериола... дрянные сопляки получились. Тарма с ними билась, билась, а потом рукой махнула. В материнскую породу пошли, не иначе.

— не любите вы их, кана.

— а любить и не за что было. Где гадость, так жди, рядом окажутся.

Яна подумала, что надо бы поделить ее слова натрое. Слишком много в них личного, ох и насолила кане эта самая Льяна, и наперчить не забыла. Раз уж столько лет спустя...

— но это неважно. Когда Аэлене пятнадцать было, она сюда приезжать перестала. Поссорились они...

— кто?

— Финар с сестрой. Уж не знаю из-за чего, а кричали громко, но мое мнение такое, что из-за Льяны.

— А почему?

— Финар кричал, что у него сестра — побирушка, а та отвечала, что он на нищей крысе женился. И других бы ему осуждать не след. Одним словом, хлопнули девочки дверью, да и уехали.

— девочки?

— А Витана к тому времени как раз овдовела.

Яна кивнула. Понятно было мало, но...

— поругались. А дальше?

— а дальше — Финар мать из дома выгнал.

— как!?

Вот тут Яна ахнула от души. У нархи — ро вообще страшнее преступления не было, чем поднять руку на родителей. Это ж сегодня на тех, кто тебе жизнь дал, а завтра на Лес посягнешь? Родная кровь неприкосновенна, а родительская — в особенности.

— А так вот. Не знаю уж, что там получилось, а только Тарма тут сидела, на этом вот месте, где и ты, и рыдала в три ручья. И меня просила, чтобы я никому про то не сказывала.

Интересно, сколько времени прошло, прежде чем весь город узнал?

Видимо, мысль как-то отразилась на лице Яны, потому что кана Лусия поджала губы.

— здоровьем детей клянусь, что ты первая, кто от меня про то услышал.

Вот это было серьезно. Более чем. Яна пристально посмотрела на женщину. Та словно маску в

сторону отбросила и смотрела хмуро.

— знаешь, об Аэлене можно многое сказать, но девка она — хорошая. И не думаю, что испаскудилась за последние годы. И если беда пришла, то отсюда она, не иначе. Когда и рассказать, как не сейчас. И — тебе.

— Я обещаю молчать, если от этого не будет зависеть жизнь или здоровье Аэлены или ее близких. Пусть меня Лес не примет, если солгу.

— Принимаю. Да покарает тебя Четырехликий, если нарушишь клятву.

Женщины переглянулись, помолчали немного, попивая вишневый взвар — и Лусия продолжила.

— Рыдала она в три ручья, так, что я ее всю ночь успокаивала. Все понять не могла, в чем ее вина. Уж сколько Тарма сил отдала, всю жизнь сына больше любила... как хочешь, а только в тот день он свою мать и убил. Как ножом в сердце, только вернее. Предательство, оно... ранит. Просто от ножа сразу умирают и не так болезненно, а от такого... я ей тогда и денег дала на дорогу. Собрала и проводила к дочери.

— она вернулась?

— не сразу. И не она. Первой приехала Аэлена. И трех месяцев не прошло.

— Вот как...

— Ей тогда лет семнадцать было. Сопля зеленая, что по характеру, что по виду. Но... пришла она ко мне, я ей все обсказала, а на следующий день эта соплюшка направилась аккурат к градоправителю. Уселась там посреди приемной и заявила, что коли не примут ее, она тут и уляжется. И пусть ее в тюрьму введут, вяжут, режут... да хоть на плаху!

— градоправитель ошалел?

— Это еще не то слово было. Городок у нас — сама видишь, тихий, мирный, разве что собаки подерутся... Приняли ее почти сразу же. А через два часа и грянуло.

— что грянуло?

— Скандал. Да такой, что ой — ой — ой. Тебе про него любой бы рассказал. Аэлена была в таком бешенстве, что слов не выбирала, дядя ее орал, тетка визжала, родня ее поддерживала, дети, опять же...

— а с чего вдруг?

— а с того. Думаешь, чего она у градоправителя потребовала?

— Чего? — Яна догадывалась, но решила не лишать кану Лусию такого момента.

— Она потребовала, чтобы дядюшку и тетку выкинули из незаконно занимаемого ими дома, который принадлежит ее бабушке. Более того, она потребовала, чтобы вернули все, купленное на бабкины деньги, озвучила причину своего появления, приложила свидетельство лекаря о том, что Тарма чуть не месяц пролежала с нервной горячкой, при всех обозвала Финара матерейбойцей... представляешь?

Яна аж зажмурилась.

— Кошмар!

— И на своем она стояла крепко. Финар тогда в страже работал, но они ж в подчинении у градоправителя. Пойди она к начальнику стражи, может, и замолчали бы дело, чтобы грязь не лить, но... градоправитель и начальник стражи на тот момент сильно друг друга не любили. Финар из стражи вылетел со свистом, а за ним и начальничек.

Яна прищурилась.

— Кана Лусия...

— И отрицать не буду, моих рук дело. Я подсказала, куда идти и что говорить.

Кто б сомневался.

— а теперь представь, что все это происходило на улице, при всем скоплении народа. Финар орет так, что столбы шатаются, племянницу в неблагодарности обвиняет, Льяна визжит так, что уши закладывает, градоправитель не знает, как их заткнуть, а Аэлена стоит бледная как мел, и на Финара — ты недостойн быть Гетанро! Ты позор рода и убийца своей матери!

— И чем это кончилось?

— Чем и должно было. Все козыри были на руках у Аэлены, так что поорали, а потом градоправитель дал Гетанро час на сборы. Да не просто так, а под присмотром стражи. Аэлена настояла. На всю площадь заявила, мол, тот, кто мать из дома выгнал, тот и ложки стащить не погнушается. А потому — носильные вещи и деньги им взять разрешили, а вот украшения Льяне пришлось оставить. Свои она взяла, а вот Тармины — не посмела. Аэлена их ведь все знала, Митор жену баловал, а как старатель, в камнях разбирался.

— и дальше?

— Гетанро уехали.

— Куда?

— не знаю. Про то еще скажу. А Аэлена осталась тут. А еще через дней десять приехала ее мать, привезла Тарму. И вот тут они и прожили до смерти Тармы. И знаешь, про Аэлену с Витаной никто и слова дурного сказать бы не смог. Ни мужиков, ни гулянок... обе устроились в швейную мастерскую, с условием, что их будут домой отпускать, мать проведать. Та ведь после такой беды обезножела...

— С — сынок...

— Это еще мягко сказано. Я с ней потом говорила... она хоть и все в себе скрывала, все внутри, а только боль никуда не денешь. Ее это хуже яда травило, потому и прожила мало. Но девчонок упрекнуть не в чем было. Постоянно, три раза в день то Аэлена, то Витана — бегут по улице, введь лежачий больной... ну, сама понимаешь. Перевернуть, посудину подложить, покормить... Я еще Аэлене пеняла. Самый тот возраст, семнадцать — двадцать лет, тут бы гулять, парням головы крутить, а она все в одном платье, что та нищенка, все к бабке... и еще отмахивается. Мол — не выросла для парней. Как же! Считаю, она больше пяти лет своей жизни просто отдала. Понимала, что мать одна не справится, вот и выбрала...

Яна подумала. Вспомнила Аэлену.

— Она об этом не жалеет.

— Уверена?

— да.

— Это и правильно. У нее сейчас хорошо сложилось?

— она лайри. Муж любит, деньги есть, детей трое...

— Это правильно. Она отработала. Знаешь, иногда сваливается на человека счастье, богатство, достаток — ему и голову долой от счастья сносит. И добром это не кончается. А все потому, что счастье заслужить надо. Заработать. Выстрадать. Вот тогда оно к тебе и придет — правильное и настоящее. А коли нет...

— Я понимаю, о чем вы.

— Это я так. Рассопливилась бабка. А теперь давай поговорим о Гетанро.

Яна наострила уши.

— Сама понимаешь, любви к матери Финару это не прибавило. Но Тарма-то мертва. Витка — в столице, там до нее добраться сложно, у нее муж не из последних. Да и не на нее у Гетанро зуб был. На Аэлену.

Яна подумала, что это и понятно. Озвереешь тут...

А ты не пытайся родную мать на улицу выкинуть? Глядишь, и проблем не будет? Люди такие странные... они сначала делают другим гадости, а потом искренне обижаются, получив в ответ.

— Это верно.

Тайяна помотала головой. Она начала разговаривать вслух? Да, наверное. Собеседница смотрела на нее задумчивым взглядом.

— дети, опять же. Сам Фиинар, может, и не вяжется, а вот Льяна — та еще гадюка. А если дети в нее пошли — сам понимаешь...

— понимаю. Интересно, где их теперь искать?

— Ну, я тебе тут не помогу.

— Но знаете, кто поможет?

— Догадываюсь. А ты?

Яна задумалась. Ненадолго, память у нее была хорошая, да и кана Лусия рассказывала достаточно понятно.

— А... у Льяны была сестра?

— почему — была? И сейчас есть. И есть у меня подозрение, что с сестрой она списывается.

— А родители?

— те с Финаром уехали. Гнилые людишки, чего уж там. Их никто не любил, что папашу — размазню и лентяя, что мамашу — выжигу. А Финар терпел, как же, родня....

— А из дома не выгонял? — не выдержала Яна.

— Что ты! Родня же! Как можно!

— Понятно... а сестра осталась?

— Так она замужем была. Хоть и вышла замуж за редкостного подкаблучника, но семья там не из бедных, всем отец заправляет, и хорошо так, душевно. У него кожевенные мастерские. А у Альмы выбора не было, к тому времени все знали, что девка на передок слаба. Вот и получилась... взаимная выгода. Там муженек — отворотясь не отплюешься, жена гулящая, но свекор со свекровью за ней приглядывают, так что воли у нее нет. Да и дети явно от мужа.

— и она может знать, где Льяна?

— Вполне.

Тайяна кивнула. Допила в два глотка содержимое чашки и решительно поднялась из-за стола.

— Благодарю вас, кана Лусия. Не подскажите, как найти эту Альму....

— Бурат. Альма Бурат, кожевенные мастерские Бурата — за городской стеной. Сама понимаешь, больно промысел вонюч.

Чего ж не понять.

— и живут они рядом?

— Достаточно близко.

Яна кивнула.

— Благодарствую. По запаху, не ошибусь.

— Только ты учти, Альма — дрянь та еще.

— Значит, говорить надо с ее свекром?

— Думаю, да. Иначе...

Кана Лусия не договорила, но Яне и так было понятно. Либо через два дня, или сколько там почта идет, обо всем узнает злоумышленник — если это Гетанро, и мигом заметет следы. Либо ей солгут, а Гетанро опять-таки обо всем узнают, либо....

Вариантов тут много...

— а чего Альма с сестрой не уехала?

— так дочь у нее была к тому времени. А Бурат мужик крепкий, сказал, как отрезал. Мол, ты хоть куда ехать можешь, а у меня тут дом, дело... проваливай, но к дочери и близко не

подойдешь.

— Даже гадюки детенышей любят?

— Альма — нет. Не гадюка. Так себе, серая скотинка в тени сестры. Вот Льяна — та мерзавкой была, а Альма у нее всегда на вторых ролях, на подхвате....

— Вот оно что... Льяну убрали — она и прижиться постаралась?

— примерно так и было. И не спеши. Еще часа два ты Бурата точно дома не застанешь, а во время работы у него разговор короткий — не отвлекать. Будь там хоть лойрио, хоть трайши — всех выгонит. И все ему простят, потому как кожевник от Бога, руки золотые. Старший сын у него такой же, это вот младший неудачным получился...

— Муж Альмы?

— Шинф.

— Запомню...

— Так что посиди, отдохни. Покушай спокойно, а там и пойдешь. Да и зверюгу твою покормить бы?

— а где у вас ближайшая мясная лавка?

— А на соседней улице. Я тебе сейчас покажу, как дворами пройти, купи ей мяска-то?

Яна кивнула.

До вечера она успела и накормить Аашу, и поболтать со словоохотливой каной Лусией, и даже умыться — причесаться и почистить одежду. А вечером попрощалась и отправилась с очередным визитом.

И верно, кожевенные мастерские воняли так, что не доходя до них шагов с триста, закашлялись обе, что Яна, что Ааша. Волчица смотрела укоризненно. Хозяйка, нам обязательно — туда?

Пришлось почесать серую подругу и заверить, что выбора нет. Очень нужно.

После этого Ааша хоть и чихала через раз, но к мастерским пошла.

Дом они тоже увидели достаточно быстро. И оценили.

Хороший такой дом, основательный, из серого камня и дерева, большой и уютный. Типичный... сатро. Хозяйственный такой, серьезный, основательный и несуетливый. И никаких финтифлюшек — украшений, никаких деревянных кружев — ничего. Но надежный, крепкий и видно, что простоит он на этом месте не одну сотню лет, презрительно похмыкивая в сторону легкомысленных замков и дворцов.

Опять же, палисадник, где растет зеленушка на стол, колодец во дворе, стол под навесом, где так удобно собираться семье, качели для детей — все устроено аккуратной и любящей рукой. И есть в этом какая-то красота надежности. Спокойствия, уюта, уверенности, что хозяин справится с любой бедой...

Хорошее место.

Запах, разве что, но к нему и притерпеться можно. Да и не стоит забывать, на какие деньги дом строился, тут хозяин полностью прав.

Так что еще не видя Бурата, Яна составила о нем свое мнение. И — не ошиблась.

Кожевник оказался необъятным мужчиной в три ее обхвата. Мощным, мускулистым, из тех, что ударом кулака быка повалят. Было в нем что-то такое, основательное. И хоть седина уже покрыла изморосью его волосы, но было видно, что это скорее дань возрасту, чем дряхлости.

Под стать ему был и старший сын. Высокий, мощный, крепкий, и жена старшего сына хорошо смотрелась в этой семье — ловкая, статная, с длинной толстой каштановой косой и румянцем на щеках.

А вот кто выглядел неродным...

Младшего сына явно в колыбели подменили. Сидит за столом что-то такое.... хрупкое и трепетное. Яна легко могла представить его пьяного, под забором. Или как мелкого приказчика в лавке, угодливо склоняющегося перед каждым посетителем. Но не в этой семье медведей. Вот уж верно говорила кана Лусия — обмылок. Бывает и такое. Вроде и черты те же, что у отца, а все как-то сплюснуто, сдавлено, некрасиво... не повезло.

Зато жена его, явно та самая Альма, сидящая рядом с ним, старалась выглядеть красоткой. Было видно, что ей за тридцать лет, и хорошо так за тридцать, что у нее была бурная молодость, причем ключевое слово тут — была, но расставаться с ней женщине не хотелось. Об этом говорило и слишком яркое платье, и вырез на груди, и краска на лице, и тщательно уложенные реденькие темные волосенки... и во всем этом она проигрывала жене старшего брата, которая, хлопоча по хозяйству, и думать не думала о такой мелочи, как внешний вид. И все же, смотреть на нее было куда как приятнее, и Альма это понимала.

Вот и кидала злобные взгляды на 'соперницу'.

М — да.

Не слишком умна, завистлива, легко поддается чужому влиянию, а вот нагадить — может! И с большим удовольствием. По призыванию души, так сказать. Считает себя достойной большего, но жизнь другого мнения — и этим все сказано. И как только Альма тянется за большим — тут же получает по рукам. Злится — и все равно тянется. Бывают такие люди... Яна не сомневалась, что счастливой эта женщина сможет стать только в одном случае — выйдя замуж за принца, при условии, что ее сестра выйдет за дворцового истопника.

Девушку тоже заметили. Так что она медленным шагом направилась к дому кожевника.

— Вечер добрый, сары, кайты...

Поклон получился достаточно глубоким, чтобы выказать уважение, но не настолько, чтобы унизиться. Всего в меру.

Сар Бурат пригляделся к госте и удивленно хмыкнул. Но в ответ поклонился.

— И вам вечер добрый, кана, коль не шутите.

Яна поклонилась еще раз. Разговор никто начинать не собирался, так что придется ей...

— Прощу прощения, сар, что прерываю ваш отдых. Но мне хотелось бы с вами побеседовать

— что же в скромном кожевнике может заинтересовать нархи — ро?

— Ну, если сапоги у вас на ногах из кожи вашей выделки, — сар Бурат расплылся в улыбке, и Яна смело продолжила. — То вы не только нархи — ро, вы и короля заинтересовать своим мастерством можете.

— На том стоим, кана...

— Тайяна. Можно — Яна.

— а полностью — как?

— Тайяна э'Лесс Риккэр.

— Так вы, кана, из благородных будете?

— Из тех, кто хранит память о прошлом. У нас это почетно. Летописцы, хранители, архивариусы...

— дело хорошее.

— Семейное, — пожала плечами Тайяна. — У нас в роду все книжники.

Бурат одобрительно кивнул. Семейное дело — он понимал.

— А к нам какими судьбами, кана?

Яна вздохнула.

— Ох, недобрыми, сар Бурат.

— Да неужто в Лесу что случилось?

Веселые огоньки в серых глазах сара говорили о том, что лес-то ему безразличен. Но и посидеть после работы, посплетничать о том, о сем... почему бы нет? Работа сделана — и на совесть, теперь и для себя пару минут выбрать можно.

— В Лесу все нормально. Но история у меня длинная...

— так присаживайтесь, поужинайте с нами и расскажите, что вас сюда привело?

Сар добродушно улыбался. И Яна решила принять приглашение. Только...

— я ведь не одна. Со мной Ааша... Ваши кайты возражать не будут?

— Ааша?

Рядом с Буратом волчица казалась не такой уж и крупной. Даже вздыбив шерсть на затылке.

— Охраняет?

— Не все люди добрые и хорошие. А с такой защитницей я могу быть спокойна.

— Тоже верно, кана. А к детям она как?

— Любит. И поиграть с ними может, если обещают ее не брить и не красить.

— Это-то они пообещают. Но удержатся ли? Так что пусть она при вас побудет.

Яна послушно кивнула. Ее усадили за стол, Ааша послушно улеглась у ее ноги и задремала, не обращая ни на что внимания. Дети, которых покормили раньше, носились по саду, что-то увлеченно вопя. Взрослые спокойно и размеренно ужинали. Сначала еда, а потом разговор....

Яна, признаться, была не голодна, так что Ааша отдувалась за двоих. Но наконец....

— Так что же привело вас сюда, кана?

— Льяна Гетанро, — Яна не стала ходить вокруг да около.

На лице Бурата появилось такое выражение, словно он навозную кучу увидел. Плюнуть бы, да отвернуться, а вонять все равно будет. Неодобрительно покосилась и его жена, и старший сын с невесткой. Сладшему это явно было безразлично. А вот Альма...

— а мы-то тут при чем? Я ничего не знаю!

Яна прищурилась.

— и с сестрой отношений не поддерживаете?

— Нет.

— и где она живет — не знаете?

— да откуда ж мне!?

— и о том, что она пыталась убить трайши Аэлену — тоже?

— трайши? А разве она не...

Альма поняла, что оговорилась и закрыла рот рукой.

Поздно. Слишком поздно. Все, сидящие за столом, уже тоже поняли.

— Та — ак, невестушка, — прищурился сар Бурат. — Не трайши? А кто? И откуда ты про Аэлену знаешь?

— да бабы рассказали, когда я кружева покупала...

Звучало это так фальшиво, что не поверил бы и трехлетний ребенок. И уж точно не старый кожевник. Ладонь, размером с хорошую лопату, мягко опустилась на стол.

— Я жду....

И так это прозвучало.

Альма вздохнула — и принялась каяться.

Нуу да, с сестрой она переписывалась. И с матерью. А как еще, родные ж люди! И то, что они отсюда уехали — неважно. Все равно им интересно было, как она живет...

Аэлена? Витана?

Ну... о них тоже спрашивали.

Яна поморщилась. Считай, все, что происходило в семье Аэлены, эта выдра рассказывала сестре. А кстати...

Да, и о том, что Аэлена теперь лойрио и знаменитая художница, и что Витана замуж вышла еще раз — в столицу, и что обе счастливы и довольны — тоже.

Льяна?

Да... у них, наверное, тоже все неплохо. Отец умер — это точно. Мать была плоха, обезножела, что ли. Финар принялся попивать горькую, дети росли шалопаями, не приспособленными ни к какому делу, денег не хватало на самое необходимое. Кто в этом виноват?

Конечно, Аэлена, Тарма и Витана! Можно, не в этом порядке, но виноваты — они! А кто ж еще?

Тарма вообще сука! Всю жизнь сыну заела! Мужика от своей юбки не отпускала, Льяну постоянно унижала и оскорбляла, с внуками ее сидеть не попросишь...

Семья Бурата слушала это, морщились все, но пока помалкивали. Яна тоже не перебивала. Пусть выплеснет грязь, потом сговорчивее будет.

Витана?

Тоже мне, дочка нашлась! Замуж вышла, мать бросила, а потом приехала денег просить! Побирушка! Да Льяна за Тармой, как за родной ходила, ночей не досыпала, самые сладкие куски свекрови подкладывала, а эта... только и знала, что свою паршивку сюда на лето сплавлять!

Аэлена?

А это вообще сгусток зла! Как ее земля-то носит! И кузенов она своих терпеть не могла, и Льяну тоже, и вообще она какая-то странная. Да разве нормальный человек днями с книжкой просиживать будет? А рисовать? Да никогда! И не постеснялась потом бедную Льяночку на улицу выкинуть! Гадина! Льяна ее кормила, поила, чуть ли не мать заменила...

Тут уже не выдержала и жена Бурата.

— Вот ведь... дрянь семейка.

И почему-то все поняли, что имелись в виду, не три женщины, а Финар с родственниками. Поняла это и Альма и растеряно умолкла, оглядываясь по сторонам и обнаруживая, что никто ее мнения не разделяет. Людей-то не обманешь...

Яна с ней и спорить не стала.

— куда ты им пишешь?

— А...

— Соврешь — тебя Ааша так порвет...

— Не посмеешь!

Яна фыркнула.

— А ты меня потом найди? Думаешь, кто-то будет в Лесу моей выдачи требовать? Да сар Бурат только порадуется, что от тебя избавился. А остальным и горя не будет...

— Шинф! — схватилась Альма за мужа. Ага, нашла за кого! С тем же успехом можно было веревку из соплей свить.

— рассказывай, — кулак сара Бурата опустился на стол. — не то сегодня же на улицу выкину, в чем есть. Детям ты не нужна, уже взрослые, пойдешь себе на пропитание раздвинутыми ногами зарабатывать! Мне еще такой дряни в доме не хватало!

— папа! — возмутился Шинф, но быстро смолк под пристальным взглядом.

— А ты помолчи, обсосок! Я вас кормлю — пою, а эта дрянь за моей спиной еще и сестрице докладывает, что да как? Да я ей и остаться-то разрешил только потому, что она умоляла, на коленях тут ползала, клялась, что с сестрой и словом больше не перемолвится, и — вот? Интересно-то как...

Тайяне тоже было интересно. И долго ждать не пришлось. Размазывая соплю по лицу, Альма призналась, что регулярно отправляла Льяне подробные письма.

Куда?

Так в Тимол.

Небольшой городок в двух днях пути к западу. Да, наверное, там она и живет, а что? Адрес?

Не было адреса. Писала купцу Кинтару, может, Льяна у него работала, может, он передавал, кто знает...

Яна вздохнула. Да, не миновать ей Тимола. А пока...

— Сар Бурат, вы не приглядите за невесткой, чтобы она никого не предупредила?

— Пригляжу. Она у меня год из дома не выйдет, — пообещал сар. И выглядело это не пустой угрозой. — Ишь ты, гадить они задумали.

— может, и не они...

— Если у Аэлены или Витаны проблемы — то только из-за этих, — как отрубил Бурат. И зло взглянул на младшего сына. — Да лучше б я тебя в Храм отдал, чем вот такое. Ты понимаешь, что если с девчонками что случится — это на нашу семью тоже падет? Или думаешь, другим безнаказанно гадить можно?!

— да кому они нужны! — взвизгнула Альма. Но никто ей не поверил.

Яна дружески распрощалась с семьей кожевника — и ушла.

— Ну что, Ааша, в путь? Нам надо в Тимол... только вот по пути...

По пути она зашла к кане Лусии и вежливо попросила отправить письмо в Далинар. Лайри Аэлене. Кажется, она еще чуток задержится...

* * *

Аэлене было не до письма. И даже не до Тайяны. События развернулись так, что впору было за голову хвататься.

И слава Четырехликому, что в доме не оказалось ни одного трупа.

А дело было так.

Без Тайяны она к Диолату идти не собиралась, а потому послала слугу с запиской. Мол, так и так, лайри себя плохо чувствует, едва не помирает, а потому все переносится на завтра.

Ответная записка содержала кучу любезностей и уверений в совершеннейшем почтении, так, что Аэлена кинула ее в камин и чуть расслабилась. Совершенно зря, потому как к вечеру, вслед за запиской, пожаловал и сам трайши.

С громадным букетом алых роз, коробкой кьянтийских сладостей, которой хватило бы дня на четыре, если ничего другого не есть и очаровательной улыбкой на лице.

И поди, выстави его!

Трайши все-таки...

Пришлось Аэлене обильно обсыпаться пудрой для бледности и спуститься вниз, в сопровождении Рошера, который поклялся ни на шаг не отходить от старой подруги. Даже если его убьют, он сначала выкинет трайши, а потом будет умирать.

Получилось очень убедительно и Аэлена чуть успокоилась.

Ровно до того, как увидела трайши.

Ну что же это такое?

Почему рядом с ним сердце пускается в пляс? И чувствуешь себя неловкой и неуклюжей под его взглядом и вечно ляпнешь что-нибудь не то... хотя она уже взрослая, и лойрио, и детей у нее двое, и все равно — что-то в нем есть такое. И хочется, как в юности, чтобы он подхватил ее на руки и унес куда-нибудь. И никому никогда не отдавал.

Хотя она любит своего мужа и детей, но что-то внутри словно в кулак сжимают... почему так?!

Аэлена собралась с духом, выдохнула и улыбнулась.

— трайши, рада видеть вас в моем скромном доме.

— Лара Аэлена, я решил навестить вас. Если уж судьба оказалась столь жестока, что не дала нам встретиться сегодня...

— к сожалению, я не настолько хорошо себя чувствую. Лекарь Вайст буквально не оставляет меня ни на минуту.

Рошер кивнул, как и подобает светилу медицины. Серьезно и с достоинством.

— К сожалению, у лары достаточно хрупкое здоровье, и любое потрясение может оказаться для нее губительным.

— что-то случилось?

— О, да. Разлука с мужем...

Аэлена не заметила, все ее силы были брошены на то, чтобы держать себя в руках, а вот Рошер подметил, как в глазах Диолата проскользнули недобрые огоньки. Ох, что-то тут неладно...

Были вручены цветы (Рошер ловко перехватил их, заявив, что ларе может стать плохо и удостоившись при этом злобного взгляда), сладости (второй злобный взгляд) — и все отправилось на кухню. Естественно, гостю был предложен ланти, и Диолат милостиво согласился выпить чашечку.

Аэлена скрипнула зубами, но горничную вызвала и приказала подать.

Бесцветная особа, лицо которой казалось Рошеру словно размытым водой, настолько она была неприметна, поклонилась и удалилась исполнять приказ.

В гостиной началась светская беседа.

Природа, погода, портрет... ничего нового, но Рошер злился. Стоит ли садиться так близко к Аэлене? И за руку ее пытаться взять через каждые две фразы — зачем? А эти взгляды?

Вздохи?

Нет, внешне все выглядит вполне прилично, но Рошер голову бы дал на отсечение, что Диолат подбивает к его подруге клинья. А Аэлена держится из последних сил.

И ведь не выгонишь мерзавца! Ах, как бы тут пригодилась Тайяна с ее волчицей. Себе, что ли, щенка завести? Собака — животное умное, вот сейчас бы налила лужу на сапоги трайши — попробовал бы он не оскорбиться!

Мечтать-то Рошер мог сколько угодно, но...

Крик донесся с улицы.

Детский, громкий...

Аэлена побледнела, как мел. Отлетела в сторону чашка с ланти, сладости посыпались на ковер и Диолата — и женщина стрелой вылетела в сад. Рошер бросился за ней.

— Мама, мама!!!

— Мамочка!!!

Мальчишки бросились к матери так, что ее едва с ног не свалили. Обхватили за пояс, уткнулись носами в платье...

Аэлена прижала к себе детей и закрыла глаза..

Ее солнышки. Ее маленькие сокровища.... какой, к Раш, Диолат?! Да появись он здесь и сейчас — был бы послан прямым курсом, далеко и надолго. Важнее двух сердечек, бьющихся рядом с ней, для Аэлены в этот миг ничего не было.

Рука Рошера легла ей на плечо.

— что случилось?

Вопрос пришлось повторять трижды, прежде, чем все участники пришли в себя достаточно. А дело оказалось простым — и страшноватым.

С утра дети, как обычно, занимались с учительницей. Потом наступил обед — и кана Тейл ушла домой. Дети оказались предоставлены сами себе, как и обычно. Няня, конечно, бдила...

Лим и Риман играли вместе с сестренкой в саду. Потом Аира опрокинула на себя чашку с соком и ей пришлось уйти переодеваться под присмотром няньки. А мальчишки решили в это время спрятаться — пусть малявка их поищет!

Где?

Да в домике, на дереве.

Отец специально вызывал плотника, чтобы тот устроил им такое замечательное место. Можно бы и самим, но какие там силенки у малышей? А так получилась отличная хижина, с крышей, которая не протекала даже во время самого сильного ливня, с надежным полом, и главное — вывалиться из нее было невозможно.

И сейчас...

Риман первым полез на дерево. В хижину можно было попасть через люк в полу. Он дернул защелку... и прямо на него выпала здоровущая змея.

Спас мальчика, как это ни удивительно, обыкновенный комар.

Веровочная лестница — отличная штука. Но лучше, если ее кто-то придерживает. Разумеется, брат. А если его в этот миг кусает — и пребольно, комар — мальчик дергается.

Вместе с лестницей.

Вместе со стоящим на ней братом, который и свалился ему на голову.

Чудом не свернув шею ни себе, ни Лиму. Отделались синяками, ссадинами... да, и выпавшей змеей.

Та оказалась самой разумной и попросту удрала куда подальше. Вопреки множеству сказок и басен, змеи — не самые глупые создания. И если человек не причиняет им вреда — стараются не ссориться с человеком. Хотя пара найденных Рошером в хижине чешуек — змею явно зашвырнули туда так, что гадина ударилась о стену, свидетельствовали о чем-то вроде гадюки.

Точнее бы сказала Тайяна, когда вернется.

Мальчишкам повезло и с комаром — и с люком. Вот если бы гадина спряталась в хижине, а они туда влезли и не заметили ее...

Тут было возможно все. От укуса, до... да могли просто выпрыгнуть через окошки и переломать себе все, что можно. Или если бы в хижину забралась Аира....

Аэлену затрясло.

Рошер крепко обхватил ее одной рукой и подтолкнул к дому.

— Ну-ка, пошла!

Диолат ждал их в гостиной.

— что-то случилось?

— Да, трайши. К сожалению, я вынужден просить вас откланяться. В сад заползла змея и чуть не укусила одного из мальчиков. Лара переволновалась и всем им нужен покой.

Рошер был сама учтивость.

Диолат блеснул глазами, но крыть было нечем. Рошер был изысканно вежлив, выпроваживая визитера, Аэлена на него и не смотрела обнимая детей... ясно же, что толку не будет. Хотя что-то странное в его глазах мелькало, но — что?!

Рошер никак не мог понять... задумчивость? Или недовольство?

Да и Раш с ним, с Диолатом. Без него дел по горло.

Остаток дня пришлось убить, чтобы привести все семейство в порядок. Ну хоть как-то...

Аэлену напоили горячим вином со снотворным и уложили спать. В принудительном порядке.

Сад обыскали. Но гадюка, если это была она, оказалась умной и уползла по своим делам. Детей усадили в маленькой гостиной и няня поклялась не отходить от них ни на шаг.

Рошер провел остаток дня, опрашивая слуг.

Не видел ли кто?

Не видел ли что?

А вдруг?

Чтобы поместить змею в домик, ее надо пронести на территорию... ну это — ладно. Можно принести ее сотней разных способов, да хоть бы и молока со снотворным дать — и пусть лежит в кошеле. С детских слов, змея была крупная и черная, но дети же! Рошер привычно поделил 'вот такенную змеюгу' натрое и вышло, что длиной она не больше детской руки.

Не самая крупная тварь.

Хорошо еще, что день был жарким, змее просто не хотелось спать, да и есть было нечего, вот она и ползала, видимо, по хижине, искала выход...

А было б холодно — точно бы свернулась где-нибудь и придремала. До визита детей.

Повезло...

А из слуг никто ничего не видел. Как отрезало!

Вот невидимка пронес змею, влез на дерево, выпустил ее... как есть — невидимка! И поди, пойми, без Ааши-то, врут или не врут! С — сволочи!

Угораздило ж Тайяну уехать!

Или... наоборот?

Тайяна уехала, а потому кто-то решился на этот шаг? Но тогда... этот кто-то должен быть в курсе. Кто-то из домашних?

Да, определенно. Разве что не учительница. Она — приходящая по утрам, а поездку они обсуждали после обеда, вечером Яны уже не было. А надо поймать змею, принести... Ладно, хоть одну вычеркнуть — и то хлеб.

Скорее бы Яна вернулась. Еще побеседуем...

* * *

В то время, как Тайяна готовится ехать дальше, над домом лойрио Алинара Авельена сгущаются сумерки. Размывают силуэты, скрадывают фигуры, изменяют даже голоса... хотя это только один из собеседников изменяет голос. А второй просто его приглушает. Разговор у них такой... не предназначенный для посторонних ушей, да и глаз тоже.

— Привет.

— И тебе привет. Чего надо?

— Поговорить надо.

— Мне — не надо.

— Вот тебе-то как раз и надо. Узнаешь?

Мешок, словно по волшебству, развернулся в руках одного из собеседников. Второй (или вторая?) чуть побледнел.

— Мешок. И что?

— Змеей пахнет. Показать его, что ли, хозяйке?

— Довольно! Чего ты хочешь?

— Сколько тебе платят?

— Чего. Ты. Хочешь?

— Для начала — полтинник золотом. А там посмотрим.

— у меня столько нет.

— Врешь.

— Я не стану держать здесь такую сумму, сам понимаешь.

— Принеси. А не то... Лара точно заинтересуется, что тебе было делать в такое время, да на конюшне...

— С — сволочь!

— Шесть десятков золотом.

Тихий скрип зубов слышен весьма отчетливо.

— Ты не докажешь...

— А мне и так поверят. А если проверят, то, может, и еще чего найдут?

— Ладно! Я сейчас схожу домой, возьму деньги.

— Я буду ждать тебя на конюшне.

— Только учти, если кто-то...

— Сам понимаю, чай, не дурак.

На этот счет собеседник шантажиста имеет свое мнение, но предпочитает промолчать.

— к полуночи, как все уснут...

— Буду ждать. С нетерпением.

Улыбка с одной стороны, желваки на скулах с другой...

Столько трудов — и все может рухнуть из-за какого-то шантажиста?

Нет!

Не бывать!

* * *
* * *
* * *

Тимол оказался достаточно крупным городом. Так что Яна подумала — и отправилась в ближайшую таверну.

Кушать и слушать. И — расспрашивать про Гетанро.

В первой таверне ее усилия успехом не увенчались. И во второй. И даже в третьей. Только в седьмой по счету забегаловке с красивым названием 'Крашенный кабан' ей смогли помочь. Яна даже свою систему выработала. Заходила с черного хода, на кухню и расспрашивала там. А то заказывать хоть что-то в каждой таверне... нет уж. Желудку дорожке встанет.

Справедливо полагая, что Гетанро можно будет найти не в самых богатых районах, Яна начала свой путь с ремесленных кварталов — и предчувствие ее не обмануло.

— Гетанро? Финар? Да, был такой.

— Был? — Яна впиалась глазами в служанку. В пальцах блеснула монетка. — А подробнее?

— раз был — значит, умер, — просто объяснила девица.

— УМЕР!?

— Да года два уж тому как... все ходил к нам, тоску вином заливал, потом его жена появлялась к полуночи, мужа выволакивала...

— Льяна?

— Вроде как... она-то у нас не пила.

Тайяна задумалась. Странно как-то...

— Что еще рассказать о них можешь? Или, может, кого знаешь, кто поделится?

— А вам что до них за дело? — подозрительно прищурилась служанка.

— Просто фамилия интересная, — Яна натурально похлопала длинными ресницами.

— врешь.

— Ну и вру... немного. Но плачу деньги, чтобы мне не ввали. Это ведь хорошо?

Яна смотрела, чуть прищурившись. Что в ней опознают нархи — ро, она не слишком боялась. В таверне было темновато, руки были надежно спрятаны в большие перчатки, а Ааша... ту вообще не заметишь, если волчица сама не пожелает.

Служанка нахмурилась.

— может, и неплохо. Постой здесь, я сейчас спрошу.

Вторая служанка появилась минут через пять, еще более замызганная, чем первая.

— Ты, что ли, про Гетанро спрашивала?

— Я. А есть что рассказать?

— Они нашими соседями были, потому дядька Финар сюда и захаживал, знал, что в долг нальют.

В пальцах Яны блеснула еще одна монетка.

— Были? Соседями? Расскажи ладком, красавица?

Польщенная красавица хихикнула, показав немаленькую дыру на месте трех зубов — и принялась рассказывать.

Покойный Финар, земля ему пухом, переехал сюда лет десять назад. Даже, кажись, больше.

Ага, — согласилась Яна. — Вот как Аэлена их разнесла, так и перебрались...

Двое детей, сын и дочь, сын и сейчас здесь, в страже работает как отец...

— вот как? А Финар работал в страже?

— пока попивать не начал. И сильно так, запоями. Почитай, десять дней хлыщет, десять трезвый, кто ж такое потерпит? Раз сказали, два сказали, а потом и пинком почествовали.

— Ясенько.

— Ну а как его со службы выкинули, во всю ширь развернулся. Не запой, так загул. Тетка Льяна его пыталась вытащить, ругалась сильно, дралась даже — куда там! Вино хлестал, как воду.

— вот оно как...

— Все какую-то Аэлену поминал, мол, если б не эта мерзавка, всю жизнь ему сломала... я так думаю, он с ней загулял, а она его и бросила. Наверное...

— Жизнь, значит, сломала...

Яна усмехнулась уголком рта. Ну да. Мать на улицу выгонять — это нормально. А в ответ получить — и началось! Пошел навоз по канаве! Жизнь сломала, в суп плюнула, оскорбила, надругалась, поиздевалась, из города выжила...

Врагиня — да и только!

И ведь не объяснишь таким, что сам виноват! Нет, это кругом враги! И злой умысел.

— А ты их вообще близко знала?

— Ну...

Еще одна монетка развеяла остатки стыдливости.

— Было у нас... с Лидасом. Даже жениться хотели, но потом он к Танне ушел! Словно она намного красивее!

Яна скромно промолчала. Почему девушки часто не понимают — если и так есть молоко, мужчина не станет покупать корову? Но — упорно доятся... то есть дают до свадьбы. И часто остаются с носом, потому что мужчина пойдет за подвешенной морковкой, а не за надкусанной.

Нархи — ро в этом отношении проще, тут все по сговору, хотя иногда и сложнее. Если бы ее бросили перед свадьбой... Р — раш!

Только о Шете ей думать сейчас и не хватало! Ну-ка соберись!

— и женат сейчас на этой Танне?

— И в страже работает. Сын у них, хороший такой мальчишка...

— а как бы поглядеть на них?

Ответом был подозрительный взгляд.

— да просто поглядеть. Даже разговаривать с ними не буду, если что. Просто убедиться, что

живы — здоровы!

Подозрения были успешно развеяны то ли убеждениями, то ли еще одной монеткой.

— Ладно. Мне домой скоро...

— Вот и я бы...?

— Пойдем вместе, словно вы к нам, там и посмотрите, кана.

— А, да. А Льяна? С ними живет?

— Плоха она. Не встает почти...

— А Вериола?

— Так из дома уехала. Еще как отец умер, все ходила мрачнее тучи, а потом собралась и уехала.

Была б у Яны шерсть на холке — точно бы дыбом встала. И хвостом тянуло забить... след! Да еще какой след!

Веривола?!

Есть возможность...

Но надо узнать точнее! А еще — увидеть Льяну, Лидаса, понюхать их, чтобы потом проще было найти, может, Вериола им пишет — кто знает?

Хм — м... а кто в этой семье самое слабое звено в цепочке?

Танна?

Судя по этой девице, за пару монет та все расскажет. А потом доложит мужу и Льяне? Раш ее знает, тут посмотреть на человека надо.

Так что Яна осталась в 'Кабане' ждать. Сидела в самом темном углу, попивала ягодный взвар, грызла сухарики, не привлекая к себе особенного внимания. Ждала, пока не освободилась нужная ей служанка — и они медленно пошли вместе по улице. Ааша, которой было настрого приказано не попадаться никому на глаза, следовала за ними, прячась в тенях и подворотнях.

Узенькие улочки, корявые домишки... да уж. Как далеко это от поместья Аэлены, от ее ухоженного городского дома... как же они должны ее ненавидеть?

Но ведь она ничего не делала насильно! Ее поступки — только следствие. А, когда это кого останавливало?

Вот и нужный дом.

Обшарпанный, покосившийся, наполовину вросший в землю, крашенный в невнятно — коричневый цвет. Во дворе лежит куча всякого хлама... Яна фыркнула.

— Знаешь, коли Лидас на тебе не женился — радуйся. Видно ж, что у мужика ни рук, ни головы — так дом запустить.

Служанка подумала и пожала плечами.

— да мне он и не сильно нравился, так, баловались...

И где у людей логика? Нет, Яна решительно не могла понять этих странных существ.

* * *

До сумерек она наблюдала за домом Гетанро. И чем дальше, тем больше убеждалась, что попала именно туда, куда надо.

Хотя впечатления на нее огрызки семьи Гетанро не произвели. И даже впечатленьца. Так себе — мелкая сошка, ползучая вошка...

Танна Гетанро была обычной, не слишком опрятной девкой. А судя по тому, как она орала на ребенка — еще и не очень умной. Да и внешний вид ее чадушка наводил на мысль о происхождении людей от свиней.

Время от времени из дома раздавались вопли. Танна откликалась: 'Иду, тетя Льяна' и бросалась на зов. Определенно, Льяна была в доме. Вот с кем стоило поговорить-то.

А Лидас?

Вернувшийся в сумерках к дому Лидас вообще вызвал только брезгливость. Невысокий, лопухий, с детским выражением лица — он был бы даже симпатичен, если бы на нем хоть изредка появлялась хоть какая-то мысль. Но для этого еще и мозги иметь надо...

Нет, Лидас производил впечатление абсолютно простого, как две медяшки, парня, который доволен всем — и более всего собой. И нет смысла что-то делать куда-то двигаться, прикладывать усилия, что-то улучшать — да даже дом красить! К чему?!

В жизни и так все прекрасно. Вот еще бы эля попить и с друзьями поболтать...

Самым неприятным для Яны было другое.

Лидас был копией деда Аэлены. Но — уродливой, сплюснутой, недоделанной... она отлично помнила портреты в доме. И если дед Аэлены мог похвастаться высоким ростом, осанкой, улыбкой... одним словом там — был нарисован пусть не красавец, но мужчина обаятельный и яркий. И от него выродилось это ничтожество?

Вот и мы, нархи — ро, так вырождаемся... поколение за поколением, клан за кланом... кто будет хранить Лес, когда мы уйдем? Неудивительно, что мы не взлетаем. Если вот так... этому и вообще крылья не нужны, они ему ползать помешают.

Яна изогнула руку и привычно почесала спину там, где пробивались зародыши. Кажется ей — или за последнее время они еще больше припухли?

Возможно.

Но она же должна созревать. Как и любая нархи — ро...

Ладно, сейчас не до того.

Яна смотрела и запоминала, где находится окно Льяны. Вот наступит ночь — и она...

* * *

Яна не вспоминала о своем несостоявшемся супруге. А вот Шетаран д'Весс Карай примерно в это же время поминал невесту недобрым словом.

А что тут скажешь?

Если мужчина бросил женщину — это обычно. Это как у всех.

Если женщина удрала от мужчины — он осел. И это одинаково и у людей, и у нархи — ро, и, наверное, даже у загадочных листэрр.

А вот ослом Шетаран быть и не привык. И к смеху за спиной — тоже. А смеялись.

Иногда — за спиной, иногда — прямо в лицо, а несколько нахалов даже подходили совета спрашивать. Мол, как так надо за девушкой ухаживать, чтобы она от тебя сбежала? Поделись-ка, дружок, опытом? Очень надо...

Шетаран бесился, ругался, скрипел зубами, но — увы. Лес — место тихое, спокойное, и если уж кому 'повезло' стать главной новостью Леса — так просто бедняга не отделается. Его лет десять на все лады склонять будут.

Вот и склоняли.

И Шета, и его семью, а то как же? Не бывает ведь на здоровом дереве гнилых сучьев, точно, не бывает. Может, там и кто еще...?

Кто знает? Тсссс.....

Шетарана эта ситуация злила. А уж как она злила его отца...

Жрец должен обладать авторитетом. И наработывается этот авторитет долго, упорно и методично. А вот теряется — в единый миг.

Как ты будешь молодежь воспитывать, если из сына воспитал свина? А что? От хороших-то парней невесты не бегают?

Как разбираться в чужих проблемах, когда свои решить-то не способен?

Тут еще подключились все девушки, которых вольно или невольно обидел Шетаран — и заткнуть фонтан сплетен и слухов стало вовсе уж невозможно. Обиженная женщина существо изобретательное. Что было — приукрасит, чего не было — придумает.

Оххх...

Стоит ли удивляться, что к отцу в кабинет Шетаран шел со вполне понятным опасением?

— Значит так, — жрец времени тратить не собирался. — тебе придется поехать за Тайяной.

— Не понял?

— Дурак.

Шетаран промолчал, сверкнув глазами. Отец вздохнул и принялся разъяснять.

— Мы установили, что Тайяны на территории Леса — нет. Ей как-то удалось выбраться. Более того, мы получили письма из Къянти. Там ее тоже нет. И через болото она тоже не проходила.

Шет выпучился на отца.

— Ничего не понимаю. Она не уплывала отсюда — иначе была бы в Къянти. Она не проходила через болота, иначе бы... но как?

— а вот это тебе и предстоит выяснить. Возможно, она сумела с кем-то договориться заранее. Может быть, прошла через Разлом...

— Тогда она уже мертва.

— Чтобы в этом убедиться, тебе надо побывать у людей. Надо выяснить, где она, что с ней...

— она не мертва?

— Жива — здорова. Ее дерево цветет и зеленеет, а еще мы провели ритуал на крови.

Шет побледнел. Он знал, что жрецам доступна магия крови, но знать — одно, а слышать вот так, небрежно, от отца — совсем другое.

— Н — но...

— По крови родителей можно установить, жива ли девчонка. Так вот — она жива. И даже отлично себя чувствует.

— С — сука...

— Не был бы ты кобелем — не было бы и этой ситуации, — осек сына Весс. — Не мог свой стручок в штанах держать, теперь не жалуйся....

Шетаран молча кивнул. Спорить с отцом не хотелось, а то еще и по морде получить можно.

— а найти ее нельзя? По крови?

— раньше, говорят, знали — как. А мы не можем. Это некромантия, она только для темных и листэрр.

— и найти эти знания...

— летописцы обещают приложить все усилия. И лет через пять — обязательно. Подождешь?

Ждать Шет не хотел. Пять лет в режиме постоянных издевок ему точно было не выдержать.

— А они точно не лгут?

— А есть возможность проверить? Ну, поищи сам...

Издевка в голосе жреца звучала такая... Ну да. поищи. При том, что хранители архивов — Риккэр. Семья Тайяны.

Что-то подсказывало Шету, что искать он будет долго, упорно — и лет пятнадцать.

— Понял я, понял.

— а раз понял...

— Я поеду один?

— чтобы ты и там куда-нибудь вляпался? Нет уж. Поедет семь нархи — ро, ты — восьмой. Я тебя со всеми познакомлю, когда состав отряда утвердится.

— Как скажешь.

— А пока начинай собираться. Вы поедете в ближайшее время.

— а куда?

Весс пожал плечами.

— для начала — в Интар. А там видно будет.

* * *

Льяна Гетанро смотрела в окно.

Жизнь кончена. Считай, что кончена. Она полупарализована и полностью зависит от милости своего сына и снохи. Увы...

А все так хорошо начиналось!

Жила — была девочка... в меру симпатичная, в меру обаятельная. Но вот в чем Четырехликий не поспешил — это в крысиной злобной хитрости. То ли Льяну со стадом крыс перепутал, то ли промахнулся ненароком, но сыпанул от души. И выросло... выросла девица. которая главной целью в жизни ставила — жить хорошо. А уж за чей счет — неважно.

Чем придется за это заплатить?

А это уж вовсе храмовные бредни! Пусть другие платят, а она умная и красивая, она хитрая, она найдет способ обойти эти правила.

Увы, никто не сказал Льяне, что некоторые вещи не обходят, если не хотят лишиться ног. В ее случае — в прямом смысле слова.

Когда она познакомилась с Финаром, у нее было уже три ухажера. Но Финар оказался самым симпатичным и перспективным.

Неглуп — да, ровно в той степени, которая нужна, чтобы делать карьеру.

Неумен — ровно настолько, чтобы не распознать гадюку под кружевами.

А еще — с очень удобной семьей.

Сестра вышла замуж в другой город. А мать... да Тарма гусю 'кыш' не сказала бы, чтобы его не обидеть. Уж такую-то подмять под себя — это Льяна запросто! И будет она полновластной хозяйкой.

Дом, денежка, а там можно и кого получше Финара поискать.

Увы...

На деле все оказалось не так хорошо.

Финар говорил, что дом принадлежит ему, а вот деньги — матери, и Льяна поверила. Даже проверить не подумала — зачем ему врать? Чтобы получить и то, и другое, нужны были законные наследники Гетанро. Лидас родился осознанно, а вот дочь — по чистой случайности. Второго ребенка Льяна не хотела, но встретилась со своей детской любовью — и не устояла. Родила Вериюлу.

И вдруг обнаружила, что желающих-то на нее и нету. Кроме Финара.

И бедра оплыли, и грудь обвисла, и морщинки полезли.... откуда?!

И судьбой ее до конца дней останется Финар..

Погулять-то было с кем, если осторожно, но все остальное, о чем она мечтала, титул лайри или трайши, дорогие украшения, экипажи, лошади, роскошные платья и балы — вот это все пройдет мимо и достанется кому-то другому... почему!?

Просто по праву рождения!?

Но это же несправедливо! Подло, мерзко, гадко! Разве она хуже этих высокородных девок!? Она намного лучше!

И она, и Вериюла... и все впустую!?

И Льяна сорвалась. Сорвалась на безропотную и в общем-то безответную Тарму. А почему так!? Почему эта клуша всем довольна!? Что она знает такого, что возится с детьми, всегда довольна и спокойна!? Что в ней есть!?

Она настраивала, подстрекала, стравливала — и добилась своего. Она хорошо помнила, как Финар требовал у матери перевести на него все деньги — зачем ей-то? И Витка обойдется — она уже из семьи ушла. А он все-таки наследник...

Тарма отказалась, Финар замахнулся на нее... не ударил просто потому, что был пьян. Промазал.

Но Тарма вылетела из дома в слезах.

А потом пришла она.

Аэлена.

Вот уж кого Льяна даже не замечала до того дня.

Ну, девчонка. Не особенно высокая, худая, задумчивая, вечно то с книжкой, то с рисунками. Странная... скажешь ей что-то сделать — сделает. Но так... словно находится сейчас где-то в другом месте. Что-то скажешь — ответит, но смотрит, смотрит сквозь тебя своими серыми глазами, как будто тебя тут и нет... тронутая, иначе и не скажешь.

Странная.

А тогда...

Аэлена впервые словно сбросила с себя какую-то вуаль, через которую смотрела на мир. И на площади, перед всеми, растирала их по земле. Клеймила Финара матереубийцей, а ее, Льяну...

Вот что было самым мерзким.

Она словно не замечала Льяну. Вычеркнула ее из жизни и смотрела сквозь. Как бы не оскорбляла ее Льяна, реакции не было. Только под конец девчонка скривила губы. Когда их уже вводили с площади, под конвоем стражи, словно преступников...

— Льяна...

— Что!? Что тебе еще надо, тварь!?

— Когда-нибудь ты проклянешь свою подлость.

И — все.

Но Аэлена ошиблась тогда. Льяна проклинала, да. Только не подлость и не глупость. Не себя, нет. Аэлена просто не понимала, что для таких, как Льяна всегда виноват кто-то другой.

Кто-то оказался умнее, хитрее, подлее — вот и все. Виноват враг — и точка.

Аэлена.

Четырехликий, Льяна никогда и никого так не ненавидела, как эту девчонку!

Она засыпала и просыпалась с этой ненавистью, с ней растила детей и спала с мужем, и даже не поняла, как все рухнуло под этим грузом. Ведь нельзя жить и ненавидеть, совсем нельзя. Это как постоянно жить у действующего вулкана — не отравишься, так лавой зальет. Вот и отравило...

А кто в этом виноват?!

Тарма. И Аэлена.

С — суки...

Льяна смотрела в окно, когда его на миг заслонила темная тень. А потом шею коснулась холодная сталь.

— крикнешь — умрешь.

* * *

Яна долго думала, как поступить лучше. А потом решила идти от истока. Вряд ли невестка знает — много. А ей надо точно.

У кого можно получить информацию? У Лидаса?

А расскажет ли он про сестру? Знает ли он вообще, что задумала Вериола? Глядя на его лицо,

понимаешь, что такому секреты доверять не стоит. Да и... ну кто он?

Рядовой стражник, ни ума, ни фантазии. Чем он может помочь или подсказать?

С другой стороны — кому может написать Вериола? Да только родной матери. Если с кем-то и делиться, то с ней, не с братом же! Но как получить эту информацию?

Вариант при котором Льяна по доброй воле расскажет, что они замышляют и признается (в ее невиновность Яна попросту не верила) был слишком неправдоподобным.

Предложить деньги? Ну, если то, что рассказывали про Льяну правда — она и деньги возьмет, и с три короба наврет. Это ни к чему не приведет.

Какие еще возможности?

Только одна. Силовое решение проблемы.

А потому Яна дождалась ночи — и полезла в окно. Благо, где лежит Льяна, она представляла по постоянным воплям. И окно у нее было открыто ради ночного воздуха.

Кинжал у Яны с собой был. Да, путь был, мягко говоря, противозаконным, но другого-то дано не было! Вообще!

Ну и потом, это не нархи — ро. Всего лишь люди. Причем одни отнеслись к Яне хорошо, а других она не знала, но испытывала к ним сильную брезгливость. Те, кто предает родную кровь, даже плевать не заслуживают. Так было и будет. Всегда.

Кинжал коснулся шеи задремавшей Льяны. Та дернулась.

— К-кто...

— Молчи. Будешь отвечать, как я скажу, тогда останешься жива. Поняла?

— Д — да.

— Заорешь — и я успею перехватить тебе глотку. Веришь?

Верила. И потела так, что Ааша морду в окно высунула — от запаха. Сама Яна чувствовала себя премерзко. Ведь живой же тоже человек... а она что делает?

А, не жалеть же ее теперь.

— Ты знаешь, где сейчас твоя дочь?

— Н — нет...

Ааша рыкнула. Яна прижала кинжал плотнее.

— Врешь. Тебе твои уши дороги? Или лучше пальцы на руке по одному пообрубать?

— не рискнешь! Заору!

— рискну! Мне сейчас все равно, эта сука моего брата ограбила!

Льяна напряглась.

— Брата? Где? Как!?

Какая милая семейка! В том, что ее дочь может ограбить, она даже не сомневается?

— В Термоне!

— Это не она! Вериола сейчас в Далинаре!

Есть первое попадание! Яна специально выбрала Термон — город подальше от Далинара, и Льяна попалась. Ну так хитрость, изворотливость и ум — вещи разные.

— Врешь!

— Не вру! Когда это случилось?

— Двадцать два дня назад! Она у него не только кошель украла, но и родовой медальон...

— Да она уже два года никуда из Далинара не уезжала!

— Она высокая, черноволосая, с серыми глазами...

Льяна окончательно расслабилась.

— Да нет же! Вериола, она в меня! Невысокая, светленькая, с голубыми глазами...

— Кто мог себя за нее выдать?

— Не знаю!

— где ее найти?

Льяна замолчала. Тайяна вздохнула.

— Если это не она, никто ей вреда не причинит. Но она может знать воровку.

— Не знаю. Вери мне просто пишет, но не говорит, где живет!

— А вы ей отвечаете?

— она просила, чтобы ей не писали.

Льяна бросила взгляд на комод в углу.

— Но сюда она приезжает?

— два года уж не было.

Яна кивнула.

— Прошу прощения. Но у меня не было выбора.

Сильный удар погрузил Льяну в беспомощность. Яна принялась торопливо перекапывать комод.

Вот они, родненькие! Почти два десятка писем в большой шкатулке... Все — за пазуху. И в окно.

Несомненно, Вериола узнает о ее визите. Но — не сразу, далеко не сразу. Яна быстрая, а письма ходят куда как медленнее.

* * *

Читала послания Вериолы она уже утром, на скорую руку перекусывая хлебом и сыром. Отметила множество ошибок, достаточно корявые буквы — видно, что писал малообразованный человек. И не привыкший к перу.

Аэлена писала вовсе не так, хотя люди вообще плохие каллиграфы. А ведь это — целое искусство!

Среди нархи — ро были даже те, кто определял характер человека по почерку. А тут что? Мелкие угловатые буквы кое — где были искривлены, словно рука человека дрожала, страницы чуть не продраны, строчки слипаются, поля узкие....

Ну, если вспомнить уроки — почерк выдает человека жадного, амбициозного, с претензиями на нечто высшее — это видно по вензелям, которые нарушают всю гармонию текста. А что-то более определенное?

Если только из текста.

Вчитаться было сложно, но...

В первых письмах, которые Льяна складывала по датам, Вериола жаловалась на мужа. По ее словам, тот был глуп, неуклюж, но единственное его достоинство — обожал жену. На руках носить готов был. Недостаток — хотел детей. Вериола же не желала плодить нищету. Так и писала прямым текстом.

А еще...

...это из-за нее...

... если бы не эта сука...

... когда-нибудь она мне за все заплатит...

Ненависть к Аэлене просто прорывалась через бумагу. Прорастала, выползала и поднимала свою уродливую голову. Для Вериолы Аэлена была той, кто лишил ее — всего. Дома, денег, спокойствия, репутации, надежды на лучшее будущее... и ведь так оно и было, в какой-то степени?

Если так прикинуть — Аэлена разобралась с Финаром, но удар пришелся и по его семье. Ни лидас, ни Вериола виноваты не были. Что они могли сделать — будучи детьми?

Да ничего. Кто бы стал их слушать?

Никто и никогда.

А теперь дети выросли. Только вот... Лидас еще туда — сюда, он попытался как-то построить свою жизнь, пусть и не лучшим образом, а Вериола не смирилась. Видимо, она пошла жадностью в мать.

Первые письма были отправлены из столицы. А потом...

...у Терма умерла тетка — и оставила ему небольшое наследство в Далинаре. Мы поедем туда...

... эта сука здесь!!!!..

Письмо в этом месте было даже продрано, с такой силой писала Вериола.

... счастлива!!!!.. богата.... **НЕНАВИЖУ!!!!..**

М — да. Есть возможность, что Вериола осталась в Далинаре и решила отомстить. Судя по ненависти...

...мне удалось подобраться так близко, как только возможно. Эта дура ни о чем не подозревает... смешно смотреть на нее!..

Но ни где, ни что, ни как...

Никаких указаний. Хотя... надо поискать, кто получил наследство... ага, два года назад. Умерла тетушка, оставила наследство племяннику по имени Терм — это уже неплохо. Можно начать поиски.

Ну и прочитать письма повнимательнее. Вдруг там есть какой-то намек?

Чем быстрее они найдут эту девицу, тем спокойнее будет Аэлена. Строго говоря, права на месть у Вериолы все равно не было. Но она увидела ненавистного ей человека.

Вот если бы Аэлена была бедна, больна, несчастна — Вериола смирилась бы. Посмеялась бы, но смирилась. И не мстила. А тут...

Лайри, известная художница, счастливая жена и мать — и это в то время, когда у Вериолы ничего из этого списка. За такое убить мало!

Тайяна дочитала письма, пробегая их по диагонали, но больше никаких намеков в них не было. Может, Рошер что-то найдет?

Посмотрим....

А теперь поспать пару часиков — и назад. Как-то там Аэлена? Обещала же раньше вернуться, теперь лара волнуется...

* * *

Лара Аэлена Алинар в данный момент не волновалась. Она орала.

— Да!!! И что я должна сделать?!

— Сказать мне!

— И что бы это изменило!?

— Ты думаешь, я оставил бы тебя и племянников?! Я бы переселился сюда, нанял охрану....

— у меня есть охрана!

— Кто!? Хотя... погоди-ка! Эта нархи — ро!? Да!?

— Да...

— И что она может?!

— Думаю, ты об этом узнал на своих шта.... своем опыте!

Гарт покривился.

— Этого все равно слишком мало!

— Гарт, змею подсунил кто-то из своих. Тот, кто знает, как мы живем, где и когда играют дети... именно поэтому я прошу тебя забрать их к себе. Хотя бы ненадолго!

— Аэла, а ты?

— А я останусь тут. Рано или поздно, так или иначе — мы найдем мерзавца.

— Ценой твоей жизни?

— Ничего со мной не случится!

— и змея тому доказательство!

— Ты заберешь детей — или нет?!

Гарт закатил глаза.

— ладно. Когда?

— Сейчас.

— Хорошо. Я отвезу их — и вернусь.

— Гарт! Ты их оставишь одних!?

— Аэлена, в мой дом никому нет доступа. Ты доверяешь их няньке?

— Да. Вилья служит у нас уже больше шести лет...

— отлично. Пообещаю ей еще одну месячную оплату сверху — пусть посидит с детьми безвылазно.

— Ох, Гарт... Кто бы знал, как мне страшно!

Увы, расслабиться Аэлене не дали. И расплакаться — тоже. В комнату вошел Рошер.

— У меня плохие новости.

— что случилось?

— Кажется, у вас одним конюхом стало меньше..

— Что случилось!?

— Его убили.

* * *

Спустя пять минут трое людей обозревали лежащее в конюшне тело.

Аэлена прижала к губам платочек, но смотрела. Это касается ее жизни и жизни ее детей. Ради такого можно не на один — на пять трупов сразу посмотреть.

Да и что в них такого страшного? Оболочка, просто оболочка. Хотя...

Рошер наклонился, указал на что-то Гарту.

— отравили. Пена в углах рта, видишь?

— Интересно, чем?

— а вот.

Бутыль из-под вина нашлась неподалеку. Гарт поднял, принялся.

— Нет. Не распознаю.

— Яне надо показать. Она во всем этом разбирается.

— Яне?

— Нархи — ро, — пояснила Аэлена.

Гарт покривился.

— Знать? Или... травить?

— У них достаточно... своеобразное отношение к людям, — признала Аэлена. — Но они не злые. Просто — другие.

— Видел я таких других...

Ворчал Гарт больше по растерянности. Будешь тут и нервничать, и ворчать...

— А что за бутылка?

— Красное крепленное. С Иннуарских виноградников.

— откуда? — удивилась Аэлена.

— Да из погреба теперь спер, нет?

— Не из нашего, — решительно замотала головой женщина. Так было легче. Отвлечься, обсуждать вино, не думать о том, что где-то рядом враг.... страшный враг.

— Вы его не покупаете?

— Алинар не любит красные вина, только белые. Я вообще не люблю вино. А Иннуарские вина мы не покупаем вообще. Они, на мой вкус, кисловаты и дороговаты. Можно найти и что получше по той же цене.

— Вот даже как...

— кто бы не дал ему эту бутылку — ее принесли снаружи. А это возможно?

— у нас на воротах охрана не стоит. Да и бутылка же, не корзина с гадюкой.

— Вот! — Рошер вскинулся, словно его пнули. — Во — от! А если он что-то видел? Или корзину у него держали? Аэла, припомни, он когда работал?

— Конюхи при лошадях с рассвета и до вечера. Два дня через день, а что?

— Он как раз мог видеть что-то, чего не надо. Ну-ка...

Рошер обошел конюшню, пригляделся, влез на сеновал, потом высунулся оттуда и взмахом руки подозвал Гарта. Мужчина легко поднялся по лестнице.

На сеновале было темно и прохладно. Приятно пахло скошенной травой.

— Видишь?

Гарт тоже видел. Из окошка под крышей открывался вид на игрушку детей. Домик на дереве.

Рошер упал в сено.

— Лежу я, это, попиваю винцо, к примеру, жду подружку, смотрю в окно...

— и видишь там нечто.... странное.

— Чего быть не должно! Настолько, что даже конюх это понял!

— А назавтра узнаешь про змею!

— И связываешь ниточки воедино!

— Если бы этот паразит все рассказал мне! Или Аэлене! — Жалости Гарт не испытывал, одну досаду. Судя по всему, конюх решил подработать шантажом, за что и заплатился.

— Не решился. Или думал, что с убийцы больше получит.

— может быть и то и другое. Но тогда это... не слуга?

— Почему? — искренне удивился Рошер.

— а сколько можно получить со слуги? Медяки! Заплатить могут только люди богатые...

— Оплата может быть разной. Кому-то и горсть алмазов мала, кому-то и кусок хлеба велик.

— тоже верно. А почему он был один? Их же в поместье несколько?

Этот вопрос объяснила Аэлена. Ночевали конюхи по одному, попеременно. Мало ли что случится с лошадьми, а он и тут. При конюшне даже каморка была оборудована, специально.

— Вот...

Аэлена распахнула дверь и присвистнула. Совершенно позабыв, что она лайри и не должна

выражать свои чувства подобным вульгарным образом.

Покойный конюх явно был романтиком.

В камерке было устроено... этакое романтическое свидание. Кто бы там ни побывал, но готовились основательно. Кровать перестелили почти белым бельем, на стол поставили тарелку с фруктами, два стакана — и даже! Даже розу в кувшине!

— У него тут романтическое свидание намечалось? — удивился Гарт.

— до или после? — задумчиво пробормотала Аэлена.

— Вместе? — предложил свой вариант Рошер.

— То есть? — не понял Гарт.

— Если он шантажировал женщину и попросил оплату в таком виде?

— Тоже возможно. А с кем из служанок он крутил? С кем он вообще был, бывал?

Аэлена задумалась. Покачала головой, в ответ на вопрос деверя.

— Не представляю. Я вообще стараюсь брать на работу людей семейных и не поощряю разврат в своем доме. Дети же рядом, мало ли что они увидят...

— Но слуг я все равно расспрошу, — подвел итог Рошер. — Аэла, надо вызвать стражу и сдать труп.

— я займусь, — кивнул Гарт. — Аэлена, а ты собирай ко мне детей, хорошо?

— Сделаю.

Аэлена развернулась и пошла собирать малышню. Мысли бились в голове вспугнутыми летучими мышами.

Страшно, Четырехликий, как же страшно! Кто это может быть?

И зачем? За что!?

Четырехликий, помилуй хотя бы моих детей. Я сильная, я со всем справлюсь, но мои дети и муж... они беззащитны. Хотя бы их! Сбереги хотя бы их! Пожалуйста...

* * *

Рошер тем временем опрашивал слуг и служанок. Но...

Да, конюх. Дорош Рейнар.

Работник хороший, но не без своей дури. У кого-то самомнение, у кого-то вино, карты или кости. В случае Дороша этой дурью были женщины.

Причем — замужние.

Мужчина влюблялся, обхаживал объект воздыханий, добивался своего, обожал женщину, ценил... месяца два. И — переключался на следующую.

Постоянства ему не добавляли даже регулярные визиты мужей с чем-нибудь увесистым. Но при этом он жестко разделял работу и личную жизнь. Знакомился на улицах, в тавернах, где-то еще, но из прислуги никого не трогал. Мог ущипнуть, мог шлепнуть по попке, сказать комплимент в меру разумения, но и только-то.

Нарывался уже, чудом ноги унес, вот с тех пор и решил, что на работе — ни — ни.

За кем он сейчас ухаживал?

Да кто ж знает!

Вроде как с Вайсти они вместе выпивали... может, чем и делились. Вайсти?

Второй конюх. Но его сегодня нет, выходной у него.

Была ли у него семья? Нет, семьи не было, детей тоже. Родители вроде как были, но в другом городе. Отрезанный ломоть, иначе и не скажешь.

Где жил покойный?

Да вроде как на Кузнечной улице, снимал комнатуху. Говорил, зеленый дом...

Вот туда Рошер и собрался.

В гостиной было весело и интересно, так что мимо пришлось красться на цыпочках. Туда прибыл сам почтенный начальник стражи. Сар Карен Шойс.

И тут же взялся за прислугу.

Если конюха отравили, то кто?

Конечно, кто-то из слуг! Дворецкий, например! Или второй конюх!

Нельзя доказать? Так на дыбе признаются!

Гарту, понятное дело, эта постановка вопроса не понравилась. На дыбе кто хочешь и в чем хочешь признается. Хоть в покушении на короля! А нужно-то не признание, а правда! А как ее добиваться — сар начальник и понятия не имел.

Орать? Грозить? Ногами топать?

Маловато будет!

Слуги краснели, бледнели, зеленели, но свою вину упорно отрицали. Вот ведь негодяи!

Пойти тем же путем, что и Рошер и начать с обыска у конюха, сару и в голову не пришло. Может, мысль и заглянула, но увидела, что внутри пусто — и вышла. Ну, не дано человеку!

Зато орет он душевно, громко так! И подхалим знатный, и деньги для стражи выбивать умеет! Так что все довольны, и стражники, и начальство.

Так что Рошер ускользнул потихоньку и отправился на Кузнечную улицу.

Небольшой закоулок на окраине города был серым. И этим все сказано. Серые дома, серая

земля, почти никакой зелени, а еще — несколько кузниц. Ой, не просто так обозвали улочку. Живущие здесь уже привыкли, а вот кто в гости пришел — так и тянуло уши заткнуть. То слева — БАМММ! То справа — БОМММ!!! То вопль несется на половину улицы: 'А ну качай меха, как следует, свинячье отродье!!!'. Одним словом — весело. Зато и недорого, наверное.

Зеленый домик Рошер нашел без труда. И уговорить хозяйку дать ему покопаться в вещах постояльца было несложно. Звучало это, правда, так: 'Мы тут с Дорошем встретиться договорились, да я пораньше пришел. Ничего, если я его в комнатке подожду?'

За три серебряных монеты хозяйка и возражать не стала. Поняла, конечно, что неспроста это, выжига старая, но спорить не стала. Справедливо рассудила, что ничего крупного Рошер не вынесет, а мелочь... Да нет у ее постояльца ничего ценного! А если есть, так она всяко отопрется!

Ценного и не нашлось.

Платила Аэлена, то есть ее супруг, своим людям вполне прилично, но деньги у Дороша не задерживались. Уходили в красивую одежду, которая не конюху бы впору, а может, даже и лойрио из небогатых. В дорогостоящее хобби — соблазнять женщин нынче недешево, красивые жесты нужны....

А Дорош соблазнял. И не самых бедных горожанок, сразу видно. В одном из шкафчиков комода нашлась целая коллекция женского белья. Чулочки, панталончики — и судя по размерам, принадлежали они разным дамам. Оч — чень разным.

Милые сувенирчики на память?

Или повод для шантажа?

Да нет, часть бельишка была самой обыкновенной. Без инициалов, вышивок и прочего. Красивое, тонкое, изящное, но с уверенностью опознать его на своей жене Рошер бы точно не взялся. Слишком уж безликое. Любовнику оно определенно говорило о победах, а вот остальным...

Или есть что-то еще?

Письма, записки, памятные мелочи?

Рошер придерживался того мнения, что шантажист — тварь подлая. И не может он быть шантажистом только один раз. Дорошу за тридцать, в этом возрасте из малопочтенной профессии уходят, а не приходят.

Так что пришлось простучать подоконники, стены, половицы... умаялся — как если бы бревна ворочал! Но!

Зато его усердие было вознаграждено! Под подоконником тайничок и нашелся. Рошер потянул его в сторону... а тот возьми, да и отойди, открыв нишу с ценным содержимым — небольшой такой деревянной шкатулкой с кучей записок, которые тут же отправились по карманам. Шкатулка тоже была обследована, а потом вернулась на место. Пусть берет, кому надо.

Сам Рошер спустился вниз — и за небольшую сумму в пять серебряшек уговорил почтенную кайту Вирнес сообщить ему, ежели кто будет интересоваться конюхом?

Мало ли...

Кайта прищурила и без того маленькие глазки, подумала — и выдала, что интересовались. Уже с утра и интересовались, любовница его, не иначе. Отставку он ей дал, что ли?

Уж она бегала тут, бегала, унижалась... она, кайта Вирнес, никогда бы себе такого не позволила, фу, пошлость какая!

Видела ее? Раньше?

Ну — у... если подумать...

Рошер тоже подумал, глядя на оплывшее брылястое личико прелестной кайты и добавил еще пару монет. Что поделать — сейчас он не стражник. И не может пригрозить тюрьмой или отвесить пару пинков. Но подкупить свидетеля — может. А золотой ключик открывает любые двери.

Кайта расплылась в улыбке.

— приятно и поговорить с хорошим человеком. Да видела я ее, в квартале модисток. У нее своя лавка, она кружевными шальями торгует. Уж дети у нее, а туда же... срамота!

— вы ее знаете?

— Имени не знаю, а лавка — третья от угла, как свернуть с Каштановой улицы на Кружевную. Там еще ставни с рисунком в виде паука, плетущего паутину.

Рошер поблагодарил кайту еще одной монетой.

— Бросил, значит.

Тут сплетнице вполне можно было доверять. Такие за перестрел определяют, кто с кем спит, кто кого бросил и...

— Скажите, кайта, а ради кого он ее бросил? Вы ведь женщина умная, наблюдательная, вам бы в страже работать...

— Ой, да скажете тоже!

— Кайта, ну я же вижу... С вашим умом, талантом, опытом...

Ох, а вот про опыт он зря! Скривилась...

— Тем более, что для молодой женщины он совершенно необычен.

Лицо кайты разгладилось. И Рошер продолжил уговоры. Ломалась она с полчаса, но наконец Рошер добился от нее осмысленных заявлений.

Ну да. Бросить он свою последнюю — бросил. А вот ради кого?

У кайты создалось впечатление, что эта женщина ему давно нравилась. Но — в руки не давалась. Так, хвостом крутила. Но кто она?

Нет, вот это было неясно.

Не встречались они?

Здесь — точно не встречались.

Рошер поблагодарил кайту, поцеловал ей ручку на прощание — и ушел. Записки прямо-таки жгли ему карман.

* * *

— Ничего не понимаю?

Рошер сидел с Аэленой. Гарт, успешно выгнавший начальника стражи и отстоявший слуг, повез к себе счастливых племянников.

Как же! К дяде!

В поместье!

А там столько всего интересного!

Детям ничего не сказали про труп, про опасности — и они веселились от души. А Аэлена сейчас сидела рядом с Рошером и смотрела на записочки.

— Что ты тут хочешь найти?

— Имена. Хотя бы. Вот смотри, покойный конюх был товарищем аккуратным, раскладывал все по времени и даже ленточками перевязывал. Вот самая старая пачка. Видишь?

По цвету бумаги было видно. Недорогая — она желтеет быстро. Но встречались и плотные белые листочки — аристократы.

— Вижу.

— А вот это — последняя. И подпись. *Твоя Рил*.

— Пойдешь искать эту девушку?

— Женщину. Пойду. Мало ли что она могла слышать от любовника?

— Думаешь, он сказал ради кого с ней расстался?

— Не знаю. Но обмолвиться мог.

Аэлена потерла лоб.

— И эта неизвестная женщина его отравила?

— Почему нет? Он расстался со своей подружкой вот — вот. Вчера вечером, кажется. Если сегодня с утра она прибежала в слезах и соплях, значит, рана еще болит. Вот и считай. Увидел — шантажировал — расстался в надежде на новые отношения...

— Умер, — мрачно завершила цепочку Аэлена. — где же Яна! Мне ее не хватает!

— Я уверен, что задерживаться она не станет. Только по очень веской причине.

— Она умничка. Рош, а она тебе нравится?

Рошер шарахнулся так, что чуть со стула не упал.

— с ума сошла!?

— она красивая, умненькая, опять же, вы отличная пара...

— Аэлена! Уши оборву! Команда мы! Команда, а не пара! Она умничка, с ней приятно поговорить — и только-то! Сама знаешь, мне другие нравятся!

— Знаю, — фыркнула Аэлена, показывая на себе размер этих самых 'других'. — а зря.

— У тебя что — инстинкт свахи проснулся? Вляпалась сама — выдай замуж подругу?

— И неплохо вляпалась, между прочим! А Яна... ей нужно. Она из Леса не просто так сбежала, была там какая-то история...

— Вот и не трогай девчонку! Знаешь, она действительно хорошенькая, умная, но... как младшая сестренка. Иногда такими глазами смотрит, что я себя не человеком чувствую, а не знаю кем. Стыдно за нас становится.

— Мне тоже. Но я бы хотела, чтобы она была рядом.

— я понимаю.

— Она очень... правильная. Добрая, умная, порядочная. А что наших обычаев не знает — ну так дело наживное.

— Знает. Из книг. Вот и...

— Да уж. Представляю, какие мы для нее странные.

— А я даже и не представляю. Ведь девочка явно из хорошей семьи... неладно что-то в Лесу, если оттуда такие бегут.

Аэлена была полностью согласна. Еще как неладно.

* * *

В неладном лесу Весс как раз проводил инструктаж.

— Мы наконец-то получили вести из Кьянта. Там Тайяны нет. Остались Равха — если она пришла через Болото или Интар. Если ее взяли на корабль.

Восемь нархи — ро, которые стояли перед ним, закивали.

— В Равху я тоже направлю отряд на поиски. Но это — их дело. А ваше заключается в следующем. Вы отправитесь на побережье. Скоро придет корабль купцов, с которыми мы торгуем. Я договорюсь — и вы поплывете на нем в Интар. Высадитесь в первом же порту — и приметесь расспрашивать про нархи — ро. Если Тайяна была там, это не останется незамеченным, порт — место такое. Там сплетни разрастаются мгновенно. Если нет — вы плывете в следующий порт и продолжаете расспросы. И так по всему побережью. Это понятно?

— Вполне, — отозвался командир отряда. Высокий зеленоглазый нархи — ро из семьи стражей, Караш э́ Варс Шаннер. Задание ему не нравилось, ну что за глупость — искать девчонку? Удрала и удрала, судя по Риккэрам — там далеко не дурочка выросла. Уж и устроиться сумеет, и спрятаться. Да и Шетаран у него симпатии не вызывал.

С — сопляк. Своей дочери Караш точно бы такого мужа не пожелал, хоть пока этой дочери у него и не было. Но в его роду чаще рождались сыновья. А вот дочку... может, Лес и смилостивится, и пошлет им с супругой?

Ну это он потом подумает. А сейчас — внимание на жреца.

— Если она попала в беду — выручить. Если нет — все равно вернуть домой. Нархи — ро не место среди людей.

— а если она решит остаться?

— Вас восемь. Она одна.

Сказано было совершенно недвусмысленно. Караш кивнул.

— Ладно. Долго нам ее искать?

— Думаю, далеко она не уйдет. Так что ищите. Если понадобятся деньги — вот. — На стол легла пачка бумаг. — Это человеческие векселя. Письма к купцам, с которыми мы работаем. Они ссудят вас деньгами, ну и ваши письма заодно доставят.

— Хорошо.

— У вас четыре дня, чтобы попрощаться с родными и собраться в дорогу. Надеюсь, разлука с Лесом будет недолгой.

Нархи — ро на это тоже надеялись.

Тоже мне... восьмером одну девчонку ловить! Заняться жрецу нечем!

* * *

— Аэла, плохие новости.

Рошер был бледен и встрепан.

— Что случилось?

— Сгорел дом.

— Где? Чей?

Лайри была согласна, что это очень печально, но... ее-то это как касается?

— тот самый дом. Где твой конюх жить изволил.

— Как?!

— Ну, стража считает, что это несчастный случай. Хозяйка с огнем небрежно обращалась, вот

и....

— А на самом деле?

— А я там побывал с утра. Хотел еще раз спросить — может, побывал кто.

— Побывал, — прошептала Аэлена одними губами.

— Вот и я так думаю. Уж больно вовремя это случилось.

— Н — но...

— Да. Именно так. Я думаю, что ее убили и дом подожгли.

Аэлена без сил опустилась в кресло.

— Рош... мне страшно.

Рошер вздохнул. Потом подошел и неловко погладил ее по темным волосам.

— все будет хорошо, Аэла. Я обещаю тебе.

— что случилось?

Яна влетела в дом ураганом.

— Я что-то пропустила?

— да, и достаточно много.

На то, чтобы рассказать Яне про все случившееся, ушло полчаса. Нархи — ро слушала, думая о чем-то своем. А потом шлепнула на стол пачку писем.

— Аэлена, почему ты нам ничего не сказала?

— о чем?

— Финар. Льяна. Мало? Так еще есть их дети!

Аэлена побледнела.

— Ч-то!?

— А вот то! Тебе такое имечко — Вериола, о чем-нибудь говорит?

— Да.

— И ей твое — тоже. Ее муж получил наследство в этом городе — и она живет рядом с тобой.

— Вериола?

Лицо лайри на глазах словно выцветало, теряло краски, становилось серым и тусклым.

— Вериола?

Яна кратко рассказала о том, что узнала за последние два дня. На лайри она старалась не смотреть, давая Аэлене время прийти в себя. И — угадала.

Аэлена не могла долго унывать, не тот человек. Она выпрямилась и взяла себя в руки.

— да. Ты все рассказываешь правильно. Примерно так все и было. И думаешь, что Вериола...

— Уверена. Больше никому.

— не сходится, — задумался Рошер.

— Почему?

— Понимаешь, и отравить и подкинуть змею могла и Вериола. Это женское. Но убить так, чтобы не осталось видимых следов — кайту Вирнес явно задушили, а потом подожгли дом? Это мужское дело.

— а ее муж?

— Вообще — мог, — подумав, признал Рошер. — да, Аэлена, наворотила ты дел.

— Я!? — губы женщины кривились, глаза блестели непролитыми слезами. — я не просила Финара убивать бабушку!

— не убивать, — уточнила Тайяна. — Выгонять из дома.

— а разница?

— Кана Лусия сказала...

— Лусия? Она еще жива?

— Мне кажется, такие и Лес переживут.

Аэлена чуть улыбнулась сквозь все-таки прорвавшиеся слезы..

— Я старой перечнице по гроб жизни обязана. Вы просто не знаете... у бабушки были слабые легкие. Она как раз болела, а Финар ее выгнал на улицу. Если бы не кана Лусия, она бы в ту же ночь слегла и умерла через несколько дней. А Лусия ей дала денег на дорогу, пристроила в караван... Когда бабушка доехала, она была как тень. Думаете, почему я провозилась столько времени? Да мы с матерью от нее по очереди мало не двадцать дней отойти не могли. Дежурили, спали у ее кровати — она бредила, просила Финара не гнать ее, не обижать, он ведь ее сын... она его любит. И — плакала. Понимаете? В бреду — плакала. Помнила все, что произошло и ей больно было! Я бы за одно это его убила!!!

Аэлена закрыла лицо руками и разрыдалась вовсе уж не стесняясь. Тайяна вздохнула, подошла и приобняла ее за плечи.

— Не надо. Все ведь хорошо...

— Хорошо!? Эти твари не детьми уже были! Они смотрели, как отец выгоняет бабушку из дома — и молчали! Хоть слово бы сказали, хоть что-то... нет! Ни Лидас, ни Вериола... им и в голову не пришло побеспокоиться, что она, как1 Когда я их выкинула, Лидас, кстати, пытался приходить к бабушке! Денег просил! Я его метлой погнала и сказала, что собак спущу! Мразь!

— а сразу рассказать сложно было?

— Рош, а ты бы рассказал про такое?! Эти люди называли себя моими родными! Близкими! Дядя мне кораблики из коры делал! И вот... Знаешь, я потом несколько месяцев просыпалась от кошмара... неважно! Мне страшно было, что и я могу стать такой же! Предать, обмануть, бросить... А если это проснется в моих детях!? Если кто-то из них!? Вот так же!? Как я буду жить!?

Яна прижала ее покрепче. С другой стороны скользнула Ааша, привстала на лапы и принялась вылизывать Аэлене лицо.

— не станешь. В Лесу иногда встречаются гнилые деревья, но весь Лес от этого не гибнет!

— Но кровь-то у нас общая! Подлеца, предателя...

— Ерунда!

— ты бы рассказала о таком в своей семье?

Яна покачала головой.

— Нет. Я могу тебя понять, но и ты пойми Рошера? Кого он должен был искать?

— я и сейчас не знаю, кого. Значит так, девочки. Вы сейчас собираетесь и едете к Диолату. Рисовать портрет. А я сижу и читаю письма, вдруг что выцеплю. Яна, ты читала?

— Пыталась. Но конкретного там нет ничего.

— ладно. Я почитаю сам. А вы идите, делом займитесь?

Яна поморщилась, но спорить не стала. А вдруг Рошер и правда что-то увидит?

— Аэлена, пошли, я помогу тебе собраться?

— Идем.

* * *

На сборы ушло минут двадцать. Краски, кисти и холст уже были готовы, платье Аэлена менять не стала, а вот напудрить лицо лишний раз — стоило.

— у меня нос красный?

— розовый. И глаза тоже.

— Злая ты, Яна. Я рада, что ты вернулась.

— я тоже рада, что у тебя все в порядке. Ну... почти.

— Ты говоришь, что Льяна парализована?

— да.

— Есть Четырехликий и справедливость его!

Аэлена не то, чтобы радовалась, но...

— ты счастлива от того, что с ней так получилось? — Яне было искренне интересно. Люди же... странные.

Лайри задумалась.

— Ты знаешь — нет. Вот лет десять назад была бы. Но тогда у меня ничего не было, кроме злости и ненависти. А сейчас... да гори она ясным пламенем! Не реши ее дочка мне пакостить — я бы и не вспомнила.

— Но ты довольна?

— Нет. Мне просто... я не знаю, какое слово выбрать. Это не удовольствие, а удовлетворение. Она получила то, что сделала с невинным человеком, понимаешь?

— Да.

— когда-то я хотела ей отомстить. Способы придумывала... а сейчас — пусть живут. Жизнь их за меня наказала.

— За тебя — еще не наказала, только за твою бабушку.

— и это правильно. Знаешь, она замечательная была. Добрая, умная, в жизни ни на кого голос не повышала. А они... они получили по заслугам!

— Вот и не расстраивайся по этому поводу! Найдем мы Вериолу — и заставим расплатиться по счетам. За все, что она сделала.

— Да уж. Ты правда думаешь, что это — она?

— А больше вроде как и некому.

Карета остановилась у особняка Диолата.

Приехали.

* * *

Трайши был сегодня особенно очарователен. Подхватывал Тайяну под ручку, пытался прижаться поближе к Аэлене, хорошо, что на Аашу его обаяние не действовало. Волчицы — они устойчивые. Так что трайши то там, то тут натыкался на оскаленные зубы и отступал на исходные позиции.

Аэлена молча рисовала, не обращая внимания на куртуазные комплименты и предложения выпить прохладительного, посидеть в саду или отведать 'вкуснейших пирожных в этом убогом городишке'.

Сорвалась она уже когда укладывала обратно кисти.

— Благодарю, мне ничего от вас не нужно.

— а может быть я могу чем-то помочь? Верь мне, Аэлена, я хочу только добра для тебя!

— Да неужели? Тогда у меня есть отличная идея!

— Я весь внимание?

— Найдите другого художника, который закончит ваш портрет! А мне вас видеть больше не хочется!

Яна прикусила губу. Все-таки Аэлена сорвалась. И в этом была виновата и она, и Рошер. Ну чем они думали? Сначала накрутили лайри до слез, а потом отправили в волчье логово! Идиоты!

Пришлось подскочить к Аэлене и принять из ее рук кисти и наброски.

— не надо, лайри. Вы просто расстроены...

— Надо! — Аэлена топнула ногой. — Итак?

— Я не могу отказаться от наших встреч. Прости.

— Не прощу!

— Аэлена, милая, любимая моя, все, что захочешь, но не проси отказаться от наших встреч! Я просто умру, если не буду тебя видеть!

— что!?

Лайри просто оторопела. Яна тоже помотала головой, надеясь, что это она ослышалась. Но — нет!?

Любимая!?

— с каких пор я для тебя — любимая?!

— Аэлена...

— Значит так... Яна, дай их сюда. — Наброски вырвали из рук нархи — ро и в следующий миг они полетели на пол. — Я. Отказываюсь. Тебя. Рисовать.

— Аэлена!

И столько душевной боли было в его голосе... Яна бы даже поверила.

— Можешь найти любого другого художника. Или умереть. По твоему выбору. Но если ты еще раз подойдешь ко мне... — Аэлена бросила выразительный взгляд на Аашу, которая сидела рядом и дышала, вывалив здоровущий красный язык. Ну и зубки видны были. — Яна, она может убить человека?

— Может, — подыграла Яна. — натаскана.

— Разрешаю. Пусть хоть в клочья его рвет! Лишь бы саму не вырвало!

— Аэлена!!!

Диолат дернулся было к лайри, но Ааша тут же вскочила, зарычала и взъерошила шерсть на

затылке. Так что останавливать их никто не рискнул.

Две женщины под конвоем волчицы вышли из дома, прошагали до кареты и даже влезли внутрь. И только там Аэлена позволила себе разрыдаться.

Горько и беспомощно, обнимая волчицу за шею и утыкаясь лицом в густую черную шерсть. Яна молчала, понимая, что утешения тут бесполезны, и думала, что люди — очень сложные существа. Такие непредсказуемые...

* * *

Рошер тем временем сидел и вчитывался в письма.

М — да, не слишком это познавательно. Вериола и ее мать, такое ощущение, прекрасно знали, о чем идет речь. И осторожничали, что ли?

А что бы сделал он сам?

Рошер разложил письма по порядку.

Мама, ты не представляешь, кого я здесь увидела. Я сначала и глазами своим не поверила. Алька!

Эта сука, эта гадина, по вине которой мы остались без дома — она живет здесь!

Пару раз встречалось имя мужа — Терм. Только вот что это даст?

Та же Вериола — Вери, Рил, Иола.

Терм — Антерм, Патерн, Термолин... одним словом — имен много. А полностью имя мужа Ввериола ни разу не написала. *

*** так же, как у нас, допустим, Валентина — и Валя, и Тина и даже Вэл. А угадать кто такой Слава — вообще очень сложно. От Ярослава до Владислава. Прим. авт.**

Они с матерью знали, о чем речь, а больше и незачем. Вериола явно понимала, что собирается преступить закон — и не торопилась расписывать все в письмах. Кто ж сам на себя признание настроит?

Да и не так далеко города друг от друга. С караваном от Тимола до Далинара — дней десять пути. Медленно, не торопясь — с почтовой каретой куда как быстрее.

Это Яна так быстро обернулась, спасибо ей. Рошер не обманывался — если бы не маленькая нархи — ро, его подруга детства была бы уже мертва. Ну или покалечена. Тут уж как повезло бы.

Враг определенно был рядом.

Но что произошло такого, что Вериола активизировалась?

Первому письму... дайте подумать и почитать — да, считай уж года два! Два года назад Вериола замечает на улице Аэлену и преисполняется ярости. Аэлена же Вериолу и вовсе не замечает.

Но... не будем недооценивать художницу.

Найм прислуги — в обязанностях хозяйки дома. Могла бы Аэлена не узнать двоюродную сестру?

Нет.

Художники видят мир иначе, но обмануть их гримом невозможно. Да и Вериола, насколько понял Рошер, похожа на мать.

И что — Аэлена не узнала бы дочь Льяны? Той, которая причинила ей столько вреда?

Ха!

Идем дальше.

Терм. Вот муж Вериолы мог бы подобраться поближе. Но для этого его надо было обработать соответствующим образом. Да и кто он?

Рошер зашуршал письмами. Где-то что-то он видел... Есть!

Красный грифель отчеркнул несколько фраз для удобства.

'...ничего не умеет, кроме как мечом махать. Стражник он и есть, хоть ты его трижды уволь...'

Значит, стражник? Надо полагать, работал вместе с Финаром, потом то ли уехал из города за наследством, то ли в поисках лучшей доли, взял с собой жену, ну и началось.

Кем может устроиться стражник?

Охранником, что тут думать?

Конюхом — тут особый подход к лошадям нужен. Рошер уже побывал на конюшне и лошадок видел. Таких красавцев абы кому не доверишь. Даже покойный Дорош, хоть и имел странноватое хобби, а все же с лошадьми был докой.

Уж поверьте, истинный лошадиник в стражу не пойдет, ему и конюхом куда как побольше заплатят, и работа спокойнее, и рядом с любимыми коняшками, опять же.

Тут — мимо.

Слугой? Так и тут свои тонкости есть. Знать много чего надо, уметь... недолго думая, Рошер вышел из кабинета и пошел искать дворецкого.

— Что вам угодно, сатро?

— Мне бы список всех, кто служит у лойрио. И здесь, и в поместье.

— Я прикажу переписать для сатро.

— да мне и переписывать не нужно, мне бы глянуть.

— Прошу вас пройти за мной, сатро.

Рошер честно глянул на список. И — ничего. Никого, способного сократиться до 'Терма'. Хотя это еще ничего и не значило. Знал он одну Аливину, которую все называли Лашей. А у его напарника было прозвище Карт, хотя звали его так и так Морешем. Но вот понравилось парню играть в карты — и приросло.

Кто знает, почему Терма так прозвали?

Но на месте Вериолы он постарался бы не устраивать супруга, который по письмам представлял таким простачком, поближе к врагу. Скорее, на небольшом отдалении, чтобы получать полную картину. И чтобы муж не проникся дружескими чувствами к гадине — Аэлене.

Мало ли...

Всякое в жизни бывает. Аэлена, хоть и была постарше Вериолы лет на десять, а выглядела намного моложе своего возраста. А вот Вериолу жизнь точно не баловала, это было видно из ее писем. Так что мало ли...

Вердиола с самого начала планировала гадость. Но как тут подобраться? Это только кажется, что убить человека легко. Но только если это обычный сатро, или там, кана. А Аэлена — лайри.

Можно сунуть нож под ребро на улице. Но она почти всегда или верхом, или в карете. Да и не так-то просто убить самой. И следить постоянно за ней опасно. Заметит — считай план мести пропал навек.

Нанять убийц?

Места знать надо. И людей. А то найдешь так — на свою голову. Опять же, деньги нужны и не медяк какой.

Можно считать, что год Вериола обживалась, приглядывалась, наблюдала, знакомилась — изучала и Далинар и жизнь Аэлены. А уж потом...

Рошер еще раз проглядел письма, благо, Вериола ставила на них даты.

Да, пожалуй, он прав. А что бы сделал он? Вот так, на месте Вериолы?

Да просто постарался бы найти подход к кому-то из слуг/служанок. Или устроить к Аэлене свою подругу/друга/любownika. И вот это — хуже всего.

Потому что их — не вычислить.

Рошер принялся листать письма — и убедился, что да!

Вердиола ни разу не писала 'я видела', 'я слышала' или что-то такое, что показывало бы ее участие в событиях. Нет!

Она рассказывала не о том, чему сама была свидетелем, а о том, что ей рассказали другие. Возможно, тут даже несколько человек замешано?

Вполне. Например, пристроить подругу на место горничной, мужа куда-нибудь к соседу охранником, а тут найти себе любовника. И — отлично!

Это — реально. И сведения потекут потоком.

А вот причинить вред?

Ну, к любовнику можно забежать... по делам. К подруге — поболтать и попить чая. Слово там, два здесь... но убить-то их не заставишь!

А вот сюда отлично вписываются те два головореза, которых обезвредила Тайяна.

А несчастные случаи?

А попытка наведения порчи?

Да, в общем-то тоже. Что Вериола могла — то она и сделала. Только вот как ее вычислишь? Надо же спрашивать, приходил кто — или нет, куда, когда — это все по горячим следам. А у него из горячего — один конюх.

Эххх... как же хорошо было в страже! Беги, догоняй, лови, хватай, крути, тащи!

А здесь?

Пока еще найдешь, с ума сойдешь! А как искать?

Нет в страже таких инструкций! И объяснить некому, и посоветоваться не с кем...

Наверное, впервые Рошер задумался, а правда — как быть в таких случаях? Когда надо найти убийцу, а где и как искать — не знаешь? И ведь таких много...

Убит человек, а кем?

Украдено что-то — опять же, а кто крал? Если вора застали на месте преступления — отлично. А если — нет? Как искать, где искать.... вот чему не учат в страже.

А — зря. Интересно же...

Вот чем он хотел бы заниматься.

И Рошер уселся перечитывать письма Вериолы. Вдруг он чего-то не видит?

* * *

От важного занятия его оторвало возвращение женщин. Рошер пригляделся — и ахнул.

— Яна! Аэла! Четырехликий!

Аэлена выглядела так, что краше в гроб кладут. Бледная, растрепанная, заплаканная, с опухшим лицом и в мятом платье.

— Да что случилось?

— Диолат вконец охамел. Представляешь — он Аэлене в любви признался!

Яна почти плевалась.

— Ну, как мужчина мужчине, я вполне могу его понять, — усмехнулся Рошер.

— да неужели? — нархи — ро почти шипела. — Ты его видел?

— Видел.

— И с чего у него такая любовь вспыхнула? Раньше не любил, а теперь жить без Аэлы не может?! Не верю!

Рошер тоже не верил, но поддержать девушек хотелось.

— Прозрел. Оценил. Пожалел. Аэлена, у тебя от него внебрачного сына нет?

— Сдурел? — окрысилась на него подруга. — Я замуж девушкой выходила!

— А до брака никого не усыновляла?

— Рош... — Аэлена так сжала кулаки, что стало ясно — еще одна шуточка и он получит по носу. Больно.

— Ты мне лучше скажи, ничего нарыть не удалось?

— Минимум. Вериола живет в городе, в бедных кварталах, в доме, где кроме нее есть еще две — три семьи. Как минимум с одной семьей она в ссоре, часто жалуется на суку — Транну, это явно соседка, с месяца полтора назад она у этой соседки отравила собаку.

— Та — ак...

— да, я тоже об этом подумал. Яд — ее работа..

— А где можно взять яд? — заинтересовалась Яна.

— У любого аптекаря. Или лекаря. Не проблема.

— да неужели?

— Продадут не всё и не всем, — пожал плечами Рошер. — Но я точек двадцать знаю — и это только то, что я знаю.

— Ясненько. С этой стороны искать бесполезно.

— Яд она не называет.

— а конюха вашего чем травили?

— Эммм... не знаю.

— а тело его сейчас где?

— я думаю, в доме стражи.

— Может, мне сходить посмотреть? — Яна задумалась. — Он не должен пока протухнуть?

— ледник там есть. Вот на такие случаи. Три дня будут держать тело, потом захоронят за счет города, в общей могиле.

— Я, конечно, не специалист, но чем его отравили, могу попробовать определить.

— А сходи? — Аэлена кивнула головой. Прядь волос выбилась из остатков прически и упала ей

на глаза. — Я сейчас напишу записку Шойсу...

— Э, нет. Записка тут не поможет. — Рошер своего начальника знал. И даже знал, куда пошлют нархи — ро. — Тут нужен кто-то... Гарт?

Аэлена вздохнула.

— Думаешь?

— Фууу...., — скривилась Яна.

— Яна, я понимаю, что вы не ладите, — подвел итог Рошер. — Но дело сейчас важнее личного. Гарт поймет, ты тоже постарайся сдерживаться — и все будет хорошо.

Тайяна скривилась, но решила не спорить. И так сегодня день тяжелый... и есть кое-что, требующее обсуждения без Аэлены. А потому...

— Аэла, ты записку напиши, но потом либо себя в порядок приведи, либо меня спрячь. Твой деверь меня и так не любит, а если тебя такой увидит — он же меня сожрет!

Аэлена вздохнула, признавая правоту подруги.

— Ладно. Пошла я умываться и переодеваться. Рош, ты мне потом письма почитать дашь?

— Конечно.

* * *

Аэлена ушла и Рошер воззрился на Тайяну.

— Ну?

— Рош, это ненормально.

— Что именно?

— с чего Диолат так вцепился в нашу подругу?

— а не мог? Приехал, увидел добычу, которую не поймал когда-то, ну и... заусило?

— Не мог! Я его видела! Циничная самодовольная скотина! Тварь и сволочь! Да таких, как Аэла у него гарем с борделем! Ты сам ведь ее видишь! Она не красавица, хотя и очень миленькая...

Рошер пожал плечами, признавая правоту Тайяны.

Ну, не красавица. Нет у Аэлены ни жгуче — черных волос, ни золотых локонов. Ни громадных синих глаз, ни зеленых, ни черных. Самые заурядные, серые.

Фигура тоже неплохая, но для женщины, которая троих родила! Если пройтись мужским взглядом — бедра не расплзлись, грудь не обвисла, кожа не морщинистая, но есть ведь и посвежее и поприятнее, да и помоложе! У той же Шальзы и получше красотки есть.

Аэлене уже к тридцати. Очень близко к тридцати. И красота у нее другая.

Это улыбка, это спокойный ровный характер, это сияние глаз... можно сказать, что это — свет души. Она не бриллиант, а скорее, кошачий глаз. Вроде бы и скромный, и неприметный, но вглядываться в него будешь часами.

— Ты посмотри на него!

Тайяна ткнула Рошеру под нос рисунок. Карандашный набросок Диолата — и тот производил впечатление. Пусть в мужчине не чувствовалось породы, но вот самцовое обаяние просто шибало даже с картинки.

— Думаешь, такой голову потеряет?

И самоуверенность, и жестокость, и безразличие к чужим судьбам. Аэлена, и верно, видела иначе — и сама не понимая как, отображала это на портрете.

— Нет. Этот — нет.

— Вот! И тут такая любовь?! Он же чуть не на колени сегодня бросился! Рош, это неправильно! Так не бывает! Не верю! Люди не могут быть настолько отличными от нас! Чушь же!

— Ох, Яна. В жизни так много всего неизведанного...

— Р — Рошер!

— Понял. Молчу. Что ты предлагаешь?

— Твоя... Эмина?

— Да.

— Она еще не навела справки о Диолате?

— Я могу сегодня прогуляться. Но лучше бы завтра с утра. Так оно надежнее.

Яна прикусила палец.

— Ну... может быть!

— Я ведь тоже не могу проявлять интерес постоянно. Возникнет вопрос — зачем, и начнется. Диолат все-таки трайши, пару слов градоправителю — и начнется кутерьма.

— а что тебе может сделать градоправитель? Ты же даже уже не в страже?

— О, много чего. Та же стража... найдут у меня 'зеленую дурь' или книги по некромантии — и ничего не докажешь. Никому.

— а что такого в книгах по некромантии?

— Вообще, она под запретом. Ну и книги — тоже.

— Вы же к ней не способны. В смысле — люди. Чего запрещать?

— разве?

— Ну, есть *черные* книги. Писанные на человеческой коже и кровью, вот эти — опасны. Но если

такая попадет в руки страже, они сами друг друга перережут... а ты сейчас, наверное, говоришь об обычных свитках? Рош, это глупо!

— Яна, глупо или нет, а осторожность соблюдать надо. Аэлена за нас хоть и встанет горой, но может она не так, чтобы много.

— Я поняла...

— А ты-то откуда это знаешь?

— а в Лесу такого запрета нет. Мы некромантию не любим, но знать должны. Мало ли с чем придется столкнуться. Риккэр — хранители знания. Мы собиратели, переписчики, мы храним в памяти очень много всего...

— Тебе, наверное, тяжело.

— Знаешь — нет. Я полюбила книги. Мне нравилось читать, узнавать что-то новое, я равно с удовольствием глотала и книги о магии — и книги о любви. А Шетт всегда был против. *Женщине вредно много читать, потом она еще думать начнет*, — последние слова Яна протянула с таакой интонацией, что Рошер невольно рассмеялся. Девушка явно пародировала кого-то самодовольного и не особо умного.

— Золотой молодежь?

— Именно.

— Жених?

— Теперь уже — нет! Думаю, что про меня быстро забудут. Найдут ему породистую невесту — и будет он плодить крылатых на благо Леса.

— Ну и пусть. Главное — ты не жалеешь...

— а ты пожалел бы на моем месте? Рошер, я не знаю, что будет впереди, но здесь и сейчас я живу полнее и интереснее, чем все годы в Лесу. Там меня окружали только знания. А здесь — здесь я их применяю на практике.

— Ты смотри, думать не начни. А то замуж никогда не выйдешь.

— Думаешь, кому-то из людей может понравиться нархи — ро?

— ты не горбатая, не косая, не кривая, не тупая... почему нет? Дети у тебя могут быть?

— от человека? Да. но либо полностью человек, либо нархи — ро.

— Ну и отлично. Все у тебя будет хорошо.

— главное, чтобы это все — было хорошо у Аэлены. Ты письма читал?

— Да. но у меня ощущение, что там их или не хватает, или...

— Почитаем вместе?

— Ну, давай.

* * *

Эту сцену Гарт и увидел. Рошера за столом, Яну чуть ли не у него на коленях и кучу листков на столе, над которыми друзья и спорили, тыкая то в один, то в другой.

— А мне кажется, подруга!

— Могут быть и подруга, и любовник. И даже муж!

— Муж и любовник рядом не будут! Она рано или поздно проколется!

Яне этот аргумент веским не показался.

— А если любовник тоже женат? Тогда для них это идеальный вариант. Встретиться, плоть потешить — и разбежаться!

— Но полных-то имен эта гадина не называет! Шерх, Вишенка... это вообще — как?

— Шерхх — это утренний туман на къянти, — вежливо сообщил Гарт.

— Да, я в курсе, — Яна и не подумала здороваться. — Аэлена у себя.

— Тогда я к ней и пройду.

— Идемте вместе, — Яна вздохнула. — Как там дети?

— Уже освоились и обнаглели. Они и раньше у меня гостили, но раньше моих собак не стригли.

— Бывает, — не посочувствовала Яна.

— А вы зачем нужны у Аэлены?

Яна посмотрела снизу вверх с изрядной насмешкой.

— Вообще, вы понадобились не Аэлене, а мне.

— Вот даже как? И зачем?

— За трупом.

— Кого убивать будете?

— буду любоваться на уже имеющийся. Конюха наверняка отнесли в дом стражи, Рошер сказал. Но одну меня не пустят на него посмотреть, а вы — лойрио, к вам начальник стражи прислушается.

— Понятно. А что вы хотите определить?

— Яд.

Долго Гарта уговаривать не пришлось, так что через десять минут карета уносила Яну, Аашу и Гарта к дому стражи.

А вот начальник стражи уперся. Как только узнал о причине визита — так и уперся.

— Нечего бабам рядом с трупом делать!

— я не баба, а нархи — ро! — возмутилась Яна.

— Что — мужик?

— Нет...

— Тогда — нечего.

Яна набрала воздуха в грудь. Гарт положил руку ей на плечо, мол, помолчи.

— Любезнейший сар. Вы сейчас позовете стражника, который проводит лайри Риккэр в мертвецкую комнату — и она посмотрит на труп. А потом мы вас покинем. Слово лойрио.

Слово было встречено неодобрительно, но выбора у сара Шойса просто не было.

* * *

В покойницкой было холодно и противно. Воняло разложением и смертью. Дорош был здесь всего лишь одним из многих. Из восьми таких же бедолаг.

Яна бестрепетно отдернула простыню, наклонилась над трупом, подняла веко, изучила зрачок, наклонилась и обнюхала губы покойника, вызвав гримасу отвращения у стражника. И наконец, кивнула..

— Я все узнала. Спасибо.

— что именно?

— Важные вещи, — Яна не собиралась откровенничать. — Проводите меня обратно.

— Идем, — стражник тоже не любезничал.

Сар Шойс воззрился на Яну с удивлением.

— Что, плохо стало?

— Да нет, сар. С чего вы так решили?

— Быстро вы...

— Слишком старый труп, почти ничего по нему уже и не поймешь... Раньше бы.

— Это уж ваша беда, лайри.

— а я и не в претензии. И даже благодарна вам за содействие.

— Не стоит.

Яна царственно кивнула и повернулась уже к Гарту.

— Вы идете, лойрио?

— Да, разумеется.

Гарт Авельен галантно предложил нархи — ро руку и только шаги зашелестели по лестнице.

— И что вы поняли?

— Умному хватит, — Яна пожала плечами.

— а все же?

— Гарт! Дружище, какая встреча!

Веселый возглас помешал расспросам. Яна повернулась и улыбнулась. Совершенно непроизвольно. Бывают же среди людей симпатичные личности!

Среднего роста, повыше Яны, но пониже Гарта, молодой человек с растрепанными русыми волосами, которые так и хочется пригладить и ясными голубыми глазами. Симпатичное добродушное лицо, широкая улыбка, дорогой костюм, который подчеркивает гибкую фигуру — приятно и посмотреть, и пощупать.

— Ланист! А ты какими судьбами?

Гарт — и тот расцвел в улыбке.

— Да вот, мимо шел. А тут — ты! Да еще с такой очаровательной дамой! Познакомь нас?

Улыбка исчезла.

— Тайяна э'Лесс Риккэр. Нархи — ро. А этот шалопай — лойрио Ланист Каррер. Мой давний знакомый.

— Что вы говорите? Неужели нархи — ро решили почтить нас своим присутствием?

Молодой человек явно улыбался и шутил, но выходило это совершенно не обидно. Уютно так...

— Иногда в лесу бывает так скучно, — поддержала шутку Яна. — А вы, люди, такие интересные...

— Так вы изучаете людей, милая лайри?

— да, можно и так сказать.

— Как интересно! А где вы остановились? Позволено ли мне будет нанести вам визит?

— Перебьешься! — рявкнул Гарт.

— В доме лары Аэлены, — глаза Яны блеснули опасными искрами. С чего этот хам начинает ей командовать!?

— Гарт, не рычи. Значит, дом Алинара? Лайри, вы позволите подарить вам цветы — или нархи — ро против?

— Нархи — ро не любят сорванных цветов, — вздохнула Яна. — они быстро увядают.

— Понял. А сладкое?

— а сладкое не увядает.

Яна сама себе удивлялась. Она что — кокетничает? После Шета и побега? После убийств?

Но Ланист был симпатичным и веселым, а ей хотелось развеяться...

— Ну тогда, милая лайри, ждите меня со сладким.

— Обязательно, лойрио.

— Ланист, — с угрозой произнес Гарт, но парня было этим не напугать. Он раскланялся и удрал, поцеловав на прощание руку Тайяны. Его даже Ааша не напугала.

Всю дорогу до дома спутники молчали.

Гарт разлепил губы только перед самым особняком, когда уже останавливались кони.

— Ланист — бабник. Свяжетесь — пожалеете.

— благодарю за предупреждение, — вспыхнула Яна.

— Жаль, что оно напрасно, — усмехнулся Гарт. И выпрыгнул из кареты, по всем правилам подавая даме руку.

* * *

— Рахшар.

— Как?

— Опять этот же яд?

— Именно! — Яна с торжеством смотрела на лица, изумленные — Рошера, вмиг побелевшее — Аэлены. — Чем хотите поклянусь — это дурманное яблоко!

— Та — ак, — Рошер встал, прошелся по комнате. — Что мы имеем? Аэлену пытались затоптать конем на улице, а потом наездника отравили. Рахшаром.

— Конюх что-то узнал о покушении на детей и его тоже отравили. Рахшаром, — понятно продолжила Яна.

— Вы хотите сказать... — Аэлена смотрела с ужасом. Она уже поняла, к чему идет.

— Да. Травил один и тот же человек. И скорее всего — Вериола. Или под ее руководством.

— она же...

— Аэлена, это первый раз убить сложно, — Рошер смотрел грустно — А потом, когда *привыкаешь...*

Женщина закрыла лицо руками. Яна подошла к ней, коснулась запястья.

— Ты не виновата.

— Гетанро — мой род! Моя кровь! Что пошло не так, почему в моем роду появилось — *это*?!

— Ничего. Так иногда бывает — яблоко гниет прямо на дереве и мы не можем понять отчего.

— Это — мое дерево. А если и дальше в роду Авельенов будут гнилые яблоки?!

— Не будет. Так бывает, раз в сто лет в любом роду рождаются подлецы. И у нас такое бывало... — Яна вспомнила про свою тетю. Да что б ты с сестрой не делила, остальные-то при чем?! — Это... бывает.

— Знаешь, мне от этого не легче.

— Знаю.

Аэлена отняла руки от лица.

— Яна, а если это я виновата?

— что Верьола решила тебе отомстить? Ты. А вот что она начала убивать посторонних людей — уже она. Не терзай себя, Аэла. Это жизнь, а она не делится на разум без остатка.*

*** *Сущее не делится на разум без остатка. И. В. Гете. Прим. авт.***

— Неутешительно.

— А я тебя и не утешаю. Ты чего больше хочешь — найти эту гадину — или подождать, пока она доберется до твоих детей?

— Я ей сама горло порву! — рявкнула Аэлена, мигом забывая про все беды. Яна улыбнулась.

— Так-то лучше. Итак — рахшар.

— Он редкий? — уточнила Аэлена.

— Нечастый. Скажем так, достать можно, но места знать нужно. — Рошер думал. — Может ли быть так, что это совпадение?

— Нет. Мне кажется, что яд одинаков.

— Яблоки все одинаковы.

— Но можно их по — разному приготовить, — Яна прищелкнула пальцами. — Рахшар можно мелко порубить, дать отстояться и слить сок. Можно настоять его на крепленном вине. Или выварить в масле.

— И здесь?

— Самый простой. Натертый и слитый.

— А как...

— они действуют по — разному. Вот этот вид дает пену в углах рта, но белки глаз остаются чистыми. А если на вине — лопаются сосуды в глазах, этакая сеточка...

— я понял, — кивнул Рошер. — Ладно, примем, как факт.

— и вернемся к 'наезднику'. Где ему могли дать яд?

Рошер нахмурился. Вздохнул. И признался.

— Только в доме стражи.

— А кто?

— Не знаю! Кто угодно! Тюремщик, например! Тюремщик!?

Яна прищурилась, вспоминая.

— Вообще, он успел перед смертью сказать одно слово. Или не слово... 'Слив'. А вот что бы это значило?

— А вот что это означает, надо выяснять мне. Завтра пойду узнавать и разбираться, — Рошер был серьезен. — Если у Вериолы есть сообщник из числа стражников, это очень плохо. Очень.

— Да уж чего бы хорошего. И так. На мне завтра Эмина и стража.

— У меня бордель.

— Я сижу дома и никуда не выхожу. Гарт занимается детьми. Только бы все обошлось!

— Есть еще Диолат, — напомнил Рошер.

— Я к нему не пойду! И не выйду! Видеть его не хочу! — Аэлена вскочила с места.

— А вот тут я подумала, — Яна была серьезна и спокойна. — Ты не хочешь его видеть, но физически тебя к нему тянет?

— Да.

— Скорее всего, он что-то применяет. У меня Ааша сегодня чихала полдня. А обнаружить не можем, потому что на нем, а не на тебе. С чего ты ему так понадобилась — не знаю, но...

В дверь заскреблись.

— Войдите!

На пороге кабинета показался дворецкий.

— Лара Аэлена, к вам прибыл трайши Диолат. Почтительнейше просит принять его.

— я к нему не пойду!

Чернильница, запущенная сильной рукой художницы, ударила о стену.

— Аэлена, — нерешительно начал Рошер.

— не могу! Не выдержу!! Довольно!!!

Рошер переглянулся с Яной.

— Яна, ты...

— Да. — и уже к дворецкому. — передайте трайши, что мы будем через пару минут.

— Мы?

— Я и ты. А Аэлена посидит у себя в комнате. Для надежности — под охраной Ааши.

— думаешь, стоит?

— Мне надо, чтобы ты на него сам поглядел.

Рошер кивнул и потащился к зеркалу. Для разговора с высокородным трайши у него был слишком растрепанный вид.

* * *

Аэлена тигрицей металась по комнате.

Что, ну вот что с ней происходит!? Как так получается, что она себе не хозяйка!?

Одно его слово, один взгляд, ласковое прикосновение — и она что угодно готова отдать. Собачонкой бежать на край света!

Почему!?

Аэлена вообще не отличалась излишней эмоциональностью. Вот такая особенность, как художницы. В картины она вкладывала всю душу, весь разум, чувства, сердце, она жила в них — и рисунки получались ярче своей хозяйки. А вот в жизни...

Аэлена была спокойна, что бы не происходило в ее жизни. Важны две вещи — жизнь и здоровье. Твое и твоих родных и близких. Остальное купим, выбросим, починим, заработаем.

Вокруг могут создаваться и рушиться империи, греметь войны и возвращаться листэрр. Если это не касается твоей семьи — пусть провалится в Разлом!

На этом Аэлена и строила всю свою жизнь.

И уверенно шла по жизни.

Нельзя сказать, что она любила мужа до безумия. Нет, он был частью ее мира. Кусочком ее.

Не любовь?

Не безумные и бешеные страсти, от которых чернеет в глазах?

А что сильнее? Кто ответит? Страсть рано или поздно перегорает и не у всех хватает сил вырастить на пепелище хотя бы зеленую траву. А вот так, когда вырастаешь друг в друга, притираешься, жить без своей половинки не можешь...

Аэлена точно знала, если Алинар уйдет — она его отпустит. Но если с ним что-то случится... она сама не знала, что с ней тогда будет.

Умрет?

Нет, у нее дети и ради них она будет жить. Или хотя бы существовать. Но это уже будет не она. Совсем не она...

Муж, дети, любимая и любящая семья.

И ставить это под угрозу ради Диолата!?

Никогда!!!

Это же логично, разумно, да любая женщина сказала бы — не разбивай семью ради смазливой мордашки! Хочешь — так переспи с ним втихорца, а лучше — переболеешь. И не уходи от мужа, не разрушай уже построенный дворец ради непонятного рая в шалаше.

Аэлена сама сказала бы так и себе, и любой подруге, но сейчас...

Что происходило с ней сейчас?

Это страсть? Любовь?

Мара, наваждение, болезнь...

Аэлена готова была целовать руки Тайяне! Ей — ей, если бы не нархи — ро, она бы натворила дел, но девушка, которую она приютила частично из благодарности, частично из любопытства была ее якорем.

Она помогала, поддерживала, была рядом, разбиралась в той куче бед, которая упала на голову Аэлены — вот и сейчас...

Тайяна беседует с Диолатом, а она, Аэлена...

Женщина металась по комнате, не в силах сидеть спокойно.

Четырехликий, ну за что!? Почему!? Как!?

Но выйти она не могла. По ее же просьбе, Тайяна повернула ключ в замке, а потому метайся, не метайся, хоть криком кричи — не поможет.

Аэлена и не собиралась кричать. На это ей еще хватало самообладания. Но разум ее словно разделился на две части.

Одна — спокойная, холодноватая, рассудительная, та, которая разговаривала на кухне с Тайяной, предлагая ей защиту и помощь. И вторая — безумно страстная, нервная, огненная...

Откуда *это* в ней?!

Аэлена не могла найти ответа. Может быть, Рошер и Яна смогут?

Со стороны виднее?!

Да посмотрите же хоть кто-нибудь!!! Я не могу разобраться сама! Помогите мне!!!

Но беззвучного крика никто не слышал.

* * *

Тайяна лишней раз убедилась, что Диолат — дрянь. Стоило им войти в гостиную вместе с Аашей, как трайши обернулся — и такую рожу скорчил! Словно ему на голову куча навоза

упала.

Очень это выражение не смотрелось вместе с густо — синим костюмом и громадным букетом роз.

Рошер дождался, пока внимание трайши отвлеклось — и скользнул за портьеру. Посмотреть на Диолата ему хотелось, но потихоньку, чтобы сам трайши не заметил. Вот и поглядит.

Тайяна улыбнулась ему так, что челюсть едва не свело. Нежно — нежно.

— Мы рады приветствовать вас в этом доме, трайши.

— Да, безусловно, я тоже рад видеть вас... э... Ана?

— Лайри Тайяна э'Лесс Риккэр.

Почему нельзя командовать Ааше: 'убей'? Лежал бы этот красавчик с порванным горлом... хотя нет! Еще отравится дурной-то кровью!

— Лайри?

— Лара Аэлена — моя подруга, — Тайяна пожала плечами. — Я полагала, вы, как ее друг, знаете больше о нархи — ро?

Диолат скривился.

— Я бы с удовольствием побеседовал с вами, милая лайри. Но... может, вы позовете Аэлену?

— Не могу.

— и почему же?

— После возвращения лара приняла лекарство. Она очень плохо себя чувствовала...

— Она больна?

— Нет. Но сейчас она спит и тревожить ее нельзя.

А глаза у Тайяны были невинные — невинные. Диолат зло прищурился.

— Лайри, если вы мне лжете...

— Я не лгу.

— Я ведь могу и вернуться. И тогда...

— Вы угрожаете мне?

Яна выпрямилась, став даже чуть выше ростом. Рядом распушилась и злобно рыкнула Ааша, Рошер смотрел на это во все глаза.

— Я знаю, что трайши — это человеческая знать. Но не советую угрожать — Лесу!

И глаза ее на миг полыхнули зеленым светом.

Диолата напугать не получилось.

— Вы не сможете охранять от меня Аэлену — всю жизнь.

— А всю жизнь и не надо, верно? Скоро лойрио Алинар возвращается... да и долго вы скрывать все не сможете.

— Кажется, вы что-то сочиняете, девушка, — Диолат смотрел с ярко выраженным превосходством. — То вам угрожают, то с ларой Аэленой что-то не так... может, именно из-за вас? Надо поговорить с градоправителем.

— Надо, — радостно согласилась Тайяна. — обязательно надо! Завтра же поговорю с ларой, а уж потом и с градоправителем. Я ведь тоже не девочка с улицы, я лайри.

Ааша согласно рыкнула.

Трайши понял, что у него патовая ситуация. Сдвинуть Тайяну с места не получится. Прорваться к Аэлене силой?

Ну — ну, волк — животное крупное и сильное. Один на один он Аашу не одолеет.

Позвать стражу?

А если лара Аэлена действительно спит? Дураком себя выставит. Да еще каким дураком! Это же не наемница, это нархи — ро! Лайри она там или нет — еще листэрр хвостом махнула, а если и правда — лайри?*

***- аналог высказывания — бабушка надвое сказала, прим. авт.**

Размышления отчетливо читались на лице трайши. Тайяна смотрела спокойно, рука поглаживала волчицу. Рошер словно слился со стеной — его никто не замечал.

Трайши развернулся. Дверь хлопнула пушечным выстрелом.

Яна метнулась к окну и пронаблюдала, как разъяренный Диолат садится в карету. Букет полетел в канаву.

Рошер отделился от стены.

— Выпусти Аэлену. Поговорим.

Яна кивнула и пошла наверх. А Рошер, сам не зная почему, направился к выходу.

Букет, говорите?

Почему ему так захотелось поднять букетик и обследовать получше? Чувство сыщика? Чутье?

А Раш его знает! Захотелось!

* * *

— он ушел?!

Аэлена выглядела так, что краше в гроб кладут. Яна смотрела на нее с сочувствием, Рошер —

внимательно.

— Да. Пригрозил мне градоправителем и ушел. Но вернется — наверняка.

Аэлена схватилась за голову.

— Не могу!!!

— Я его не пропущу, — пообещала Тайяна. — Если что — костями тут лягу.

— Если что — он через твои кости переступит. — Рошер уложил букет на стол и серьезно посмотрел на подругу. — Я тут поглядел на него... Ни Раш он не влюблен!

Аэлена выдохнула.

— Слава Четырехликому!

— Но ему от тебя что-то нужно. *Очень* нужно.

— Но что?!

— не знаю. Но это не любовь. И ему это настолько нужно, что он на все готов.

— да что — это!? Что всем от меня понадобилось!? Все сошлось!!! — Аэлена вся дрожала. — Вериола решила мстить, этот меня зачем-то преследует, розы эти... ты зачем их приволок!?

— а вот зачем. Яна, посмотри, в них ничего нет? Аэла, а ты к ним близко не подходи.

Аэлена послушно отошла в другой конец гостиной, не переставая ломать пальцы. Яна приблизилась, взяла букет, поворошила лепестки концами пальцев.

— не знаю... Нет, не знаю. Ааша?

Волчица тщательно обнюхала букет, встопорщила шерсть и рыкнула. Неодобрительно.

— Ей это не нравится.

— Цветы?

— Или что-то в цветах.

Яна перебирала пальцами лепестки, сорвала один, потерла в пальцах...

— не понимаю, ничего не понимаю...

— Что не так?

— не знаю. То ли запах, то ли что-то еще... Я нархи — ро, на меня не подействует. Рошер мужчина, он тоже не поймет. А Ааша тревожится.

Аэлена дернулась.

— Может, мне попробовать?

— Одурела?! — Яна поспешно спрятала букет за спину.

— а кто?!

— А... — лицо Рошера осветилось улыбкой. — Аэлена, отойди в угол...

И потряс колокольчиком.

Через пару минут в комнату вошла горничная.

— Возьмите, пожалуйста, цветы. Поставьте в вазу.

Девушка, не раздумывая, приняла тяжелый букет. Невольно вдохнула.

— красивый какой...

Лицо ее неуловимо менялось. Глаза заблестели, губы порозовели, к щекам прилила кровь... несколько секунд Яна смотрела на это, а потом резко выдернула букет.

— А ну стой!

Девушка послушно замерла. Букет полетел в угол.

— что ты чувствовала?

Горничная захлопала глазами.

— Я... а...

— Ты, ты. Тебе чего-нибудь хотелось?

Горничная замаялась, перебирая передник. Рошер подошел сзади, положил ей руку на плечо.

— Кажется, я знаю. Мужчину, да?

Щеки девушки вспыхнули еще ярче.

— Иди, лапочка. Спасибо.

— А... — палец девушки указывал на розы.

— а с этим я сам разберусь.

Рошер подхватил цветы и вышел из комнаты. Яна метнулась, открыла окно.

— Сволочь! Какая ж сволочь!!!

Аэлена вся дрожала. Яна обхватила ее за плечи.

— Сядь. Не думай ни о чем. Мы со всем разберемся, обещаю!

Аэлена подчинялась, как кукла.

— Не понимаю, ничего не понимаю...

— Дионат обработал цветочки чем-то сильным, — вернувшийся уже без букета Рошер тоже залился. — Если цветочки побывали в канаве — и даже потом! Все равно они вызывают

желание! Яна, что это может быть?

— Не знаю. Это надо в борделе поговорить. Что угодно — от змеиной розы до лунной пыли. Перечислить я их могу, а вот определить точно... откуда им в Лесу взяться?!

— Ничего, Диолат знает.

— Мразь! — Яна почти шипела. — что же делать, что делать!

— Не знаю! — Аэлена вся дрожала. — Почему, ну почему!?

— Я выясню, — Рошер смотрел серьезно. — Яна, не оставляй ее одну.

— обещаю.

— Яна... — Аэлена кусала губы. — Я не знаю, как благодарить...

— Я знаю. Когда все закончится и выяснится — нарисуешь мой портрет.

— Хорошо. Обещаю.

— А пока пойдем. Я тебе сейчас прикажу сонник заварить, отдохнешь, полежишь...

Рошер смотрел, как нархи — ро уводит пошатывающуюся Аэлену из комнаты. М — да...

Его путь сейчас лежал в дом стражи — и в городскую управу.

* * *

Эмина встретила Рошера улыбкой.

— Как я рада тебя видеть! Как дела?

— Кайта, вы сегодня великолепны. Как и всегда!

Несколько комплиментов, коробочка со сладостями, травяной взвар — и Эмина наконец-то начинает рассказывать.

— Рош, ты знаешь, оказывается Диолат-то нищий!

— Да неужели?

— Ну, по нашим меркам — нет, а так — да.

Сплетница навалилась грудью на стол, расплющив по пути конфетку, но какие там сладости — пятна, когда *такое!*

— Никто и не знал, и градоправитель наш не знал, а я тут списалась с одной знакомой. С ним та — акой скандал был! Вся столица гудела!

— Ну, до нас пока те новости еще дойдут!

— Я вообще в шоке! Ты представляешь...

История повергла в шок даже Рошера.

Трайши Диолат не был особенно богат. Не бедствовал, но больше пускал пыль в глаза. Круги, в которых он вращался, требовали денег, а поместья... всем известно, чтобы земля начала приносить доход, в нее надо вложить деньги. Много.

Вкладывать Диолат не собирался. Копаться в земле? Выслушивать крестьян!? Закупать зерно!?

Скучно, неинтересно, недостойно великолепного трайши!

А вот скачки, состязания, карты...

Увы, у трайши наступила полоса невезения. Сначала он проиграл больше, чем мог себе позволить. Потом — умудрился закрутить интрижку с племянницей короля. Девушка повелась на отличную фигуру и проникновенный взгляд голубых глаз.

Диолата король бы еще стерпел. Но принцип трайши о поиске новых ощущений, подвел беднягу под топор палача.

А чем не новые ощущения, когда королевскую племянницу учат женской любви две шлюхи, а Диолат наблюдает и даже участвует?

Особенную новизну им придал доклад королю от советника по безопасности. Есть во дворце такие твари, в удовольствие им в чужие дела нос совать!

Король не поверил. Сначала. Потом затеял ремонт в покоях племянницы — и убедился сам. Правда, там было с двумя лакеями и Диолатом во главе представления, но и это зрелище не доставило его величеству никакого удовольствия.

Племянница получила крепкую оплеуху и два месяца в одном из монастырей на хлебе и воде. Могла бы и навечно там поселиться, но король был милосерден — все ж таки родная девчонка, от рано умершего королевского младшего брата. Королевская ж кровь, ее замуж выдавать надо и лучше — с выгодой для государства!

Ладно еще — девка до замужества погуляла, бывает! Дело житейское, тут муж шума не поднимет. Сам не без греха.

Первая любовь, чистые чувства...

Но такое распутство!?

Диолату было настойчиво рекомендовано жениться как можно скорее и удалиться в глушь. Годика на два.

Трайши воспринял это спокойно и принялся подыскивать себе жену. Молодую, красивую, а главное — богатую. Тем более, что репутация его не сильно пострадала, об этой истории никто и не знал...

— А ты откуда знаешь? — не удержался Рошер.

— Так горничная ее высочества — троюродная племянница подруги моей двоюродной тетушки!

— Эмина, да у тебя связи в верхах?

— пошутить мне еще... Это точно, мне Евлалия сама написала!

— Все с тобой понятно. Но ведь не женился? Пока еще?

— что ты! Там такая история!

— Еще одна?

Чем дальше — тем больше Рошеру хотелось подвязать челюсть платком. А то надоело зубами об стол стучаться, когда она отпадает.

И ведь было от чего!

Нужная девица Диолату подвернулась и достаточно быстро. Молодая, богатая, правда, не особо красивая, а главное — очень наивная. Тоже трайши.

Ташри Лионелла воспитывалась в одном из пансионатов при монастыре до совершеннолетия. Потом вернулась под крылышко к папе, богатому трайши Эррею, который и вывез ее в свет. Пикантность ситуации придавало то, что вторая супруга Эррея была не намного старше своей падчерицы. Но — дело житейское. Жениться законом не запрещено.

Вот на Лионеллу Диолат глаз и положил. Принялся похаживать в дом к девушке, сделал предложение по всей форме, расположил к себе отца и мать...

Мать — особенно.

Наверное, потому Лионелла так и расстроилась, когда застала жениха и мачеху в весьма недвусмысленной ситуации. На диване, с юбками на голове у мачехи и женихом, простите за подробности — с голым задом и в мачехе.

Очень неудачный первый опыт.

А девчонка-то была влюблена! Да еще из монастыря, да еще семнадцать лет...

Если бы не личная служанка, которая решила на всякий случай навестить ночью свою госпожу и посмотреть, как та спит... В ванной. С перерезанными венами.

Трайши Эррей едва успел спасти дочь. Наградил служанку и купил ей дом. А потом...

Скандал-таки грянул.

Неверная жена совершенно случайно свалилась с лестницы. И никаких синих пятен на шее у нее не было, точно! Она просто переживала за падчерицу, ночью пошла попить водички, запуталась в пеньюаре, оступилась...

Так повелел считать его величество.

Девчонку принялись лечить и вправлять ей мозги.

Трайши Эррей бросился королю в ноги, умоляя о мести.

Диолата вызвали к его величеству и зачитали приговор. Казнить его формально не за что. Но он еще об этом сильно пожалеет, потому как почти все его поместья отходят в приданое пострадавшей от его гнусности девушке. Того, что остается, в столице не хватит и на два дня

жизни.

Впрочем, в столице ему жить и не надо. Его величество не собирается лицезреть Диолата при своей жизни, так что до смерти короля столица нашему чижику не светит. Никак.

Чего он попал сюда?

А почему бы и нет? Это порт, отсюда можно уехать куда-нибудь....

Аэлена?

А вот тут непонятно. Вроде бы Диолата с ларой ничего не связывает. И чего он тут забыл? И к чему ему милая мать троих детей?

Кайта не могла сказать ничего определенного, но обещала узнать. Рошер не настаивал. Уже раскопав эту историю, она многократно окупила все купленные сладости.

Итак!

Диолату нужны деньги. И ему нужно в другую страну, если он пожелает и впредь вести привычный образ жизни, но при чем тут Аэлена?

Она — художница. Не трайши, не дочь купца — миллионщика, и наследства ей ждать неоткуда. Ну и что происходит? Что такого знает Диолат, чтобы начать охоту?

Надо попросить Аэлену связаться с матерью. Пусть та напишет дочери, не было ли в столице чего-то странного в последнее время? Чего-то, связанного с именем художницы?

* * *

Вторым пунктом был дом стражи.

Рошер собрался с духом — и подошел к нему, беззаботно улыбаясь. И тут же попал в руки старых знакомых.

— О, Рош!

— Старина!

— Здорово, умник!

— Ты куда пропал?!

Рошер тряхнул головой.

— Ребята, спокойно! Приглашаю всех в кабачок, Побеседовать! Только уговор — вам чарка, а мне взвар. С вином я завязал!

Друзья беззлобно рассмеялись.

— Выпил свое море — и хватит?

— Так точно!

— Ну, тогда пошли! Нам нальешь!

Рошер рассмеялся. И чего он так не хотел никого видеть?

Мареш, Тарки, Шерик, Дион — отличные ж ребята! Он с ними и под стрелами ходил, и нищую слободку патрулировал, и в порту стоял, и контрабандистов ловил... и то, что у него сейчас нет одной руки — не повод запираяться от мира. Он остался тем же — и ребята остались теми же.

Только вот раньше он этого не понимал. Не хватало чего-то — дела, может быть? Или уверенности в себе?

И кабачок остался тем же. Стареньким строением с чуть покосившейся вывеской 'Зеленый заяц', и трактирщик — старина Стайл, так же ослабился при виде Рошера.

— О, Рош! Здорово! Сто лет тебя не видел, сегодня выпивка за мой счет!

— Здорово, Стайл! Но я завязал! Так что ребятам вина за мой счет, а мне — ягодного взвара!

— Как скажешь, Рош.

И никаких подколок, никаких усмешечек, и сожалеющих взглядов тоже нет. И чего он боялся раньше?

Теплая компания устроилась за столиком и повела душевную беседу. О вине, о женщинах, о работе, о том, что в прошлом месяце задержали три судна с контрабандой, о том, что начальник вконец озверел, о бабах и наконец о том, что заинтересовало Рошера.

О покушении на Аэлену.

Ну да, поймали двоих грабителей. Но те заявляют, что лезли грабить. А вот тот тип, который сдох, не успев уйти от стражников...

Да вроде как он просто лошадыми править не умеет.

А чего умер? Яд, не яд, кто ж там разберется....

Тюремщик, который в тот день работал?

Да, Слива.

Рошер аж вздрогнул.

— Слива!?

— А у него нос, как слива. И сливовицу жрет. Взяли дурня чуть ли не из жалости, вот он и хлыщет...

— Слива, сливовица, — медленно произнес Рошер.

А ведь Яна о таком упоминала. И что теперь делать?

Он сидел с друзьями за столом, разговаривал о всяких глупостях, смеялся, а глубоко внутри...

Слива. А если это — и есть отравитель? Или он знает отравителя?! Его обязательно надо расспросить. И — в ближайшее время!

* * *

Гарт опустил руку в воду.

Небольшой источник журчал, даря успокоение, прохладная вода оббивала руку своими струйками, щекотала пальцы, протекала — и ускользала в небытие.

Хорошо...

Очень давно, когда строили поместье, кто-то из предков Гарта решил не уничтожить крохотный ручеек. Не засыпать, не усыплять, а наоборот — выложить дно камушками и придать форму. Это место и стало самым любимым у маленького Гарта.

Вот брату здесь не нравилось. Ручей казался ему мелким, камни мокрыми и холодными, да еще налетали комары — посидев минут пять у ручья, Алинар срывался и убегал по своим делам. Для созерцания и отрешения он был слишком непоседлив. А Гарт приходил сюда успокаиваться. Вода журчала, распевая свою незатейливую песенку и мальчик вслушивался в ее серебристый голос.

Иногда Гарт даже удивлялся, что его брат женился на Аэлене.

Художница напоминала ему темный пруд, заросший лилиями. Вода в нем прозрачна, но глубины неведомы. А брат скакал по жизни и мчался, словно река с порогами и перекатами. Как могли слиться эти две столь разные воды?

Непонятно.

Сам же Гарт... он видел себя этим ручейком. Обложенным камнем, усмирённым людьми, но рано или поздно он все равно вырвется на волю. Или проточит камни, или найдет иной путь... хотя нельзя сказать, что и этот плох. Просто его выбрали другие люди. Для него, за него...

И новая загадка.

Тайяна. Нархи — ро. Вот ее тип воды Гарт определить пока не мог. Лесное озеро? Но тогда в нем живут чудовища. Стоячая вода? Нет, ей не подходит, для этого она слишком решительно поменяла свою жизнь. Может быть, лесная речушка, вроде бы и неглубокая, видная насквозь, с красивым дном, выложенным мозаикой опавшей листвы, но стоит только ступить туда — и ты намертво увязнешь в иле?

Возможно.

К добру она или к худу?

Как-то странно получилось с ее появлением. На Аэлену покушаются — и тут же ей подворачивается эта девчонка — спасительница. Лучше и не придумаешь, чтобы втереться в доверие! И вообще она наглая невоспитанная хамка, вот!

Порванные штаны Гарт забывать ей не собирался, вот еще не хватало!

А в то же время...

Трайши Диолат. Вот кто был реальной проблемой, но как с ним справиться? Гарт для него величиной не был, один из лойрио — и только. А Диолат принят во дворце, вхож к королю, градоправитель не сможет попросить его вон из города. Нет, это исключено.

Но и дуэль не выход. Мерзавец слишком хорошо владеет оружием.

Увезти Аэлену?

Да, пожалуй, это лучший выход из ситуации. Брату он все объяснит, когда Алинар приедет. Завтра же он идет к Аэлене, заставляет ее собрать вещи и привозит к детям....

Легкий шум со стороны ограды оборвал размышления лойрио. Еще не понимая, что происходит, он прижался к земле, затаился...

У ручья было светло из-за луны, но деревья под легким ветерком отбрасывали тени, на нем был широкий плащ — видно его не было. А тем временем через забор перелезил человек.

Звякнула о верхушку забора 'кошка' с привязанной к ней веревкой, показались над краем стены голова и плечи, потом человек подтянулся — и вылез весь. Уселся ненадолго на гребень стены, перекинул веревку с узлами и принялся спускаться.

Внизу выдохнул и принялся копаться в карманах плаща.

Гарт прищурился, стараясь разглядеть, что достает мужчина — и вздрогнул.

Кремень? Огниво? Трут?

Он хочет поджечь поместье?!

Но там же дети!

Поджигатель медленно направился к дому — и от неожиданности не оказал почти никакого сопротивления, когда будто из ниоткуда на него кинулся Гарт.

Четырехликий не обидел лойрио ни ростом, ни силой, так что незваный гость был прижат к земле, награжден парой профилактических тумачков — и оглушен. На шум сбегались охранники.

— Взять и в подвал его, — приказал Гарт.

Сейчас он чуть успокоится, обыщет карманы врага, а потом уж прикажет его связать и расспросить. Мысль вызвать стражу Гарта и присниться не могла. К чему?

На своей земле он и король, и закон! И любой, кто придет со злом, получит его полной ложкой! Вот!

В подвал Гарт отправился примерно через полчаса, тщательно изучив все, что было в карманах у незнакомца.

Кремень, трут, пропитанный чем-то горючим, огниво, еще несколько кусков трута, видимо, чтобы поджечь все в разных местах... если бы этот идиот не перебирался через забор рядом с Гартом, ему могло бы и удасться его черное дело. Хотя ничего удивительного в выборе места не было.

Ручейки — штука коварная. Как ни облагораживали предки любимое место Гарта, а ручеек, уходя в землю, подтачивал кусок стены. Чини, не чини, он все равно проседал и слегка осыпался, вот и влезть по нему было удобнее, чем с любой другой стороны стены.

Незнакомца уже успели привязать покрепче и даже пару раз постучали по почкам. Так, для сговорчивости.

Гарт пристально разглядывал его. Ну и что?

Простая круглая физиономия, не лишенная некоей приятности, заметное брюшко крепенькая коренастая фигура, короткие руки с широкими ладонями и пухлыми толстыми пальцами, лицо не обременено печатью раздумий, как писалось в каком-то романе. Ансамбль удачно дополняется коротко стриженными русыми волосами и белесыми бровями с поросычкими ресницами. Ничем не примечательное личико, на улице таких на дюжину — пять штук, мимо пройдешь — не оглянешься.

Вот только сейчас на этой хारे (а иначе Гарт и не думал) застыло выражение загнанной в угол крысы.

Мр — разь!

— ты кто такой? — начал допрос Гарт.

— не твое дело, — сплюнул ему под ноги незнакомец.

За что и поплатился. Улетел вместе со стулом в дальний угол, только пятки в воздухе сверкнули. Гарт присел над ним на корточки.

— Ты, сукин сын, не понимаешь, куда ввязался. Ты мой дом подпалить хотел. А у меня тут племянники. Если бы с ними что случилось, я бы тебя на кусочки резал. Размером с мизинец... но и так тебе мало не покажется. Прирежу — и в саду закопаю. И лопух посажу, чтобы он на твоей могиле рос.

— Стража...

— И стража тебя тут не найдет. Никто не найдет, сгинешь, как и не бывало!

— И плевать! Все равно я тебе ничего не скажу!

— И не говори. Я хоть какое-то удовольствие получу, — неконфликтно согласился Гарт, протягивая руку за кляпом. Жестоким он не был, но подонок, который хотел сжечь заживо трех детей, по определению не заслуживает хорошего отношения. Он вообще ничего кроме петли не заслуживает.

Диалог наладился после трех сломанных пальцев. Гарт же обнаружил, что молоток — инструмент незаменимый в таких делах. Ударить им по пальцу — и готово! Минус кость! А он так собирался подонку переломать вообще все кости!

И — поделом!

До всех костей добраться не удалось, уже после первой пленник начал проявлять желание к разговорам, но Гарт останавливаться не собирался. Нет уж!

А вдруг он ругаться решил? Или передумал общаться? Добавить надо! Для верности!

— так как тебя зовут?

— Термалис Вельт.

* * *

Рошер вернулся к Аэлене достаточно поздно, но подружки не спали. Сидели, размышляли....

— Вот что этому козлу нужно!? — рычала Аэлена. Выспавшись днем, ночью она заснуть не могла. Тайяна же составляла компанию лайри, ну и ворчала — тоже.

— Деньги? Да у тебя столько нет.

Ааша смотрела сочувственно. Переживают... странные люди. Если попался негодный самец — стоит ли из-за него переживать? Загрызть его — и не мучиться!

— Ручная художница? Смешно!

— Может, ты о чем-то не знаешь?

— Наверняка. Но о чем и как бы мне это узнать?

— Ну, кое о чем могу рассказать я, — довольным голосом объявил Рошер и принялся выкладывать все, что узнал от Эмины. Сначала — про Диолата.

Яна слушала, открыв рот. А вот Аэлена...

— Рош, погоди!

— что?

— Диолат еще жив?!

— Не понял?

— Рошер, ну что ты, как маленький! Ладно — Яна! Она нархи — ро, ей сложно с людьми...

— Вас вообще иногда не поймешь, — согласилась Яна.

— Но ты-то! Подумай! Этот гад соблазняет и развращает *племянницу короля!* И до сих пор — жив!?

Рошер потряс головой.

— Алька, ты гений! А ведь и верно — почему!?

— Что — почему? — не поняла Яна. Рошер потрепал девушку по толстенной косе и принялся объяснять.

— Дело в том, Яна, что... у нархи — ро существует какая-нибудь знать?

— Нет...

— а кто вами управляет?

— Никто, — пожала плечами Яна.

— так не бывает, — Рошер был абсолютно уверен в своей правоте. — Свято место пусто не пребудет. Просто вы можете этого не замечать... вот ты почему удрала?

— меня хотели выдать замуж...

— А кто хотел? Родители?

— Нет... они просто согласились...

— На что?

— На решение жрецов... ой!

— Вот видишь. Жрецы, да?

— Нас всего-то ничего. И у нас есть Храмы и служители Леса, это верно. Но они не управляют, а скорее, советуют.

— ага, знаю я эти советы, из разряда 'только откажись, зарюю!'

— у нас не так...

— А как?

Яна подавленно молчала. А и верно, она никогда не задумывалась о порядках в Лесу, она просто так жила...

Рошер коснулся ее плеча.

— Не расстраивайся. Люди тоже частенько не знают, кто ими управляет. Но у нас, вот, король и его принято уважать. И история действительно...

— Она не могла произойти?

— Еще как могла. Королевская племянница — существо достаточно безголовое, — пожала плечами Аэлена, — это все знают. Но... понимаешь, если бы его величество спустил такое с рук...

— а если решил потом, по — тихому и не поднимая шума? — уточнила Яна.

— Тогда бы Диолат не оставался в столице... хотя... он трайши.

— его смерть вызвала бы слухи и скандал, — по — простому объяснил Рошер.

— или его трепку отложили, или там что-то было, или...

— был кто-то еще? — предположила Аэлена. — Вот если этот мерзавец оказался на посылках у кого-то еще, ему могло сойти с рук. Не до конца, жениться все-таки приказали, так он и тут нагадил...

— И кто это мог быть?

— Расспрошу Эмину, не приключались ли какие смерти среди высокородных, — решил Рошер.

— Нам это поможет?

— Вряд ли... но хоть не повредит.

— Подождите, — вмешалась Яна. — А кто мог приказывать трайши?

Рошер и Аэлена переглянулись. Потом посмотрели на Яну.

— Детка, ты гений, — высказался Рошер. — Действительно, Аэла, ты это змеиное кубло более — менее знаешь? Так кто?

— Таких немного, — Аэлена задумалась. — Диолат достаточно богат, молод, красив, он трайши и не привык прислушиваться ни к кому...

— Те, кто богаче?

— Тогда бы он не был разорен.

— логично, — кивнул Рошер. — А кто еще?

— Ну, члены королевской семьи...

— а их много? — Яна изуччала людей, это верно, но о королевской семье Интара в архивах нархи — ро сведений было мало. В основном, об истории семьи. Но вот что сейчас в ней творится...

— У нашего короля есть четыре сына... было четыре сына! Р — раш!

— А осталось?

— Всего три. Принц Эмитар умер около двух месяцев назад...

— Как раз когда Диолату рекомендовали жениться, — подвел итог Рошер.

Все трое переглянулись.

— А я еще думал, почему слуги *о таком* шепчутся....

— И почему Диолату только погрозили пальчиком, — вздохнула Аэлена. — Если он был просто подручным...

Яна замотала головой.

— Подождите. Эта девочка... королевская племянница?

— Эритель. Ее высочество Эритель. Ты вообще что знаешь о нашем короле?

— Вообще — почти ничего. Знаю о его существовании — и только.

— Ага. Король наш — Таррэн Третий. У него есть жена и было четверо сыновей. Эмитар, кстати, третий по счету.

— А дочери?

— Дочерей нет. Не получились. Но его величество и так супругой доволен. Старший сын, кстати, очень неглупый юноша, весь в отца. А вот Эмитар был тем еще балбесом...

— Аэла, осторожно...

— Рошер, об этом все говорят в открытую. Тоже мне секрет — мальчишка пил, гулял, ходил по чужим постелям, как кот по крышам. А про его пари я вообще молчу.

— Пари? — не утерпела Тайяна.

— Например, на спор прокукарекать в полночь на крыше дворца, или пройти голым по главной площади в полдень.

— А смысл?

— Выигрыш в деньгах или в споре.

— Глупо, — резюмировала Яна.

— Ну, глупо, — согласился с ней Рошер. — Но для Эмитара смысл жизни был в развлечениях...

— И неудивительно, если они сошлись с Диолатом, — Аэлена едва двигала губами.

— А кто еще есть в королевской семье?

— Племянница, вот эта самая Эритель. И племянник от сестры — Мареш.

— А другие родственники... дядюшки, тетушки?

— Они все далеко от столицы. Есть, конечно, но сейчас, думаю, не до них?

Яна кивнула. Нет, не до них. Но вообще, все становилось на место.

— Если Диолат участвовал в играх двоюродных брата и сестры, могли у него остаться документы, свидетели... ну, что-то, чтобы его не пустили в расход?

— Могли, — вздохнула Аэлена. — Диолат — та еще тварь, он и меня подбивал... ладно, это неважно. Но он любил власть над людьми. Когда человек совершает дурной поступок — и попадает от него в зависимость...

— и если бы ты попала...

— сейчас ему не было бы смысла меня соблазнять. Но пара поцелуев, я думаю, не в счет. Даже если он расскажет мужу... Алинар разве что посмеется.

— Ревновать и дурить не будет? — уточнила Яна.

— Не должен. Это ведь было еще до знакомства с ним...

— Мы, мужчины, натуры сложные, — Рошер многозначительно прищурился. — Можем ревновать даже к своей тени...

Аэлена вздохнула.

— Перед мужем я чиста. А если он решит поверить подлецам.... ну, что я могу сказать? Пусть верит.

— оставим эту тему, — вмешалась Яна. — Вот давайте подумаем. Король узнает про игры...

— Инцест, — поправил Рошер.

Яна пожала плечами.

— Это у вас, людей, инцест.

— а у нархи — ро — нет?

— Нас намного меньше, все семьи так или иначе связаны между собой. Жрецы следят еще и за этим, чтобы не было вырождения. Такие родословные древа есть...

— Странные вы...

— Нархи — ро могут жить с людьми, но ребенок может получиться и человеком. И как тогда быть? Бросить его мы не сможем, но и в Лес не приведем. А долго без Леса ни один нархи — ро еще не выдерживал.

— Почему? — Аэлена смотрела встревоженно.

— Не знаю. Так говорят. В архивах, правда, я подтверждений не нашла, но может быть, в Храмовых...

— Как у вас сложно...

— Думаю, у вас в архивах тоже непросто работать. Давайте вернемся к нашей теме? Я так понимаю, что у людей это воспринимается хуже?

— Инцест? Намного. Когда такие близкие родственники... я подозреваю, что принц развратил сестру. Пусть двоюродную, но королю от этого легче не было.

— Сына он приговорил, а Диолата решил отпустить?

— Под честное слово, может, до первой провинности? Аэлена?

— Таррэн не жесток, если вы об этом. Решителен — да. Но вот глупой жестокости в нем нет.

— И все равно было бы проще убить и Диолата.

— а если он не один был? Десяток убивать?

— А почему слухи поползли только о Диолате?

— Потому что он самый заметный? Или остальные оказались умнее и не подставились в момент появления короля? Мы сейчас точно не узнаем, — Рошер махнул рукой. — Может, Диолатом просто прикрыли эту ситуацию. Ну, загуляла девчонка до свадьбы, бывает. Но не с родственником же, а просто — увлеклась? Бывает?

— Может, и так. Нам это что дает?

— А Раш его знает, — вздохнул Рошер. — Разорение Диолата — результат его образа жизни. отъезд из страны — тоже. А вот при чем тут ты, Аэла?

— да чтоб он сдох, этот Диолат! — в сердцах топнула ногой лайри. — Не родившись!

Рошер фыркнул.

— Добрая ты, я всегда это знал. Плохо, что мы не знаем, где искать. Что он мог раскопать о тебе такого, чего не знаем мы?

— Не знаю!

— Значит, будем копать глубже.

— А что еще ты раскопал?

— А еще — у вашей Верюлы есть сообщник в тюрьме. Некто Слива.

— Слива? — Тайяна тут же вспомнила умирающего у нее на руках человека, его шепот 'Слив...'. Оказывается, это человек?

— Вообще, он Такеш Хевон, наполовину мерлорец. А прозвали его сливой за любовь к напитку из той же ягоды и за цвет носа. Работает тюремщиком. Камеры убрать, поесть принести — не стражникам же этим заниматься? Так, вроде, мужик неплохой, но жадный до одури.

— А лет ему сколько?

— Около пятидесяти.

— Давно он работает? — заинтересовалась Яна.

— Да уж месяца три...

— А почему так мало?

— А раньше там старик Димар работал. Но возраст, суставы, болезни...

— Понятно. Надо снять эту Сливу с дерева и тщательно расспросить, — подвела итог Тайяна и потянулась от души. — Может, на боковую?

Аэлена пожала плечами.

— Попробовать можно... если я засну.

— А я Аашу попрошу. Поверь мне — самое лучшее снотворное — это чья-нибудь меховая тушка в кровати, — Яна подмигнула лайри.

Аэлена с сомнением оглядела предложенную 'тушку', которая, вытянувшись в длину, была как бы не больше самой лайри.

— А она меня на коврик не выпихнет?

— Обещаю — не выпихнет. Ааша хорошая. Она у тебя в ногах поспит...

— Ну... можно попробовать.

* * *

— говоришь, Термалис Вельт? — Гарт смотрел на пойманного мерзавца с улыбкой голодной акулы. — Как замечательно! И что же тебе понадобилось в моем доме?

— К любовнице шел.

— Да? И к кому?

— К Арне Райс.

— Кому — кому?

— Армина Райс, сказала, что в этом доме работает. Заходить приглашала.

— Как мило. А выглядит она как?

— Ну... эта... Темненькая такая, полненькая, хохотушка...

— Высокая или низкая? Глаза какого цвета? Во что она была одета, когда назначила тебе свидание? Где это было? Кто вас видел?

Вопросы посыпались из Гарта с громадной скоростью. Мужчина потряс головой, ожидаемо запутавшись еще на пятом.

— Ты... погоди...

Гарт усмехнулся.

— Врешь ведь, тварь такая!

— А ты меня в стражу отдай!

— еще чего!

Кляп вернулся на место, а Гарт принялся объяснять ситуацию.

— Я тебя, тварь такая, на кусочки покромсаю и свиньям скормлю. За племянников — не жалко. Если б с их голов хоть волосок упал....

— Да не хотел никто твоих щенков тронуть...

— а чего хотел?

— просто дом подпалить. Не знал я, что они здесь, Четырехликим клянусь!

— Неубедительно. С чего это ты меня подпалить решил? Где я тебе дорогу перешел, а, пузырь?

— Сам ты...

— я. Но молоток у меня.

— Попался б ты мне... — пухлик с ненавистью уставился на Гарта.

— Скажи, где живешь, я твой дом подпалить приду.

— не твое дело!

— Мое, мальчик, еще как мое. Ты рассказываешь, кто тебя послал — или я продолжаю свое дело?

Профессионалом Гарт не был и о работе палача имел самое общее представление, но с проблемой справился. Блондин заговорил после еще одного сломанного пальца.

Его зовут Термалис Вельт. И у него есть жена.

Верьола Вельт.

Любимая, обожаемая, очаровательная, обаятельная и самая лучшая женщина на свете. Почему она до сих пор не королева? Ну, король ее просто не видел, а то бы точно женился. И не видать бедняге Терму счастья.

Верьола — собрание всевозможных достоинств. Она умна, красива, великолепно поет, отличная хозяйка и недавно родила супругу сына. Но...

Даже на солнце бывают пятна.

В прошлом женщины есть маленькая тень. Даже не тень, это громко сказано. Так, мелкая щербинка, из-за которой семья не может быть идеально счастливой. Давным — давно, уже лет пятнадцать назад, Верьолу очень сильно обидели.

Ее выгнали из дома, после этого ее отец спился, а мать сильно заболела. Сама же Верьола вынуждена была за медяки мыть полы у чужих людей. Кто сотворил такую мерзость?

Ее двоюродная сестра Аэлена.

Вот эту-то мерзавку и негодяйку Верьола и увидела недавно на улице. Женщина проплакала чуть ли не сутки, муж был в ужасе и попробовал вытянуть подробности, Верьола сначала отмалчивалась, не хотела объяснять ничего, но потом разговорилась. И рассказала все любящему супругу.

Дальше?

Жену Термалис любит до безумия. А потому решил свести счеты с мерзавкой Аэленой. Она выгнала ешо женушку из дома — так пусть и она сама дома лишится!

Откуда он взял адрес?

Верьола проговорила.

Дети? Нет, про детей ничего не знал, хоть где поклянется, хоть чем. У самого сын, так что... Детей он не тронул бы.

Аэлена? Да он ее ни разу в глаза не видел, этот адрес ему сказала Верьола. Откуда она знает?

Вот этим вопросом Термалис не задавался.

Гарт смотрел на парня и думал — он дурак или как? Ему тут наплели с три короба небылиц, а он мало того, что поверил — так еще и мстить поперся!

— Ясенько. Где найти твою Верьолу?

— не скажу.

— Скажешь. Только будешь в таком виде, что тебя придется в распыл пустить.

Термалис побледнел, но держался стойко.

— Не скажу. Там и мой ребенок, между прочим...

— да сдался мне твой щенок, — фыркнул Гарт. — я с женушкой побеседовать хочу, что там за история такая... выгнали ее! Ха!

— Что — ха!?

— Да я Аэлену уж сто лет знаю, с тех пор, как она замуж за моего брата вышла. И могу тебя заверить — она и мухи не обидит.

— Жена мне лгать не стала бы!

— Вот она мне и нужна. Пусть поговорят с Аэленой, разберутся во всем...

Термалис замолчал. Потом решился.

— Мне надо это обдумать.

— Сроку тебе до утра. Потом либо я еду за Вериолой — либо не обессудь. И помни — у тебя сыню

Термалис ответил оппоненту ненавидящим взглядом, но что еще он мог сделать?

Да ничего.

Только размышлять до утра. А Гарт вышел, крепко запер дверь — и решил отправиться к Аэлене. Неважно, что уже глубокая ночь. Тут дело такое... можно и разбудить родственницу.

* * *

Аэлена уже спала, а вот Рошер и Яна сидели в гостиной. Чертили схемы, пытались разобраться... увы. Так или иначе — выходило, что надо брать эту 'Сливу' и допрашивать. Без этого найти Вериолу или кто там отравитель, возможным не представлялось. Но ладно — они полуночники. А Гарт?

Визит лойрио стал для друзей неожиданностью.

— Вы что тут делаете? — невольно вырвалось у Яны.

— А вы? — не остался в долгу Гарт.

— Сидим, думаем.

— Да неужели? — Гарт мигом охватил взглядом всю картину. Сосуд с леанти, пустые чашки, кучу исчерканных листков, изгрызенное перо в рууках у Тайяны... — И над чем вы так ожесточенно размышляете?

— Да есть уж над чем. А вам почему не спится?

— А потому, деточка, — Тайяну аж передернуло от этого обращения, — что мой дом пытались поджечь. Мерзавца я поймал, но тееперь мне нужна Аэлена.

— Она только недавно легла. До утра этот гад не подождет?

— в подвале он сколько надо подождет, — отмахнулся Гарт. — Но... хотелось бы знать, что там за история с лишением дома некоей Вериолы.

— Кого!? — Тайячна чуть не взлетела над стулом.

— Вериолы Вельт.

— Ве...

— Вельт? — перебил Тайяну Рошер. — Минутку, а откуда вы знаете ее фамилию?

— Муж назвал.

— Муж?! Терм?!

— Ну... наверное. Термалис Вельт сейчас сидит у меня в подвале.

Яна взвизгнула — и повисла у Гарта на шее. Мужчина так растерялся, что даже не сообразил стряхнуть нахалку.

— Я вас обожаю!

— Эй... ты это... слезь с меня! — от неожиданности лойрио стал заикаться не хуже Термалиса.

Яна послушно расцепила руки.

— Эта тварь и правда у вас!?

— Термалис? Да...

— А Вериола!? Где она?!

— Пока не знаю. Так что там за история? Аэлена...

— А вот ее будить не обязательно, — вмешался Рошер, до того с интересом наблюдающий за представлением. — И я, и Яна в курсе дела. Думаю, Аэла будет не против, если мы вкратце расскажем вам, все равно Термалис нам нужен...

— Слушаю? — устроился в свободном кресле Гарт. И был вознагражден кратким пересказом истории Аэлены. После чего серьезно задумался.

Яна и Рошер не мешали. Пусть поразмыслит, уложит все в голове, а уж потом...

— В этой истории все как-то сложно, — наконец разродился лойрио. — Аэлена... я не думал, что она так может.

— а вы о ней вообще — думали? — ухмыльнулась Яна. — Или попросту — женился брат — и женился, невестка сопли рукавом не вытирает, значит, все в порядке?

— тебя забыли спросить, — огрызнулся Гарт.

— Ну, спросите.

— Хватит ссориться, — оборвал оцетинившуюся Яну Рошер. — Лойрио, семейные дела — это всегда сложно, противно и неприятно. Сами знаете.

Гарт задумчиво кивнул.

— Да уж догадываюсь. Что вы хотите делать сейчас?

— С утра поедем к вам, расспросим Термалиса, найдем Вериолу и оторвем ей голову, — высказалась Яна.

— Неплохая идея, — согласился Рошер. — лойрио?

— Гарт.

— Простите?

— Зовите меня Гарт.

— хорошо, — Рошер потрянул волосами. — А может, отправиться прямо сейчас?

— Я Аэлу одну не брошу, — Яна замотала головой. — А если это специально, чтобы нас выманить?

— Вериола?

— а мы знаем, сколько их — и кто? Вериола — просто одна веточка, а дерево, мне кажется, куда как серьезнее.

С этим мужчины согласились. Яна посмотрела на них.

— Тогда я пошла спать. Завтра будет тяжелый день.

И прежде, чем мужчины хоть что-то сказали, вышла из комнаты. Рошер покачал головой.

— Нархи — ро... этим все сказано.

Гарт задумчиво кивнул. Не люди. Нархи — ро...

* * *

Утром в дом Гарта отправились четверо. Аэлена и без завтрака бы, и бегом побежала...

Когда она услышала про поджог, ей чуть дурно не стало.

— да что ж такое! Вот сука!

— одна ли, — вздохнула Тайяна.

— А с кем еще?

— а вот и не знаю. Поехали, расспросим Термалиса.

В подземелье Яна оценила сломанные пальцы узника, его понурый вид и довольно улыбнулась. Сочувствовать?

Было бы кому!

Еще по письмам к Льяне она поняла, что Термалис ума невеликого, чем и пользовалась в свое удовольствие Вериола. Только вот... сотни и тысячи живут дураками — и ничего! Ни преступления не совершают, ни в мстители не рвутся. А этот...

И все равно не удержалась.

— Я читала, что у людей мужчина глава семьи, а тут...

— Мужчина — голова, а женщина — шея, — Рошер дернул нархи — ро за волосы. — Куда одна, ттуда и другая.

— Забавно.

Аэлена не тратила времени на разговоры. Она подошла к Термалису и уставилась ему в глаза.

— Я — лара Аэлена Авельен. Это моих детей вы хотели сжечь.

— Неправда, — огрызнулся Термалис. — Только ваш дом.

— Что вы знаете обо мне — и Вериоле?

— Вери мне все рассказала. Как вы выгнали детей из дома, как они скитались, голодали...

— Да неужели? — В голосе Аэлены явственно прослеживалось ехидство. — Их не выгнали из дома, а вежливо попросили освободить дом моей бабушки и деда. Это первое. И второе. Они ушли не с пустыми руками. У бабушки были драгоценности, кое — какие сбережения... были! Про это Вериола промолчала?

Термалис сверкнул глазами.

— Да вы теперь что хочешь наговорите...

— А зачем мне лгать?

— А Вериоле зачем?

— Потому что вы не полезли бы защищать ее, знай всю историю. Почему она не пришла ко мне? Не потребовала справедливости у градоправителя?

— С знатным не рядись, с богатым не судись. Вы ж лара, а я — обычный сар. И Вери — простая кайта.

— Закон одинаков для всех.

Прозвучало неубедительно. Аэлена вздохнула.

— Я даю слово, что не причиню вреда вашей жене. Но хочу ее видеть. Где я могу ее найти?

— Я вам не верю.

— Да и не надо. Термалис Вельт — этого хватит. Пойду в управу, да расспрошу, — усмехнулся Рошер. — и где живет, и с кем живет — мигом все выложат.

Термалис выругался.

— Речь идет только о добровольной помощи, — усмехнулась Яна. — теперь мы ее все равно найдем, просто чуть раньше — или чуть позже.

— ищите, — огрызнулся Термалис, глядя в стену.

Яна посмотрела на Рошера.

— Я могу попробовать его допросить. Но... есть вероятность, что он сойдет с ума.

— Отчего? — заинтересовался Гарт.

Яна достала из кармана перо и принялась бесцеремонно тыкать в Термалиса.

— Вот здесь, здесь и здесь у человека расположены такие точки... если в них втыкать иголки или еще как-то воздействовать — он будет испытывать страшную боль. Кошмарную. Но если перестараться — может и сойти с ума. Так тоже бывает.

— интересные знания. Это в архивах нархи — ро?

— Люди и нархи — ро когда-то воевали, — пожала плечами Яна. — Наверное, в ваших архивах тоже есть что-то такое.

— Воевали? — удивился Гарт.

— Очень давно. Мы еще летать умели... это несколько тысячелетий тому назад. Так мне его пытаться?

— я думаю, он сам скажет адрес. А если нет — на здоровье. Можешь на нем потренироваться. Где захоронить эту тушу — я найду, а жалеть этого... пузыря не стоит. Он детей не пожалел.

— не знал я про детей! Сколько повторять!?

— В Вороньей слободке. У нас там домик, такой, с голубой крышей и ставнями.

— Воронья слободка? — Яна город знала плохо.

— Там скотобойни рядом, — пояснил Рошер. — Воронья полно...

— Подходящее место для такой, как Вериола, — Аэлена пожала плечами.

— Попридержите язык, лара, — оскорбился Термалис.

— Это не оскорбление. И — я ее не трогала.

— И не тронули бы?

Аэлена покачала головой.

— Побрезговала бы.

Дальше Яна уже не слышала. Она потянула за рукав Рошера.

— может, тебе смотаться в стражу и оттуда в слободку?

— Думаешь, надо в стражу?

— Уверена. Вам с Гартом.

— А он — зачем?!

— Вот считай. Арестовать Сливу — раз?

— Согласен.

— Найти и задержать Вериолу, доставить ее сюда или еще где допросить... Два?

— Два.

— А есть и кто-то, с кем связана Вериола. Наверняка. Нам же не разорваться? Требуется стража, определенно.

— Мы съездим, — Гарт вышел из подвала и стоял рядом с нархи — ро на лестнице. Даже находясь на две ступени ниже, он смотрел на нархи — ро чуть свысока. — Я сам поговорю с начальником стражи — и пусть попробует отвертеться.

Тайяне стало искренне жалко сара Шойса. А может, и поделом?

* * *

Сар Карен Шойс очень вовремя позавтракал, потому что визит Гарта и Рошера надолго лишил его аппетита.

— Где Такеш Хевон?

— У него сегодня выходной. А зачем он вам нужен, лойрио? Сатро?

— Я подозреваю, — по уговору, давил и требовал Гарт, а Рошеру была отведена роль или молчаливого сопровождающего, или уговаривающего Гарта не гневаться друга — что будет удобнее, — что он отравил человека, который покушался на мою невестку.

— Покушался на лару Аэлену?

— Да.

— Итак?

— У него выходной, но он живет на улица Пляшущих ламп. Можно послать за ним.

— Пошлите. И заодно — еще человека четыре в Воронью слободку.

— а там...

— Тем есть некая Вериола Вельт. Вот ее надо сюда доставить.

— Зачем, лойрио?

— Потому что она покушалась на лару Аэлену.

— Ничего не понимаю...

— Сар Карен, вы пошлите людей, а я вам пока все объясню, — Гарт удобно устроился в кресле и Рошер даже позавидовал. Вот ему так никогда не сделать. Шойс сейчас бы на него так орал, что со стен штукатурка пооблетала бы. Но где богатый лойрио — и где он?

Шойс повиновался, вызвал дежурный десяток и отправил по нужным адресам, а сам повернулся к Гарту и изобразил внимание.

— Слушаю.

На изложение истории ушло не меньше часа. И все это время Рошер прислушивался и поглядывал в окно. Но пока все было тихо и мирно...

Где же они?!

Сар Карен только головой качал, слушая Гарта. А потом вздохнул.

— Знаете, лойрио, я рад, что вы не заподозрили в происходящем — меня.

— Если бы это были вы — у Аэлены не было бы шансов, — пожал плечами Гарт.

Ага, — усмехнулся про себя Рошер. — Скажи уж честно, нехватка мозгов сара Карена известна всему городу. Но сейчас это скорее, плюс.

— надо доложить градоправителю.

— Сар Карен, а о чем? О покушениях на жену моего брата? Так первым вопросом будет — что вы сделали, чтобы найти негодяев? А мы что скажем? Давайте уж найдем кого-нибудь, а потом и отчитаемся?

Рошер ухмыльнулся уже в открытую.

Ну да, сар Карен перед начальством землю хвостом мел и пресмыкался, как мог. И градоправитель — спросит, кто бы спорил. Градоправитель-то как раз был умный, а начальника стражи такого держал, чтобы удобнее было свои делишки обстряпывать.

Стражники знали, но не лезли. Высокородные разберутся, а кто виноват останется?

Так что все сидели и ждали. Попивали вино, разговаривали то про Аэлену и покушения, то опять на нейтральные темы... пока в комнату не втолкнули невысокого толстенького типа со связанными за спиной руками.

Рошер подумал, что Слива — это то прозвище, которое нужно. Невысокий, кругленький, темноволосый, с сизоватым носом любителя алкоголя и неожиданно красивыми карими глазами в обрамлении густых ресниц, Такеш выглядел очень уютно. Этаким плюшевый мишка, детская игрушка...

— Хевон! — ухмыльнулся сар Шойс. — радость-то какая!

Увы, это была единственная радость, потому что Верюлы дома не оказалось. Рошер переглянулся с гарту.

— Мы идиоты. Он нарочно тянул время, надеясь, что жена поймет и удержит.

— Впредь умнее будем.

— ага, если это 'впредь' еще будет. И эта сука не доберется до Аэлены, — не согласился Рошер.

Гарт коротко выругался — и подошел к Такешу.

— Ты. Знаешь, кто я такой?

— Нет.

— Лойрио Гарт Авельен.

— Рад знакомству, лойрио.

— А ты — сар Такеш Хевон, правильно?

— да, лойрио.

Мужчина отвечал спокойно, без особого подобострастия, словно не был ни в чем виноват — и это раздражало. Так что Гарт, без особых раздумий, размахнулся — и въехал ему кулаком в живот.

Такеш согнулся вдвое с таким звуком, словно из него в один миг весь воздух выдавили. Впрочем, это было недалеко от истины.

— Лойрио, — поморщился сар Шойс, но и только-то.

— Где Верьола? — в лоб спросил Гарт.

И удостоился плевка на сапог. После чего этим же сапогом подсек Такеша под колено, уронил на пол (связанного-то — да без особых усилий!) и надавил ему сапогом на горло.

— Ты, ..., кое — чего не понимаешь. Ты у меня сейчас мучительно сдохнешь при попытке к бегству.

— Сар Шойс! — воззвал Такеш к своему начальнику.

Карен Шойс осмотрел свои ногти.

— лойрио Гарт, вас не затруднит убивать его как-нибудь почище? Супруга лично выбирала для меня этот ковер и будет очень недовольна, если я его испачкаю.

— Разумеется, сар.

Гарт ухватил Такеша за шиворот и поволок к окну.

— как ты думаешь — если я тебя выкину на мостовую? Головой вниз? Сразу сдохнешь — или помучаешься?

— А ведь может и не повезти, — Рошер подошел с другой стороны и ухмыльнулся. — Если сломаешь позвоночник — и будешь только лежать и гадить под себя. И более ничего. Нравится?

— А можно и доломать, если что. А потом выкинуть. Рош, где там надо что сломать?

Рошер надавил Такешу на то место, где шея переходит в спину.

— Лучше — здесь.

— А чем?

— А чем хочешь. У меня, вот, хорошая дубинка есть.

— Тогда лучше ему сначала руки и ноги переломать...

Долго ломать Такеша не потребовалось — не герой. И через десять минут все трое слушали простую историю.

Такеш Хевон знал Вериолу. Давно знал, еще с каравана. В город они прибыли примерно в одно и то же время, а в караване...

Ну, было. И что? Вы вообще мужа несчастной Вериолы видели? Это же хамло! Быдло!

И к жене он относится, как к своей собственности! А Вери такая умная, тонкая... несчастная. Как не пожалеть бедолажку?

Рошер только головой покачал. Профессиональная несчастная?

Да, встречались ему и такие. И часто. Если нахмурилось небо — погода ужасна, если порезала палец — смертельная рана, а если потеряла медяк — разорение. Знаем — знаем.

А что самое интересное, им ведь верят! Хотя бы сначала!

Верят, помогают, дают денег... потом, конечно, прозревают, но отделаться от пиявки практически невозможно. Чревато ссорой и серьезной порчей репутации. Она ж бедная и несчастная, как вы можете ее гнать!?

Как-как, да сами поймете! Когда побываете в роли жертвы пиявки!

Судя по всему, Вериола была именно из таких жертв. После устроенного Финаром и Аэленой, веселой семейке пришлось туго. Но если Лидас как-то справился и живет, пусть и не лучшим образом, то Вериола решила нещадно эксплуатировать свое несчастье. И всем встречным пела одну и ту же песенку, различался лишь припев.

Рошер подумал, что Аэлена никогда не жаловалась. Даже в те дни, когда у них с матерью на хлеб не было. Стискивала зубы и работала, пусть за гроши, но — сама и честно.

Вот так и поверишь в вырождение рода.

Как и Термалис, Такеш попался на несчастные глазки Вериолы. Только вот...

Он никого не убивал! Вообще!

Тот 'наездник'? Ну, был такой? И что?

Честное слово, он ему ничего не давал! Вообще!

— Врешь! — рявкнул Гарт.

— Четырехликим клянусь!

— все равно врешь! Думаешь, не поймут!?

Рошер прищурился.

— может, его в подвал? В пыточную?

Вот это Термалису не понравилось.

— я... вы...

— еще как посмеем, — ухмыльнулся Гарт. — Ты пойми, брат и племянники для меня много значат. А сегодня супруг твоей нежной лилии пытался поджечь мое поместье.

— А...

— а племянники как раз были у меня. И ты думаешь, я тебе ноги не переломаю? Да еще как! Медленно ломать буду, ногти драть и с бо — ольшим удовольствием.

Правду сказать, Гарт выглядел в этот момент так, что Рошер ему и сам поверил. Лицо исказилось, верхняя губа вздернулась, обнажая клыки, голос почти перешел на рык, глаза сузились... Рошер бы поостерегся злить лойрио в этот момент. Придавит ведь! Если потом и пожалеет, так ведь — потом!

— она говорила, там капли забвения!

Хевон тоже дураком не был.

Или...?

— Капли — чего? — с непередаваемой интонацией уточнил Гарт.

— Забвения!!!

— Рош, такие существуют?

— Якобы... — Рошер прищурился, выдавая одно из воровских поверий. — говорят, что проведя ритуал на кладбище, можно вызвать из-под земли источник мертвых и набрать из него воды. Капля — и ты забудешь вчерашний день, две капли — прошедший год, а три — всю свою жизнь.

— Это правда?

— простонародный бред, — пожал плечами сар Шойс, уставший от роли статиста в своем кабинете. — во что только эти глупцы не верят!

— надо спросить у Яны, — более дипломатично отозвался Рошер. — Она наверняка знает, девчонка — ходячая библиотека.

— да неужели?

— Когда вся семья — хранители знаний в нескольких десятках поколений... она упоминала, что читать научилась раньше, чем ходить.

— женщине вредно много читать, потом мужчине сложнее ее обмануть, — протянул Гарт, небрежно потряхивая Такешем Хевоном. — Значит, капли забвения, ты, ошибка пьяной повитухи?

— Да! — истово закивал Такеш! — я ее любил, верил...

— а сейчас разлюбил и понял, что тебя враньем кормили?

Судя по лицу мужика — ДА! Лишь бы живым отпустили, а уж он что хочешь подтвердит!

Гарт выпустил его ворот и брезгливо вытер руку об штаны.

— А мокрый весь... фу!

— Л — лойрио...

— Она дала тебе капли. И ты их вылил...

— в воду того типа...

— и сколько их там было? — Рошер не утерпел и вставил свои пять медяков.

— Пуз — зырек...

— А он ничего не забыл. И ты догадался, что там — яд?

Судя по лицу бывшего тюремщика — да. Догадался. Но к начальству не побежал и Вериолу не выдал.

Сар Шойс покачал головой.

— Каторга. Как минимум — лет пять.

— И поделом, — фыркнул Гарт. — опиши мне капли?

— Яна их уже опознала.

— а пузырек? Может, он как-то необычно выглядел?

Рошер с уважением посмотрел на лойрио. А ведь и верно...

— Н — нет. Самый обычный пузырек, стекло темное...

— Где он?

— В — выкинул.

— Раш!

С другой стороны, мало ли где Вериола взяла яд? Вовсе необязательно, что его сделал друг. Такие вещи можно купить при должном старании и желании. А тут явно было и первое, и второе...

— Ясненько. Где она еще может быть, если не у тебя?

— не знаю! Четырехликим клянусь — не знаю! Да чтоб мне все посмертия у Раш проводить, если лгу!

Выглядел мужчина очень искренне.

— а если мы тебя на пытку?

— Не надо!!! Не знаю я!!! Ей — богу, не знаю!!!

Такеш только что соплями не заливался. Гарт смотрел брезгливо, Рошер отстранено. Тварь?

Да еще какая! Но ведь опасная ж! Промолчал он про убийство? Еще как! И еще промолчал бы, если бы не прижали!

— Что ты можешь еще рассказать о Вериоле? Возможно, она о чем-то говорила, делилась планами? — Рошер спрашивал чисто для проформы. Но мало ли? А вдруг? — Учти, совершь сейчас — точно пойдешь на пытку.

— так может его и просто... — сар Шойс то ли подыгрывал, то ли говорил всерьез?

— Ну, если он расскажет что-то интересное...

— Она ее ненавидела!!!

— кого?

— Лару Аэлену! Вериолу аж всю корежило при одном слове!

— Это неинтересно.

Такеш выдохнул. И попробовал сформулировать точнее.

Ранее Вериола просто тряслась от ненависти, говоря об Аэлене. До белых глаз двоюродную сестру ненавидела, до стиснутых кулаков... убила бы! Но попасться девушке не хотелось. Так что все ограничивалось планами. А вот около сезона назад....

— Сезона назад?

— да, где-то так. Чуть больше, чуть меньше...

— примерно в это время и начались покушения на Аэлену, — вслух задумался Рошер. — Простите, лару Аэлену. Откуда ж у нее деньги?

— Кое — кого она и без денег могла, — Гарт прищурился. — Подбиралась, окапывалась, искала ходы — и решила атаковать.

Рошер вздохнул.

— Не знаю, не знаю... ты Вериолу знаешь лучше нас. Она — осторожная?

— Жуткая трусиха, — согласился Такеш. — Семь раз пальчиком воду попробует, а потом глоток сделать рискнет.

— Вот. А тут вдруг ее сорвало? Должна, обязана быть причина, но мы ее не знаем. Хевон...

— она ничего не говорила! Но....

— Но?! — насторожился Гарт.

— Иногда у меня было такое впечатление... знаете, как бабы себя введут, когда что-то знают о сопернице, или...

Мужчины переглянулись.

— Сезон назад?

— ну да.

То есть сезон назад у Вериолы появилась какая-то тайна. И начались покушения. Странно как-то...

— А не намекала? Ничем? Никак?

— говорила нечто вроде 'многим же эта сука...' простите, лойрио!

Гарт только рукой махнул.

— Многим же эта... женщина насолила.

— Без имен?

— Да. Но Вериола считала, что лара Аэлена заплатит. Если раньше она мечтала, понимаете?

Мужчины понимали. Это как диадема с бриллиантами. Мечтать-то о ней можно, и даже сходить примерить. А вот купить — другое. Но если тебе пообещали денег... пусть не сразу, чуть позднее, но ты твердо уверена, что их получишь — дело другое.

— А вот теперь она была уверена. Твердо.

— Значит, появился кто-то еще, — задумался Гарт. — Знать бы — кто?

— Это мы еще подумаем.

Определенные догадки у Рошера были, но пока он предпочитал молчать. Не при Хевоне же и не при Шойсе! А вот дома они сядут вместе с Яной и Аэленой — и крепко подумают. Кажется, Гарт это тоже понял, потому что посмотрел на Хевона.

— И все?

— Вроде да...

— а деньги у нее не появлялись?

Рошер хлопнул в ладоши. Сар Шойс умудрился попасть в яблочко. То ли начальник стражи не такой дурак, то ли они тупицы! А ведь и верно! Ищите деньги!

— Были, сар! Она часто на мужа жаловалась. Не приносит денег, глуп, неуклюж... а потом перестала. И платя у нее другие появились, подороже, и браслет...

— Браслет?

Ну да. Такеш видел пару раз на Вериоле дорогой золотой браслет. Тяжелый такой, но равно годный и для мужской и для женской руки. Долго ли Вери его носила? Нет, пару раз всего и надевала, и то — к любовнику. Значит, не муж купил.

А откуда?

Не говорила. Улыбалась загадочно...

Клейма? Эмблемы? Да помилуйте! Красивый такой браслет, золотой, с эмалью в виде цветущих яблоневых ветвей, но и только. Кто там из мужчин будет искать клейма ювелира? Но работа тонкая, это видно. Не портовых мастеров, такое разве что в столице сработают.

Гарт и Рошер переглянулись.

— А может, и вообще Къянти или Равха...

— может... только браслет — или что еще? Серьги, кольца?

Вот этого не было. Или Таакеш не видел.

Что-то еще?

Нет, вроде как внимания не обратил.

Мужчины переглянулись — и Гарт посмотрел на начальника стражи.

— Сар Шойс....

— Посидит у меня в камере, как миленький, никуда не денется. Вот поймаем эту тварь — тогда и допросим обоих, — понял ситуацию начальник стражи.

Такеш попытался рухнуть на колени, но вызванные начальством стражники молча выволокли его за дверь. Сар Шойс посмотрел на Гарта и Рошера.

— Что делать будете, лойрио?

— Искать эту негодяйку.

— Вы всегда можете рассчитывать на содействие стражи.

— Благодарю вас, сар.

Мужчины раскланялись и отправились домой. Ну... не без успеха, но к сожалению, Вериолу не нашли ни у нее, ни у любовника. Куда-то она подевалась вместе с ребенком. А вот куда?

Это предстояло еще выяснить.

Женщины не больше обрадовались известиям.

— Куда же она могла скрыться? — Аэлена заломила руки. — Я с ума сойду! Раш, у меня же дети!

— Успокойся, Аэла, — Рошер приобнял ее за плечи и усадил в кресло. — Водички выпьешь?

— Себе ее за шиворот налей!

— Запросто. А ты успокоишься?

— ох, Рош...

— Вот. Сиди и думай. Яна?

— Готова и слушаю, — нархи — ро с удобством устроилась на подлокотнике кресла Аэлены — и отлично себя чувствовала. Свесила одну ногу, согнула в колене другую, поставила на нее подбородок и при этом отлично сохраняла равновесие. Ну да, крылатая раса, им без этого никак.

— примерно сезон назад Вериола получает откуда-то деньги и надежду на месть.

— А покушения начинаются...?

Аэлена задумалась.

— Когда зашили веревку — я не знаю.

— ладно. Это пока пропустим. Лошадь?

— Примерно две луны назад.

— Подходит. А активизировалось все сейчас. Наездник, змея, поджог...

— Вопрос — почему?

— да все просто, — Яна смотрела чуть снисходительно. — Вот порча — это чисто бабская месть. Вполне возможно, что кто-то из женщин в доме помогает Вериоле. А вот остальное...

— коня просто так не испортить, — задумчиво пробормотал Гарт.

— Вот. И наездника этого нанять надо было, не за спасибо ж он работал?

— Во — от... То есть откуда-то у нее появляется сообщник — и деньги.

— Думаю, что денег у нее не появилось, — Рошер качнул головой. — Украшения — да.

— Украшения?

— Хевон назвал эмалевый браслет. Золото с эмалью в виде цветущих яблоневых ветвей.

Аэлена вскинула брови.

— Дорогая, должно быть, вещь?

— Ну...

Лара покачала головой.

— Мальчики, вы — неженаты. Гарт, не поднимай бровь, ты тоже своим женщинам такие дорогие подарки не делаешь.

— Хевон сказал, что браслет был бы и на мужскую руку...

— С цветущими яблонями? Символом нежной любви? Гарт, ты бы такое надел?

— Нет!

— Вот и ответ. Это женский браслет.

— Но это нам ничего не дает, — Яна покрутила выбившийся из косы завиток на пальце, отпустила прядь — и та подскочила пружинкой. — Браслет мог быть матери. Или заказан для невесты. Или...

— Диолат? — произнесла Аэлена странно изменившимся голосом.

— Почему сразу он?

— а кто?

— Аэла, это не аргумент, — покачал головой Рошер. — Я бы и сам мерзавца в Разлом спустил, но... ему тебя не убить, а поймать нужно.

— или напугать, — Яна говорила сдавленным, странным тоном. — Напугать так, что Аэлена бросится к нему за защитой и помощью.

— А дети?

— А ему нужны ее дети?

Об этом мужчины не подумали. Но...

— Все равно — неубедительно.

— Браслет — да еще такой, дорогой подарок. И один его не дарят, — медленно заговорила Аэлена. — Это была мода, примерно полгода назад. Гарт, ты не обращал внимания?

— Нет...

Что верно, то верно. За модой лойрио не следил, справедливо полагая, что одежда должна быть удобной и хорошо сидеть на теле. А кант там в шве или тесьма, одна оборка или две, пышные рукава или узкие...

Оставим это дамам. Портной знает, что шьет — и этого достаточно. Главное, чтобы требования клиента удовлетворялись.

— Среди женщин. Все с ума посходили по комплектам с эмалью... подождите пару минут! Я сейчас!

Аэлена подскочила, едва не наступив на хвост Ааше, и вылетела из комнаты. Чтобы вернуться буквально через две минуты с большой шкатулкой.

— Вот!

Из нее появился мешочек синего бархата — и из мешочка безжалостно были вытряхнуты на стол несколько предметов. Тайяна присвистнула.

Ювелиром она не было, среди нархи — ро это вообще было не слишком популярное дело. Ну

откуда в Лесу золото и драгоценные камни? И к чему они там?

Смешно...

Но даже она могла оценить тонкость работы.

На столе лежали колъе, браслет, серьги и кольцо. Колъе — три соединенных между собой пластинки, с тонкой цепочкой сзади, браслет — небольшие пластинки на цепочке, серьги и кольцо — большое, почти перстень. Комплект был выполнен из белого металла и украшен эмалевой росписью в виде цветущей сирени. Белой, розовой, сиреневой — над рисунком явно поработал мастер.

— Вот! Это мне Алинар подарил!

— красиво...

— О цене — молчу, — Аэлена тряхнула волосами. — Но мне хотелось, а Лин очень внимательный. Он этот комплект в столице заказывал, у ювелира Кархена!

— Равха? — уточнила Яна.

— Да, а откуда...

— Стилизация, — Яна пожала плечами. — искусство разных народов — разное. Мы рисуем сирень так, вы иначе... это видно. Я читала. Видите вот эти завитки? В углу пластинок?

И верно, уголки пластинок были украшены легким чеканным орнаментом. Он казался продолжением цветущих веток, сливался с металлом, почти не замечался, но — был!

— И — вот.

Яна перевернула браслет и скользнула пальцами по полировке.

— Если бы он был къянти — не полировал бы внутреннюю часть металла. Они делают нечто вроде узора волнами...

— Откуда ты все это знаешь? — не выдержал Гарт. Яна посмотрела на него с удивлением.

— Моя семья хранит знания на протяжении веков.

— И что?

— Каждого ребенка обучают так, чтобы ремесло семьи не пропало.

— но ты же выйдешь замуж...

— Верно. Но у кого-то из моих детей может проявиться склонность к моему делу. Или — бывало и такое, нархи — ро гибли. Пусть мои родители еще тысячу лет не войдут в Вечный Лес, но случись что — мне придется заменить отца в его деле. Как же я могу не знать?! Это позор для моего рода!

Люди переглянулись.

— Наследница дела? Как у купцов?

— Да, пожалуй, — Яна не обиделась неосторожно подобранному сравнению. — Это бывает. Я много читала и многое учила. Просто чтобы знать... мы умеем работать и систематизировать знания. Сложно запомнить кучу несвязанных между собой фактов, но если уложить их правильно...

У людей не осталось сомнения, что нархи — ро это умели.

— Понятно. Интересно, а браслет был сделан тем же мастером? — задумалась Аэлена.

— Мы же его не видели, — развел руками Рошер. — А со слов Хевона — вещица дорогая.

— Но такое делается комплектом. И дарится. Золото, яблони... помолвка? Свадьба?

— Или не дарится, если помолвка расторгнута. Ты об этом? — подсказала Яна.

— Ну да!

— Ладно, — Рошер поднял руку. Упорство своей старой знакомой он отлично знал. — Давайте подставим Диолата в наше уравнение. Есть неизвестный.

— Он — единственный, кто появился в моем окружении из прошлого, — загнула палец Аэлена.

— Ты ему зачем-то нужна, — поддержал Рошер.

— Если он доведет тебя до сумасшествия, чтобы ты кинулась ему на шею... — вставила свои пять копеек Яна.

— и избавится от моих детей. Они-то ему не нужны.

— у него расторгнута помолвка, на которую он мог заказать браслет.

— Кстати, — Аэлена прищурилась, — это в его духе. Лин более утончен, а Диолат, хоть и трайши, любит все яркое, блестящее, вычурное... что та сорока!

— У него плохо с деньгами, а потому он мог отдать браслет своей сообщнице, — припечатала Яна.

— глупости.

Гарт смотрел насмешливо. И получил в ответ три негодующих взора.

— Почему?!

— Потому что вы подгоняете факты под гипотезу. Ну, не нравится вам Диолат, мне он тоже не нравится. Но что у вас есть на него в самом деле? Кто там ваша Вериола? Прачка? Кухарка?

— Эммм...

А вот над этим вопросом никто не задумывался.

— Жена стражника, которая сидит дома.

— Ну да, трайши только и смотрят на жен стражников. Вот целый день по их домам ходят и выглядывают.

Рошер фыркнул. И верно, вряд ли...

— Если она пошла в мать, могли и так познакомиться, — не уступила Аэлена. — Разборчивостью Диолат никогда не страдал, а Вериола обещала быть симпатичной.

— Хорошо. Пусть чудо случилось.

— они могли познакомиться и Вериола спела ему песенку про меня и свое несчастье, — Аэлена пожала плечами.

— А ты Диолату рассказывала свою версию истории?

— Я что — дура?

Вопрос получился неудачным.

— Он тебе нравился, — дипломатично пожала плечами Яна.

— Гарт, ты мне — родственник. Как брат. Ты знал эту историю?

— Нет.

— Ее знал только Лин. И я просила его никому не рассказывать.

— Почему?

— Потому что гадко вспоминать, — Аэлена сморщила нос. — Мерзко, тошно... как обгадиться посреди улицы. Вроде как и не виноват ты в этом, а все равно — противно.

— Но Лину сказала?

— Он мой муж, какие тут могут быть секреты? Перед свадьбой я честно ему рассказала, что именно было в моей жизни — и если бы он ушел, не стала бы его удерживать.

Позиция вызывала уважение. Но Яна не удержалась.

— Перед свадьбой?

— Да.

— Только ему? Или ранее у тебя уже расстраивалась свадьба?

— Нет. Я поняла, что ты имеешь в виду, но — нет. — Аэлена улыбнулась бестактной нархи — ро. Яна же не хотела обидеть, она спросила, что думала. — Я вела достаточно замкнутый образ жизни, даже в моду начала входить после замужества... до сих пор не понимаю, почему Лин обратил на меня внимание.

— Ну, — усмехнулся Гарт, — Могу тебе помочь. Ты умная, красивая, талантливая...

Аэлена махнула рукой.

— В те времена я такой не была. Ну, неважно. Никто кроме Лина не знал.

— а твоя мама могла...

— Никогда!

— Почему? — искренне удивился Рошер.

— Потому что мне-то они дядя и тетя, а маме Финар — любимый брат, — просто объяснила Аэлена. — Младший, которому она сопли вытирала и за ручку водила. И такое про него рассказывать? Мы сюда переехали, она меня просила молчать. Даже мужу не говорить, потому что на хорошем дереве гнилых ветвей не бывает.

— Глупости. Любое дерево может заболеть, но пораженную ветвь надо отсечь — и оно простоит еще десятилетия, — фыркнула Яна.

— Люди так не думают.

— Люди плохо разбираются в деревьях.

— оставим садоводство на потом? — предложил Гарт. — Вернемся к Диолату. Пока у вас ничего нет, кроме эмоций и его ухаживаний за Аэленой. Все.

— Браслет?

— Купленный кем угодно и где угодно. Украденный, подаренный... не аргумент! Имен Вериола не называла.

Да, не называла. Но все так хорошо сходилась...

— кстати, удивительно, что она его вообще надела.

— Неудивительно, — отрезала Аэлена. — Гарт, ты не понимаешь. Покажи она такую дорогую вещь мужу, возникли бы вопросы. А любовник — дело другое. Похвастаться можно, а вот расспросов опасаться не стоит.

— даже если она его продала потом?

— И что? Какая женщина удержалась бы от соблазна? Я бы точно не...

— А если расспросить ювелира? Или поискать у Диолата остатки комплекта? — прервала их Яна.

— И как это должно выглядеть? Пролезете ночью, в окно, взломаете сейф, или где он там должен хранить драгоценности? — Гарт легко вернулся к прежнему ехидству.

Яна откровенно растерялась.

— Не знаю. А где их хранят?

Она-то все самое ценное доверила Ааше, не сомневаясь в безопасности капитала. А люди как? Если без ручных волков?

— Да где угодно, — просветил Гарт. — Сейфы, тайники...

— Ааша может найти любой тайник.

— И как ты протацишь в дом к трайши вот эту тушу? — Волчица предупреждающе рыкнула, но Гарт ее уже не боялся. — Под видом декоративной ручной собачки? В кабинет? Спальню? И хочу заметить, комплект может быть уже сто раз продан.

Вот об этом нархи — ро точно не подумала.

— продан! Раш! — Рошер щелкнул пальцами. — Точно! Вериола его надела раза два — и он исчез. Значит — продали! И тут, у нас!

— А кому? — тут же ухватила мысль Яна.

— Эммм... А ты можешь это узнать, кстати. Абы кто такую цену не даст. Могла бы дать твоя знакомая Ш'аальзея... ты к ней сегодня пойдешь?

— обязательно. И расспрошу.

— Если что — я выкуплю браслет за любые деньги, — предупредил Гарт.

— но это — Яна. А я... я тоже наведу в одно место, где скупают краденое и знают обо всем. Ян, ты можешь попросить свою хищницу сходить со мной?

— Я сам с тобой схожу, — вызвался Гарт. И наткнулся на удивленный взгляд.

— Нереально.

— Почему? Я оденусь попроще, измажу лицо...

— Извините, лойрио, но вас каждая собака в городе знает. Хоть рога прицепите...

— Это после свадьбы, — фыркнула Яна.

— Побрею налысо, — предупредил Гарт. — И тебя — и твою блохастину.

— И рога сбреешь.

— Гарт, Яна! Что вы, как дети! — топнула ногой Аэлена. — Гарт, Рошер прав, тебе идти нельзя.

— Да. Ему лучше остаться с тобой, — Янаа смотрела сочувственно. — Если Диолат явится, слуги ему не преграда.

Аэлена побледнела.

— Да... я...

— Вот именно, — закивал Рошер. — Пока мы ни в чем не уверены, лучше перестраховаться. Ты побудешь с детьми, а Гарт — с тобой.

Гарт скривил губы, но кивнул.

— Я попрошу Аашу сопровождать и защищать тебя, — Яна задумалась. — Но хозяином она тебя не признает...

— Мне и не надо.

— Ты не понимаешь! — нархи — ро схватилась за голову. — Ааша многое видит и знает! Но

надо уметь распознавать ее сигналы! Она поймет, если тебе солгут или будет грозить опасность, но предупредить не сможет! Ты не поймешь!

Рошер пожал плечами.

— Тогда тебе придется сходить со мной.

— Но я же...

— Переоденем тебя в мальчишку, спрячем волосы, измажем лицо...

— А Ш'аальзея?

— Сперва ты к ней, а потом со мной.

Яна задумалась.

— Ну... хорошо. Можно и так. А меня пустят?

— Почему бы нет? Кстати, когда тебе в бордель?

Яна выглянула в окно.

— Да уже скоро. Надо бы собираться.

— Вот и давай. И расспроси про браслет. Проститутки многое видят и знают...

— Обещаю. А можно?

Девушка подцепила из кучки драгоценностей браслет. Аэлена тут же кивнула.

— Обязательно. Если так легче будет спрашивать...

— а вдруг?

Гарт фыркнул, но смолчал. И правильно.

Вечер прошел для Яны достаточно приятно. Она обучала девочек искусству танца теней, рассказывала про браслеты с бубенцами или колокольчиками, которые тоже можно использовать в танце, показывала движения...

Увы... приятное не всегда оказывается полезным. Вот про браслет с эмалевыми цветами яблони никто, в том числе и сама Ш'аальзея не знал. Как-то это прошло мимо них.

Обидно.

Что ж, придется идти к скупщику.

* * *

Для Аэлены вечер прошел не так приятно.

— Что за женщины, к которым собралась Тайяна?

Гарт спрашивал вполне мирно, и Аэлена ответила, даже не подумав.

— Проститутки.

— ЧТО!?

— Ну да. Яна пошла в бордель, — спокойно объяснила лара, пока не чую грозы.

— В бордель!? А зачем?!

— Ее пригласили подработать.

— КЕМ!? — взвыл Гарт, окончательно теряя разум. А кем можно пригласить подработать нархи — ро? В бордель? Только экзотической девушкой, не иначе. Но тогда... это ж такое пятно на репутации! Его брат с потрохами сожрет за такие знакомства жены. И аргумент, что Аэлене не два года, и она сначала подружилась с Яной, а уж потом соизволила показать ее Гарту — не пройдет.

— Она девушек танцам учит, — Аэлена соизволила таки посмотреть на деверя. — А что?

— Учит танцам? Она же нархи — ро...

— Вот именно. И искусство у них очень интересное. Яна как-то показывала — так любопытно! Я ее потом обязательно нарисую.

— Вы обе сумасшедшие, — припечатал Гарт, закатив глаза.

— Это я — идиот, — раздался голос от двери.

Рошер стоял в проеме в таком виде, что сомневаться было сложно. Волосы дыбом, глаза горят, на лице вдохновение...

— Я хуже! Я потомственный недоумок!

— Не смею спорить, — муркнула Аэлена. — но не мог бы ты объяснить мне, с чего вдруг тебя настигло прозрение?

Рошер прошел внутрь, тщательно захлопнул за собой дверь, огляделся — и только потом соизволил объясниться.

— Мы же говорили! Что кто-то должен быть рядом, чтобы зашить всю эту гадость в платья и навести порчу! У Верюлы есть сообщник в доме! Есть!

— Допустим. Но как его найти?

— Да запросто! Мы идиоты! Нам же Яна еще когда говорила, что у лгущего человека запах меняется!

— Кого нюхать будем? — Гарт понял, что смысла спорить с Рошером нет, и смирился. Пусть выговорится, потом напоим вином и уложим отдохнуть, видно ж, что человек не в себе.

— Да не мы! Ааша!

— Мы — идиоты, — грустно согласилась Аэлена. — Рош, ты прав. Это лечится?

— Да нет, кажется, единственный идиот здесь я, потому что не понимаю о чем вы говорите, —

связвил Гарт.

— О том! Мы можем просто спросить у каждого из слуг — не знаком ли человек с Вериолой, и если совет — вот тогда и допрашивать! Яна может помочь, у нее же Ааша есть!

— И волчица отличит вранье по запаху. Понятно... — теперь Гарт понял, почему ругался Рошер. И верно, такое простое решение. Что бы стоило сразу всех опросить?

Не подумали... идиоты!

Так исправиться ж еще не поздно!

— Я сейчас прикажу доставить в дом всю прислугу, вечером опросим их, а потом...

— Мы с Яной ночью собирались, — прервал лойрио Рошер. Гарт пожал плечами.

— так это не страшно. Мы сейчас найдем крысу, запрем ее — или его, а потом вы идите куда хотите. Ночь посидит — утром сговорчивее будет.

Рошер кивнул, соглашаясь с предложением.

— Хорошая идея, лойрио.

— Аэла, список мне напиши, кто, что, где...

— Хорошо, — Аэлена кивнула и уселась к столу, благо, и чернильные наборы, и бумага у Гарта были чуть ли не во всех комнатах.

Гарт тоже кивнул и вышел из комнаты. Поди еще, собери всех — и своих в том числе. Мало ли?

Всех опросим.

* * *

Яна вернулась под вечер — и была искренне удивлена, когда с порога ее схватили за руку и потащили в маленькую гостиную. Где и накинудись тремя голодными пираньями.

— Яна, Ааша может отличить, когда человек врет? — с надеждой спросила Аэлена.

— Может.

— Точно? — Гарт смотрел не хуже жреца.

— Да, может! И еще как! Она умная! А что?

— А мы сейчас опросим всех на тему общения с Вериолой. А ты скажешь, кто нам соврал.

Яна почесала кончик носа. Поглядела на Аашу.

— Лапа, ты как?

Волчица утвердительно рыкнула. Определить, кто врет? Да запросто! Люди — существа вонючие. А еще — не управляющие своим запахом. О чем-то они, конечно, догадываются, и поэтому обильно поливаются вонючими водами и маслами, но разве это преграда для волчьего

носа?

Конечно, нет.

Ради своей подруги, Ааша готова была еще и не на такие подвиги. Подумаешь, кучку людей перенюхать.

— Только как бы нам не напугать всех раньше времени, — задумалась Яна. — О! Ааша, солнышко...

Солнышко послушно нырнуло под стол, накрытый длинной, до пола, скатертью. — Рыкни, если услышишь ложь, только тихо.

— Она точно поняла? — Гарт явно сомневался. Яна фыркнула.

— Людям бы такой ум, как у нее! Век бы горя не знали.

Не объяснять же Гарту про связь между нархи — ро и волком! Это как часть тебя! Когда ты берешь щенка с младенчества, точнее, когда он выбирает тебя, едва открыв глаза, и ты с ним постоянно рядом, учишь, лечишь, кормишь — вы одно целое! И понимать друг друга вы начинаете очень быстро, и любить, и ценить... да с мужем или женой — и то может не быть такой связи!

На лице лойрио явно читалось сомнение, но...

Малая гостиная была выбрана за наличие двух входов. Чтобы человек вошел, ему задали пару вопросов, он ответил — и вышел, не встречаясь с теми, кто ждет опроса. И не рассказывая им о сути дела. Чтобы никто не успел подготовиться.

Начали с управляющего.

— Вы знакомы с Вериолой Вельт?

— Нет.

— Она могла представляться, как Вериола Гетанро?

— Не припоминаю.

— Молодая, симпатичная, лет двадцати пяти...

— Ничего не могу сказать.

— Вас кто-нибудь просил что-то зашить в платье хозяйки?

— Нет.

— принести ему или ей платье?

— Нет...

Было видно, что управляющий удивлен, но не сильно. У господ бывают разные причуды, тем более — у высокородных. Но главное, что безвредные и хорошо оплачиваемые. А ответить на пару вопросов за небольшое вознаграждение? Да разве жалко?

Ааша молчала. Человек не лгал. Честно пытался припомнить, но не лгал.

И конвейер пошел пахать.

— Вы знакомы с Вериолой Вельт?

— Нет. Наверное, нет...

— Вериолой Гетанро?

— Тоже нет...

Удача улыбнулась компании на одной из четырех комнатных служанок. Не самой заметной, не самой умной и симпатичной. Обычной.

— Мирея, вы знакомы с Вериолой Вельт?

— Н — нет...

— Р — ры, — мягко напомнила о себе Ааша.

— А с Вериолой Гетанро?

— Нет.

Рычание стало еще отчетливее, словно под столом бурили дыру в земле.

— А почему вы врете?

— Я не вру!

Гарт слушать не стал, просто хлопнув в ладоши.

— Взять ее!

Визжащую служанку ухватили за руки и потащили в подвал, а допрос продолжился. Но — увы. Больше никого обнаружить не удалось. Остальные про Вериолу попросту не знали. Ни Вельт, ни Гетанро, и даже о связи Аэлены с этой фамилией не догадывались.

— Что теперь с ней делать?

— Ничего, — Яна даже удивилась вопросу Аэлены. — Пусть посидит в подвале до утра, а мы займемся своими делами.

Рошер посмотрел на Тайяну.

— Ты готова?

— Мы готовы.

Ааша выскользнула из-под стола, прогнулась и потянулась. Гарт покачал головой.

— Ей бы ошейник с шипами наружу.

Яна фыркнула.

— Нархи — ро давно придумали своим волкам боевые доспехи. Просто взять мы их не могли. Некуда и тяжело.

— А заказать здесь новые?

— А мы пока воевать ни с кем не собираемся.

— Вот для таких походов...

— Нет. Пока — нет.

Гарт пожал плечами и не стал развивать тему. Оно ему надо?

А Яна быстро переделалась в штаны и рубашку похуже, переплела косу, заправила ее под одежду, накинула плащ — и вернулась к собранию. Рошер уже ждал ее.

— Идем?

— Да.

* * *

Лавка скупщика оказалась в таком месте, куда Яна бы по доброй воле не заглянула. Или тут же вышла бы.

Узкий переулок благоухал всеми ароматами помойки, покосившиеся халупы то готовы были развалиться, то подпирали друг друга так, словно шли пьяными с гулянки, сама дорога больше напоминала грязную канаву, да и люди соответствовали. Яна подумала, что даже ее простенький плащ смотрится здесь, как одеяние с бала.

Ну да ладно, все же они не совсем беззащитны. Если кто из оборванцев и смотрел на них хищным взглядом, то быстро замечал оружие на поясах, Аашу, скользящую рядом — и передумывал.

Шакалы подворотни не умели охотиться на волков. Не тот опыт. А вот Ааше было все равно, кого рвать — и это чувствовалось.

Вот и лавка. Низенькая, приземистая, словно наполовину вросшая в землю, естественно, без вывески. Рошер постучал в окно, закрытое неожиданно тяжелой и прочной ставней.

Удар, потом еще два. Опять один — и четыре. Подождал пару минут — и повторил сигнал. Ответили ему не сразу.

— Кого там Раш несет?

— Рошер Вайст.

За ставней задумались. Но потом, видимо, решили, что выгнать всегда успеют, а вот узнать, что кому надо...

— Один?

— Со спутником.

И опять молчание. И уже потом...

— Ладно. Заходите.

Дверь, тоже тяжелая и толстая, приоткрылась без скрипа. Яна скользнула внутрь за Рошером и огляделась. Склад хлама?

Да, пожалуй. И запах соответственный. Сюда что — всю дрянь с окрестных свалок натащили?

Ааша чихнула. Хозяин лавки смотрел недобрыми глазами.

Невысокий, сухощавый, ростом с нархи — ро, с длинной седой бороденкой и такими же нечёсанными волосами, в замызганном халате не пойми какого цвета, голубые глаза слезятся, а вот руки, в которых зажат арбалет, вовсе даже и не дрожат.

Маскировка? Для нежелательных посетителей?

Очень даже может быть.

— Чего надо?

— Поговорить.

— Это тебе. А мне?

Рошер фыркнул и выложил на стол небольшой кошелек.

— Это за разговор, Шерх. Десятка золотом. Если решишь, что мало — доплачу.

Мужчина к нему даже не прикоснулся — и Яна это оценила. Доверчивость? В таком деле?

Не — ет... скорее уж — таких не обманывают, если не хотят лишиться жизни.

— Ты ради разговора сюда явился в такой компании?

— Компания у меня на всякий случай. А разговор короткий.

— Ну, говори.

— Браслет. Золотой, широкий, с эмалью, изображены цветущие яблоневые ветки. Было?

— Это все?

— Другого вопроса у нас нет.

Мужчина задумался. Опустил арбалет — и кивнул на дверь в одной из стен.

— Проходите. Это не на минуту.

Рошер кивнул Яне, мол, будь начеку — и направился в указанном направлении. Яна последовала за ним, чтобы через минуту весьма и весьма удивиться.

М — да.

Не судите по обложке о книжке. Иначе и не скажешь!

Омерзительное снаружи место — и такой контраст внутри!

Нельзя сказать, что здесь было идеально чисто, или уютно, или аккуратно. Нет. Но по сравнению с первой комнатой контраст был разительным. Там — свалка хлама, почти помойка. Тут — аккуратно разложенные и расставленные вещи. Стол и два кресла. В одно из них уселся сам хозяин, в другое Рошер. Яна заняла позицию за креслом, Ааша скользнула следом. Старик и ухом не повел.

Интересно, а сколько у него... помощников? Которые держат нас сейчас на прицеле?

Вслух Яна ничего не сказала. Люди — сложные, пусть лучше Рошер договаривается со своими. А то она еще скажет что-то не то...

— Был у тебя этот браслет, а, Шерх?

Рошер первым начал разговор. Он пришел, он проситель, ему и кланяться. Это... обыкновенно.

— Был. Приносили мне этот браслет. Работа столичного мастера, кстати. Некто Варлинар.

— Равха?

— Вроде как полукровка. Обжился, мастерская у него своя, делает такие побрякушки для очень знатных.

— Ты его взял?

По губам старика скользнула усмешка.

— Что ж мне — отказываться? Я б на нем втрое наварил.

— А на комплекте — впятеро? — не выдержала Яна.

— А на комплекте я бы и сам — десять взял, не погнушался, — голубые глаза смотрели жестко и холодно. — Только вот мне лишь часть принесли.

— И ты не попытался узнать, у кого комплект?

— У кого он — я не знаю. А вот для кого его делали — вопрос другой.

— И для кого же?

— А это уже стоит дороже, чем десять золотых.

— А хлебало у тебя не треснет, кровопийца? — возмутился Рошер.

— Ты за мое хлебало не волнуйся. Разберусь.

— Сколько? — тихо спросила Яна.

— Еще двадцатку золотом.

— Сейчас с собой столько нет.

— Нет денег — нет ответа.

Яна подумала — не достать ли еще одну жемчужину, но потом мысленно стукнула себя по рукам. Что, в этой трущобе не найдется двух — трех десятков головорезов? Да запросто! И не отобьются!

Показать таким, как Шерх, что в непосредственной близости у тебя есть деньги — это, считай, попросить их поискать. С ножичком у горла.

— Я его и сам знаю, — спокойно произнес Рошер. — Это трайши Диолат, верно?

Шерх покачал головой. И Яна, глядя на реакцию Ааши, поняла, что скупщик не врет. То есть — не Диолат!?

А кто?!

Зачем!?

Ничего не ясно!

А такая хорошая версия была! Вот никогда не надо подгонять факты под гипотезу! Лучше все равно не выйдет! Шерх тонко улыбнулся.

— Двадцатку золотом завтра принесешь, в это же время. Тогда и имя узнаешь. Заказчика.

— А продавца? — вцепился Рошер.

— Девка приходила. Такая... фигуристая.

Судя по обрисованному Шерхом, грудь давно мешала несчастной нормально кушать. Челюсть подпирала. Да и корма там была... объемной.

— Чтоб ты подавился, кровопийца! — беззлобно ругнулся Рошер. Шерх это всерьез и не принял.

— Да не плати ни медяшки. Тебе это надо, не мне.

— Браслет вы уже продали? — Яне пришла в голову новая идея.

— Пока нет.

— А продадите?

— Сотня золотом.

— Да он весит в шесть раз меньше! — буквально взвыл Рошер.

— А работа? А информация? И еще двадцатку за имя, понял, стражник?

— Уже не стражник. И вообще — ты подавишься столько жрать! Тридцать золотых за все!

— Не смей меня! Я не веду дела себе в убыток.

— А то я не понимаю, что ты за него и двадцатки золотом не отдал! Пусть прибыль, но не в три ж горла жрать-то надо!

За ожесточенным торгом Тайяна пронаблюдала с явным любопытством. В книгах о таком

писали мало, в Лесу торговаться не приходилось, а новый опыт — это всегда важно и интересно.

Примерно через час взаимных ругательств, оскорблений, взываний к Четырехликому и посылов к Раш в паутину, торгующиеся стороны таки сошлись на шестидесяти двух золотых. И никаких вечеров!

Завтра днем Рошер и Яна приносят золото, получают браслет на руки и узнают имя заказчика. Остальное Шерха не волнует.

Что они там будут делать, с кем будут — не его проблемы. Вот.

— А посмотреть на браслет можно? Убедиться, что мы не за воздух платим?

Шерх смерил девушку еще одним насмешливым взглядом.

— Ну, посмотри...

Поднялся и вышел в другую комнату. Долго шуршал и гремел там, а потом вернулся обратно со шкатулкой. И раскрыл ее перед Яной и Рошером.

Да...

Мастер — всегда мастер. У Яны даже пальцы дрогнули.

— Можно?

На золоте расцвела голубая эмаль неба, на ее фоне яблоневые ветви казались живыми, вот — вот шевельнутся, белые цветы усыпали их в прихотливом разнообразии, не повторяя друг друга.

— Да уж возьми... — ворчливо разрешил Шерх.

Яна коснулась кончиками пальцев эмали, погладила одну из ветвей.

— Почти как живые.

— Мастер делал.

— Великий мастер.

— а вы еще торгуетесь, эххх...

Рошер фыркнул.

— с тобой не поторгуйся — по миру пустишь!

— По миру, по пиру... все увидели?

Согласные кивки от Рошера и Яны были ему ответом.

— Ну так выметайтесь отсюда. До полудня жду с деньгами.

Обратный путь прошел спокойно. Сыщики добрались до дома, выпили по чашке молока — и рухнули в кровати.

Завтра их ждал тяжелый день.

* * *

Какие темы поднимаются утром за завтраком в благородном семействе?

Погода?

Искусство?

Новости света?

Видимо, семейство было недостаточно благородным. Потому что четверка, сидящая за столом (дети завтракали по случаю отличной погоды в саду) разговаривала вовсе даже о другом.

Сначала о скупщике. Потом Аэлена и Гарт возмущались ценами на браслет. Потом все сошлись во мнении, что покупать надо. Пригодится ли, нет ли, а вдруг? В любом случае — золото. Такие вещи покупают и как вложение денег. Потом уже разговор зашел и о горничной.

— Надо сейчас допросить эту гадючку. А потом делимся. Гарт идет в стражу, а мы с Яной — к скупщику. Браслет уйти не должен.

— Вы его вчера нашли? Видели?

Яна кивнула в ответ на вопрос Аэлены.

— Потрясающая работа! Сама поймешь!

Аэлена вздохнула.

— Вы-то все уходите.

— А ты... Оххх! Гарт, возьми ее с собой? — Рошер посмотрел на лойрию.

Тот, не особо обращая внимание на титулования, кивнул головой.

— Поедем вместе. Диолат?

— а кто ж его знает, паразита, — пробормотала Яна. — Ну что ему нужно!?

— Знать бы, — хмуро огрызнулась Аэлена.

— А мне вот еще вчера что показалось странным... — Яна была задумчива.

— Что-то в лавке?

— Нет, в самом браслете.

— А что с ним не так? — не понял Рошер.

— Он... не Диолатовский! Понимаешь?

— Н — нет...

— Диолат — это немного не то! В его вкусе что-то более броское, яркое, пышное, вычурное. А

тут все очень изящно и нежно. Он в жизни бы такое не заказал!

— А вдруг? Говорят же ювелиру, что так-то и этак, а многое оставляют на усмотрение мастера?

— Может быть, — Яна с сомнением смотрела на Рошера. — Но понимаешь, этот браслет настолько не в его стиле...

— даже интересно стало, — Аэлена отложила ложку, коснулась пальцами виска. — Но вообще-то, Яна во многом права. Подарок от элитного ювелира — это во вкусе Диолата. Но в то же время... да, он трайши, но подозреваю, что прабабка там сильно погрешила с конюхом. Если выбирать между розой и незабудкой, Диолат на вторую и не посмотрит. — Женщина на миг замолчала, переживая неприятные воспоминания. — Ему надо выставить напоказ пышность, богатство, роскошь... но не изящество. Последнее ему просто недоступно.

— а этот браслет — он изящен.

Рошер и Гарт переглянулись и одинаково пожали плечами. Что тут скажешь?

Женщины...

Напридумывают себе невесть чего из самых обыкновенных вещей, а бедным мужчинам ломай потом голову! Тьфу!

* * *

Завтрак был съеден очень быстро, и четверка собралась в малой гостиной, куда и втолкнули предательницу — горничную.

Та выглядела не лучшим образом. Ночь в подземелье даром ни для кого не проходит, даже если там не пытали, не мучили, не приковывали цепью и даже кормили. Мучает неизвестность и зависимость от другого человека.

За ночь у Мирей запали глаза, обтянула скулы тонкая кожа, а пальцы чуть заметно подрагивали. Пара пятен на мятом платье не добавляла обаяния.

Яна разглядывала ее в упор, не отводя глаза. Она уже поняла, что люди такого не любят, начинают нервничать и злиться, но сейчас-то им того и надо? Служанка как служанка, невысокая, на голову повыше нархи — ро, со светло — русыми волосами и ясными серыми глазами. Хотя сейчас уже не ясными, а красными. Сосуды полопались от бессонной ночи. Личико серьезное, бледное, усталое, но в целом — невыразительное. Чуть скошенный подбородок, чуть длинноватый нос, расширяющийся к кончику, не особо высокий лоб, широкие скулы — по совокупности не идеально, а в то же время таких лиц в толпе хоть ложкой лови. Вполне заурядная внешность. Неинтересная.

— А это и есть наша предательница, — нехорошим тоном протянул Гарт.

— и что ты с ней сделаешь?

— да в стражу ее. А там и в тюрьму. Пусть выдерут кнутом на площади. Выживет — хорошо, сдохнет — еще и лучше будет. Все равно после такого позора ей одна дорога — на панель, — вот сейчас Гарт выглядел как худший представитель лойрио.

Надменный, жестокий, равнодушный...

— Я ничего не сделала! — возмутилась служанка.

— Да неужели? А веревочки с кровью кто в подола платьев зашивал?

— Я этого не делала!

— Но знала? — настаивал Гарт. — я же вижу, что знала...

Мирея вздохнула. Опустила глаза. Аэлена посмотрела на родственника.

— Гарт, может, не надо так с девушкой? Я же вижу, что она не со зла. Ее просто обманули, а может, и заставили. Кто знает, на что способна Вериола?

— а на что способна вот эта дурища? — зло огрызнулась Тайяна. — Сегодня ее веревочку зашить попросят, а завтра она той же веревочкой и тебя удавит, чего далеко ходить?

— Это ты уж перегнула, — отмахнулся Рошер. — Ясное ж дело — задурили девчонке голову, вот она и наворотила невесть чего. — он поднялся из кресла, обошел Мирею и мягко усадил девушку в подходящее кресло. — ты не бойся, милая. Просто расскажи, как так получилось с этими веревочками, а то сама понимаешь, дело-то нехорошее, грязное это дело. Кровью пахивает...

— Я же не знала!

— Вот и я думаю, что ты не знала. А когда ты с Вериолой познакомилась?

С Вериолой девушка познакомилась чисто случайно. Вериола продавала притирания из трав, цена была хорошей, качество тоже, Мирею все устроило...

— ...я ж не красавица, и веснушки вот, и вот здесь тоже. А после ее крема они проходить начали, а мы подружились...

Рассказ был путаным и не особенно связным, но суть компания поняла.

Вериоле позарез надо было познакомиться с кем-то из домочадцев Аэлены, и она выбрала для этой цели не особо красивую и глуповатую Мирею. Конюх?

Да, тот тоже. Но конюх-то в доме не бывал, а Вериоле надо было знать все! И расположение комнат, и отношение к детям, и даже, что Аэлена ест на обед. Одна слушала, вторая увлеченно сплетничала, а платье...

Дура — с...

Просто Вериоле потребовалось сходить на свидание, а платья у нее не было. Ну, Мирея и дала ей пару раз платья госпожи. Но один раз поносить, вы только не подумайте чего дурного...

Яна сжала руку Аэлены. Женщину аж потряхивало от возмущения, но художница молчала. Видимо, боялась открыть рот — и устроить безобразный скандал на полчаса.

Платья Вериола всегда возвращала наутро, чистенькие, выстиранные, никто и не заподозрил! А Мирея за это получала дорогой крем со скидкой. И притирание. И маску для лица...

А почему Мирея все отрицала?

Да кто бы на ее месте сразу сознался? Ясно ж, что за такие шуры — муры хозяйка мигом от места откажет и рекомендаций не даст. Вылетит девушка со свистом и треском!

Судя по лицу Аэлены, так и получится. Только вот защищать глупую служанку Яна не собиралась. Еще не хватало! Мало ли кому мазилки нужны, понимать же надо! Дружба — дружбой, сплетни — врозь! А уж такое... с платьями!

Яна представила, что это ее платье или там, белье, дают кому-то попользоваться без ее ведома — и девушку аж замутило.

Гадость!

Что еще Мирея знала о Вериоле?

Да ничего. Видимо, Вери тоже решила, что служанка слишком глупа — и пользовалась ей время от времени, как источником сведений. Конюх — тот мог помогать и за деньги, и за оплату натурой, а эта...

Хоть Гарт и поверил в глупость девицы, а не в злой умысел, но решил, пусть пока Мирея посидит взаперти. Ничего, авось не полиняет.

Служанку увели и четверо сыщиков опять остались одни. Первым тишину нарушил Рошер.

— Ну и дура ж она, как я погляжу!

— и пакостить-то не хотела, но, думаю, догадывалась, к чему это может привести, — отозвался Гарт.

Яна покачала головой.

— Ааша считает, что она не врала. Ни в едином слове. Просто тупая девица. Или простодушная слишком?

— Мерзопакостная! — рыкнула Аэлена. Вскочила с места и заходила по комнате. — Ну надо же! Вериолочка, тебе не в чем пойти на свидание? При живом-то муже? Ну так вот тебе хозяйское платье, все равно она не заметит! Гадость!

— Так не заметила ж, — подначила Тайяна.

Аэлена рыкнула на нархи — ро так, что Ааша посмотрела на женщину даже с интересом. Какие таланты-то открываются? Почти что волк!

— Издеваешься?!

— Ага, есть немного. Рошер, нам не пора?

— Пора, — Рошер тоже понял, что подруга входит в раж и собирался оказаться отсюда подальше. — Гарт?

— Да, Аэлена, нам тоже пора собираться...

— Ладно. Сейчас дам ребятам деньги и бежим.

Слова с делом у Аэлены не расходились. Через пять минут Рошер получил на руки приятно

тяжелый кошелек, Яна подхватила его под локоть и троица (Ааша, гордо задрав хвост, шествовала впереди) покинула дом.

Гарт тоже надолго не задержался. Чтобы накинуть на повседневное платье богатый кружевной воротник и освежить лицо, Аэлене потребовалось минут пять. И они направились в здание городской стражи. Не спеша, пешком... а куда торопиться?

Пока все живы.

Но где же прячется мерзавка Вериола?!

* * *

Шерх не обманул. И ждал, и браслет отдал честно, и даже монеты не пересчитывал. Так, взвесил на руке и поглядел на Рошера.

— Ну что ж. Заказывал этот браслет трайши. Но не Диолат. Вильтен.

— Ох, Раш!

— Да. Заказывал для своей невесты, но там сам знаешь, история сложная, одним словом остался комплект без хозяйки, а недавно и без хозяина. А вот купил его потом как раз Диолат.

— Не знал? Или...?

— Мне-то откуда знать?

— Тебе-то и знать, — отмахнулся Рошер. — кому ж еще, если не тебе?

— Стар я уже...

— Шерх!

— Говорят, что с Вильтеном там темная история. Очень темная. А точнее и сказать не могу.

Старик действительно выглядел виноватым. Ну, бывает. А кто может знать — все? Четырехликий? Так он же не поделится!

Тайяна и Рошер переглянулись.

— А больше ничего сказать не можешь?

— И рад бы. Вильтен этот набор забирать у ювелира отказался, кстати. Работу и золото оплатил, а в руки взять не смог. Диолат его уже потом купил. Кстати — подешевле. А больше и сказать-то нечего.

Рошер кивнул, поблагодарил, попрощался и они с Тайяной вышли на улицу.

Яна заговорила только когда они вышли из труппы.

— Кто такой Вильтен? Что за история?

— Честно говоря... — Рошер выглядел донельзя смущенным. — Яна, я в то время как раз это... — он красноречиво пошевелил обрубок руки, — ну и запил. То ли дождик, то ли снег, то

ли слышал, то ли нет... Надо у Аэлены спросить, она-то точно знает. Или у Гарта.

— в городскую стражу прогуляемся?

— а хоть бы и! Мне с Эминой поговорить надо, вдруг она еще чего знает. А ты можешь Аэлену с Гартом дожидаться.

— так пошли!

* * *

Далеко Рошеру и Яне уйти не удалось.

— Лайри, какая встреча!

Рошер прищурился.

— Лойрио Каррер, рад вас видеть.

— я тоже вам рад, э...

— Сатро Вайст, — вежливо поклонился Рошер. — Вы, думаю, меня не помните.

— К сожалению, сатро.

— Мой десяток стражи разнимал двух ваших любовниц, когда те решили подраться посреди улицы.

Ланист даже и не смутился.

— Ах, эти грехи молодости...

— Ну, до старости вам еще далеко, лойрио, — Яна улыбнулась.

— о, а я надеялся, что вы, лайри, проявите снисхождение к моим годам?

— И как я его должна проявить?

— Прогулявшись со мной на воскресную ярмарку, например?

— А если нам там встретится еще одна ваша любовница? Вы сможете меня защитить — или мне придется рисковать прической?

Ланист принял нарочито гордый и напыщенный вид.

— Лайри, для вас.... о, для вас я готов на самые страшные жертвы! Хотите, сейчас пойду на площадь и прокричу, что отказываюсь с этой минуты от всех любовниц? Чтобы ни одна не питала надежд?

— Их так много?

— Надежд?

— Любовниц, лойрио?

— Готов ответить на все ваши вопросы — на ярмарке, — тут же сориентировался Ланист.

Яна не смогла удержаться от смешка. Хорошо все-таки, негодяй, и сам прекрасно об этом знает! Типаж вечного мальчишки, улыбка, проказливые огоньки в глазах...

— Умоляю вас, лайри! Хотите — на колени встану?

— что вы, я не могу подвергать мостовую такому испытанию!

— А я все равно встану!

Слова у лайрио не разошлись с делом. Только предварительно в грязь полетел шикарный короткий плащ, а уж потом на него водрузил свое колено сам лайрио.

— Прошу вас! Лайри, смилуйтесь!

Яна не удержалась от смеха.

— ладно. В эти выходные я вам ничего обещать не могу. Но в следующие — возможно. Хорошо?

— Вы возвращаете меня к жизни! — воспрянул Ланист.

— Нам пора, — весьма неприятным тоном заявил Рошер, но лайрио, уже получивший предварительное согласие, не возражал.

Пара минут раскланиваний — и знакомые разошлись.

— Яна, ты с ума сошла?

— Рош, а что такого?

— Я не знаю, как у нархи — ро, а у нас... бабник он! И спит со всем, что движется!

— И с почтовыми каретами тоже?

— Особенно с их содержимым.

Яна взмахнула рукой.

— Ой, Рош, ну что такого, если я хочу чуть развеяться?

— Да ничего. Только голову не теряй, ладно?

— Ладно. Зануда.

— Я тебя предупредил, дальше как знаешь.

Яна кивнула. И молчала всю дорогу до городской управы.

Слова Рошера... злили и раздражали. Ну, бабник!

И что?

Она же не собирается влюбляться! Так, погулять, развеяться, посмеяться! Да неужели она не

может почувствовать себя женщиной!? В Лесу ее никто не интересовал, но это и понятно. Сначала она просто не созрела для отношений, потом Шет, не желая весенних оленьих украшений, отгонял от нее всех парней, да и Яне с ними было просто неинтересно. Обратная сторона 'книжной девочки' — интеллект, который сложно спрятать, да и не слишком хочется притворяться душой, чтобы кто-то рядом ощутил себя умнее.

Да и все парни нархи — ро были просты и понятны. Яна знала их, как шкуру Ааши, знала, чего они хотят, о чем думают, о чем мечтают, к чему стремятся — и что в них интересного? Ходи на свидания, не ходи — ничего нового и интересного не произойдет. А люди...

Люди были странными. Нелогичными и непонятными. Может, и бабники у них устроены по — другому?

Яна не слишком удивилась бы этому. Уж точно ей было интересно пообщаться с Ланистом. Пусть это ни к чему не приведет! Но это новый и интересный опыт! Это знания!

А ведь сущность ее рода именно в том, чтобы накапливать новые знания! Хранить и преумножать! Разве можно от такого отказаться?

Яна и не собиралась отказываться. Только вот...

А в чем люди ходят на ярмарки? А на свидания? У нее же ни одного приличного платья!

А где люди их достают? Покупают? Заказывают?

Лес Великий, как же все сложно!

* * *

Гарта под руку с Аэленой они поймали аккурат на выходе от сара Шойса.

Тот согласился поддержать у себя еще и мерзавку — служанку. Не наказывать, конечно, ни к чему. Ну что ей можно вменить в вину? Что дура?

Так за это половину города перепороть можно!

Что хозяйкино платье дала подруге поносить? За это, конечно, можно и выгнать и выпороть. Но... жалко идиотку! Порка, да еще на виду у всех...

Просто поддержать ее в тюрьме дней десять, да и гнать из города. Пусть где в другом месте жизнь устраивает. И напугается, и впредь умнее будет.

— Ну как? — кинулась Аэлена к Яне.

Рошер достал из кармана футляр и открыл его. Аэлена восхищенно вздохнула.

— Красиво...

Гарт присвистнул.

— Мастер!

Сказано было уважительно. С большой буквы. И верно — Мастер.

— а я была права. Заказывал этот браслет не Диолат! Заказывал его вовсе даже трайши Вильтен. Аэлена, а что там за история?

Аэлена резко помрачнела. Захлопнула футляр и отдала Рошеру.

— Вильтен? Релиш... Яна, не надо в это лезть, ладно?

— Аэлена? — удивился Гарт.

Женщина топнула ногой.

— Вы не понимаете!

— а ты объясни. Может, и пойдем?

Аэлена вздохнула. И начала рассказ.

* * *

Говорят же, что все в нашей жизни — это песок, на котором волны чертят свои причудливые узоры. Накатывают, пишут, стирают, опять пишут, забыв о том, что написали ранее...

Люди не забывают.

Аэлена несколько лет ухаживала за больной бабушкой. Она не жаловалась, она — любила. Это была та ноша, которую не хочешь сбросить с плеч. Тяжко? Муторно? Трудно?

Да и плевать. Это твой родной и любимый человек, он рядом, а остальное — ветер. Всего лишь ветер.

Но однажды...

Мы люди, существа хрупкие. И Аэлену умудрилось так просквозить на ветру, что она малым не десять дней пролежала в горячке. Испуганная Витана металась между двумя кроватями, молясь, чтобы не умерла дочь и не заразилась мать. Хозяйка дала ей на это время отпуск, а другие мастерицы навестили женщин, переглянулись — и скинулись по монете.

Витана... будет справедливо сказать, что все три женщины любили друг друга. Поэтому Витана поговорила с Тармой, бабушка и мать подумали — и решили на десять — пятнадцать дней отправить Аэлену на горячие источники. На большее денег не хватало, но десять дней Аэлена должна была прожить в маленьком городке, рядом с которым били целебные ключи. Подышать полезным воздухом, искупаться в лечебных озерах и ни о чем не думать.

Аэлена протестовала, предлагая потратить деньги на что-то полезное, но под давлением матери и бабушки дрогнула. Да и сил не было сопротивляться. Так что в один прекрасный день, шатающуюся от слабости девушку запихнули в повозку — и караван тронулся в путь.

Пролетели шесть дней пути, и Аэлена оказалась в доме у тети Риши — милой дамы, которая сдавала комнаты приезжим. Увидев на пороге нечто среднее между тенью и скелетом, та только ахнула — и развила бурную деятельность.

Аэлена была накормлена, отмыта до скрипа и уложена спать. А назавтра ее поволокли на целебные источники и настрого приказали раньше обеда домой не возвращаться.

Аэлена так и поступила.

Купалась, обедала, опять приходила купаться — ужинать и спать. И этот режим пошел ей на пользу. Уже через три дня девушку неудержимо потянуло к кистям и краскам. Она подумала — и решила поискать хотя бы бумагу. Уголек очинить можно, а вот без бумаги... Краски дороги, да и есть дома, но так хотелось хоть что-то нарисовать!

Руки чесались!

Вот в лавке она и познакомилась с трайши Релишем Вильтеном.

Случайно, совершенно случайно. Она входила, он выходил, раскашлялся, его шатнуло от слабости, Аэлена подхватила молодого человека, чтобы тот не упал — ну и слово за слово, они стали разговаривать.

Вильтен, хоть и был высокородным трайши, оказался человеком совершенно иного склада, чем Диолат. Веселый, добрый, умный, вдохновенный художник — яблони на браслете точно были нарисованы его рукой. Аэлена считала, что его талант горел ярче, чем ее. Она-то себя сделала. Заставляла работать час за часом, день за днем, пока рука не начинала отваливаться от усталости, а Релиш...

Он просто касался кистью бумаги — и творил!

Вдохновенно!

Впрочем, были и у него свои беды. Аэлена спокойно рисовала портреты на заказ, решив окупить себе хотя бы дорогу. Отдыхающие были довольны и платили юной художнице. А вот Релиш так не мог.

Он рисовал только то, что хотел.

Есть вдохновение? Пишем!

Нет? Не пришло? Значит — в лапы к Раш и кисти и краски!

Он был Творцом, она — ремесленником, одаренным искрой и старательно раздувающим эту искорку.

Аэлена восторгалась им и училась! Приемам, технике... любовь?

Да не было никогда там любви! Не было и быть не могло! Было восхищение талантом и преклонение с одной стороны и понимание и сочувствие с другой. Не жалость, нет. Если бы Релиш хоть словом заикнулся, что может помочь Аэлене, дать ей денег или что-то в том же духе — художница взвилась бы не хуже той паучихи и мигом поссорилась бы с другом. Трайши он там, не трайши, а гордость и у нее есть! Вот!

Релиш этой ошибки не совершил. Трайши и юная кана стали друзьями — и обещали не забывать друг друга. Аэлена часто писала другу, получала от него в ответ такие же письма, посылала ему свои рисунки и получала их обратно с приписками и исправлениями. Релиш был не намного старше Аэлены, лет на пять. Он же, кстати, нашел ей первого клиента. Лойрио заказал портрет, остался доволен и тоже порекомендовал художницу своему знакомому.

Все было неплохо, кроме одного.

У Релиша Вильтена были больные легкие. Примерно половину года он обязан был проводить на источниках, иначе долго не прожил бы. Он знал об этом, знала и Аэлена, только вот их дружба была выше обстоятельств. Он не обращал внимания, что перед ним девчонка из бедной семьи, а ей было два раза наплевать, что он трайши — и болен. Не было в их отношениях места расчёту. Два художника нашли друг друга — и раскрыли души. А вместе с ними у Аэлены прорезались крылья.

Она стала знаменитой, вышла замуж, но друга не забыла. И по — прежнему писала ему, виделась, когда приезжала в столицу, благо, Алинар не ревновал жену, прекрасно понимая, что Аэлена любит только его. Да и хотели бы они с Релишем — давно бы уже были вместе, он бы и рядом с Аэленой не появился.

А примерно года три — четыре назад...

Релиш влюбился.

Девушке было всего восемнадцать. Чистая, красивая, добрая, нежная... они стали бы замечательной парой. И именно для нее был заказан браслет. Решил присылал Аэлене миниатюру с лицом любимой и лара (к тому времени она уже вышла замуж) от всей души порадовалась за друга. Обещала быть на свадьбе и требовала, чтобы ей доверили рисовать детей.

Алинар знал о переписке жены, но ничего плохого в этом не видел. И даже не лез в это.

К чему?

У каждого человека должно быть что-то свое, то, что недоступно семье... и это — правильно. Если ты будешь всегда открыт, рано или поздно весы качнутся в другую сторону. Даже от самых родных и близких можно устать. И — упасть. Или сбросить эту ношу с плеч.

Но — неважно.

Сейчас важно другое.

Релиш, как трайши, обязан был представить невесту ко двору. Ненадолго. Но и этого хватило.

Витана тоже знала о дружбе дочери с трайши — и поэтому, получив письмо от матери, Аэлена рысью помчалась в столицу.

Гарт смутно припоминал что-то такое, но...

Аэлена застала черного от горя Релиша на кладбище — и услышала всю историю. Увы — не новую, хоть и не ставшую от этого приятнее или веселее. Представить невесту ко двору — можно. Только вот как отогнать от нее сердцеедов?

Один из них, Аэлена и Релиш так и не узнали — кто именно, добился успеха. Несчастливая девочка влюбилась настолько, что отдалась негодяю. Потом поняла, что беременна, заметалась, кинулась к знахарке...

Кому-то в такой ситуации... везет? Сказать так язык не поворачивался. Скорее, у кого-то такая ситуация обходится без тяжелых последствий. Женщины выживают и клянутся впредь не совершать таких ошибок.

А вот невесте Релиша не повезло. Девушка умерла. То ли сердце было слабое, то ли кровотечение открылось...

Жениху оставалось только плакать на могиле.

Аэлена провела в столице почти месяц. Кое-как она добилась того, что Релиш пришел в себя. Но...

Рана была слишком глубока. Ему не хотелось — ничего. Мстить?

Кому и за что? Неизвестному соблазнителю за то что он оказался, видимо, лучше? Но любимую не воскресить. Можно залить улицы кровью, но нельзя вернуть ушедших.

Рисовать?

Руки не поднимались.

Жить — и то не хотелось. И Аэлена была тут бессильна. Обратная сторона обостренного таланта — такая же открытая к переживаниям душа. Слишком силен был удар. Слишком жесток. И трайши сломался. Они с Аэленой по — прежнему переписывались, она приезжала к нему, но... болезнь начала прогрессировать стремительно. Релиш просто не хотел жить, что бы ни говорила и ни делала Аэлена. Он убивал себя.

Недавно художник умер.

— Я что-то слышал, — задумался Гарт. — Но не знал...

— И никто не знал. Велика ли радость такое на люди выносить? — огрызнулась Аэлена.

Тайяна слушала молча.

— Видимо, поэтому никто и не покупал комплект. Велика ли радость — такое в дом нести? — подвел итог Рошер.

— бедняга, — вздохнул Гарт. — Но я бы все равно нашел того ублюдка и ноги ему выдернул.

— Кому? Релиш ничего не знал. И никто не знал. Девушка тщательно скрыла все следы...

— все она скрыть не могла. Оказались бы мы с Яной там — обязательно нашли бы подонка! — уверенно заявил Рошер. — Глядишь, и твой друг бы жив остался.

— Я даже на похороны не поехала.

— Почему? — Искренне удивился Гарт.

— Ты наверное, не помнишь. У детей как раз была ветрянка, вот и...

— А, ну да. Лин мне жаловался, что один больной ребенок — это кошмар. Но трое...

— Как мы с ума не сошли? Но я хотела бы съездить к Релишу. Сейчас вот закончится этот кошмар...

— Это было очень давно? — Яна чувствовала что-то такое... словно тень зверя между деревьев.

Запах?

Звук?

Ощущение?

Это не описать. Но в воздухе словно натянутая струна звенела.

— Нет. Месяца два — три тому...

— Аэлена, вы были друзьями?

— Да.

— И только?

— Да.

— Релиш был богат?

— Ты видела цветы. Его работы ценились на вес золота. А такая работа...

— А кому Релиш завещал свои деньги?

— Не знаю... меня это не волнует. Есть, наверное, у него какие-то родственники. — Аэлена была абсолютно искренна в этот момент. — А что?

— А то! — Рошер, понявший первым, смотрел на Яну, как на чудо. — Это тебе все равно! А Диолату!?

Аэлена побледнела, словно мел.

— я не думала...

— В управу! — рявкнул Гарт. И оглянулся по сторонам, разыскивая извозчика.

* * *

Градоправителя Яна видела впервые. Невысокий полный мужчина с удобством устроился в комнате, больше похожей на гостиную, чем на кабинет. Роскошные кресла, удобный столик, на котором стоит графин с вином и кубки, роскошные шторы закрывали окна, вьющиеся растения опутывали стены...

Гарта пропустили без проволочек и с ним — всю честную компанию. Усадили, предложили вина, приветливо улыбнулись — Яна смотрела на пухлые щечки и ярко — голубые глазки и думала, что градоправитель совсем не глуп. На таких местах глупцов и не бывает. Но этот...

Есть такие люди. С виду мягкие — мягкие, как подушка, а облокотишься — и поймешь, что вместо пуха там иголки. Остренькие...

— лара Аэлена, рад вас видеть. Дочка скоро собирается замуж, мечтает о портрете вашей работы. Гарт, друг мой, какая-то проблема?

Гарт покачал головой.

— Это не совсем проблема, Эрен. Но... это надо узнать срочно.

— что именно?

— Недавно скончался трайши Вильтен. И нам позарез надо узнать, не завещал ли он чего Аэлене.

Градоправитель и глазом не моргнул в ответ на странную просьбу. Видимо, и похлеще случалось.

— Узнать, конечно, можно...

— в долгу не останусь.

Сказано было увесисто. Градоправитель поверил.

— только вот это часа на два, не меньше. Пока свяжусь со столицей, пока выясню...

— Я подожду.

— все так плохо?

Взгляд голубеньких добрых глазок был острее ножа. И Аэлена решилась. Устала жить под постоянным гнетом, оглядываться на улице, ждать удара из-за угла. Да и дело было не из тех, которые решаются, не выходя из дома. Если они догадались верно, то королевская канцелярия тоже вмешается.

— прошу вас. Свяжитесь со столицей, попросите их узнать. А я расскажу вам все.

Градоправитель пожал плечами, но послушался. Вызвал секретаря и отдал приказ. А потом повернулся к Аэлене.

— Лара?

С точки зрения Яны, Аэлена поступила достаточно умно. Ни слова не сказав про Вериюлу, она представила дело так, словно в деле замешан один Диолат. И ее хотят довести... ну, не до сумасшествия, но подтолкнуть в объятия к трайши — определенно. А ей-то не хочется!

Аэлена не льстила себе, честно выкладывая все соображения. Ну какая есть. Не красавица, не Четырехликий весть что, с тремя детьми... с чего вдруг она понадобилась трайши? А вот если...

Тогда все легко объяснимо. Но это надо проверить. Уж помогите пожалуйста, лойрио...

Когда Аэлена закончила объяснения, градоправитель надолго задумался. Все молчали. Единственное, что нарушало тишину — это мерное постукивание хвоста Ааши по полу. Волчица понимала, что люди напряжены и тоже чуть нервничала.

Наконец градоправитель поднял голову.

— лара Аэлена, если бы эту историю мне рассказал кто-то другой — я не поверил бы. Или посчитал этого человека сумасшедшим.

Аэлена только вздохнула. Что бы сказала она, расскажи кто-то ей эту историю? Да пальцем у

виска повертела бы! Живешь спокойно, дом, дети, муж, любимое дело, а потом начинает, вот, сыпаться на тебя такое, что и думать-то о нем не хочется! А приходится!

Хоть кричи, хоть стони, но изволь бить лапами. Ради родных и близких ты не можешь позволить себе расклеиться, расплакаться и упасть на колени. Вместо этого ты стискиваешь зубы и начинаешь методично быть лапами, в надежде, что хоть одному врагу да попадешь по носу!

— Но кое-что, известное мне, внушает опасения.

Гарт вскинул голову.

— Поделитесь, лойрио?

— Простите, Гарт, но если все верно, мне придется связаться с королевской канцелярией. Дождаться ответа или полномочий — и только потом я смогу открыть вам некоторые вещи, сообщенные мне по долгу службы.

— Это долго, — вздохнула Аэлена.

— В том случае, когда речь идет о безопасности государства — никто не остается в стороне, — отмахнулся градоправитель.

Аэлена вскинула брови.

— Безопасности государства?

Градоправитель пожал плечами.

— Милая лара, прошу вас, не спрашивайте у меня больше того, что я могу рассказать. Прошу вас, выпейте лучше вина. Или пирожных? А вы...

— Лайри э' Лесс Риккэр, — представилась Тайяна, протягивая руку для поцелуя так, чтобы ее происхождение было видно сразу. — Нархи — ро.

— Четырехликий! Нархи — ро?! Какое чудо!

Градоправитель рассыпался в комплиментах, заулыбался и принялся расспрашивать Тайяну о Лесе. Девушка отвечала, между делом попросив себе ягодного взвара вместо вина. Дескать, на нархи — ро оно действует намного сильнее, так что если вам тут не нужна пьяная девица...

Взвар принесли в минуту и Яна принялась отпивать его по маленькому глоточку. Пирожные оказались вкусными, градоправитель любезно беседовал о природе и погоде, не забывая задавать и 'острые' вопросы, Гарт и Аэлена лениво парировали, Рошер осмотрительно помалкивал — время летело незаметно.

И когда в комнату вошел секретарь с небольшим листком бумаги, градоправитель первый, на правах хозяина пробежал его глазами. А потом повернулся к Аэлене.

Но Яна уже знала, понимала, что все — правда!

Они — угадали!

Она угадала!

— Лара, вы были абсолютно правы. Трайши Вильтен действительно оставил вам все свое имущество. Более того, он направил королю прошение о передаче титула одному из ваших детей, дабы не прервался старинный род.

Аэлена поднесла к губам руку. Ее глаза закатились и лара медленно осела в кресле. Поднялась суматоха.

Секретарь метнулся за нюхательными солями, Гарт и Рошер кинулись к Аэлене, неудачно столкнувшись лбами, Яна вовремя прихватила за шкурку Аашу, которая под шумок решила утащить со стола пирожное (при ее-то туше — тарелку и скатерть!), градоправитель, понимая, что от него толку рядом с Аэленой будет мало, орал что-то секретарю...

Более — менее все пришли в себя только через полчаса.

Умытая и раскрасневшаяся Аэлена опять восседала в том же кресле, попивая мелкими глотками специально принесенный для нее ланти, Гарт и Рошер довольно улыбались, сама Тайяна почесывала за ухом довольную Аашу (пока суд да дело, волчице были-таки скормлены шесть пирожных) — и все ждали слова градоправителя.

Тот не подкачал.

— Вы не знали, лара?

— Нет. Мы были друзьями с Вильтеном, но... и только-то! Между нами не было близких отношений, мы не любовники и не родственники.

— А прошение все же было подано. Причем незадолго до его смерти.

— Слов нет...

— Если быть точным, он говорил про вашу дочь.

— моя дочь — трайши?

— Думаю, Лин не станет возражать, — Гарт был задумчив. — воспитаете девочку, потом она передаст титул своему сыну, почему нет?

— Он знал, что Аира рисует, что уже начинает тянуться за мной... для него это было важно. Не происхождение, не что-то еще, но талант и полет души!

— Может быть, — градоправитель пожал плечами. — после его смерти завещание не было оглашено именно из-за этого. Как легко догадаться, родственники не одобрили...

— А кто именно?

— У него есть троюродная сестра, она тоже трайши. Трайши Эмина Ларрей.

— Релиш что-то говорил о ней, — Аэлена пожала плечами. — Кажется, очень давно она у него просила денег или что-то еще в том же духе...

— Он ей помог? — уточнила Яна.

— Нет. Он не умел помогать. Он умел подтолкнуть, вот, как меня, но считал, что помощь — унижает. Дать денег — это не то. Вот дать возможность заработать деньги... он был

замечательным! Хотела б я знать, кто та тварь, которая соблазнила и бросила его невесту! Этот скот убил двоих! Убил художника, которому шнурки был завязывать недостойн!

Лойрио развел руками.

— Думаю, эта тайна так и останется нераскрытой. Итак, лара, я сообщил вам эти известия, потому что его величество склоняется к положительному решению.

— Нам с дочерью ничего не надо.

— Вам — не надо. А за дочь не решайте..

— Аира еще малышка. Так что решать...

— Будет и ее отец, — заметил Гарт. — Но вообще, тогда все понятно. Идея имела смысл. Как сформулировано условие Релиша?

— Все его имущество завещано ларе Аэлене. А титул и прилагающиеся к нему земли он просил передать малышке.

— Тогда ясно, почему так всполошился Диолат. Получив такую сумму... она ведь — *такая*?

— Более чем, — улыбнулся градоправитель.

— Получив такую сумму, он мог бы безбедно жить в любой стране. Даже с его привычками. А если бы он совместно с Аэленой стал опекуном малышки...

— А вот мальчики ему были не нужны. — Руки Аэлены медленно сжались в кулаки. — Сукин сын!

— Он намного хуже.

Яна кивнула.

Да, все было просто и понятно. Диолат каким-то образом узнает про завещание, а ведь у него земля горит под ногами! Денег нет, из страны надо уезжать, а жить на медяки неохота. И идти к кому-нибудь на содержание — тоже.

И тут...

Деньги! Много! И все, что требуется для их получения — Аэлена и ее дочь. Всего-то! И как тут не попробовать соблазнить женщину?!

Но соблазнить не получилось. Яна не дала, да и сама Аэлена сопротивлялась, как будто ее в паутину заворачивали.... минутой!

Но покушения начались *до того*, как Диолат узнал о наследстве!

Яна крепко задумалась. Так крепко, что даже не обратила внимания на окончание визита и на раскланивания с градоправителем.

И вопрос смогла задать только на улице.

— Аэлена, а где твоя сестра могла пересечься с Диолатом? Если в этом городе?

Вопроса не понял никто.

— Яна?

— Покушения на тебя начались до того, как Диолат узнал о наследстве. Поэтому если он и встретился с Вериолой — то только здесь. Но как!?

До Аэлены дошло быстрее всех.

— А ведь и верно.

— Где трайши может встретиться с самой обычной девицей? На улице?

— На улице, — протянул Рошер, который тоже начал понимать, — они бы просто прошли друг мимо друга. И все. А им требовалось узнать...

— кто-то упомянул мое имя? Или...

— а ведь есть одно место, — Гарт понял быстрее всех. — Всего одно.

— какое?

— галерея.

— Галерея? — теперь не поняла уже Яна.

— Ну, это место в городе, где художники выставляют свои картины. И там висят и картины Аэлены.

— А зачем они их выставляют?

— Похвастаться. На продажу. Ну и посплетничать, оценить... это как светская вечеринка для лойрио. Понимаешь?

Яна понимала. Может, можно и не ходить, но — дурной тон.

— Туда могли прийти и тот, и другая. Могли столкнуться.

— Станутся, — поправил Рошер.

— Да хоть сшипеться, плевать! Подумайте над таким вопросом! Кто мог их свести!? Может, там и стоит искать Вериолу?!

А вот теперь переглянулись Рошер, Гарт и Аэлена. А ведь и верно. Кто-то должен быть еще звеном между Вериолой и Диолатом. Иначе никак!

Рошер сдался первым.

— Это ваши дела, художественные. Я их не знаю.

— а если просто пойти в эту галерею — и посмотреть, кто на нас отреагирует? — уточнила Яна.

— тогда мне идти не стоит, — покачала головой Аэлена. — Меня там... не любят.

— Почему?

— Потому что я лойрио. И рисую то, что мне нравится и так, как мне нравится. А они... Знаешь, сколько людей мечтают о моей известности? Сколько раз мне высказывали, что я выскочка, бездарность, что пробилась или через постель, или как-то еще, но не талантом?

— Догадываюсь, что много.

— Очень много. Когда я стала лойрио — замолчали. В лицо не говорят, а за спиной... гадюшник!

— Терпи, — фыркнул Гарт. — тебе это важно?

— Нет. Я рисую и буду рисовать. Для себя, для детей, просто так... это как дыхание, от него не откажешься. А говорить — пусть говорят. Вильтен сделал меня модной, да. Но труд был мой. И искра — моя.

Яна вздохнула.

— может, нам все-таки стоит поехать вместе? Понимаешь, мы же не будем ходить и орать 'Аэлена' или 'Веривола'. А как иначе на нас отреагируют?

— Я не подумала...

— На тебя обратят внимание все?

— Ну, наверное в той или иной степени.

— А мы будем искать того, кто будет ненавидеть. Не просто обратит внимание, но будет злорадствовать, ждать твоего унижения... ты поняла?

— Да. Пойдем?

— Куда?

— Галерея недалеко. Прогуляемся... кстати, заодно я похвастаюсь. Дома я не вешаю свои работы, это плохой тон. А вот там — можно.

Аэлена весело улыбнулась — и получила такую же улыбку от Яны.

— Идем гулять!

— Лара, вы соблаговолите?

Рошер склонился перед Аэленой, предлагая ей уцелевшую руку для опоры. Лара соблаговолит опереться и поплыла по улице, задрав носик. Гарт спародировал Рошера, Яна фыркнула, но предложенный локоть приняла, подражая Аэлене. И вся компания направилась в сторону галереи.

* * *

Галерея...

А красивое место, между прочим. Хотя и... странное. С одной стороны — чей-то шикарный дом,

с другой — высажены дубы. Старые, крепкие, уж лет по сто — сто пятьдесят, не меньше. Яна бы точно определила возраст, если бы ей дали подольше пообщаться с деревьями. И вот в этом промежутке, между домом, почти дворцом — и деревьями, устроен навес.

Получается нечто вроде выставки почти на улице.

— Зимой тут, наверное, неуютно?

Яна подумала о дожде, снеге... нет, картинам этого точно не вынести.

— Зимой тут щиты ставят, — пояснила Аэлена. — Конечно, холодно, но ветер почти не задувает, от дождя тоже есть защита, а остальное можно перетерпеть. Я здесь тоже выставилась. И сейчас есть несколько работ.

— а где?

— Подальше. Там удобнее... Художники тоже бывают разные. Кто-то знаменит, а кто-то нет, вот с первых и начинают. А более серьезные работы — в середине аллеи.

— а почему это место назвали галереей?

— Не знаю. Пошло вот так...

Яна кивнула. А потом опустилась на колени перед Аашей.

— Девочка, мы сейчас пойдем гулять. Вот если кто-то будет ненавидеть Аэлу, ты мне скажешь, ладно?

Гарт фыркнул.

— Думаешь, она понимает?

— Одного раза было мало? — окрысилась Яна. — Так она тебе сейчас снова свои ощущения опишет! Потом еще и в картинах увековечат, так и назовут: 'Описанный лойрио'! Сколько можно повторять — Ааша не глупее людей! Просто другая!

Аэлена ухватила родственника за рукав.

— Гарт, не ссорьтесь.

— Ладно... идите, гуляйте, — махнул рукой высокородный. — Лишь бы получилось.

Яна фыркнула — и гордо пошла по галерее. Ааша задрала хвост и последовала за подругой, всем своим задом излучая презрение.

— С — собака страшная.

— Она тебе нравится? — Аэлена подмигнула Гарту.

— Ты с ума сошла?!

— Значит точно — нравится.

Аэлена улыбнулась и помчалась догонять Тайяну.

Далеко нархи — ро не ушла. Стояла перед картиной, состоящей из хаоса красных, белых и черных пятен разной формы и размера.

— что это?

— Убийство на снегу, — с невыразимым презрением пояснил художник — совсем молодой парнишка лет шестнадцати.

— А где снег?

— а вы не видите?

— нет. А кого убили?

— Нашу жизнь. Талант. Вдохновение. Это философская концепция, рассчитанная на глубокое понимание смысла нарисованного...

Яна закивала.

— А, понятно. Просто я не философ, у нас в Лесу проще — либо убили, либо не убили.

Аэлена фыркнула над ухом у подруги.

— Яна, это новое течение в рисовании. Человек отражает мир так, как он его видит.

— У него болезнь зрения? — Яна с интересом уставилась на художника. — А какая?

Парень стал похож на спелый буряк.

— Это... это не болезнь!

— Это у человека в душе, — сообщил уже покатывающийся со смеху Рошер.

— Душевная болезнь?

Художник открыл рот. Понимая, что сейчас беднягу понесет по кочкам, Рошер и Аэлена подхватили наивную нархи — ро под руки и потащили дальше.

— Яна, я тебе потом объясню!

— А почему ты так не рисуешь?

— Просто я рисовать умею.

Яна кивнула.

Было непонятно, но вдруг?

А картины, в большинстве своем, были красивыми. Яркие и чистые тона, пейзажи, портреты... Яна искренне увлеклась разглядыванием. Аэлена то здоровалась с кем-то, то махала рукой, Рошер оглядывался по сторонам, Гарт шел с видом кота, которому хозяйка вместо мяса попыталась подсунуть свежий огурчик (что это за непонятная штука?!), вокруг было весело и шумно.

И тут Аэлена и Ааша словно замерли на миг.

Но если Аэлена (люди вообще не особо чувствительны к таким вещам) просто тряхнула головой, словно смахивая с себя чужой ненавидящий взгляд, то Ааша рыкнула — и уверенно двинулась вперед. Туда, где рядом с такими же абстрактными картинами, сидел мужчина средних лет.

Яна впилась в него глазами.

Художник?

Ну, вероятно.

Такой дяденька — гриб. Невысокий, крепенький, весь какой-то кругленький, словно его лепили и собирали из шариков, лицо на первый взгляд приятное, но это пока в глаза не помотришь. А вот холодные мутно — серые озерки мигом меняли впечатление на противоположное. И вовсе даже это не боровичок под елкой, а ложный белый гриб. Ядовитый. Становилось ясно, что коллег по ремеслу мужчина, в лучшем случае, презирает, людей не любит и вообще — сидеть здесь унижительно для него. О, этот отвратительный мир, вытирающий ноги о творцов и радостно приветствующий тварей!

— Яна?

Аэлена проследила за направлением движения подруги, скривилась, но пошла вслед за нархи — ро.

— Это кто? — Гарт чуть дернул ее за рукав, приостанавливая.

— Это? Каделиус Тин — Альт Ромьер.

— Чего?

— Кадус Альт, если тебе так проще. Вообще, это и есть его имя, псевдоним он придумал самостоятельно.

— Сатро?

— Из невысокородных, да. И насчет семейного положения ты угадал, не нашлось такой дуры.

— а может, нашлась?

Яна остановилась прямо напротив художника и принялась его разглядывать. Пристально, серьезно, так, что 'грибок' открыл рот и заскрипел:

— а вам что угодно, кана?

— вы знаете Вериолу Вельт?

— Первый раз слышу, — отперся 'гриб' без колебаний.

Яна перевела взгляд на Аашу, которая при этих словах вздыбила шерсть на загривке — и без малейших колебаний скомандовала:

— взять его.

Волчице тоже были неведомы колебания. В один прыжок на мужчину обрушились добрых сто

килограмм волчатины, а то и побольше — Ааша отнюдь не голодала в поместье Аэлены. Да так удачно приземлились эти килограммы, что одна из лап угодила мужчине аккурат в диафрагму, а вторая встала на грудь. Так что вместо возмущенного вопля получилось нечто невразумительное. Воздух вылетел со всхлипом, а сам мужчина очень удачно приложился спиной об пол и слегка 'поплыл'. Сознания он не потерял, но и адекватным его назвать было сложно.

— Что происходит? — Аэлена готова была прикрыть подругу в любой момент.

— Он солгал. Он знает Вериюлу.

— А если это не он?

— Сначала допросим — потом разберемся, — решил Гарт. — Ну-ка, отзови свою ловушку для блох.

Яна пнула его по щиколотке, но промахнулась и зло зашипела. Впрочем, Ааша восприняла это, как сигнал — и освободила несчастного.

Гарт и Рошер споро поставили его на ноги — и потащили из галереи, попутно объясняя всем заинтересовавшимся:

— Человеку плохо стало! Вы что — не видите!?

— Голова, наверное, закружилась...

— Сейчас его до фонтана проводим и вернемся...

Яна и Аэлена следовали за ними. Никто ничего и не заметил. Странно?

Да нет. День в разгаре, народу полно, у кого покупатели, у кого просто смотрят, по сторонам глазеть некогда, да и говорила Яна очень тихо.

Ааша?

Ну да, волк. Но... мода на собак, например, была. Так что воспринимали нархи — ро вполне спокойно. Не каждый же отличит?

Ааша крупнее и мощнее обычных волков, под хвост ей никто не заглядывал, вот и принимали за собаку. С первого взгляда. Потом-то приглядывались, но — потом.

Прыжок тоже получился удачным. Сцену заслонили подходящие Рошер и Гарт с Аэленой, да и атакуют волки очень быстро. Глазом моргнуть не успеешь, а тебе уже руку по плечо оторвали.

У фонтана Гарт тоже церемониться не стал, а попросту макнул туда художника. С головой. Пока несчастный не прекратил дергаться и не обмяк.

Тогда аристократ вытащил его, потряс до просветления в мутных глазыньках — и опять макнул в фонтан. На этот раз уже не до потери сознания, а так, чтобы напугался.

И напугался-таки, судя по мокрому пятну на штанах и характерному запаху.

А потом задал только один вопрос.

— Где Вериола?

И видя, что ответа не будет — одни ругательства, повторил купание.

Раз, другой, третий...

К шестому разу художник дозрел.

Яна угадала. Точнее, угадала Ааша с ее замечательным нюхом. Вериола действительно сейчас была дома у Кадуса. Отсиживалась от сложностей жизни вместе с ребенком. Только вот... не бежать же теперь к мазиле? И не хватать женщину посреди бела дня? Завопит, шум поднимется, до Диолата раньше времени дойдет...

Стража?

А там точно никто Диолату не докладывает?

Выход нашел Рошер.

— Я поговорю с двумя приятелями. Они ее сгребут по — тихому и доставят...

— ко мне в поместье. Пусть посидит в подвале, там как раз служанку убрали, место есть, — подсказал Гарт.

— А с этим клопом что делать? — Аэлена рассматривала коллегу с явным отвращением.

— Я... да ты...!!!

— А вы допросите его пока, — подсказал Рошер, быстро удаляясь в сторону городской стражи.

Допросить?

Яна, Гарт и Аэлена переглянулись.

А почему бы нет? И допросим, и расспросим... после того, как Гарт объяснил, что времени у них много, а воды в фонтане еще больше, Кадус раскололся. Да так, что слюной всех забрызгал.

Дело, и верно, было в обыкновенной зависти. Да, к Аэлене, а к кому ж еще?

Стерва, сука, гадина.... **НЕНАВИЖУ!!!**

За что?

А за все.

За молодость, за талант, за положение в обществе, за востребованность... и вообще, почему у нее это есть, а у меня — нет!? **НЕЧЕСТНО!!!**

Аэлена слушала излияния мужчины с непроницаемым лицом. Видимо, не в первый раз. Яна тоже изучала Кадуса, как интересное растение. Гарт вообще не собирался придавать значение тонкой душевной организации мужчины, так что рычала только Ааша. Но ее можно было понять — очень уж противно выглядел Кадус.

Все знают, что в наш ужасный век истинный талант никому не нужен. Народ просто не дозрел до понимания истинно прекрасных вещей — великих скульптур и полотен сатро Альта. Вот и не берут.

А кушать-то хочется, три раза в день, а ничего другого Кадус попросту не умеет. Страшная это болезнь — неудельность, по — простому, по народному, рукопопие, чтоб не сказать грубее.

Дети, кстати, у Кадуса тоже не получились. Не нашлось женщины, которая оказалась бы способна понять нежную душу истинного творца шедевров. Были, конечно, бабы, но заходили они в дом, видели 'творческий беспорядок', состоящий из грязной посуды, грязной одежды и грязных кистей с красками вперемешку, потом любовались на откормленных тараканов и крысочков — и быстро исчезали из дома Кадуса. К тому же, мужчина требовал постоянного восхищения — он же уже разрешил женщине к себе приблизиться, что ей еще надо?! Неужели мало?!

Как оказывалось — очень мало.

Но неудачи на личном фронте — полбеда. А вот на творческом...

Кадус пишет картины уже не один десяток лет. И... не становится знаменитостью. Ни лойрио за ним не бегает с просьбой продать им полотно, ни трайши портретов не заказывают. Конечно, какой-то доход у него все равно бывает, но приходится продавать бесценные вещи за медяки. А ведь каждая картина Кадуса просто кровью написана!

Тайяна честно попыталась вспомнить, что у него было нарисовано. Что-то... непонятное. Хаос из пятен. Можно и такое купить, но... зачем!?

Она бы, например, у себя дома портрет Ааши повесила. И красиво, и благородно... только вот вряд ли Кадус его сможет нарисовать.

Аэлена же...

Высочка стала для Кадуса предметом ненависти почти сразу. Еще когда сама торговала своими картинками. Садилась такая тихая, в уголке, а когда он признанный мастер, с большим опытом, попытался дать соплюшке пару советов...

— Ну да. Прижал в углу и полез искать советы за корсажем, — не вытерпела Аэлена. — Вот по яйцам и получил.

Гарт многозначительно продемонстрировал творцу шедевров кулак. Кадус проникся, сглотнул и заговорил еще быстрее.

Ну... понравилась девушка. И вообще, он — художник, она тоже могла бы быть подмастерьем, почти идеальный союз... помешало только несогласие девушки. И Кадус принялся пакостить.

Сначала по — мелкому, отбивая клиентов, хоть и крючило беднягу, когда он пытался рисовать тупые морды и уродливые пейзажи. Да они такими и получались — тупыми и уродливыми, так что люди, помаявшись, выбрасывали шедевральные полотна в мусор — и искали другого художника. И находили. Аэлена хоть золотых гор и не имела, но не бедствовала.

А потом ей занялся Вильтен!

Сам!

Ну точно — она ему это... ой!

На этот раз пинок достался Кадусу от Аэлены.

— еще раз скажешь плохо про Вильтена — сама утоплю. Понял?

Понял. Проникся, закивал и перешел к следующему этапу своей биографии. Аэлена, став супругой лойрио, конечно, сама в галерее не сидела. Теперь ее картинами занималась специально нанятая помощница — и Кадус еще больше исходил злобой. Конечно, когда ему писать гениальное полотно — он же сидит целый день, торгует, мучается, глядя на свиные рыла, а наглая тварь, которая посмела отказать ему — дома, в тепле и уюте, творит что захочет... негодяйка!

Ненависть клочьями лезла из гения, а когда что-то очень выставляешь напоказ...

Однажды на выставку пришла женщина.

Симпатичная, стройная, светловолосая... вроде бы ничего особенного, но как она смотрела на полотна Аэлены! Кадус не сомневался — если бы она могла, вылила бы на полотна кислоту и так же поступила бы с автором. Из женщины просто сочилась черная душная злоба. И Кадус ее понимал — сам ненавидел наглую выскочку!

Убил бы!

Так они с Вериолой и познакомились.

Он сделал комплимент ее вкусу, слово за слово... ну да. Было!

Аэлена при этих словах расхохоталась так, что едва сама не свалилась в фонтан, спасибо, Ааша придержала клыками за платье.

— Нет, это ж надо! Ну, сестричка! Наш прострел везде успел! И этого окучила!

— Чего не сделаешь, чтобы насолить врагу, — философски заметила Тайяна.

— Не поумнеешь. Вот это — точно, — фыркнул Гарт. — Нет бы подумать, может, твоему врагу как раз соли в супе и не хватало? А с Диолатом ты как свел эту щучку?

Кадус опять принялся рассказывать.

Яна угадала — Диолат тоже пришел в галерею. Хотел он там застать Аэлену? Нет, вряд ли. А вот нахвататься хоть по верхам, чтобы было о чем поговорить с женщиной — несомненно. Женщины, они же ушами любят. Скажи похвалу про ее творчество, потом облей соперников грязью — и первый шаг сделан. Он же сначала хотел сделать все тихо и мирно!

Судьба — большая шутница. Именно в этот момент Вериола в очередной раз решила посмотреть на полотна мерзавки Аэлены, а Кадус, не желая оставить подругу, потащился вместе с ней.

— *Отвергательная мерзопись, иначе и не скажешь...*

— *Никакого цветового решения, ужасные контуры, скучнейшие сюжеты....*

— Да. сразу видно, что рисовал человек убогий и приземленный...

Парочка плевалась бы ядом долго и упорно, но Диолат решил обратить на них внимание. Слово за слово, завязался разговор — и из галереи Вериола ушла вместе с Диолатом.

— Наверняка переспала с ним, — резюмировала Аэлена, — рассказала свою историю, испачкала меня грязью, как могла... и Диолат, не будь дурак, сообразил, что Вериолой можно воспользоваться в своих целях.

— да уж, дураком его всяко не назовешь, — фыркнула Яна. — Сволочь редкостная, но не дурак.

Кадус благоразумно молчал, понимая, что фонтан — это цветочки. А вот выгребная яма, например....

Конечно, наивным он не был. И достаточно быстро раскусил и Диолата, и Вериолу. И — согласился помогать мерзавцам.

А что?!

Аэлене и так слишком много всего от жизни перепало! Это несправедливо! А ему... Диолат мог бы ввести его в самые высокие круги, сделать Кадусу имя... а уж художник бы не растерялся!

Так что когда Вериола явилась к нему с сыном и горстью побрякушек в кармане, Кадус быстро сообразил, что надо пригреть женщину. А кто их свяжет?

Но связали же...

С — сволочи!

Троица переглянулась.

— и что с ним делать?

— Утопить. В фонтане. — прошипела Аэлена. Ее терпение тоже имело пределы.

— Покусать, а потом утопить, — внесла предложение Яна. Ааша давно скалила зубы и плотоядно косилась на упитанную ляжку художника.

— Возьмем с собой. Пусть побудет у градоправителя, под замком. Думаю, лойрио Эрен не откажется оказать мне эту услугу.

Женщины согласно кивнули. Все трое, даже хвостатая.

* * *

Тем временем Рошер с двумя друзьями стучался в ворота домика Кадуса. То есть стучался только один приятель.

— Кадус! Открывай, старый паук! Вино пришло!!!

Бутылкой он размахивал так, что страшно становилось — сейчас об забор ахнет. И орал.

И у Вериолы просто нервы не выдержали. А ты поди, посиди на одном месте, да еще в полной

неизвестности...

— Нет никого! — взвизгнула она, высовываясь из домика. — а ну пошел отсюда, пьянь рваная!

Стражника, предусмотрительно снявшего все знаки отличия, смутить таким было сложно.

— а ты тут кто такая!? Натурщица? Много вас таких у Када перебивало! А ну отворяй, а то он придет — тебе в рыло и накатит!

— Жена! — Вериола топнула ногой. — А ну, убирайся!

— Кад что — женился!? Да быть не может, он всегда говорил, что все вы гадины!

— Ах ты...

— а ты еще и дура!

Этого душа Вериолы уже стерпеть не могла. Схватив метлу, женщина помчалась к калитке, чтобы отлупить наглого хама.

Там и попалась.

Сидящие в засаде Рошер со вторым стражником достаточно быстро скрутили женщину, вырвали у нее из руук метлу, наподдали пару раз, чтобы не орала — и потащили к карете.

— Сын!!! — завизжала Вериола.

Рошер кивнул друзьям, чтобы паковали, не терялись — и направился в дом. Апатичного белобрысого мальчика с непомерно большой головой, он нашел на кухне. Чадушко грызло кусок сахара и не особо заморачиваясь, вытирало липкие ручонки о скатерть. Хотя грязь вокруг была такая...

Недолго думая, Рошер подхватил завизжавшего ребенка под мышку и направился к карете. Вручил чадушко Вериоле, захлопнул дверцу и устроился на козлах рядом с кучером.

— Поехали!

* * *

Водворить Вериолу в подвал оказалось делом нелегким — женищина орала, кусалась, царапалась и успокоилась только после пары хороших пинков, а так же обещания продать ребенка работорговцам! Немедленно!

Конечно, никто бы так не поступил, но напугать-то стоит? Рошер отлично помнил змею в домике на дереве — и жалости у него не было.

Значит, чужих детей этой стерве травить можно? А ее крысенка не тронь?

Э, нет. Это неправильный подход.

Объяснять женщине тоже ничего не стали, вот еще не хватало. Вернутся остальные, тогда все вместе и поговорим. И о родственных чувствах, и о художниках, и о сапожниках...

Долго ждать Рошеру и не пришлось. Где-то часа через полтора вернулись Гарт, Яна и Аэлена.

Они водворили художника к градоправителю, получили полное его разрешение на все действия — и отправились домой.

И узнали, что Вериола наконец-то у них.

Реакция у всех была разная.

— Пусть посидит до утра, поговорчивее будет, — Гарт на сегодня уже наигрался и хотел есть и спать.

— А может, вечером с ней поговорить? — Яне было интересно.

— нет! Я с ней сейчас сама поговорю! И после этого...

— Разговаривать будет уже некому. Нет, Аэла, сиди тут, — твердо решил Гарт.

Аэлена встряхнула волосами.

— А я не имею права голоса?! Эта дрянь на моих детей покушалась! Да я ее сейчас...

— Потом. Когда я с ней поговорю.

— Сначала я!

— ты ее прибьешь и мы упустим Диолата? Чтобы он продолжал тебя мучить?

Аргумент Яны оказался самым доходчивым. Аэлена топнула ногой и опустилась в кресло.

— ладно. Пусть живет!

— кто будет жить?! — прозвучал с порога веселый голос. — и вообще, что ту происходит? Почему я являюсь домой и обнаруживаю отсутствие своей семьи? Все перебрались к Гарту, а прислуга что-то бормочет про конюха и змей? Аэла? Все в порядке?

Женщина вылетела из кресла и с радостным визгом повисла на шее у мужа.

* * *

Лойрио Алинар Авельен.

Яна рассматривала его с немалым любопытством — и решила, что внешне он Диолату проигрывает. На первый взгляд.

На Диолата можно злиться или не злиться, но ведь мужик! А этот... мелкий какой-то, на полголовы выше Аэлены, худощавый, правда, вместе они смотрятся просто отлично, но...

Ан нет.

Спустя минут пять Яна начала различать и другое. Худощавый — да, но жилистый, как ремень из сыромятной кожи, такой не разорвешь! Разрезать — и то сложно бывает.

Мелкий? Ну, тут как сказать. Диолат — оон ширококостный, крупный, мощный, а тут — аристократ, сразу видно. Тонкие черты лица, узкая кость, темные волосы, кстати, с Гартом они очень похожи, просто Гарт повыше будет. И главное — как он смотрит на жену, а она на него.

Может, когда-то это и был брак по расчету, но сейчас...

Говорят — тепло любви? Так верно говорят, эти двое смотрели друг на друга так, что солнышку стыдно стало, и оно принялось жарить вдвое.

С первого взгляда лойрио казался самым обычным. А вот если приглядеться — вот Аэлена, видимо, и пригляделась. И — оценила.

Алинара первым делом решено было накормить, а уж потом рассказывать всю историю — и Яна получила еще один урок. С голодным мужчиной спорить было бы намного сложнее. А с сытым...

Алинар выслушал все от начала и до конца, вежливо отстранил жену и попросил Гарта:

— Ты со мной съездишь?

— Куда?

— К Диолату. Я этому... и... ноги вырву.

— даже не думай!

— Нет!

В Алинара вцепились с двух сторон. Слева за руку его схватила жена, справа брат — и оба говорили в унисон.

— Диолат — трайши.

— Повода формально нет!

— доказать ничего не удастся.

— Наказанием будет каторга — самое меньшее.

— Нашим детям нужен отец!

Именно последняя фраза заставила Алинара опуститься обратно в кресло и зло выдернуть руки.

— вы мне предлагаете все забыть?

— Ни за что! — отчеканила Аэлена.

— Если этого высокородного поганца не остановить, он так и будет лезть в вашу семью, — поддержал Гарт.

— Вот именно, — Алинар кивнул. — И?

— Поэтому надо действовать наверняка. Чтобы на каторгу отправился он, а не ты.

— и как ты предлагаешь это сделать?

Гарт замялся. И тут вмешалась Яна.

— Полагаю, тут вам смогу помочь я.

— Да?

— Тайяна э́Лесс Риккэр, нархи — ро. Я кое — чем обязана Аэлене и хотела бы отблагодарить ее за помощь.

— Яна! Это еще кто кому и чем обязан?! — праведно возмутилась лара. Но...

— У меня есть план, как избавиться от Диолата. Без убийства, зато навсегда.

— Слушаю?

— поправьте меня, если я не поняла до конца ваши людские обычаи...

На утрясение плана, обсуждение и подгонку ушел вечер им большая часть ночи. Так что Вериола осталась забытой до утра, о чем никто и не жалел.

* * *

Шетаран д´Весс Карай с отвращением посмотрел на старшего группы. Тот повернул голову и ответил весьма выразительным взглядом.

Караш э́Варс Шаннер терпеть не мог Шета. Отношения не сложились почти сразу и улучшаться не собирались — с чего бы!?

С точки зрения командира, Шет был на редкость дрянным мальчишкой — избалованным и привыкшим получать все, что пожелает по первому же требованию. К тому же....

Не сумел устеречь невесту? И что дальше?

Девчонке — плюс, смогла удрать, тебе, парень — по лбу, даже заинтересовать подругу не смог. А искать ее?

Надо, конечно, надо. Но Караш с самого начала предлагал жрецу нечто другое. А именно — он сам съездит, найдет малявку, поговорит с ней и вернет в Лес. А там уж пусть разбираются с Шетом.

Зачем с собой тащить мальчишку? Ради того, чтобы выставить его спасителем невесты?

Так, может, ее и спасать не требуется! Судя по тому, как удачно прошел побег, она и у людей устроится не хуже. Девочка явно умненькая и с фантазией.

Еще неизвестно, что она может выкинуть, когда за ней явятся.

Так нет же!

Уперся!

Ладно! Взял Караш с собой в нагрузку Шетарана. И что?!

Капризы на каждом шагу! То вставать рано, то ложиться, то еда не та, то вода горькая, то одеяло жесткое, то корабль ненадежный, то люди — сволочи, и если в последнем утверждении

что-то и есть, так какое Карашу дело?

Ему надо найти девчонку.

Всё!

У него тут не нянькоотряд! И занимаются они не поглаживаниями по головке разных дочек — сыночков. Так что в какой-то момент окончательно выведенный из — себя нархи — ро врезал Шету под дых, встряхнул за шкурку и пообещал утопить к морским демонам! А в ответ на возмущенное 'мой отец...!!!' поинтересовался, достанет ли тот сыночка со дна морского?

Ох, не зря девчонка сбежала! Караш ее понимает просто отлично — и даже домой насильно возвращать не будет, если ей среди людей понравится! Вот!

Само собой, Шету это не понравилось. Слово за слово, кулак за нос — и на поиски Тайяны ехали уже злейшие враги. Только вот выбора у них не было, а потому приходилось соблюдать почти светскую вежливость и церемонно раскланиваться друг с другом. В Лесу нархи — ро могут хоть сожрать друг друга — их воля. Но среди людей?!

Среди этих хищных тварей нархи — ро обязаны быть едиными! Так что сверкай, не сверкай глазами, а дело делай. Когда Караш отдавал Шету приказ — тот бросался его выполнять, молча и быстро. Старшему того и требовалось. А уж что там творилось в душе у Шетарана, его интересовало меньше всего. А зря....

Шет учился ненавидеть.

Всех, всех...

Людей — зачем эти твари вообще живут на земле!?

Караша — как он смел!? Этот недоразвитый побег кустарника пытается поставить себя выше Шета?! Он еще поплатится за это!

Остальных членов группы — молчат и ничего не делают, чтобы изменить ситуацию.

Отца — почему он подобрал сыну такое тупое сопровождение?

Ну и на закуску — Тайяну.

Если бы эта мерзавка приняла предложенное ей с благодарностью, если бы не стала сбегать, выставя его на посмешище, если бы...

Ничего.

Он ее еще найдет!

И вот тогда...

Шет предавался сладким мечтам о мести, глядя на прозрачную морскую зелень. Подождите, все еще будет...

Он привезет эту гадюку обратно в Лес — и вот тогда... о, да. Тогда она ему за все заплатит, насколько у Шетарана хватит фантазии...

Всю жизнь платить будет...

Ненавижу!

* * *

Яне было решительно не до бывшего жениха. Подумаешь — сокровище! Тут такое творится, а она вспоминая древнюю историю?

Утро началось не с завтрака, а со скандала. Потому что Гарт поставил у всех входов и выходов стражников и запретил выпускать кого-нибудь из поместья без его личного разрешения. Первым это не понравилось его брату..

Сначала Алинар рвался побеседовать с Диолатом — и его удерживали всей компанией. Справились, перевели дух.

Аэлена решила пообщаться с Вериолой.

Вот тут уже взвыли все.

— даже и не рассчитывай! — прямо заявил Рошер.

— Почему?

— Потому что она нам пока еще нужна, как свидетель, а ты ее приберешь. И все дела, — припечатал приятель.

Аэлена надулась.

— Ну... не исключено.

— Включено! Однозначно!

Яна мысленно согласилась с Рошером. Было, было такое у Аэлены. Она могла спустить многое, но если кто-то задевал ее семью... о, тут женщину надо было привязывать за руки и за ноги. И то бы ядом врага заплевала.

Конем затоптала, в болоте утопила — и не пожалела бы ни на секунду. А кого жалеть?

Поднявший меч от меча и погибнет? Однозначно! И лучше его перед этим еще помучить. После встречи Аэлены и Вериолы, последнюю пришлось бы закапывать в овраге — в виде отдельных фрагментов. Некрупных таких.

Супругов усадили в гостиной и перевели дух. На три минуты. Потому что они, сговорившись, решили отправиться к градоправителю и потребовать правосудия. Гарт закатил глаза.

— и куда вы? Диолата просто так не тронут, а доказательств у нас — ноль.

Яна посмотрела на это и покачала головой.

— Пойду-ка я, поговорю с Вериолой.

— Нет, — покачал головой Рошер. — Давай, сначала я эту гадюку напугаю, а потом ты, вроде как добренькая, сможешь ей даже поесть отнести...

— Я — добренькая? Так меня еще никто не оскорблял, — надулась Яна.

— ты меня поняла?

— а она там до сих пор без еды? Но у нее же ребенок! — ахнула Аэлена.

— Ничего, — пожал плечами Рошер. — за такое время не сдохнут, но когда ребенок начинает хныкать, плакать и мякать — или что они там делают — мать становится намного сговорчивее.

— Рошер!

— она твоих детей не пожалела.

Этого оказалось достаточно. Аэлена сжала губы и замолчала, глядя в окно. Алинар приобнял жену за плечи и подул ей в ушко, завешенное растрепанными прядями волос. Женщина фыркнула.

— Лин, я же просила.

— А я забыл...

Яна смотрела на них во все глаза. Не подглядывала, нет. Но сейчас между двумя людьми было нечто такое... теплое, уютное, спокойное и надежное. Пусть рухнет мир — они будут друг для друга этим миром. Две половинки одного целого. Две частички, нашедшие друг друга. И даже внешне они чем-то похожи. Чем-то неуловимым...

Она и не заметила, как ушел Рошер.

* * *

Рошер стоял в подземелье и смотрел на Вериолу. М — да... Описывая беспристрастно — худая, даже тощая, подержаться особо не за что, волосы светлые и достаточно редкие, лицо невыразительное, а после бессонной ночи в подземелье на нее вообще без слез не взглянешь. Хорошо хоть ребенок не орет — видимо, устал и уснул.

Самое обычное существо, на улице встретишь — мимо пройдешь. Но сколько ж от нее зла и грязи!

— Диолат знал, где ты прячешься?

Вериола вскочила — и подбежала к решетке.

— выпустите меня немедленно! Я... меня искать будут!

Она тоже не кричала, почти шипела, оглядываясь на ребенка. Но получалось очень угрожающе, жаль, что на Рошера не действовало.

— Диолат?

— Это кто такой?

— сообщник твой, лапочка. Или забыла?

— Нет у меня никаких сообщников!

— Ну, значит тебе на каторгу и отправляться одной. Хотя одна ты там не будешь, там еще твой супруг пойдет, Кадус... всех перечислять?

Верьола чуть побледнела.

— Вам это с рук не сойдет!

— Уже сошло. Или ты думала, что тебе дадут просто так изводить Аэлу?

Лицо у женщины так исказилось, что Рошер понял — он попал в цель.

Думала.

Верьола всю жизнь использовала мужчин, расплачиваясь с ними собственным телом, поэтому дружеских отношений у нее ни с кем и не завязалось. Женщины тоже не одобряли такое поведение. А поскольку людям свойственно судить всех по себе...

Аэлене помог некий трайши? Она легла с ним в постель! Точно!

Аэлена вышла замуж за лойрио? Тоже узаконенная проституция. Я тебе статус и деньги, а ты мне свое тело, ну и детей, как получатся. Или просто — детей нарожали, чтобы привязать к себе мужа. И такое бывает.

Ей заказывают картины? Наверняка она спит и с заказчиками! Вот Верьола точно бы, а значит, и Аэлена так поступит! А как — иначе?!

Да и Рошер... дружили в детстве? Точно! Спали вместе в юности! А иначе — с чего ему помогать мерзавке!?

Эти мысли так явственно отражались на крысopodobном личике, что Рошер покривился, как от лимона. И заговорил. Медленно и спокойно.

— Даю тебе два часа времени, посиди и подумай, тварь. Если сможешь нам поймать за руку Диолата — будет тебе ссылка вместо каторги. Нет? С мужем под ручку в копи пойдете. Он-то в копи, камни добывать, а ты... знаешь, что там с такими, как ты делают? Будешь всем прислуживать, не сдвигая ног, на сколько тебя хватит.

— Нет!!!

Но Рошер уже вышел, а Верьоле пришлось успокаивать проснувшегося и запищавшего ребенка.

В гостиную он вернулся, кривясь, словно от дурного запаха.

— Бывают же твари. Аэла, прости, но я не верю, что вы — родственницы.

— А, я тоже не верила, — Аэлена взмахнула рукой и Рошер лишний раз отметил несходство сестер. Жесты, мимика, внешность — Четырехликий создал двух совершенно разных женщин.

— Почему?

— Потому что подозревала, что Льяна нагуляла Верьола не от Финара. Доказательств не было...

— на вас посмотреть — уже доказательство.

— Надеюсь. Знаешь, Лидас все-таки мой родственник и меня утешает, что он не стал делать мне подлостей. А Вериола...

— Тебе проще будет это перенести, зная, что в вас разная кровь?

— Да. Может, это смешно или неправильно, не знаю.

— все правильно, родная, — Алинар коснулся поцелуем волос жены. — Все правильно. Когда против тебя строят козни — это неприятно. Но когда это родной и близкий тебе человек — все становится вовсе уж мерзко.

Аэлена тряхнула волосами, словно сбрасывая что-то.

— Чья очередь?

— Моя, — Тайяна взглянула в окно. — Схожу, через часок, еще Вериолу попугаю. Если сразу не согласится...

Почему-то никому не было жалко женщину. Высокородные лойрио переглянулись с невысокородными друзьями и разговор пошел в другом направлении.

Как прижать Диолата так, чтобы не выскочил? И кому это делать?

* * *

Подземелье заставило Яну брезгливо передернуться.

Все-таки люди — неприятные. Бывают. Хочешь ты убить человека — так убей! Но зачем мучить, ограничивать свободу, запирасть в клетке, лишать неба? Да, не за все преступления стоит карать смертью, некоторые заслуживают просто временного наказания. Она понимала это умом, а душой...

Противно.

Аж спину заломило.

Веривола уставилась на Тайяну.

— А ты кто еще? Принеси поесть! Ребенку плохо!

— Да? — Яна смотрела с интересом. — а не сдохнет?

— Ты... ты...

— Я. Нархи — ро. Ааша...

Волчица выскользнула из тени, встала рядом с хозяйкой, оскалилась... Вериола взвизгнула — и зажала рот рукой.

— Ой, мама...

— Мама у тебя тоже была вкусная.

— что!?

— Я ее навестила. И она все мне рассказала.... что я хотела. Не сразу, но все. Понимаешь? Вериола понимала. Глаза у нее были... вот сейчас проняло окончательно.

— И к тебе я пришла. А вот уйду ли....

— что ты хочешь?

— Неправильный вопрос. Знаешь, что мне пообещали?

— Что?!

— Ты пойдешь на каторгу. Твой муж тоже. А твой ребенок...

Ааша выразительно облизнулась. Клыки в полумраке блестели очень выразительно.

— НЕТ!!!

Ребенок заплакал от вопля. Яна прищурилась.

— А кто мне помешает? Или кто будет искать твое чадушко?

— Я тебя....

— Что — ты меня? С каторги достанешь? Ой ли!

Вериола замолчала, но потом попробовала снова.

— моя мать...

— вы — никто и ничто. У вас нет ни денег, ни связей, ни власти. Что вы можете мне дать?

— Не трогай моего сына! Или я с того света тебе глотку перегрызу!

— оттуда не возвращаются, — отмахнулась Яна.

Вериола замолчала. Было видно, как тяжело идет мыслительный процесс, но потом...

— Чего ты хочешь?

— Или ты говоришь правду о Диолате, или...

— Я скажу! Но...

— твой ребенок останется с тобой. Но уехать придется далеко и надолго.

— Я уеду.

— Отлично. Вечером за тобой придут. И попробуй только меня подвести. Твой ребенок останется здесь, и если ты скажешь что-то не то.... Знаешь, у нас, нархи — ро, принято натаскивать волков на кровь. А детское мясо нежнее. И ужас слаще...

Яна сама себе была неприятна. Да, Вериола мразь, но безжалостно ломая женщину, не встала

ли она на один уровень с ней? Хотя нет. Не встала. Сложно сравнивать дерьмо — и золотаря. Хоть второй и связан с первым, но ведь в эту субстанцию он не превратился, верно?

— С... не подведу.

Судя по голосу и расширенным от ужаса глазам, Вериола не лгала. Она была готова на все. Прикажи Тайяна ей раздеться и обслужить да хоть бы и Аашу — и то согласилась бы.

Сломалась.

Да уж, не с таким характером идти мстить. А впрочем, ради ребенка...

Ааша тоже не находила лжи в словах Вериолы. Но все равно было мерзко.

— Вечером.

Яна развернулась и направилась к выходу.

— Стой! — крик Вериолы настиг ее на выходе из подземелья.

— Чего тебе?

— Для сына. Вода, поесть...

Яна подумала и кивнула.

— Ладно. Сытый ребенок вкуснее, если что. Принесут, я распоряжусь.

И вышла.

Во рту был привкус грубого мыла. Мерзко, гадко, но ведь никуда не денешься! Да и угроза — не змея. Яна же не стала запускать гадюку в клетку к Вериоле? А могла бы, за ее-то проделки.

* * *

Градоправитель выслушал Гарта и задумался.

— Лойрио Авельен, а вы понимаете, что если ничего не получится...

— Я рискую не меньше вашего, а то и больше.

— Да, но вы просто лойрио, а я облечен доверием короля....

В переводе — власть терять не хотелось. Гарт хмыкнул.

— с вас же и спросят, если узнают в столице.

Перебьется, хомяк, взятку ему еще предлагать! И так щеки скоро из-за спины видно будет! Закрома набил — скоро надо будет новые строить...

Лойрио Эрен омрачился взглядом. Да, пожалуй. И не поймут, и не помилуют. Достанется ему на орехи....

Но и с Диолатом свою шею подставлять неохота.

— Благородный граши все-таки...

— Свидетели. И улики. А если он еще и сам признается...

— Зачем ему себя оговаривать?

— А это и не оговор. Он сам скажет чистую правду. Да и королю, поверьте, сей молодой человек давно поперек горла стоит.

— Вашими устами, лойрио.

— а вы проверьте. Если король сможет, не вызывая шума и возмущения, упрятать мерзавца на каторгу или хотя бы заточить под арест — он будет вам только благодарен.

Будет-то будет. А если нет?

Король же...

Уламывать градоправителя пришлось часа два — и Гарт так вспотел за это время, словно на нем верхом ездили.

А в Храме....

Ох, Гарт бы согласился три поля вспахать, лишь бы не уламывать храмовников. Но — надо. И в итоге все утряслось. Десяток человек из личных солдат градоправителя, не городской стражи, а своих, верных, прибыл в поместье Гарта, сам градоправитель обещал быть к ужину... оставалось обеспечить еще одного 'виновника торжества'.

* * *

— Думаешь, приедет?

— Уверена.

Аэлена поморщилась. Прикинула к себе голубое платье, отложила, достала желтое.

— Как ты думаешь, какое лучше?

— Вот это.

Яна коснулась винно — красного атласа. Благородная ткань переливалась под лучами солнца. Но и вечером, в свете свечей, она будет великолепна.

— А не слишком роскошно?

— В самый раз. Оставь человеку хорошие воспоминания перед каторгой.

— Ты злая...

— А ты добрая?

— конечно. Я бы ему голову оторвала, чтобы не мучился... мразь!

Аэлена поморщилась. Они прекрасно понимали, что Диолату донесут о возвращении Алинара.

А потому...

К трайши улетело письмо.

Аэлена писала, что муж вернулся — и заявил ей о разводе. А потому ей очень нужен совет и помощь. Гарт сегодня-де поедет уговаривать супруга, а она останется в его поместье. Поэтому, если трайши соблаговолит....

Мог бы и не приехать. Но женщины понимали, что у него земля под ногами горит. Если в ближайшее время он не получит наследство Вильтена, уезжать придется с пустыми руками, а это — плохо. Работать-то благородный трайши не умеет. Вообще никак. Только хвост распускать.

А кушать хочет три раза в день. Нестыковка....

— Давай тебе тоже подберем платье?

— Не — а. Я лучше в своем...

— Яна!

— Я — нархи — ро. То есть нечто вне вашей человеческой власти. И это надо подчеркнуть.

Аэлена пожала плечами.

— И чем тебе помешает платье?

— У меня же крылья. Я буду выглядеть горбатой в вашей одежде.

— Я исправлю...

— не надо. Давай лучше займемся тобой.

Аэлена коснулась пальцами темной переливающейся ткани.

— Ох, Яна. А если не получится?

— Если ты справишься — все получится.

— А если нет?

Яна ухмыльнулась.

— Есть у меня пара идей...

* * *

Алинар ругался и протестовал, но женщины уперлись. В результате — вошедшего в дом Диолата встретили слуги — и проводили со всеми почестями в небольшой будуар.

Аэлена стояла у окна. На звук шагов она обернулась — и трайши только присвистнул.

А ведь может, когда захочет!

При других встречах Аэлена была в рабочей одежде художницы — попроще, чтобы и двигаться

удобно, и испачкать не жалко, да и перед кем хвост распускать?

Сейчас же...

Благородная ткань облегла сильное крепкое тело, на шее и в ушах тревожными огнями горели рубины, волосы были тщательно уложены, глаза сияли странным светом в вечернем полусумраке.

— Аэлена, ты великолепна!

Диолат говорил почти искренне. Да уж, с такой и в постель можно лечь. Если красивая! Это вам не художница, с вечно измазанными в краске руками, это — лайри!

Такую и в свет вывести можно. Старовата она, конечно, но деньги обладают потрясающим омолаживающим эффектом.

— Благодарю, Диолат.

— Когда-то ты звала меня иначе.

— Когда-то все было совершенно иначе... Лист. А сейчас мы стали старше...

Аэлена смотрела спокойно. Диолат вскинул брови.

— Ты помнишь.

— Я все помню. И ту женщину тоже...

— Я был молод и глуп. Знаешь, если бы это случилось сейчас — я ни на кого бы тебя не променял.

— А муж вот так не думает... Как от тебя приятно пахнет...

— Твой муж — дурак! Он просто не может оценить своего счастья.

Диолат осторожно взял женщину за руку, начал гладить большим пальцем ее ладонь, чуть притягивая Аэлену ближе к себе. Женщина запрокинула голову, длинные ресницы скрыли глаза.

— Он мне изменил.

— он тебя не стоит. Если бы мы тогда остались вместе...

Вторая рука легла на талию женщины.

— И что бы было тогда?

— Мы бы жили сейчас вместе. У нас были бы дети.... твои дети были бы нашими.

— Этого не случилось. И никогда не случится.

В голосе Аэлены звучала искренняя мука. Тоска, боль по несбывшемуся — это ранит. Только вспомни — и все откроется заново.

— Мы живы, а значит, все еще можно исправить.

— Что — можно, Лист? Что можно?!

— Мы можем еще быть счастливы вместе...

— Лист, я замужем.

Аэлена уткнула лицо в грудь мужчины, голос ее звучал глухо.

— И что? Уедем со мной?!

— а мои дети?!

— А где они сейчас?

— Мальчики с мужем. Аира здесь...

— Давай заберем Аиру и уедем!

— а малыши?

— Чуть позже я найду способ забрать и их, — Диолат чувствовал дрожь женского тела в своих руках, чувствовал ее покорность и шел напролом. Пальцы сминали атлас, глаза горели... — Тебя здесь ничто не держит, любимая. Мир открыт перед нами! Уедем в другую страну, нас не найдут там! Ты будешь рисовать, я буду любить тебя и твою дочку...

— На что мы будем жить?

— у меня есть кое — какие сбережения. Аэлена, не стоит об этом думать! Мир велик, мы будем вместе. Остальное неважно.

— И наследство Вильтена?

Азоена резко отстранилась. Диолат дернулся, взгляделся в ее лицо.

— что?!

— Я от него отказалась.

— Ты... знаешь?!

— А мне вот интересно, трайши, а откуда вы об этом знаете?

Будуар оказался обманкой. За портьерой стояло несколько человек — и впереди лойрио Эрен. Градоправитель.

— Руки от моей жены убери. — Алинар сделал шаг вперед и Аэлена бросилась ему на грудь. Диолат был так ошарашен, что выпустил ее без сопротивления.

— Он опять с чем-то...

— Тут травяной состав. Ааша!

Волчица одним прыжком преодолела расстояние до трайши Диолата, щелкнула клыками и рыкнула. Трайши дернулся. Тайяна подошла поближе и втянула ноздрями воздух.

— Так. Папоротник, лимон, рута, лаванда — это из растительных компонентов. Я бы предположила слабое приворотное зелье, плюс еще что-нибудь на крови.

— На крови?

— да, у него должен быть амулет с кровью или волосами Аэланы. Ааша?

— Р — ры, — подтвердила волчица.

— трайши Диолат, будьте любезны.

Лойрио Эрен протянул руку. Диолат посмотрел так, словно собирался в нее плюнуть.

— У меня ничего такого нет.

— Я уже имею право задержать вас за приворотные зелья. Они вне закона.

— да, дитя Четырехликого.

— Тархоши? — опешил Диолат.

— Ты отдашь нам амулет здесь — или мы проследуем в Храм?

Диолат задумался.

— Амулет... о! Кажется, я понял! Но это просто памятный подарок! Аэлена, ты помнишь, как мне его дарила?

С руки мужчины соскользнул браслет. Деревянные четки из крупных, отполированных бусин, совсем незаметные под широким рукавом кружевной рубашки. Такие может носить и мужчина, хотя обычно берут более дорогие камни или жемчуг.

Тайяна подхватила, скользнула чуткими пальцами по дереву.

— Береза. Заговоренная, насколько я могу понять. А вот и... — Одна из бусин браслета распалась под тонкими пальцами, выпуская наружу локон волос. — Думаю, у него таких много. Не ты одна.

Аэлена поморщилась.

— Я этого не дарила. Браслет — да, но не волосы.

— Браслет уже был таким, — возразил Диолат, усмехаясь.

— Сейчас этого не доказать, — пожал плечами лойрио Эрен. — Но мы и не собираемся. Мы здесь для другого, а о привороте с вами потом поговорит Храм.

— Вот потом и поговорим, — Диолат, нехорошо усмехаясь, направился к двери.

— Зачем же откладывать, дитя света, — тархоши словно бы размылся в пространстве, оказываясь рядом с дверью. — Я с радостью сопровожу тебя в Храм, если ты не желаешь побеседовать здесь, в приятной компании...

Ааше и размываться не потребовалось. Волк двигается быстрее человека, так что дверь

перекрывали даже двое.

Трайши Алеист Диолат огляделся — и решил, что дешевле посидеть здесь и сейчас, чем там и потом. Хоть знать будет, в чем его обвиняют. А присутствующие были настроены очень серьезно, он это видел.

Трайши был далеко не дураком и знал, что иногда надо уступить, чтобы получить больше. А потому...

— Почему же, тархоши. Я с радостью побеседую в приятной компании.

— Тогда прошу всех в гостиную, — пригласил Гарт.

Гостиная была достаточно велика, но и народа было немало.

Алинар с женой устроились на диване. Диолат занял одно из кресел, во второе с достоинством опустился тархоши, Гарт занял еще один диванчик на пару с Рошером, который чувствовал себя чуть скованно, а лойрио Эрен расположился на третьем диване.

Яна же вышла в центр комнаты, привлекая к себе внимание.

Сейчас она была одета, как знатная нархи — ро, какой и являлась. Ибо что может быть важнее знания? Разве что вера...

Темные волосы были распущены и блестели в свете свечей, темно — зеленая туника с искусной вышивкой казалась собранной из отдельных листьев, так, что разрезы на спине были и незаметны, коричневые бриджи и сапоги из тонкой рыбьей кожи довершали ансамбль. Узкую талию перетягивал пояс. Походные перо и чернильницу Яна вешать не стала. Это, конечно, знаки статуса, но кто поймет?

Из драгоценностей на ней был только браслет из жемчуга. Ровные золотистые шарики поблескивали, привлекая к себе внимание, и даже Диолат завистливо прищурил глаза. Продав такой браслетик, семья из пяти человек могла бы безбедно жить пару лет, а то и побольше.

— Я — лайри Тайяна э'Лесс Риккэр, — зазвучал ее голос. — Нархи — ро, как вы уже знаете. И моя подруга, Аэлена Авельен, просила меня разобраться в том, что происходит в ее доме. Здесь и сейчас — нет непричастных, поэтому прошу меня выслушать.

Диолат фыркнул.

— Подруга? Не припомню!

— Можно быть родными по крови, но чужими по душе. А можно родиться за сотни перестрелов друг от друга, но встретиться и понять, что этот человек родной тебе, — голос Яны звучал чуть отстранено. Она волновалась, но она жже из рода хранителей и собирателей знания. Кто из них не сможет донести свое знание до людей, тот недостоин семьи.

— Ты не человек.

— Верно. Я — нархи — ро и кровь Леса течет в моих жилах. Это не мешает мне быть подругой лары Авельен.

— Ха!

— трайши Диолат! — рыкнул Эрен. — Мы здесь не для обсуждения лайри Риккэр!

— Нархи — ро — тоже создания Четырехликого. Ему, в мудрости своей, виднее, кем населить землю, а мы можем только принимать его волю, — тархоши тоже надавил авторитетом, и трайши сдался. Сдвинул брови, но смолчал.

— Позвольте мне рассказать историю, которой я стала свидетельницей, — Яна прошлась по комнате, перебирая браслет Диолаата, как четки. — Все началось очень давно. Ларе Аэлене не было и десяти лет, когда женился ее дядя. Корни зла выросли именно из тех времен.

— Жаль, что не с начала времен или ухода листэрр, — фыркнул Диолат, но Яна даже не обратила внимания.

— Финар Гетанро, дядя Аэлены, был хорошим человеком, но слабым и управляемым. По наущению своей жены, примерно через семь — восемь лет после свадьбы, он выгнал из дома родную мать, в приступе гнева. Злился ли он, или его разозлили — нам уже не узнать, но если бы не милость соседки, все сложилось бы иначе. Но бабушка Аэлены кое-как добралась до дочери с внучкой — и слегла в горячке. Аэлена ухаживала за ней. А вот насколько больно было пятнадцатилетней девушке видеть близкого человека в таком состоянии...

— Очень, — голос Аэлены дрогнул. — Раз уж откровенность... она бредила. А в бреду просила Финара не выгонять его, повторяла, что любит сына, что жена сбила его с толку, пыталась говорить с ним, образумить, кричала... Я успокаивала ее — она не слышала. И — плакала! — голос женщины дрогнул. — Я бы мир перевернула, чтобы унять эту боль, но как!? Это было внутри нее! Месяц она провела в кошмаре! Месяц я слушала и клялась отомстить! Каждый день, каждый час, когда она сгорала у меня на глазах, не желая жить.

— И месть свершилась. Кана Аэлена, взяв бумагу на ведение всех дел, приехала к своему дядюшке — и выкинула его из дома и из города. Финару с семьей пришлось уезжать, потому что на них показывали пальцами. И неудивительно. Ему в лицо были брошены страшные обвинения в матереубийстве. Пусть попытка не удалась, но она — была! Вот что страшно!

— Бабушка выжила чудом.

— Чудом были Аэлена и ее мать, которые день и ночь проводили у постели больной, — Яна была спокойна. — После этого Финар начинает пить, быстро скатывается в нищету, а там и умирает. Думаю, он понимал, что сделал с матерью, отсюда и вино, и саморазрушение. Да и есть вещи, которые делать не стоит. Он умер, но у него остались сын и дочь.

Сын его в нашей истории участия не принимает. Я видела его — это довольное своей жизнью, бескрылое существо. Он счастлив на своем месте, пусть у него почти ничего нет, но ему много и не нужно. Лес... то есть Четырехликий лишил его мстительности и честолюбия, ему нужна только миска с едой и крыша над головой. Это у него есть. А вот его сестра, Вериола, устроена иначе. Она помнит, как их выгнали, она ненавидит Аэлену, но все было тихо и спокойно. В общем-то, это крыса. Она хищная, злая, опасная, но первой не кинется — если человек не подойдет к ней. Если бы Вериола ничего не знала о двоюродной сестре — она не была бы опасна. Но судьба привела ее в Далинар. Здесь ее мужу оставили наследство — и что же она видит?

Лара Аэлена...

— Интересная сказка, — хмыкнул Диолат.

— Я тоже так думаю, — Яна подняла руки и хлопнула в ладоши. — Введите кайту Вериолу!

Выглядела Вериола не лучшим образом. Одежда помята, волосы растрепаны, руки связаны за спиной, чтобы ничего не выкинула, но даже так...

Взгляд светло — серых глаз обежал комнату, остановился на Аэлене и полыхнул неизбывной ненавистью.

— Ты...!!!

И столько было в этом слове...

Но навстречу ей метнулся такой же яростный взгляд.

— Я!

Аэлена выпрямилась — и муж не старался ее удержать. Они стояли друг против друга и как же не в пользу Вериолы было это сравнение. И дело было даже не во внешности, хотя и это...

В Аэлене было нечто неуловимое, в ней была порода, достоинство, равновесие духа. А у Вериолы была только ненависть. Но и глаза Аэлены сейчас сияли темными огнями.

— Сука! — выдохнула Вериола. — Ты, ты во всем виновата!

Один из стражников слегка двинул ей по затылку, чтобы не зарывалась. Аэлена выпрямилась еще резче.

— Ваша семья всегда взваливала на других свои грехи. Но ты — не Гетанро, это радует. Ты — дворняжка, ты никто. Ты — гнилая ветвь и бабушка не зря от вас отказалась!

— Она не отказывалась!

— Ошибаешься! В тот страшный день она прозрела, и дальше все было только страшнее. Она уже не могла обманывать себя. Именно поэтому она развязала мне руки, именно поэтому не захотела видеть Финара. Не простила. Не сказала вслух, но и не простила.

— Ты лжешь!

— Клянусь своим здоровьем, это правда.

Вериола сверкала глазами, но Яна уже взяла ситуацию в свои руки.

— Сядь, Аэлена. Ни к чему доказывать этому существу свою правоту. Она тебя за нее и ненавидит. Итак, кайта Вельт?

Вериола открыла рот, готовясь еще ругаться, но рядом с ее ногой скользнула Ааша, оскалила зубы, напоминая, что ребенок Вериолы вообще-то в руках Аэлены — и женщина заговорила.

body>

— я тебя всегда ненавидела. Еще с детства. Ты уже тогда была высокомерной тварью. Приезжала, вся такая отстраненная, смотрела на нас, как на грязь...

— Да кого вы интересовали!? — возмутилась Аэлена. — Мелкие и безмозглые! Мамаша вас

совершенно не воспитывала, росли, как сорняк, с вами на улице показаться страшно было! А Льяна была свято уверена, что деньги решат любую проблему... идиотка!

— На себя посмотри!

— Я за деньги ничего не покупала. И никого. Мать тебе хоть сказала, от кого она тебя прижила?

— Я — Гетанро!

— отродясь у нас в роду таких тварей не было!

— Дамы, — Яна хлопнула в ладоши, привлекая к себе внимание. — Аэлена, сядь и помолчи. Вериола, еще раз я услышу что-то не по делу... ну ты поняла.

Вериола и правда поняла. Потому что зло зыркнула на Аэлену и заговорила уже без лишних эмоций.

— после того, что устроила Аэлена, мы бедствовали. Часто голодали, отец начал пить, орать на мать, даже поколачивал ее иногда. Словно это она была виновата в его бедах! Идиот! Разумеется, долго его нигде не держали, выгоняли за ненадобностью. Денег не было, хорошей одежды у меня тоже не было, замуж я вышла достаточно рано... Термалис был первым, кто сделал мне предложение. Конечно, он был откровенно глуповат, неинтересен, а в постели вел себя, как свинья, но выбора не было. Переспать со мной хотели многие, а вот жениться...

Алинар притянул к себе поближе жену. Аэлена прикусила губу, чтобы не сорваться и не ответить. Уж она бы сейчас высказала Вериоле много хорошего! Чтобы та потом зубы с волосами по гостинной собирала!

Нельзя. Яна просила.

— Потом тетка завещала ему домишко и немного денег. И мы приехали в Далинар. Чтоб ее на том свете Раш сожрала, паскуду!

Вериола скрипнула зубами. Яна подхватила нить повествования.

— может, Вериола никогда бы и не решилась мстить — это далеко, долго, мучительно, но... Здесь, в Далинаре жила Аэлена. И Вериола решила найти ее. Позлорадствовать ли, в случае, если судьба сестры сложилась неудачно, сделать ли гадость — или все вместе? Нашла. И обнаружили, что Аэлена стала ларой Авельен. Что у нее замечательные дети, любящий муж, ее картины обожают и покупают по всей стране, к ней приезжают за портретами... Одним словом — двоюродная сестра совершенно несправедливо наслаждалась жизнью, когда Вериоле так не везло. Отвратительно.

— Издеваешься!? — окрысилась Вериола на нархи — ро. — Легко тебе говорить, дрянь! А за что ей все это!? Она хоть что-то хорошее в своей жизни сделала?

— Вериола, я полагаю, сначала попыталась решить проблему привычным способом. Лойрио Авельен, скажите, вам эта женщина не знакома?

— Знакома, — Алинар пожал плечами, даже и не думая смущаться. — Она пыталась меня соблазнить.

— И небезуспешно, — Вериола расхохоталась, закинув назад голову. — слышишь ты, дрянь?! Трахать меня у твоего мужа смелости хватило, а вот выгнать тебя с твоими ублюдками на улицу — нет!

— Что!?! — взвился Алинар. — Да никогда у нас ничего не было!

— а откуда я знаю про твой шрам на спине? И про две родинки на левом бедре?

Алинар побледнел. Аэлена пожала плечами.

— Милый, я надеюсь, ты не переживаешь из-за ее слов? Дело в том, что у Аэлены была сообщница в нашем доме. Одна из служанок. Думаю, она ей и рассказала все, что необходимо. И про тебя тоже.

Алинар молча поднес к губам руку жены.

— Ты так уверена в своем муже, Аэла? — Диолат не удержался, да и кто бы на его месте смолчал? Аэлена выглядела воплощением безразличия. Легкая улыбка, никакого волнения в глазах, никаких сожалений... измена?! Да вам это померещилось!

— В его хорошем вкусе — более чем. Алинар никогда не польстился бы на такую откровенную дешевку.

— Я — дешевка?! — взвилась Вериола. — Да ты сама... ты...

— Ты не думала, что после сладкого мужчин тянет на остренькое? — Диолат ухмылялся.

— так ведь не на тухленькое, — усмехнулась Аэлена. — или ты это по личному опыту?

— разумеется, по личному. — Яна усмехалась не хуже Диолата. — Вериоле не удалось добиться своего. Муж не стал выгонять Аэлену на улицу, не отрекся от их детей, не сделал Вериолу даже постоянной любовницей, о чем она очень мечтала, не взял на содержание... одним словом — сплошные 'не'. Подобраться к двоюродной сестре Вериоле пока тоже не удавалось — опасно. Аэлена, хоть и видела ее лет десять назад, а то и больше...

— Почти пятнадцать.

— но узнать-то могла?

Аэлена смерила двоюродную сестру насмешливым взглядом.

— вряд ли. Разве что вспомнила бы Льяну... нет, не думаю. Таких слишком много на улицах.

— Вериола об этом не знала... она-то полагала, что если она тебя ненавидит, то и ты должна...

— Пффф... Никому и ничего я не должна. Мне и так живется неплохо, — Аэлена смотрела насмешливо. — Я что — должна потратить свою жизнь на месть? Я не убогая, мне есть чем заняться.

— Сука! — выплюнула Вериола.

— Зато счастливая.

— Поэтому Вериола ходила в галерею, подпитывать свое чувство мести. Надо полагать, стояла

перед картинами и мечтала их уничтожить. Или саму Аэлену. Или... да неважно. Важно другое — там она познакомилась с Кадусом Альтом, а через него — с трайши Диолатом.

— Ерунда. — Диолат даже не встревожился.

— Кадус Альт арестован и дал показания, — Тайяна смотрела спокойно.

— Он врет.

— а Ааша считает, что сейчас врете вы.

— А шавку в суд вообще приводить запрещено.

Яна едва успела остановить волчицу, а то был бы у них слегка пожеванный трайши.

— Ааша! Лежать! Не тронь! Отравишься!

— При всем уважении, дитя Четырехликого, — заметил хоши, наслаждающийся этим представлением, — я не помню, чтобы трайши были ядовиты?

— Все — не скажу, а этот так пропитан приворотными зельями и зельями для повышения привлекательности, что у Ааши мог бы понос начаться, — Яна даже и не задумалась. Ааша все еще рычала и успокоить волчицу стоило немалых усилий. Так что ответ сорвался сам собой.

Тархоши пристально посмотрел на Диолата.

— Мы еще поговорим об этом, сын Четырехликого.

Трайши пожал плечами, но вот сейчас в его презрение не поверил уже никто. Храм был не той силой, которой можно пренебрегать. А приворотные зелья ни один хоши одобрять не собирался. Пусть не черная магия, но и не добро, ой, не добро...

— по мелочи, Вериола, конечно, пакостила сестре, как могла. Брала ее платья и зашивала в них всякую гадость...

— какую именно? — уточнил хоши.

— Веревку повешенного, пропитанную кровью Аэлены.

Вот теперь у всех мужчин в комнате на лицах отобразилось одно и то же. Брезгливость.

А у хоши — еще и гнев.

— Порчу наводить!? Черное колдовство творить?

Алинар промолчал. Но судя по желвакам на его скулах, Вериолу надо было держать подальше от мужчины. Лучше — в Разломе. Даже Диолат выразительно поморщился. Проняло, видимо.

— Хоши, вынужден напомнить...

— Лойрио, это — дело Храма. И мы об этом еще поговорим — когда все закончится.

Вериола явственно побледнела. Хоши не шутил, совершенно не шутил, и после разговора ей грозили храмовые подвалы и дознание.

Нархи — ро скривила губы. Нет, люди бывают все-таки непроходимо глупы.

— Должна сказать, что это была на редкость тупая попытка, — Яна пожала плечами. — Наводить колдовство такого рода могут либо Темные, либо стихийные некроманты. Но Вериоле требовалось сделать хоть что-то. Она сделала — и безуспешно. Сама по себе она не была опасна Аэлене — не те возможности. Проблемы лары начались после того, как Вериола познакомилась с трайши Диолатом.

— Он обещал, что поможет убить ее., — Вериола хрипло рассмеялась. — Клялся, что она не выживет!

— и тут мы переходим к другой стороне нашей монеты, то есть — истории, — усмехнулась Яна. — Казалось бы, зачем благородному трайши какая-то лара? Не первой молодости, не выдающейся красоты, да и с тремя детьми? Уж извини, Аэлена...

— Ничего страшного. Ты ведь правду говоришь. Когда-то я была недостойна даже стать любовницей. Сейчас же....

— А сейчас трайши активно поливался приворотными зельями, обхаживал лару, как только мог и демонстрировал свою любовь. Дошло до того, что лара Аэлена стала просто бояться — и мне пришлось все время быть рядом с ней.

— Ну, не все время, — сально усмехнулся Диолат.

— Либо Яна — либо я, — четко произнес Рошер. — и я в Храме присягну, что Аэлена не изменяла мужу.

Диолат фыркнул.

— да неужели? А если подумать?

— Даже если очень подумать, — Яна пожала плечами. — примерно в то же время, когда Аэлена ухаживала за бабушкой, она знакомится с трайши Вильтенем. У молодых людей за плечами трагедии, у него подорвано здоровье, у нее больная бабушка и совершенно нет денег, к тому же и ее здоровье оставляет желать лучшего. Но главное — у обоих есть талант. Вильтен ярче, сильнее, взрослее, но в Аэлене он видит зародыш того же огня, который сжигает и его. Может, окажись он подлее или мельче, все сложилось бы иначе. Но Вильтен всегда был благороден. Он просто помог девушке, ничего не требуя взамен — и обрел верную подругу.

— Ему ничего от меня не было нужно, — вздохнула Аэлена. — Вообще ничего. Он просто был одинок — и разрешил мне быть рядом, потому что я его не жалела. И я была — до того страшного года...

— В тот год трайши Вильтен потерял любимую женщину, а вместе с ней и желание жить.

— любимую, — фыркнул Диолат.

Аэлена посмотрела на него с брезгливостью.

— любовь не выбирает. Иногда получается такая... гадость! Я терпеть не могла эту крыску с вечно опущенными глазками, но ради Релиша полюбила бы и гадюку! Паука бы съела, лишь бы он тоже был счастлив.

Алинар молча привлек жену поближе к себе, по достоинству оценив это коротенькое 'тоже'. Диолат запрокинул голову и расхохотался.

— Ну что ж, откровенность — так до конца! Знал я его невесту. Да — да, именно в том смысле и знал! Мы как раз... развлекались при дворе. И когда наш творец прекрасного представил ко двору эту Лорию... редкостно гнусное зрелище! Что верно, то верно — крыска. Тощая, бледная, словно водой нарисована, с постным видом... и нам стало интересно. Поверьте, в постели она постной не была.

— Это — ты?!

Аэлена медленно поднялась с дивана, Алинар вцепился в нее так, что побелели костяшки пальцев.

— Мразь! Неужели нельзя было ее не трогать!? Или вам так хотелось причинить боль Вильгену!? Потому что он был выше вас!? Лучше, чище, добрее!?

— Да нет, — Диолат передернул плечами. — Нам стало просто любопытно, что он такого в ней нашел. Мы развлекались.

— Ничтожества.

— Ха! Видела бы ты ее в постели! Очень страстная девчонка оказалась, и с мужчинами, и с женщинами. И кстати, не особенно-то она и любила твоего художника! Упрашивала кого-нибудь из нас жениться...

— А когда вы отказались, она решила сделать аборт?

— примерно так. Подумала, что все равно этот лопух ничего не разберет. Представляешь — он ей только руку целовал. Было так забавно, когда она потом этой же ручкой...

Ваза врезалась в стену над головой Диолата.

— Уничтожу! — Аэлена рвалась из рук мужа. — Как вы... как Релиша... ТВАРИ!!!

Алинар крепко прижал ее к себе, лицом прямо к золотому шитью, женщина дернулась еще несколько раз — и смирилась. Руки упали, плечи дрогнули. Она не плакала, нет. Но больно, как же больно... за Релиша Вильгена, который не распознал тварь под красивой оболочкой, который убил себя из-за продажной девки, который....

Которого больше нет.

Яна смотрела с сочувствием.

— Вильген свел себя в могилу. Но перед этим оказалось, что он завещал все — включая и титул, и земли — Аире Авельен.

— что!?

Вот это стало неожиданностью и для Алинара. Диолат гнусненько хихикнул.

— Именно! Все — этой соплячке под опекой ее матери до двадцати двух лет или до замужества. Так что я бы подумал, чья она дочь — твоя или не твоя?

— Моя, — Алинар даже плечами пожал. — Аэлена сначала сказала мне, что беременна, а потом уехала к Вильтену.

На лице Диолата отразилось такое разочарование, что Яна только хмыкнула.

— Я уезжала уже беременной, — Аэлена тоже смотрела спокойно. — Вильтен нуждался в моей помощи, а на первых месяцах беременности можно делать, что пожелаешь. Я поехала — и Аира родилась в срок, кстати говоря. Есть признаки, по которым женщина может определить... вот у меня и была задержка, как и обычно. Когда ребенок третий — ты уже понимаешь, чуть ли не сразу. Да если бы и не... Релиш любил меня, как брат. Неужели вы думаете, что мы не могли быть близки раньше? Если бы он захотел, если бы я сделала шаг навстречу? Но для нас это было невысказано. Два огня не должны встречаться, иначе они погасят друг друга.

— так Вильтен считал — или ты?

Аэлена не удостоила двоюродную сестру даже взглядом.

— Релиш был человеком, который не каждому встретится. И я любила его. Как сестра, как подруга... как могла! И так жаль, что этого оказалось мало! Безумно жаль! Я солгала ему — я бы и сто раз солгала! Лишь бы он жил, а он не хотел...

— Вильтен не желал жить — и завещал все Аире. А у нашего трайши ни денег, ничего. Нет, что-то остается, но это обычный человек может жить на эти деньги целую жизнь — и неплохо жить, между прочим. А наш трайши так не привык. Ему нужна роскошь, балы, драгоценности, признание... И он решает соблазнить Аэлену. Зачем? Да все просто. Он увозит Аэлену от мужа, та получает развод и опеку над Аирой — это уже в любом случае, даже если Алинар не отдаст ей сыновей, а с девчонкой она получает и состояние Вильтена. А это громадные деньги, земли, картины... да много чего! Хватит на четыре жизни в роскоши — не на одну. Но как!? Как увести женщину из семьи? Аэлена, ты ведь не просто так тогда волновалась?

— Конечно, нет. Месяца три — четыре назад, точнее я не помню, мы уже виделись с Диолатом, — Аэлена пожала плечами. — Я промолчала, не придавала значения. Зря.

— Где и когда?

— Мы виделись? Да в столице. Я ездила с мужем, мне хотелось побывать у матери, в тот день я решила прогуляться по лавкам, купить кое-что детям... да, одна! Но я же не думала....

Аэлена чуть прикрыла глаза, возвращаясь мыслями в тот день.

Столица, ранняя весна, прохладный день, она, кутающаяся в теплую накидку — и все-таки промерзшая до костей.

— я решила зайти в ланти. Это моя слабость, а в тот момент и просто необходимость. Болеть совершенно не хотелось, я решила посидеть, послушать музыку, выпить чашечку ланти...

— Диолат пришел потом?

— Да. Я сидела где-то уже полчаса, почти согрелась, решила выпить еще чашечку, и тут...

— Аэлена? Какая встреча. Ты позволишь?

Словно и не было этих десяти... да и больше уже — лет. Такой же обаятельный, хотя годы

все же оказались безжалостны. Намечается второй подбородок, тронули лоб морщины, чуть оплыла фигура, но это видит только взгляд художницы. Остальные увидят элегантного светского льва, в шикарном зеленом костюме, с очаровательной улыбкой.

— Алеист? Раньше тебе было сложно что-либо не позволить.

— Я исправился за прошедшие годы.

— Неужели? И в чем это выражается?

— Алеист был очарователен — насколько ему это удалось без приворотных, — Аэлена фыркнула. — Он разливался соловьем, а я смотрела и думала, что была глупа, как пробка. Что я в нем нашла тогда? Многозначительные слова? Красивая мордашка? Титул трайши? А под всем этим — пустота. Пресыщение, скука, тоска, все так неинтересно, что даже мне стало скучно. Полагаю, Алеист это почувствовал...

Диолат чуть кивнул.

— Аэлена мной не заинтересовалась, это было видно. И я понял, что потерял ее. Навсегда.

— Вы ее потеряли очень давно, еще когда унизили, — Тайяна не собиралась жалеть мерзавца.

— Это было больно. И я решил вернуть Аэлену любым путем.

— Начали вы с того, что приехали сюда. И тут познакомились с Вериолой. Подозреваю, что вы хотели просто лишить Аэлену опоры, чтобы она упала к вам в объятия, а какая у нее опора?

— Муж. Дети. Картины.

Аэлена перечисляла спокойно, но в глазах горело такое... Яна подумала, что на месте Диолата не оставалась бы с ларой один на один. Прибьет ведь.

— Проще всего было бы с картинами. Поджог или ограбление, — Яна взмахнула рукой. — там он и познакомился с Вериолой и Кадусом. И первое, что сделал трайши — уложил Вериолу в постель.

— Я бы побрезговал, — усмехнулся Диолат.

— да неужели? Раньше ты спал со всем, что носит юбку, а на остальное просто нацеплял ее — и тоже тащил в постель, — фыркнула Аэлена.

— очень точное замечание, — Вериола откинула назад волосы. — разумеется, мы спали вместе. И должна сказать, *сестричка*, ты не много потеряла, если не спала с ним. Он слишком занят своей персоной, чтобы быть хорошим любовником.

Диолат развел руками с видом несправедливо оскорбленного.

— Эта девица может нести все, что пожелает. Но ее бредни не станут истиной.

— Вериола переспала с Диолатом. А попутно пожаловалась ему на мерзавку — Аэлену и сообщила о своем желании отомстить. И Диолат решил использовать девчонку там, где не захотел мараться сам.

— Он всегда предпочитал таскать каштаны из огня женскими руками, — Аэлена покривила

губы. — Интересно, случались ли у него осечки?

— Ты и случилась, — Яна улыбнулась. — Именно ты.

— Меня бы он тоже сломал. Я могу противостоять многому, но приворотным зельям на крови?

— До картин он так и не добрался. А вот до тебя...

— Покушения — его рук дело?

— Его.

Диолат усмехнулся.

— разве? Я никогда бы...

— разумеется, — Яна смотрела с омерзением. — Зачем? Можно дать Вериоле денег и отправить ее нанимать всякую сволочь. Она и наняла, правда, сэкономила. Зачем тратиться, если есть те, с кем она уже расплатилась? Своим телом? Отсюда и покушения, иногда откровенно идиотские. Именно Вериола пыталась убить Аэлену, напугав ее лошадь.

— Вильтен обожал коней. И меня научил держаться в седле, — Аэлена пожала плечами.

— Вериола об этом не знала. Она же наняла тех двоих мерзавцев, которых я остановила.

— На деньги Диолата?

— разумеется. Своих-то у нее не было. А вот тот мужчина, который пытался затоптать нас конями.... Я думаю, что его нанимал уже Диолат — или кто-то из достаточно близких к нему людей.

— Глупости.

— Именно поэтому его пришлось убирать в тюрьме. Вериола изначально была списана трайши в расход, но сам он должен был предстать благородным спасителем. Поэтому он должен был быть очень осторожен. Но время уходило, Аэлена не приручалась, я, правда, нее поняла, почему он оставил мысль о картинах...

— все просто, — Рошер развел руками. — Картины, причем — все, на ночь запирались на складе.

— Поджечь его?

— Этот склад арендовали несколько купцов. И охрана там соответствующая. Ни одной кражи за последние десять лет. Собаки, амулеты... легко это не сделаешь. Попасться проще.

— Поджигателя не хватило бы?

— Абсолютно, — Рошер улыбнулся. — Как бывший стражник, могу сказать, что поймали бы практически любого. А амулеты, способные перебить действие охранных, можно достать только в столице. У нас таких нет. Тарайский склад — самый дорогой и безопасный в нашем городе, но Аэлене не было жалко денег, верно?

— мои картины — это как мои дети. Естественно, я потратилась на их охрану.

— Картины оказались недоступны. Алинар Авельен — тоже. Он уехал по делам и Диолат не знал, когда Авельен вернется. Пытался узнать, но купцы свято хранят свои тайны от разных трайши, не доверяя благородным. Алинар — другое дело, Авельен давно стал для торговцев своим, хотя бы потому, что никогда не обманывал. Можно бы узнать, но время, время...

— оставалась я и дети.

— Вот по этим двум направлениям Диолат и бил. Ты — покушения. Дети — змея в домике.

— Сволочь.

— Это ложь и поклеп, — Диолат смотрел скучающе. — просто цепь совпадений. Да, я трахал невесту Вильтена. И что? Она сама была не против! Я пытался соблазнить Аэлену? Да, я признаю и это! И что? Сами видите, она просто очаровательна, любой мужчина бы дрогнул. А в остальном — это просто слова.

— И вы не приказывали Вериоле убить сыновей Аэлены?

— разумеется, нет! Какое чудовищное преступление! Омерзительное в своей жестокости, это же дети!

Диолат откровенно издевался, но...

Трайши, Раш его побери! Клятый высокородный, которому ничего нельзя предъявить! Ничего!

Или...

Яна резко хлопнула в ладоши.

— Верно. Чудовищное — и оплаченное вами, трайши.

— глупости.

— да неужели? Вот передо мной лежит свиток. И там слова некоего Варлинера, знаете такого?

— Фарлинера?

— Варлинар. Ювелир.

— Может быть... я у многих ювелиров покупал украшения.

— и у этого купили. Брачный набор несчастного Релиша Вильтена.

— Возможно. У меня много украшений, я их все и не запомню.

— Эмаль, золото, ветви цветущей яблони...

— И что?

— Как этот браслет оказался у Вериолы?

— возможно, она его украла?

— Если она не бывала в вашем доме? Вы же с ней не спали и тем более не приглашали к себе?

— Мог украсть кто-то из слуг и подарить ей.

— Ты сам же! — взорвалась Вериола. — Ты, ублюдок, это ты дал мне браслет! Ты приказал уничтожить детей Аэлены — и я подчинилась! Ты говорил, что женишься на мне!

— Вы же видите, она бредит.

Диолат не терял хладнокровия. Оно и понятно, признайся он во всем — и отсюда отправится под стражу, а там на милость королевского правосудия. Ох и не хотелось ему туда...

— Вериола тщательно описала и комнаты в вашем доме, и ваши особые приметы, вплоть до родинки чуть повыше интимного места...

— Аэлена уже объяснила это. Вериола, или как там ее, могла просто расспросить слуг, — огрызнулся Диолат. — Сколько уже можно затягивать? Браслет украли, эту девицу подкупили и она лжет! Сестру она ненавидит — так что же? Таких много! Почему я должен все это выслушивать?

— О, вам предстоит выслушать еще немало интересного, — хоши чуть улыбался. — Полагаю, что приворотные зелья — в компетенции Храма, так что вам придется составить мне компанию.

— Вот еще!

— Вы хотите сказать, что не поедете в Храм? Очень, очень жаль.

— А вы попробуйте меня заставить?

— Что вы, трайши! Это совершенно не в наших возможностях!

— Я рад, что вы это понимаете.

— Свидетельство ювелира, свидетельство Вериолы... разумеется, этого мало. Только вот и вам, трайши, не повезло. — Яна ухмылялась. — Приворотные зелья вне закона, так что у хоши есть право на обыск вашего особняка.

— Сколько угодно.

— Полагаю, мы займемся этим сразу же после разговора. Вы же не откажете в любезности проводить нас? — голос хоши был просто медовым.

— а у меня есть выбор?

— Он есть всегда. Четырехликий, в милости своей, всегда дает человеку несколько путей...

Ну да. Сопротивляться, бежать сейчас, признаться, играть до конца, бежать потом... одно Аэлена знала точно. Пока жив Диолат — в безопасности ни она, ни ее семья не будут. Он не простит. Обязательно будет мстить.

Такой человек...

— Тогда можем начать прямо сейчас. Или что-то еще не сказано? — Диолат поднялся с места,

демонстрируя готовность к действиям.

— Яна?

— я думаю, что все понятно, — нархи — ро смотрела серьезно. — Вот Вериола. Еще несколько человек содержатся в тюрьме у градоправителя. Берите, солите, варите...

— Для начала — просто устроим обыск. Разумеется, трайши, если мы ничего не найдем, я принесу вам свои самые искренние извинения, — хоши усмехнулся.

— А я предоставлю вам стражу, чтобы все было в порядке. Ночные улицы Далинара небезопасны, — лойрио Эрен благожелательно взирал на хоши.

— Полагаю, я могу составить вам компанию? — Яна кивком подозвала к себе Аашу. Волчица оскалила зубы на Диолата. — Конечно, в суде Аашу использовать нельзя, но вот найти тайник она может лучше многих. Равно как и распознать угрозу.

Диолат явственно скрипнул зубами.

— Я не желаю видеть эту нелюдь в своем доме.

— Бойтесь, что мы что-то найдем?

— все мы равны пред взором Четырехликого, — хоши смотрел укоризненно, — и если девушка заблуждается, ваш долг помочь ей. Пусть съездит, убедится, что вы — честнейший из смертных и успокоится. Разве не так должен поступить верный сын Храма?

Скрип зубов стал намного отчетливее, но возразить не получилось. Диолат отчетливо понимал, что его загнали в угол.

Да, доказать ничего не получится, но разве от этого ему намного легче?

Приворотное зелье все равно было, дом все равно обыщут, Храм примется мотать ему нервы, Аэлена недоступна, деньги Вильтена уплывают из рук.... Р — раш!

Но у него пока есть жизнь и свобода, и определенные средства, а это уже неплохо.

— Могу ли я сопровождать вас? — Гарт подошел, встал рядом с Тайяной. Рошер уже стоял за спиной нархи — ро, намекая, что без него ничто не начнется.

Они отчетливо понимали, что Диолат слишком умен.

Улик нет. Подозреваемые?

Слова против слов? Это всего лишь воздух.

Допрашивать трайши под пыткой им тоже не дадут. Единственная возможность, которая у них есть — это обыск. Если найдут что-то... а найдут ли?

Яна смотрела на Диолата. Лжет, конечно, но ведь как уверенно! Значит, что-то есть у него дома. Что-то, как-то...

— Обыск будет проводиться ночью? — Диолат кривил губы. — Уже поздно, а я устал. Нельзя ли отложить до завтра?

— Когда речь идет о честном имени человека, усталость значения не имеет! Мы должны развеять малейшие подозрения в ваш адрес! — Хоши гордо выпрямился. — Идемте же!

Верьола посмотрела на градоправителя.

— что будет...

— вы едете в Храм. Беседовать о порче и сглазе. Потом, полагаю, в тюрьму.

— что будет с моим сыном?

— Его либо отдадут отцу, если Термалис Вельт ни в чем не виновен, либо отвезут к вашему брату.

Верьола чуть расслабилась.

— Хорошо.

— ты ведь сама — мать, — не удержалась Аэлена. — Знаешь, если бы ты мстила мне, я бы поняла! Не спустила бы, но поняла! Но мои дети!?

Верьола вскинула голову.

— Из них вырастут такие же дряни, как и ты! Наверняка! — Она отчетливо понимала, что в совокупности все сделанное ей тянет на смертную казнь. Диолат подставил ее, где только мог, а сам остался в тени. Так хоть высказаться напоследок. — Ты мерзкая задавака и всегда такой была! И мне жаль только, что я не успела! Не смогла! Жаль, что ты не похоронила своих выродков! Чтоб они раньше тебя сдохли! И ты сдохла! В нищете!!! Одинокая!!!

Теперь уже Аэлена удерживала мужа.

— нет, родной мой. Она того не стоит, оставь ее закону.

— я так и сделаю.

Верьолу увели. Диолат покривил губы.

— Аэлена, ты уверена, что не хочешь уйти со мной. Твой муж не способен защитить тебя, а я — я могу дать тебе целый мир!

— На деньги Вильтена? Не сомневаюсь.

Попытка получилась достаточно жалкой, но Диолат до конца выдержал свою линию.

— Что ж. Если ты так настроена — мне жаль. Но я люблю тебя...

Аэлена передернула плечами.

— Век бы тебя не видеть!

Один за другим, все выходили за дверь. Градоправитель, хоши, стражники, трайши, лойрио, последней вышла Яна, подмигнул подруге — и Аэлена осталась наедине с мужем. Коснулась щеки Алинара, посмотрела ему прямо в глаза.

— Ты веришь, что Аира — наша дочь.

— Я в тебе и не сомневался. А ты веришь, что я не спал с Вериолой?

— Я бы никогда не поверила в это. Ты не мог с ней спать, просто потому, что не мог.

Получилось скомкано и путано, но Алинар понял главное и поступил просто. Крепко обнял жену и поцеловал. И чувствуя, как приникает к нему сильное гибкое тело, на миг даже посочувствовал Диолату. Глупец, ну что он получил от своей жизни? погоню за удовольствиями и вечные неудовлетворенность и скуку?

Он и не заметил, как на своем пути потерял самое главное... а впрочем, что его жалеть, когда Алинар так соскучился по жене?

Мужчина подхватил на руки легкое тело и понес свою любимую вверх по лестнице.

Пусть там где-то Диолат, пусть Вериола, пусть хоть сама Раш зайвится — это их ночь! Они имеют право на счастье!

* * *

Рошер, Гарт и Яна ехали в одной карете, Диолат, хоши и градоправитель — в другой. Ааша ткнулась носом в колено Гарта — и тот машинально потрепал волчицу за ухом.

— Думаешь, она найдет?

— Если есть, что искать — она найдет.

Яна вздохнула.

Выбора у них все равно не было. Поймать Диолата на горячем было невозможно, только получить согласие на обыск. А уж что они найдут? И найдут ли что-нибудь...

Все зависело от нюха Ааши и чутья хоши.

Сейчас они сделали, что могли — выбили Диолата из равновесия, добились обыска... все!

Он же трайши! Высшая аристократия, Раш его дери!

Яна коснулась запястья. Пусть помогут им древние Боги, больше-то все равно просить некого. Лесу нет дела до людей, в Четырехликого Тайяна просто не верила — так что же остается?

Показалось ей — или татуировка на миг ожила, кольнула руку теплом? Боги живы, пока о них помнят...

— Хорошо что Лин и Аэла в безопасности, — Гарт задумчиво смотрел в окно.

— на какое-то время — да, безусловно, — Рошер смотрел на вещи трезво. — но если Диолата не остановить — он им со злобы все что может изгадит. Такие не прощают пренебрежения...

— Им не пренебрегали. Это другое, — Яна гладила волчицу, чесала Аашу за ухом, и та буквально растекалась по ногам у своей подруги. Хор — рошо... — Но ты прав, Рош, такие не прощают срыва своих планов. Диолат слишком уверен, что все должно быть по его. Ты же видел, когда Аэлена его оттолкнула, он был попросту изумлен...

— Да, кстати! — оживился Гарт. — А что ты ей дала? Это лесное волшебство?

Яна фыркнула.

— Будешь смеяться — магии тут ни на медяк. Когда мы сели и подумали — поняли, что Диолат носит что-то на себе. Не слишком сильное, иначе ваши хоши давно бы его засекали, но — что? Как можно влиять на человека? Да через его чувства! У человека есть пять чувств, вы в этом отношении обделены больше, чем нархи — ро. На какое он мог подействовать? Осязание? Аэлена к нему не прикасалась. Вкус? Тоже мимо. Зрение? Ой ли... Оставались обоняние и осязание, но Диолат не прикасался к Аэлене. Отключаем обоняние — и Аэлена на какое-то время становится более устойчива к его чарам.

— А амулет на крови?

— А сила воли? Если она не любит Диолата — она может какое-то время противостоять привороту. Между прочим, на истинно влюбленных никакие привороты не действуют.

— Хочешь сказать, что Аэлена не любит Лина? — искренне удивился Гарт.

— Да нет же! Ты не понимаешь! Любит, конечно! Но с этим, как... если ты встанешь под трубой — оглохнешь?

— Ну, на пару минут...

— Вот! Если заклятие будет достаточно сильным, под него можно попасть, как под тот рев. Но — ненадолго.

— А вообще не попасть — можно?

— Хм — м... вряд ли. Заметь — Аэлена осознавала, что с ней происходит, боролась по мере сил, то есть — под заклятие-то она не попала, но действие его ощущала. Понимаешь?

Гарт задумчиво кивнул.

— Аэла — умничка.

— Другая бы проснулась в обнимку с Диолатом и считала это единственно верным. Любовь...

Тайяна скромно умолчала, что истинно любящие — слепы и глухи ко всему, кроме друг друга. То, что Аэлена вообще реагировала на заклинание — было неправильно. То ли любовь не до конца, то ли... Люди существа сложные. Вот когда все закончится, они с подружкой посидят и посплетничают. Нархи — ро обязательно разберется в проблеме — и даже запишет ее в свой дневник. Да, Тайяна начала описывать все, чему была свидетелем, события, людей... может быть, она и не вернется в Лес. Но долг рода Риккэр — преумножать знания. А как и где — неважно.

Рошер и Гарт закивали. Вот и ладненько, ни к чему людям слишком много знать друг о друге. Они хорошие... да, хорошие. Но это не их дело и не их тайна.

Карета остановилась. Они прибыли.

Несмотря на позднее время, дом трайши Диолата был темен и глух, но слуги все же были. Двое мужчин выбежали во двор, поклонились, приняли поводья коней, Диолат вышел из кареты с видом оскорбленного достоинства.

— Учтите, Эрен, вы мне за это ответите.

— Это угроза, дитя Четырехликого?

Хоши мягко улыбался, но Тайяна не стала бы его недооценивать. Очень своеобразный человек. Очень.

Диолат тут же сдал назад.

— Это унижение! Недоверие... отвратительно!

— приворотные зелья более омерзительны, — парировал хоши. И спорить Диолату не захотелось.

Как проводить обыск, стражники представляли очень приблизительно, а потому...

Несколько минут Яна и верно, побыла в гостиной вместе с остальными. А потом погладила шкурку Ааши, почесала за ушами, вгляделась в умные желтые глаза.

— Ищи, малышка, — и уже громко, так, чтобы даже Диолат не придрался. — Прошу прощения. Мне надо воспользоваться дамской комнатой, я так переволновалась...

Этого хватило.

Слуги? Сопровождение?

Ну, туда пусть сопровождают. А обратно и Ааша проводит.

И нархи — ро оказалась в доме высокородного трайши. Честно говоря, дело было не только в обыске, но и в любопытстве. Хоть посмотреть...

Как живут обычные люди, она представляла. Лойрио?

Да тоже, после домов Аэлены, Гарта.

А трайши? У Диолата они с Аэленой дальше гостиной не проходили, а было очень любопытно.

Должны же они чем-то отличаться, если у людей такое разделение? По статусу, по обычаям, вот у нархи — ро, если жрец — он обязательно живет рядом с храмом и дом его — тоже часть храма. А у людей?

Но дом Диолата Тайяну разочаровал. Дом — и дом себе, у лойрио не хуже. А тут...

Да, роскошные ковры, тяжелая мебель, портьеры, золотое шитье и картины — красиво. Но когда приглядишься, видно, что это — как крестьянка в шелках. Морду вымыли, а зад забыли, его ж все равно никто не видит! То прореха на ковре, то клубок пыли такого размера, что Ааша могла им, как мячиком играть, то портьеры моль поела, то картина криво повешена — ухоженными были те помещения, где трайши жил и принимал гостей. Остальное — необязательно?

— Ищи, подруга.

Ааша послушно приняхивалась, иногда чихая. Ладно уж, если подруга просит — ну не повезло людям!

Ни слуха, ни нюха, ни зрения, а уж про клыки вообще молчим — такими никого не покусает! То ли дело волки — почти венец творения!

Но пока ничего интересного не попадалось. Они обошли второй этаж, Ааша чуть порычала в спальне Диолата, но и только-то.

Яна задумалась.

А где бы она хранила все нужное? Если поставить себя на место Диолата?

Вот трайши. Он занимается противозаконными делами и знает, что в любой момент ему может понадобиться уехать из города.

Быстро.

Может быть, настолько быстро, что и домой не зайдешь? Или...

Вряд ли. Это в столице он свой. А здесь, в портовом городе — вряд ли.

Снять отдельную комнату, чтобы хранить все там? Может быть, но опасно, опасно. В комнату могут и влезть, поняв, что владелец там просто не ночует. Могут оставить засаду, могут обворовать. Да и Вериола про такие помещения не знала. Рошер расспросил ее и оказалось, что женщина всегда являлась домой к Диолату.

То есть — тайник в доме?

Или...

Яна прищурилась — и решительно повернула к выходу. По дороге отловила одного из слуг и принялась расспрашивать.

— Скажи мне, любезнейший, а много здесь народа?

— Да нет. Почитай, что четыре человека. Мы двое, повариха да конюх.

— А садовник? Кучер? Горничные?

— Так что нужно мы и убираем. Кучер и за конюха. А садовник — нету его. Так мы, часть деревьев порубили, чтобы уж вовсе сухостоем не зарости, и только-то.

Кажется, она угадала.

— Ааша, ищи...

Волчица черной тенью канула в сумрак парка.

А и правда — где лучше всего прятать что-то ценное? Не обязательно в доме. Можно — в саду, особенно если...

— а трайши любит воздухом подышать?

— А то ж! Почитай — каждый день дышит! И с мечом много упражняется. Правда, не любит, когда за ним наблюдают, но железякой часа по два машет точно!

И что еще требуется?

Наверняка есть какое-то укромное место, но не для Ааши. Волчица почует. Лучше всего устроить тайник в саду, куда легко пробраться, даже если в доме тебя ждет засада.

Долго ждать и не пришлось. Яна и слугу отпустить не успела, когда ее потянули зубами за рукав. Не сильно, но уверенно.

— Нашла? Умничка моя... подожди, Рошера позову.

Одна Яна никуда лезть не собиралась, а потому направилась в гостиную.

— А Ааша тайник обнаружила.

— и что там —дохлая мышь? — Диолат интересовался откровенно издевательским тоном, намекая, что Яна занимается глупостями.

— а я вот предлагаю посмотреть вместе.

— пойдете, посмотрим, — поднялся Гарт. — Лойрио?

Градоправитель с радостью воздвигся из кресла.

— да — да, я тоже прогуляюсь... куда идти?

— В сад.

Диолат побледнел. Впрочем, кроме Рошера и Яны этого никто и не заметил.

Ааша уверенно вела всех к небольшой вытоптанной площадке, на которой, видимо, и тренировался каждый день трайши. Но интересовало волчицу не это, интересовала ее беседка. Небольшая, чуть покосившаяся, из белого камня. Аэлена могла бы объяснить, что это мерлорский мрамор — жутко дорогая штука, но Ааша в таких тонкостях не разбиралась. Она точно знала, что если отодвинуть вот эти плеть плюща, а они легко отодвигаются в сторону, то во — он та плитка будет просто вонять запахом рук трайши. А то ж!

Он же тренировался, так что там и его запах, и железа, и пота — и волчица отлично его чует.

— как интересно, — лойрио Эрен пригляделся. — а открывается как?

— А мне еще интересно, что вы туда подсунули? — Диолат не собирался сдаваться. Яна ответила ему вежливым оскалом.

— Любой маг установит, кто последний прикоснулся к вещи. Даже в Храме, мне кажется...

— Да, у нас есть такие специалисты, — согласился тархоши — Итак, дитя Четырехликого, ты можешь открыть этот тайник?

Тайяна пожала плечами.

— Вообще-то я не умею. В нашей семье больше владеют пером, чем отмычкой.

— А как вы обнаружили тайник?

— Ааша.

Волчица призраком выскользнула из-за беседки, зевнула, показав алую пасть — и разом сняла все вопросы.

— то есть что в нем — вы не знаете.

— Ааша знает, что там важное. Мне достаточно.

Диолат открыл рот — и тут же заткнулся, потому что тархоши смотрел на него с плотоядным интересом.

— Откроете нам тайник, тайр?

— Это не мой тайник и я не знаю, как он открывается.

— А давайте-ка я попробую, — Рошер опустился на колени рядом с нужным местом и принялся прощупывать плитки. — На службе много чему учишься, если хочешь.

Под пальцами Рошера что-то скрипнуло, треснуло — и открылось.

Плитка откинулась в сторону, словно крышка шкатулки.

— Ничего так себе!

В тайнике лежали две шкатулки и порядка десятка мешочков. Гарт протянул руку — интересно же, но Рошер перехватил ее на полпути.

— Подожди!

— что?

— Тебе не интересно, кто к этому добру прикасался последним?

— интересно, — улыбка Гарта стала зловещей.

Диолат поднес руку к шее.

— Это... это — что!? Это в моей беседке?

Шаг вперед, мужчина неловко спотыкается о кочку — и начинает удивительно неловко падать вперед... ага! Рошер не смог бы его перехватить — не с его одной рукой, остальные тоже стояли в паре шагов, но...

Ааша успела первой.

Волк — животное сильное и хищное. И барана может уволочь без особого труда. Диолат, конечно, был покрупнее, ну так и Ааша тоже. Одно движение — и Диолат вместо того, чтобы приземлиться аккуратно на место тайника — остановлен пушистой волчьей холкой. И даже провезен несколько шагов, аккуратно к ногам хозяйки. Коснуться тайника ему так и не удалось.

— У вас проблемы с ногами, тайр? — медовым голосом пропела Яна.

Взглядом, которым наградил ее Диолат, можно было поджечь средних размеров дом. Но нархи

— ро оказалась покрепче.

Тархоши шагнул вперед.

— Ну-ка, посмотрим...

В руке храмовника блеснула небольшая отполированная пластинка из чего-то вроде гематита. Тайяна прищурилась, стараясь не упустить ни одного жеста. Человеческая магия — это ведь так интересно!

Синий луч вырвался из пластинки и ударил в тайник, осветив лежащие там предметы. На какую-то секунду они стали такими же синеватыми, а потом лучики словно отразились от них — и прикипели к трайши Алеисту Диолату.

— последним к этим вещам прикасался трайши Диолат, — громко объявил тархоши.

— Услышано и засвидетельствовано, — в один голос отозвались Гарт и градоправитель.

— И что теперь?

— А теперь, — Рошер подмигнул Яне, — посмотрим, что в мешочках.

И тут нервы Диолата не выдержали.

— Твари!

Нет, не зря трайши тренировался по несколько часов, ох, не зря. Яна и не поняла, в какой момент он оказался у нее за спиной, а жесткая рука стиснула горло.

— все назад, не то я ей шею сверну! И шавку свою отзови! Живо, тварь!

Все невольно отшатнулись, даже Ааша чуть попятилась, впрочем, не выпуская врага из поля зрения.

— Диолат, вы с ума сошли? — первым опомнился градоправитель.

— Я ж тебе яйца оторву, — прошипел Гарт.

— Ничего, я их раньше на твоей девке использовать успею, — прошипел в ответ Диолат, — а потом и шею ей сверну! Как она меня достала, кто бы знал!

Яна самообладания не потеряла. Ножа у него нет, оружия тоже. И прежде, чем он сообразит, что у нее-то на поясе висит метательный нож...

Тело нархи — ро обмякло в единый миг. Обморок получился крайне убедительным — и Диолат на секунду растерялся. Даже на долю секунды, но Яне этого хватило.

Стоило хватке на ее шее чуть ослабеть, как Ааша прыгнула с места. У волков это хорошо получается — собраться в комок, распрямиться в полете, а на точность они никогда и не жаловались. Клыки сомкнулись на левом запястье трайши. Лучше б на правом, но и левое тоже было неплохо. И больно...

Яна словно стекла на землю.

Диолат взвыл так, что эхо отдалось — клыки волка могут раздробить практически любую кость, и сейчас Ааша этим воспользовалась. Этой рукой он и почесаться-то теперь не сможет.

Если только чудом восстановят, но магов в тюрьме не бывает.

Яна перекадилась по земле и была тут же подхвачена Рошером.

— Цела?

— Вполне! Ааша, плюнь бяку!

Волчица послушалась. И Диолат был невкусным, и наказан он был неплохо, да и стражники уже набегали со всех сторон.

* * *

Спустя час Гарт, Рошер и Яна так же ехали домой. Но теперь настроение в карете было куда как повеселее.

— что теперь будет с Диолатом?

— подозреваю, что тихая смерть от заражения крови, — пожал плечами Гарт.

Ну да, в тайнике нашли кучу всего интересного. И драгоценности, в том числе и оставшуюся часть свадебного гарнитура Вильтена, и шкатулку, в которой аккуратно были сложены локоны волос и платочки с кровью — все подписанные, с бумажками, в том числе и локон принцессы!

Тут-то Диолат и попал.

И несколько склянок с приворотными зельями роли уже не сыграли.

Склянкой больше, склянкой меньше, он уже попадал так, что глубже падать некуда. Но чтобы не поднимать скандала...

— Градоправитель сообщит в столицу о его делах — и Диолата просто уничтожат, — ухмыльнулся Рошер. — Такого ему король не спустит.

Яна бы тоже не спустила.

— Вот и чудненько. А что с остальными?

— Вериола, скорее всего, пойдет на каторгу. Сына или оставят с отцом, если того признают невиновным, или отдадут родным Термалиса. Тоже возможно. Остальных... от небольшого срока на каторге до плетей. Кадус — так точно плетями отделается, тюремщик — нет, сама понимаешь.

Яна понимала.

— Сложно у вас, людей.

— а у нархи — ро как?

— Смерть, изгнание, или одиночество. Этого достаточно.

Карета остановилась у крыльца, и Гарт помог выйти Яне.

— Спать?

— я еще погуляю по саду, а потом спать, — отказалась Яна.

— Составить тебе компанию?

Рошер спрашивал больше из вежливости. Спать хотелось так, что хоть к стене прислони — чудом в карете не уснул. Куда уж тут составлять компанию...

— Нет, я сама.

Яна покачала головой и направилась в сад. Ааша следовала тенью за своей подругой. Рассвет они встретили вместе.

Яна сидела на качелях, поджав ноги и размышляла. Ааша лежала рядом и дремала, иногда поглядывая на свою подругу. Мало ли...

* * *

— Грустишь?

Аэлена подошла очень тихо для человека, но не для волчицы. Задолго до того, как стройная фигурка в темно — синем пеньюаре появилась из-за кустов, волчица шевельнула ушами и тихо уркнула, показывая, что приближается друг.

Яна посмотрела на женщину.

— Не знаю. Ты рано сегодня.

Аэлена была 'совой', которая обожала посидеть с картиной до глубокой ночи, а потом проснуться к обеду. И встать на рассвете она могла только ради творчества. А сегодня-то что ее выгнало?

После вчерашнего? Да еще муж приехал...

— Алинар спит. А я больше не смогла уснуть.

— у вас все хорошо? После вчерашнего?

Яна волновалась не зря. Мало какой брак вытерпит такое озеро грязи. Пусть Аэлена и не виновата, но... мало ли!

— Алинар верит мне. А я верю ему — иначе и не было смысла выходить замуж. Да и... — Аэлена на миг замолчала, но потом ее лицо стало жестким, и Тайяна мысленно усмехнулась. Да, именно такая. Любящая мать, жена, дочь — и обратная сторона монеты. Холодный расчет и черная ненависть ко всем кто может вторгнуться и разрушить ее мир. Или хотя бы попытаться это сделать. Может, это и правильно? Без ночи не бывает дня, без солнца — тьмы. — Знаешь, мне плевать, даже если он спал с Вериолой.

Яна хмыкнула.

— Ой, ли?

— Да. Если бы Алинар променял нас с детьми на эту девку, я была бы в ярости, расстраивалась, плакала, бесилась... это другое. Он — даже если принять, что Вериола не солгала, просто попользовался ей и выкинул. Я удовлетворена.

— И не хочешь знать точно.

— Не хочу. Ни к чему.

Яна подумала, что ей бы знать хотелось. И рассуждать, как Аэлена она не смогла бы. Но...

Не ей судить. Она не человек и троих детей у нее нет, зато она отлично понимает, что есть вещи, после произнесения которых вслух, семью сохранить не удастся.

— Что с Диолатом?

— Считай, что мертв. — Яна кратко рассказала о событиях вечера. Но радости на лице Аэлены не увидела.

— Дурак...

— Дурак. Он мог бы получить тебя еще тогда, а вместо этого — пустая погоня за удовольствиями, разрушившая в итоге его жизнь. Он ничего не создал, о нем никто не станет жалеть... может, ты?

— Я — буду. Знаешь, человек может стать Творцом, только пройдя через огонь. И Алеист был частью огня, который обжег — больно, да, но помог вылупиться из моего кокона. Я его не забуду, хотя ничего и не сделаю, чтобы помочь ему.

А вот и приворотное. Аэлена могла сколько угодно любить мужа, она и не лгала, когда говорила, что любит Алинара, но Диолат все равно отпечатался в ее душе. Пройдя через огонь — получаешь шрамы. Они и стали теми крючками, на которые Диолат пытался подцепить женщину.

Она не простила и не забыла, а память — ворота для магии.

— И не простишь.

— Нет. Я в чем-то благодарна ему, но прощать не стану.

Яна подумала, что люди странные. И перевела разговор.

— Что ты теперь будешь делать?

— Поедем с мужем в столицу, принимать наследство. Если Релиш завещал все Аире, если король разрешит — я хочу, чтобы моя девочка была трайши! Почему бы нет!

Яна задумалась на пару минут, а потом спросила то, что интересовало ее со вчерашнего вечера.

— Аира — дочь Вильтена?

— Нет.

Она не лгала. И в то же время...

— А он знал об этом?

Аэлена усмехнулась. Уселась на качели рядом, оттолкнулась ногой, покачалась пару минут, по — детски поджимая пальцы ног...

— Ты умеешь задавать вопросы.

— Я ищу знания.

— Есть ли польза в этом знании? А впрочем... пообещай мне, что никому не расскажешь?

— Пусть Лес отвергнет меня, если я передам кому-либо хоть слово из нашего разговора. Да закроется мне навсегда дорога под его кроны. Пусть мои потомки никогда не обретут крыльев, если я нарушу свое слово.

Если Яна изучала людей, то и Аэлена уже кое-что знала о нархи — ро. Этими вещами они не шутили никогда.

— Принимаю твою клятву.

На минуту Аэлена замолчала. Ей надо, надо было выговориться — так почему бы не здесь и не сейчас. Вчера вскрылся громадный гнойник, стало намного легче, но часть крови и гноя еще оставалась в ране. Здесь и сейчас Аэлена чистилась до конца.

— Рядом никого нет?

— Нет. Ааша посторожит.

На рассвете, на качелях, в присутствии Ааши, которая издали услышит любого желающего погреть уши две женщины смотрят в глаза друг другу. Здесь и сейчас нет тайн.

— Релиш... Знаешь, Яна, я ведь полюбила его. По — настоящему. Мне было тогда... да мне и двадцати не было. И последние несколько лет вся моя жизнь вертелась у постели больной бабушки. Я не жалею, более того, если бы я могла вернуться туда! Я бы все отдала, чтобы мы втроем оказались в нашем маленьком доме, и мы с мамой играем в фишки, и лампа горит, и кот, прыгая на доску, тоже пытается помочь нам с игрой, а бабушка, наблюдая за этим, улыбается и вяжет шарф на продажу — она так старалась помочь. Мы о чем-то переговариваемся, смеемся... мы были счастливы тогда. По — настоящему счастливы.

— Сейчас — нет?

— И сейчас тоже. Но те воспоминания — они мои и только мои. Это как нечто теплое... понимаешь? Туда можно спрятаться и не думать. Тогда я была еще ребенком, а сейчас за мной — моя семья. Детство кончилось.

Яна понимала. Аэлена оттолкнулась ногой чуть сильнее.

— Релиш... он был как солнце. Яркий, веселый, искристый, просто он не любил открываться перед людьми, вот никто и не знал. А я увидела и полюбила. И в тот же миг поняла, что он-то меня никогда не полюбит. Ему нужна была слабая, нежная, хрупкая, зависимая... разве я смогла бы стать такой?

— Если бы сломалась — да.

— Но ломаться я уже не хотела. Понимаешь?

Яна понимала. Сильный человек может помечтать о том, как станет слабым, это верно. Но всерьез желать такого... бояться — да. Но не желать.

Она могла бы вернуться в Лес, покаяться, сделать так, чтобы решали старшие и умные, решали для нее и за нее... но уже не хотела. Слишком интересно было жить самостоятельно. Слишком затягивало.

— Понимаю...

— Тогда я решила оставаться рядом. Быть другом, ученицей, поддержкой и опорой — и Вильтен принял это от меня. Но сердце болело.

— Диолат оказался хорошей... возможной заменой?

— Да. Смерть бабушки меня сильно подкосила, я чуть не умерла сама тогда, долго болела, да и маме было плохо. А Диолат... яркий, красивый, веселый, к тому же трайши, что было немаловажно — мне хотелось стать равной Вильтену...

— Он увидел в тебе лишь развлечение.

— Я легко пережила это, потому что пострадало не сердце. Самолюбие.

— Знал бы бедный Алеист.

— Пфффф, — Аэлена сделала небрежный жест рукой, означающий — пусть хоть обознается! — Потом я встретила Алинара. Не знаю, чего тут было больше, расчета или чувств, но рядом с ним мое сердце сначала зажило, а потом и оттаяло. Когда родились наши дети, я поняла, что Лин — мое настоящее. Искреннее, единственное... И за него я кому угодно перегрызу горло.

— Он тоже любит тебя.

— Он видит меня идеальной. А Релиш видел такой, какая я есть.

— Но вы, люди, не умеете любить то, что есть в реальности. Вам свойственно идеализировать свою семью, дом, любимых.

— Да, наверное. Тебе виднее — со стороны.

— Нархи — ро этим тоже грешат.

— Мы очень похожи.

— Да, среди вас тоже хватает крылатых. Таких как ты, Релиш, хоть я его и не знала...

— Он был в отчаянии тогда, после смерти своей невесты. Я приехала и пыталась привести его в чувство малым не десять дней, а он пил и мечтал о смерти. Сорвалась я, когда он попробовал перерезать себе вены. Надавала пощечин... Знаешь, я не лгала мужу. Я уехала к Релишу, будучи беременной Аирой. Но мы с Вильтеном... в то утро мы проснулись вместе. И глядя в его глаза, я поняла, что он будет жить. Пусть надломленным, но будет.

Яна задумалась. Это многое объясняло.

— Ты поэтому так отнеслась к словам Вериолы?

— Нет. Это — отдельно. И я не считаю то, что между нами произошло изменой. Понимаешь, любви не осталось, только желание помочь, поддержать... это был скорее акт милосердия.

— А Аира?

— Я немного переходила с Аирой. По срокам — она все равно дочь Лина, маг подтвердил, но... такое бывает. Ребенок не хочет вылезать на свет божий. А Релиш тоже подсчитал дни. И решил, что роды начались более преждевременно, что я обманула мужа... понимаешь?

— Что Аира — его дочь?

— Я не стала его разубеждать. Надеялась, что хоть так... а когда малышка впервые потянулась к кистям и краскам, Релиш окончательно уверился. Да ты и сама видела малышку...

— Да.

Аира была копией матери. Если сыновья Аэлены походили на отца, как две капли воды, то девочка ничего не взяла от Алинара. Разве что тонкую кость?

— Я обманула Релиша. Но если бы случилось еще раз сделать тот же выбор...

— Стоило ли жалеть?

— А я и не жалею. Аира — его наследница, если не по крови, то по духу.

— А не твоя?

— Нет. Я вижу уже сейчас — она ярче меня, искреннее в своем таланте, она горит огнем, как и Релиш когда-то, а мне остается только следить, чтобы никто не причинил вреда моей малышке.

Яна задумалась.

Сложно это... жизнь выплетает такие вензеля, что сразу не разберешься, но разве плохо получается здесь и сейчас?

— Мне кажется, что ты права.

Аэлена ответила ей улыбкой.

— Я рада, что мы тогда встретились. Что ты спасла меня, что вся эта история выплыла наружу... и у меня есть к тебе просьба.

— Какая?

Яна была согласна заранее. Она спасли лайри жизнь, но взамен Аэлена помогла Яне найти свое место в жизни. Здесь и сейчас, она понимала, что многое получила от подруги, куда больше, чем отдала ей.

Крышу над головой — и это самое меньшее. А еще друзей, дело, которым ей интересно заниматься. И Далинар стал ее городом. Никуда она отсюда не уедет, вот! Еще не хватало всю жизнь бегать!

Даже если ее найдут — она сможет постоять за себя! Она еще не совсем взрослая, но она растет.

И спина, кстати, чешется бессовестно. Крылья тоже собираются прорезаться.

Крылья...

В Лесу они прорезались бы позже, но здесь, видимо, из-за переживаний... а, какая разница. Взлететь-то ей все равно не удастся!

Но крылья... а у людей есть такие смешные зубы — мудрости. Тоже, говорят, режутся больно, а мудрости не прибавляют. Так что пускай режутся!

* * *

Спустя четыре дня, Алинар и Аэлена с детьми уезжали в столицу. Просить аудиенции у короля и буде он согласится — принимать наследство Релиша.

Ждать суда над Вериолой и ее подручными, вольными и невольными, они не собирались. Что присудят — то и будет. Лишь бы в их жизни этой грязи больше не было. А смаковать подробности... нет уж! Кому нравится копаться в грязи по доброй воле?

Гарта попросили приглядеть за делами, Тайяну за домом...

А потом все как-то быстро закрутилось.

Вот Яна стоит и машет вслед карете. Вот Рошер вздыхает, ссутуливая плечи — и Яна смотрит на него с удивлением.

— Рош?

— А ведь все кончилось, Яна.

— Что — все?

— Ну... дело...

Р — раш!

Конечно, если дела больше нету, искать никого не надо, а чем должен заняться Рошер?

Яна помотала головой.

— Ты неправ. Я здесь, ты тоже здесь... значит, все не так плохо. И кстати, мне нужна твоя помощь.

— В чем же?

И опять эти горьковатые нотки в голосе. Приступ самоуничужения? Кому нужен калека?

Нужен!

— Ты считаешь, что можно опять уйти в запой? Пожалуйста! А я-то надеялась, что мы с тобой друзья!

Тайяна отвернулась, позволяя Рошеру додумать выражение ее лица — и воображение не подвело приятеля.

— Яна, извини.

— За что?

— Ну... это...

— Я же тебе и правда никто...

— Неправда! Мы столько вместе пережили! И Аэлена...

Яна решила, что такое состояние больше годится для ее целей и развернулась к Рошеру.

— Рошер, ты можешь мне помочь?

— В чем?

— Мне нужно искать для себя дом. Или комнату. Но так, чтобы там был сад и хозяйка или хозяин не обижали Аашу.

— Ее обидишь, да...

Волчица оскалилась, подтверждая — еще как! Любого можно обидеть, вопрос — надолго ли? И ее — можно. Она же маленькая, пушистенькая, хорошенькая... чудо, а не волк! Просто обнять и тискать!

— Так ты мне поможешь?

Рошер вздохнул.

Вот уж воистину, задача не из легких. Найти место для Тайяны можно. Несложно. Но с нагрузкой в виде здоровущего волка?

— Будем искать.

— Когда?

— Да сегодня и начну. Обещаю.

— Рошер, ты прелесть! Я тебя обожаю!

Яна повисла у него на шее и чмокнула в нос. Мужчина расцвел в улыбке.

— Ну, что ты... это такие мелочи. И я рад, что ты остаешься в Далинаре.

— Остаюсь, конечно! Мне здесь нравится. Люди здесь замечательные! И море...

* * *

— Зачем тебе комната? Аэлена будет только рада, если ты останешься...

— Кем?

— Ну... подругой.

— Подруга — это не иждивенец, — с Гартом Яна не церемонилась, этого об забор не расшибешь!

— Да ты уже стократ отплатила за все хорошее, что тебе сделали и могут сделать.

— Нет.

— Яна...

— Понимаешь, я не готова жить приживалкой. Я хочу быть самостоятельной.

Гарт вздохнул. Яна имела полное право и говорить так, и думать...

— Тебе помочь?

— А тебе нечем заняться? Пусть Рошер ищет, все меньше переживать будет.

— Злая ты...

— А где ты видел добрых нархи — ро?

— Я вообще раньше никаких не видел.

— Так изучай, пока дают возможность. А я пошла собираться.

— Куда?

— А меня Ланист пригласил на ярмарку. Так что я собираюсь получать удовольствие от жизни.

— Я же предупреждал, что он бабник, — нахмурился Гарт.

Но все было напрасно. Только ветер всколыхнул занавеску.

* * *

Двенадцать дней спустя.

— Яна, ты знаешь, я нашел тебе жилье.

— отлично! Сегодня сможем посмотреть?

— Да. Но там такая странная история...

Приключения нархи — ро продолжались.

Начато 04.04.2016 г. Завершено 05.09.2016